

902.7/12

702.7/120
2.14

11.14.

ДАГЕСТАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Г. ЦАДАСЫ

Дагестанский
этнографический
сборник

Выпуск I

МАХАЧКАЛА
1974

Ответственный редактор доктор
исторических наук, профессор
С. Ш. ГАДЖИЕВА

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

71084

АВГУСТ
2008
10:10

10:10

*Светлой памяти известного
советского ученого-этнографа
М. О. КОСВЕНА посвящается.*

ОТ РЕДАКТОРА

За годы Советской власти этнографическая наука в Дагестане достигла значительного развития. Написано немало фундаментальных научных исследований и статей по этнографии отдельных народов республики.

В настоящее время учеными Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР и других научных учреждений страны, в частности Института этнографии АН СССР, осуществляется большая работа по изучению культуры и быта народов Дагестана, накоплен значительный полевой материал, который ждет своего издания.

Настала необходимость и в создании специального выпуска — «Дагестанского этнографического сборника», посвященного этнографии Дагестана, весьма интересного в этом отношении, многонационального региона Кавказа.

В «Дагестанском этнографическом сборнике» будут публиковаться исследования по самым различным проблемам дагестанской этнографии: статьи и монографии по материальной и духовной культуре народов Дагестана, по истории хозяйства, их семейному и общественному быту, по древним религиозным верованиям и т. д.

Особое место в «Сборнике» будет отведено исследованиям, посвященным социалистическому преобразованию культуры и быта.

Предполагается также помещать в «Сборнике» исследования и материалы по Дагестану, опубликованные ранее и, ставшие библиографической редкостью, кроме того ценные рукописи, не опубликованные до сих пор.

Настоящий выпуск содержит в основном материалы по хозяйству, поселениям, жилищам и одежде отдельных народов нашей республики к «Историко-этнографическому атласу Дагестана» фундаментальному, обобщающему труду, который явится частью регионального «Кавказского историко-этнографического атласа».

В сборник вошли статьи С. Ш. Гаджиевой «Кумыкская женская одежда и украшения (XIX—нач. XX вв.)», А. Исламмагомедова «Поселение и жилища цахуров в XIX—XX вв.», А. Г. Булатовой «Национальная одежда дагестанских цахуров», М. О. Османова «Расселение и численность даргинцев в XVIII—XIX вв.», М. А. Агларова «Очерки по этнографии земледелия Южного Дагестана», С. Ш. Гаджиевой, А. Ф. Гольдштейн «Жилище дагестанских теркеменцев XIX—нач. XX вв.», А. Кочаева «Поселения переселенцев Терско-Сулакской низменности» и др.

Мы надеемся, что материалы сборника с интересом будут встречены специалистами этнографами, историками, искусствоведами, художниками, а также широким кругом читателей.

КУМЫКСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ (XIX—нач. XX вв.)

Кумыки, как и многие другие тюркоязычные народы нашей страны, имеют сложную этническую историю, которая наложила определенный отпечаток на их материальную и духовную культуру. Именно поэтому характеристике традиционной одежды женщин-кумычек мы считаем необходимым предпослать сведения из их этнической истории.

Известно, что кумыки, как народность, сформировались в результате смешения древних аборигенов приморского Дагестана с пришлыми, совершенно иными по своему культурно-хозяйственному и в значительной степени и по физическому облику, в основном тюркоязычными племенами¹.

Этот длительный и сложный процесс, начавшийся еще с IV века н. э., и положивший начало «эпохе великого переселения народов», продолжался на всем протяжении раннего и развитого средневековья вплоть до XIV—XV вв., т. е. охватывал почти целое тысячелетие.

В процессе тюркизации древнего, автохтонного населения края в разное время принимали участие гунны, савиры, барсилы, болгары и этнически им близкие хазары и другие племенные группы, входившие с ними в одни и те же политические объединения, упоминаемые часто под одними и теми же собирательными этнонимами «гунны», «хазары» и др.

Особую роль в этом процессе сыграло и то обстоятельство, что на территории приморского и частично предгорного Дагестана уже в раннем средневековье сложились такие политические образования, как страна Барсилия, царство гуннов (позднее княжество Джидан) и особенно ранний Хазарский каганат.

Окончательный переход аборигенного населения от местных языков и наречий на тюркский, т. е. завершение тюркизации и сложение в основном кумыкского языка, входящего в кыпчакско-половецкую подгруппу тюркской семьи языков², надо полагать происходит в половецкую эпоху, о чем свидетельствуют сохранившиеся пережиточные явления в данном языке. Вполне возможно, что половецко-кыпчакские племена вторгались сюда не только в XI—XII вв., в период господства союза кыпчакских племен (Дешт-и-Кипчак)³, но и позже, в XIII веке, когда, теснимые монголами, половцы-кыпчаки укрывались в ущельях Кавказских гор, когда, как свидетельствует автор XIII в., современник событий Ибн аль-Асир, «татары овладели землей кыпчаков, кыпчаки разделились; одна часть их пошла на Русь, другая

¹ См. С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1961; Я. А. Федоров. К вопросу этногенеза кумыков. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, вып. I, М., 1959.

² Н. А. Баскаков. Тюркские языки, М., 1961.

³ А. Н. Анчабадзе. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. В кн. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, стр. 113—126.

рассеялась в горах, а большая часть собралась и пошла в Дербент Ширванский»⁴.

Надо полагать, что эти разбитые монголами и спасшиеся бегством группы кыпчаков-половцев влились не только в состав балкарцев и карачаевцев, но и кумыков (особенно те группы, которые направились к Дербентскому проходу).

Помимо наплывов тюркоязычных племенных групп, происходивших со стороны северокавказских степей, имело место, хотя и в меньшей степени, проникновение тюрков, но уже огузов, с юга, из Закавказья, где они создали мощное государство Сельджуков, в сферу влияния которого периодически попадал и южный Дагестан. Таким образом, кумыкский язык сложился под многовековым влиянием различных родственных между собой языков тюркской семьи. В то же время надо отметить, что тюркские элементы не внесли существенных изменений в антропологический тип кумыков.

В дальнейшем, как об этом свидетельствуют данные археологии и этнографии, развивались главным образом культура, хозяйственные традиции оседлого земледельческо-скотоводческого населения приморской равнины, уже имевшего большой опыт хозяйственной деятельности в местных условиях и в первую очередь навыки в введении оседлого земледелия. Однако в силу ряда социально-экономических, политических, культурно-идеологических и других причин древние аборигены, в свою очередь, подверглись языковой ассимиляции со стороны степняков-тюрков, сохранивших и в новых естественно-географических условиях ряд черт традиционной культуры и хозяйства.

Общность территории, этническая консолидация на основе общего тюркского языка, лингвистический разрыв с окружающими аборигенами (разумеется, с сохранением местных языковых субстратов-лексических, фонетических и др., носители которых составляли истоки этногенеза кумыков, а также в ряде случаев значительного слоя древней топонимики и т. д.), наличие в составе кумыков пришлого, совершенно постороннего для данной территории этноса послужили основой для формирования у кумыков своей материальной и духовной культуры, сложению характерных для них общих черт во всем способе производства, во всем хозяйственно-бытовом укладе жизни, с последующим завершением процесса сложения кумыков в отдельную народность в послемонгольский период.

Однако длительность процесса тюркизации аборигенов края, природно-географические и исторические условия отдельных частей кумыкской этнической территории, влияние окружающей среды — нетюркизированного автохтонного населения Дагестана, имевшего свою древнюю языковую (думается и этническую) общность, но уже находившегося в периоде большого этнического и языкового дробления, на наш взгляд, нашли свое отражение в некоторых этнографических и языковых различиях в составе уже сложившейся кумыкской народности.

Кумыки, как известно, обитают на значительной территории северного Дагестана, охватывая в основном его равнинную и предгорную часть. Исходя из своеобразия природно-географических условий, они делились на три основные группы: 1) северные кумыки, населявшие Терско-Сулакскую низменность, именуемую в прошлом Кумыкской плоскостью; их называли ташгечив къумукълар (ташгечив—каменный брод) или арияклар

---

⁴ Выписки из Ибн аль-Асира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220 по 1224 г. «Ученые записки Академии Наук по I и III отделениям», т. 2, СПб., 1854, стр. 659.

(потусторонние); 2) срединные кумыки, территория, которых простиралась от Темир-Хан-Шуры (сов. г. Буйнакск) до Малого Бойнака (сов. Каранай-аул) на юге, известные в прошлом под названием «шамхальских кумыков» (они до 1867 г. входили в Тарковское шамхальство, а позднее в Темир-Хан-Шуринский округ); 3) южные кумыки, занимавшие предгорную полосу и входившие в свое время вместе с даргинцами в Кайтагское улусийство, а позднее в Кайтаго-Табасаранский округ, были известны под именем «хайдакъ къумукълар» (кайтагские кумыки), иногда и «маджалис къумукълар» (маджалисские кумыки по названию окружного центра) и даже «тав къумукълар» (горные кумыки).

В этнографическом отношении эти группы имели некоторые локальные особенности, специфические черты хозяйства, культуры и быта, характерные для каждой отдельно взятой группы.

Соответственно делению на указанные группы язык имеет диалекты: хасавюртовский (северный), буйнакский (срединных кумыков) и кайтагский (южный). Разумеется, здесь мы не находим полного совпадения границ этнографических и диалектных так же, как не находим резких различий этнографических признаков, что вполне закономерно.

Наиболее отличаются по характеру материальной культуры (поселение, жилище, одежда, пища) и по многим другим хозяйственно-бытовым признакам, а также по диалекту северные (засулакские) и южные, кайтагские или каякентские кумыки. Звеном, как бы соединяющим эти крайние группы кумыкского населения, являлись срединные Темир-Хан-Шуринские (буйнакские) кумыки.

При характеристике каждой отдельно взятой группы кумыков, следует иметь в виду влияние соседних народов, с которыми та или иная группа кумыков находилась во многовековом тесном контакте.

На культуру северных кумыков, на их диалект и хозяйственно-бытовой уклад жизни оказали влияние отдельные соседние народы Северного Кавказа, особенно чеченцы и ногайцы. Северные кумыки не только сами испытывали влияние этих народов, но и стали как бы распространителями этого влияния среди всех кумыков и даже горского населения.

В языковом отношении на кумыков наибольшее влияние с севера оказали ногайцы, самые поздние тюрки, появившиеся на Северном Кавказе, народ, сравнительно поздно (XVII в.) оторвавшийся от широкого тюркского этнического мира и принадлежавший, как и кумыки, к кыпчакской группе. В отличие от более древнего кумыкского языка ногайский, относящийся к кыпчакско-половецкой подгруппе, сформировался уже после распада государства Золотой Орды⁵ и менее подвергся влиянию языков коренного населения Кавказа.

В силу постоянного контакта с ногайским населением, входившим, хотя и частично, вместе с северными и срединными кумыками в одни и те же политические образования (шамхальство Тарковское и Кумыкское владение), а позднее Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский округа, диалект северных кумыков постоянно обогащался за счет элементов генетически связанного с ним ногайского языка и менее, чем другие диалекты, испытывал влияние горских языков.

В силу этого в северном диалекте более ярко выражены признаки фонетической структуры и лексики кыпчакско-половецкого языка, чем в остальных диалектах, которые содержат сравнительно больше субстратов, восходящих к языкам коренного, дотюркского населения начала нашей эры.

---

⁵ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 145, 146, 165, 166.

Субстратные явления ярче всего прослеживаются в диалекте южных кумыков. Не отрицая роли и значения особенностей социально-экономического и политического развития каждой диалектной группы, в частности иноэтнического влияния на нее, мы склонны считать, что различия диалектных групп, помимо всего прочего, отражают еще и разновременность, разнородность тех тюркских элементов, которые участвовали в этническом формировании кумыкского народа. Так, например, в формировании этнической культуры носителей южного (кайтагского) диалекта в большей мере, чем в формировании культуры северных, особенно засулакских кумыков, сказалась роль раннего тюркского этноса, в первую очередь барсиллов, савиров, болгар, создавших здесь в начале средневековья государственные образования ранних тюрков, которые под влиянием более поздних и сильных волн с севера были сдвинуты к югу, вглубь предгорья, где они входят в те же политические объединения (Барсилия и др.). Вместе с тем мы не можем отрицать и роли поздних огузских и особенно кыпчакских (половецких) племенных групп в тюркизации этой части кумыкского населения. Анализ основы южного диалекта кумыкского языка показывает возобладание, победу языка кыпчакско-половецких племенных групп, но с некоторыми особенностями языка огузов. Надо полагать, что кроме общего огузского компонента, проникшего в приморский Дагестан с севера, в числе названных выше племен и внесших какие-то свои особенности как в язык, так и этнос кумыков, мы имеем дело с проникновением огузов с юга в более поздний период— во времена владычества монгольских династий (ильханов) в Закавказье, когда сюда принудительно были переселены тысячи семей из Средней и Малой Азии⁶, и позже — в период движения объединенных племен Каракоюнлу («чернобаранные» по изображению черного барана на знамени) и Аккоюнлу («белобаранные»), которые вели свое происхождение от огузско-туркменских племен Средней Азии. С XIII века они кочевали в разных областях Закавказья, в том числе в южном Азербайджане, а позднее (XV в.) создали большие государственные объединения под теми же названиями Каракоюнлу и Аккоюнлу.

Известно, что правители государства Каракоюнлу Караюсуф и особенно его преемник Искендер совершали свои опустошительные походы на Ширван (в 1412, 1427, 1430 и 1434 гг.)⁷. Судя по источникам, войска Каракоюнлу проникали и в южный Дагестан⁸. Например, в сел. Цахур сохранилась надпись на камне, свидетельствующая о приходе туда «турок» и о сражении, происшедшем в 1432 году между цахурами и войсками «турок»⁹. Еще в середине XIX в. Н. К. Ханыков, зафиксировавший эту надпись, пришел к мнению что эти войска «турок» и есть войска Каракоюнлу¹⁰.

За время последнего вторжения в Ширван в 1434 году, по свидетельству современника событий армянского хрониста XV в. Фомы Мецопского, Искендер прошел за дербентские укрепления, «разрушил много

⁶ Аббас-Кули-Ага Бакиханов «Кудси». «Гюлистан-Ирам». Баку, 1926, стр. 66; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 223.

⁷ И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. В кн. «Сборник по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949, стр. 160—161; История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, стр. 203—204.

⁸ См. подробно М. Х. Нейматова. К истории Ширвана XIV—XVI вв. (на основе эпиграфических памятников). Баку, 1959, стр. 88.

⁹ Р. С. Шихсаидова. Политические связи феодальных владений Дагестана и Азербайджана в 14—16 вв. (Рукопись) Махачкала, 1963, Рук. фонд. ИИЯЛ, фонд 3, оп. 1, д. 141, л. 25.

¹⁰ Н. В. Ханыков. Археологические открытия (Известия о 12 мусульманских надписях в Закавказье). Газ. «Кавказ», 1850, № № 52—53.

стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных»¹¹. Надо полагать, что здесь Ф. Мецопский имел в виду и жителей Южного Дагестана — «горцев и степных». Искендер, однако, был разбит войсками Ширваншаха, вынужден был оставить Ширван и бежать в Малую Азию.

Вполне возможно, что отдельные группы племенного объединения Каракоюнлу проникали, как во время походов, так и после распада этого объединения, на территорию южных кумыков так же, как и на другие прилегающие к Дербенту земли. Мы полагаем, в частности, что многочисленный тухум каракойчулар («чернобаранные» вернее «люди, разводившие баранов черной масти»), занимавший еще в середине XIX в. отдельный квартал в известном южнокумыкском селении Башли, есть не что иное, как отколовшаяся от Каракоюнлу кочевая группа, которая влилась в кумыкскую среду и ассимилировалась, хотя долго сохраняла свое племенное название «каракойчулар» и несколько выделялась своим внешним антропологическим обликом (сравнительно более смуглым и узким лицом, черными волосами).

В составе южных кумыков поздними переселенцами — огузами являются в своей значительной массе и жители сел. Каякент. Существуют предания, говорящие об их переселении из Азербайджана, из местностей Даразарт и Лахиж. Еще в 30-х гг. нашего столетия у жителей Каякента можно было найти много бытовых особенностей, не свойственных населению окружающих аулов (в одежде, ковроткачестве, обрядах и т. д.), их говор и по сей день сохраняет много элементов огузского языка. Прежде всего, в говоре жителей Каякента нет звуков цI, чI, кI, тI, пI, характерных для других носителей южного диалекта кумыкского языка и для языков соседних горских народов (даргинцев), отличается их говор так же и рядом лексических и грамматических особенностей. Очевидно поздние переселенцы — азербайджанцы не восприняли нехарактерные для своего языка звуки местного наречия, смешавшись с более ранними тюрками — жителями старой части Каякента, которую они по сей день называют «мина Каякент» (коренной Каякент), оказавшими на них существенное влияние. На язык и культуру южных кумыков большое влияние оказали и их тюркоязычные соседи терекеменцы, переселившиеся сюда из Азербайджана (Ширвана) в XVI веке и вступившие с этого времени в тесные культурно-экономические контакты с кумыками. Возможно, что в составе дагестанских терекеменцев были и выходцы из племенных объединений Каракоюнлу и Аккоюнлу.

Тюркизация дагестанской равнины, как мы уже отмечали выше, не сопровождалась сменой древнего, автохтонного населения данной территории с его имевшимися тюркскими субстратами, а проходила путем слияния с ним новых переселенцев, а в ряде случаев, даже просто языковой ассимиляцией коренного населения предгорья, к чему могли привести какие-то конкретные факторы (социально-экономическая, политическая зависимость, окончательное насаждение пришельцами ислама среди окружающего дотюркского населения и т. д.).

Эти явления имели место на окраинах кумыкской этнической территории и особенно у южных камыков. Для такого утверждения есть определенные основания. Достаточно привести данные топонимики южной Кумыкии, а также лексики, прежде всего терминологии, связанной с земледельческим и скотоводческим хозяйством, астрономическими представлениями, строительной практикой народа, доисламскими религиозными верованиями, чтобы убедиться насколько обильны у этой группы

---

¹¹ Ф о м а Мецопский. История Тимур-Ланка. Баку, 1957, стр. 77.

кумыков местные субстраты¹². При этом часть их носит явно реликтовый характер (об этом свидетельствует звуковой облик слов и их значение) и отражает остатки бывшего дотюркского языка в языке современных южных кумыков. Своеобразное взаимодействие аборигенов приморской равнины с пришлым населением, сохранение, в основном у современных кумыков, физического типа, характерного для древнего населения края (с некоторыми слабо выраженными признаками монголоидности у кумыков Терско-Сулакской низменности), дают и антропологические исследования¹³.

Дальнейший анализ лексики, топонимики, равно как и исследования истории и этнографии местного населения дали бы конкретный материал об этнических группах, участвовавших в формировании кумыкской народности.

История знает немало примеров, когда в процессе смешения с местным населением тюрки-кочевники переходили к оседлости, перенимали местные культурно-хозяйственные традиции, но одновременно передавали тюркский язык или в процессе многовекового культурно-экономического общения отучивали своих соседей¹⁴.

Достаточно назвать такие народы Кавказа, как азербайджанцы, балкарцы, карачаевцы, осетины, чтобы представить сложную картину этнического формирования с участием автохтонного и пришлого этнических компонентов, когда «одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев... с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического типа субстрата»¹⁵.

Мы, безусловно, дали картину этногенетических процессов, связанных с формированием кумыков несколько схематично. Все же и эти данные в известной мере проливают свет на происхождение народа, на этапы его этнического формирования, для которого характерно участие двух взаимодействовавших, хотя и далеких по языку и культуре этносов — местного и пришлого, а также на сложение культурно-хозяйственных традиций и на характер длительных связей кумыков с соседними народами.

Особенности материальной культуры кумыков, в частности одежды, наглядно отражают эту сложную этническую историю народа, свидетельствуют о синтезе культуры аборигенов дагестанской Прикаспийской равнины и пришлых тюркоязычных групп, которые связывают кумыкскую народность с широким миром тюркоязычных народов Азии и Восточной Европы.

Источником для данной работы являлся главным образом полевой этнографический материал, собранный во всех районах расселения кумыков.

В работе использованы коллекции одежды и украшений кумыков,

---

¹² Некоторые данные о местном субстрате в диалекте южных кумыков имеются в упоминавшейся выше работе С. Ш. Гаджиевой.

¹³ Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. КСИЭ, вып. XIX, 1953, стр. 68—73; Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане. «Антропологический сборник», т. I, 1956; А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1966 г.

¹⁴ Д. Е. Еремеев. Язык как этнический источник. СЭ, № 4, 1967; В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. Переселение народов и формирование новых этнических общностей. СЭ, 1968, № 2.

¹⁵ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 44—45.

хранящиеся в музеях Дагестана, Ленинграда, Тбилиси, а также имеющиеся письменные источники¹⁶.

Надо сказать, что ряд элементов народного костюма кумыков уже давно исчез бесследно, не став даже музейной редкостью, поэтому они не могли быть изучены методом полевого этнографического наблюдения или ознакомления с ними в музеях. Для воссоздания отдельных сторон кумыкского народного костюма, автору нередко приходилось прибегать к ретроспективному методу, критически использовать воспоминания представительниц старшего поколения, хранящих в своей памяти то, что уже исчезло из современного быта.

Хронологически данное исследование охватывает период со второй половины XIX века вплоть до настоящего времени. Однако, всюду где позволяют источники, делаются экскурсии в более ранние периоды с целью прослеживания происхождения и развития отдельных форм одежды, которые рассматриваются как один из источников для изучения этногенеза кумыков.

* *
*

Традиционная одежда женщин Дагестана была весьма разнообразной. Специфические особенности имела одежда не только отдельных народов Дагестана и их этнографических групп, но и, в ряде случаев, отдельных обществ и селений. По костюму, обуви и головным уборам можно было безошибочно определить этническую и территориальную принадлежность женщины. Особенно многовариантной была одежда женщин гор, значительно дольше сохранившая свои традиционные черты.

Традиционная одежда кумыкских женщин, являющаяся объектом данного исследования, хотя и подвергалась еще задолго до революции некоторой нивелировке, также отличалась значительным разнообразием. В значительно большей мере чем мужская, она и сегодня сохранила ряд черт местной традиционной культуры.

Женская одежда в своей основе была однотипна для всей территории расселения кумыков, хотя в женском костюме больше чем в мужском сохранились некоторые локальные особенности, объяснимые, с одной стороны, воздействием на культуру населения отдельных районов (засулакских кумыков, кумыков, граничащих с азербайджанцами, горскими народами, ногайцами и т. д.) культуры соседних народов, с которыми та или иная группа населения Кумыкии находилась в тесных контактах на протяжении длительного исторического развития, с другой тем, что женский костюм меньше чем мужской подвергся в прошлом нивелировке, так как женская половина населения была менее подвержена различному влиянию и менее мобильна. Эти различия обнаруживаются в обуви, верхней нарядной одежде, украшениях и т. д.

---

¹⁶ А. Олсари. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935; П. С. Пржевальский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», т. 12, кн. 4, 1860; Он же. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», т. 3, 1863; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб., 1871; Н. П. Петухов. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1860, № 7—8, 12, 13, 15, 16; Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895; П. Ф. Свидерский. Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки, СПб., 1898; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958; С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960; Ее же. Кумыки. М., 1961 и др.

Молодые женщины носили одежду из однотонных тканей ярких расцветок, или с различными рисунками, цветами. Женщины старшего возраста предпочитали спокойные темные тона.

Состоятельные кумыки нарядную одежду шили из тафты, золотного шелка, плотных и тонких шелковых тканей. Большинство же пользовалось ситцем, нанкой, белой и крашеной бязью, кисеей и другими дешевыми, более или менее доступными для рядовой семьи, тканями.

§ 1. **Нательная одежда** состояла из двух элементов—штанов и рубахи.

Рубаха — «гёйлек». Рубахи кумычки носили двух видов: «тюз гёйлек» (прямая рубаха), называемая еще «ич гёйлек» (нижняя рубаха) и «узун гёйлек» (длинная рубаха), «бузма гёйлек» (рубаха с отрезной талией). Рубаха первого вида имела туникообразный покрой, расширялась книзу за счет клиньев — «чабув», вшитых с двух сторон, имела опущенные плечи, прямые вшивные рукава, ромбовидные ластовицы — «иштек» и прямой вертикальный разрез на груди, длиной чуть ниже колен, иногда до икр, как правило, с боковыми разрезами—«йырмач», у подола (длина йырмача 12—15 см). Иногда рукав делался на манжете — «кыысма», для чего слегка присобирался. Для прочности верхнюю часть рубахи (на спине и в грудной части до пояса) делали на подкладке. Рубаха имела невысокий воротник-стойку или шилась без воротника, в этом случае вырез горловины делался окантованным — «сызыкь». Застегивалась рубаха на пуговицы: одна на воротничке и одна посередине грудного выреза. Рубаха «тюз гёйлек» в своих основных чертах была подобна мужской рубахе. Шили ее из тканей светлых тонов, чаще из ситца в полоску или с мелким рисунком, богатые — из батиста, белого шелка, мадаполама. На рубаху шло обычно 3,5—4 метра ткани. В такой рубахе кумычка могла ходить только дома (в летний период) в кругу своей семьи, а при выходе на улицу, она обязательно поверх нее надевала платье.

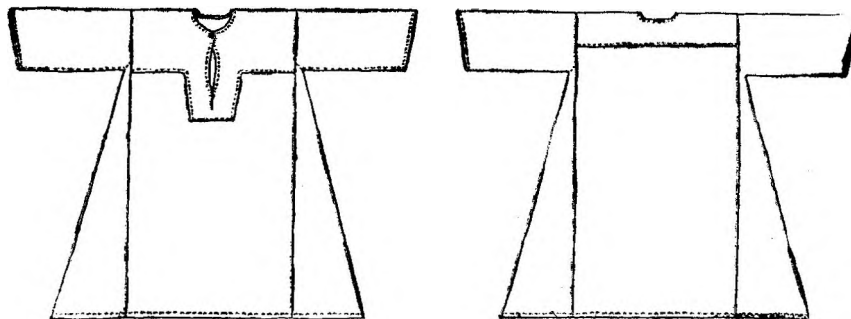
В настоящее время такие рубахи еще носят пожилые женщины. Их размеры примерно таковы: длина—120—130 см, ширина подола—180—190 см, длина рукава—40—45 см, ширина рукава—22—25 см, длина плеча—15—20, ширина бокового клина: внизу—12—15 см, вверху—4—5 см, длина грудного выреза—15—20 см. Шьют такую рубаху чаще из ситца.

В княжеских семьях, в семьях кумыкской буржуазии женщины в конце XIX и начале XX вв. уже начинают пользоваться покупным бельем. Хорошим тоном считалось, например, приобрести в магазинах Владикавказ, Темир-Хан-Шуры и других городов для невесты готовое белье, отделанное кружевом.

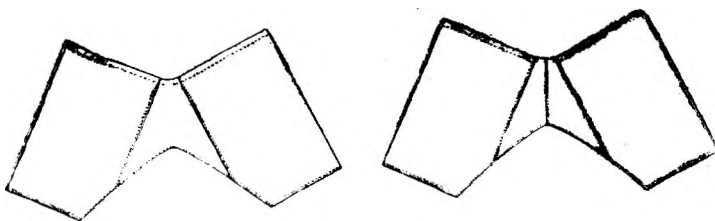
«**Бузма гёйлек**» (у южных кумыков), она же «бурушма гёйлек», «полша гёйлек» (северных кумыков) — это рубаха типа платья, с отрезным полуприлегающим лифом на подкладке и широкой (обычно из 4— иногда 8 полотнищ) присборенной у талии, длинной юбкой. Рукав «гёйлек» кроился из двух частей: узкой верхней (40—45 см. ширина в объеме) и очень широкой нижней (120—140 см. в окружности), пришитой к верхней части (чуть выше локтя). Рукава шились без манжета и такой длины, что закрывали кисть руки целиком. Во время танца широкие и длинные рукава такой рубахи, как щит, закрывали лицо танцующей кумычки от посторонних глаз.

Рубаха имела прямой грудной разрез, доходящий до линии талии, круглый вырез вместо воротника или небольшую стойку и застегивалась на 2—3 пуговицы и прорезные петли. Рубаху такого типа обычно носили без нижней рубахи, но с другим платьем «бузма», «кыабалай», которые кумычка могла позволить себе снять лишь в домашней обстановке. На

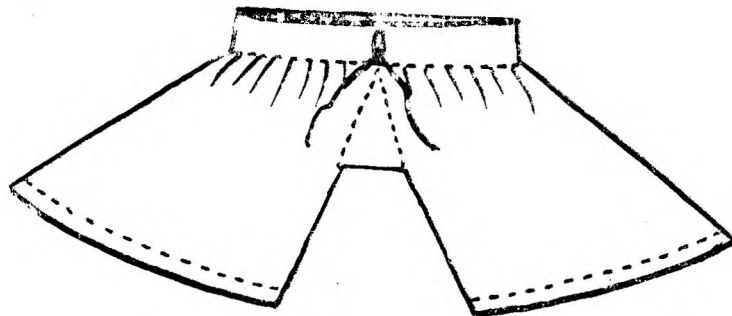
рубаху этого типа шло 6—10 метров ткани. Нарядные рубахи этого покроя шили из гладких шелковых тканей, особенно тафты — «дарай». В настоящее время они вышли из употребления. Еще в 30-х годах их стали интенсивно вытеснять другие виды одежды. **Рубаха на кокетке** — «орьян гёйлек» появилась у кумыков еще до революции, но широкое распространение получила лишь в 30-х годах и в настоящее время бытует в одном варианте. Гёйлек имеет прямую кокетку спереди и сзади. Под кокетку полотнища рубахи закладываются глубокими складками или сборками. Рубаха по традиции шьется широкой, из трех — четырех полотнищ, в ряде случаев со скошенными боковыми клиньями, без ластовиц, имеет неширокие рукава, чаще на манжете, прямой, сравнительно короткий разрез спереди. Некоторые женщины де-

а)

б)

в)

Рис. 1. Нательная одежда кумычек: а) рубаха (гёйлек), б) штаны (шалвар), в) штаны-юбка (генг балакь иштан).

лают застежку на левом плече. Длина такой рубахи зависит от вкуса хозяйки, но большинство женщин среднего и старшего поколения делают ее чуть ниже колен. Шьют ее из тканей светлых тонов, чаще в полосочку или с мелким рисунком. Идет на рубаху в среднем 4 м. В настоящее время этого покроя рубаха очень распространена в сельской местности, главным образом среди женщин среднего и старшего возраста, т. к. удобна при работе дома и в поле.

Штаны—«иштан», «шалвар». Другой частью нательной одежды кумычек являются штаны. Известны штаны двух типов—узкие и широкие; «шалвар» — это длинные штаны (до пяток), без боковых швов, узкие у щиколотки («балакь») и довольно широкие в верхней части, со вставкой в виде ромба или широкой полосы между штанинами. В верхней части штанов делался широкий рубец, в который продевали вязаный или плетеный неширокий пояс «иштанбав» из шерстяных, хлопчатобумажных или шелковых ниток. Этим поясом штаны стягивались на бедрах. Штаны шили обычно из той же ткани, что и рубаху — из ситца светлых тонов, иногда из даран. Шло на штаны 2—2,5 метра. Такого покроя штаны носит значительная часть женщин, особенно старшего возраста, и сегодня. Они удобны для работы, особенно в жаркое время. Молодые пользуются готовым бельем из трикотажа.

Штаны-юбка — «генг балакь иштан» имели усложненный покрой. Верхняя меньшая половина их, доходящая до середины бедра повторяла покрой штанов, описанных выше и имела вставку между штанинами. Эту часть делали, как правило, из простых тканей, чаще из ситца, бязи. Ниже бедер шла вторая половина штанов, которая представляла собой две широкие штанины, пришитые к более узкой части в сборку или мелкую складку.

Каждая штанина состояла из 3—5 полотнищ. Характеризуя костюм кумычек Мехтулинского ханства первой половины XIX в., П. Пржецлавский писал, что они носили «широкие шалвары (ширина смотря по состоянию мужа...)»¹⁷, имея в виду штаны именно этого покроя.

Нижнюю часть штанов шили из лучших, дорогих тканей, по возможности из набивного шелка, парчи, плюша и т. д. В бедных же семьях — из набивного ситца или сатина. Низ штанов обычно делали на подкладке. Нарядные штаны нередко оторачивались золотным бархатом «гюльмахмар», парчей «зерли хара» или какой-нибудь другой дорогой тканью. Вверху штаны стягивались плетеным поясом из шелковой или хлопчатобумажной пряжи. На «генг балакь иштан» шло 5—10 метров ткани (в зависимости от вкуса хозяйки и экономического состояния семьи), 1,5—2 метра — на верхнюю часть и 4—8 метров на штанины. Штаны такого типа нередко носили поверх узких штанов из тонкой ткани «ич иштан». Эти широкие штаны-юбки совершенно исчезли из повседневного употребления еще в дореволюционный период, бытуя лишь как предмет свадебного наряда «гийитлер». Штаны первого вида, напротив, сохранились в качестве предмета повседневной одежды. Трудно утверждать, какие из этих видов штанов древнее и более характерны для традиционного костюма кумыков. Полевой этнографический материал и сравнительные данные исторических источников позволяют, однако, предположить, что наиболее исконными традиционными являются штаны, известные под названием штанов с «широким шагом». Они характерны как для большинства аборигенов Дагестана (аварцев, даргинцев, лакцев), Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, осетин и т. д.), так

---

¹⁷ П. Пржецлавский. Дагестан, его нравы и обычаи, «Вестник Европы», 1863 г., вып. 3, стр. 284.

и пришлых с севера тюркоязычных народов, относящихся к кыпчакской группе. Что касается широких штанов, то нам думается, что это элемент более поздней культуры, проникшей с юга, из Азербайджана, Ирана, где этого типа штаны были широко распространены. У кумыков этот элемент одежды может свидетельствовать об определенных этнических связях.

Юбка — «юбке», «белюбке» появилась в предреволюционные годы и получила значительное распространение в 20—30-х годах XX в., но только среди девушек и молодых женщин-модниц. Юбку шили из легких однотонных тканей (батиста, сатина, шелка и т. д.) в 3—4 полотнища прямых или расклешенных, часто с оборками внизу или двойной широкой кружевной отделкой. Юбка делалась обычно с широким поясом, который завязывался с помощью пришитых узких лент сзади, сбоку или спереди. Ее носили поверх узких штанов, вместо чехла к платьям из легких ажурных тканей. В ряде случаев, особенно в крестьянской среде, юбки делались внизу чуть длиннее верхней платья так, что их оборка или кружева выглядывали на 1—2 пальца. В 40-е годы юбки такого типа совершенно исчезли.

Описанную выше нижнюю одежду, кроме широких штанов и юбок, носили и девочки. Маленьким девочкам, как и мальчикам, шили штанишки с отверстием между штанинами и рубашки из цветных тканей. У девочек до 10—12 лет туникообразная рубаша или рубаша с отрезной талией нередко служила и летней верхней одеждой.

§ 2. Верхняя одежда.

Платья кумычек имели несколько разновидностей по покрою очень близких друг к другу.

«**Къаптал**» (у северных кумыков), «бузма», «арсар» (у южных кумыков) — основной вид верхней распашной одежды, носимой поверх рубахи. Им пользовались все, безотносительно возраста, как дома, особенно в прохладное время, так и на улице. Более ранний арсар (особенно его старинные образцы) по своему покрою был несколько сходен с мужским бешметом, о чем свидетельствует (у северных кумыков) само название «къаптал», но в то же время имел и существенные отличия. Шили его с прямым вертикальным разрезом спереди, сверху донизу, отрезным по линии талии, с лифом плотно облегающим фигуру с глубоким грудным вырезом, с сильно смещенными (как у черкески и мужского бешмета) назад боковыми швами на лифе, с узкой спинкой, с широкой, либо прямой («тюз этек», из 4—5 полотнищ), либо расклешенной («ямучу бичив» из 8—9 клинь-

Рис. 2. Кумычка в национальной одежде (фото нач. XX в.).

ев) и длинной до икр или до щиколотки юбкой. у пожилых нередко с разрезами по бокам у подола. По линии талии юбка пришивалась к лифу мелкой сборкой или складками. Платье имело вшивные узкие рукава с небольшим скотом у проймы, без ластовиц, сшитые лишь до локтя, а ниже — откидные, длиной до кисти руки. Откидная часть рукавов обычных платьев имела форму четырехугольной удлиненной лопаточки — «къалакъ енг», с суженными концами, а иногда и круглыми — «къангъа енг». Эту незашитую часть кумычка обычно при работе откидывала вверх и подворачивала. В нарядном костюме откидной рукав лежал или свисал поверх широкого рукава рубахи — бузма гейлек. Его красиво отделывали подкладкой из другого материала, чаще яркой ткани, а также обшивали галуном или мелкими бляхами, монетами, колокольчиками. Иногда рукава делались совсем прямыми, достигающими почти до кисти руки, без разреза. Такие рукава, например, более часто встречались у женщин сел. Каякент, Карабудахкент, Гели, Параул и др., т. е. у кумычек, проживающих в средней полосе. Къаптал шили без воротника, с глубоким грудным вырезом в виде треугольника.

Лиф платья, откидная часть рукава, низ юбки (подол) шили на подкладке. Зимние капталы нередко делались на подкладке целиком, а лиф для женщин старшего возраста подбивали ватой.

Женский къаптал не запахивался, а застегивался спереди до линии талии, справа налево на 3—6 ювелирных застежек «шарпазлар» (у северных кумыков) или «къармакълар» (у южных кумыков). Спереди и снизу из-под платья была видна рубаха—бузма гейлек или тюз гейлек, а также низ нарядных штанов. Часто под платье надевали специальный нагрудник с украшениями. В этом случае грудной вырез делали более глубоким и овальным.

Шили платья, в зависимости от материального состояния семьи, из сатина, шелка, парчи, плюша, для молодых — ярких расцветок, а для старших возрастов — темных, чаще однотонных. Полагалось, чтобы цвет рубахи и надеваемого поверх нее распашного къаптала или арсара был разным. Для нарядных рубах лучшей материей считалась тафта желтого, красного или зеленого цвета, а для нарядного къаптала — набивной плотный шелк, плюш фиолетового, бордового, зеленого цвета, парча. В предреволюционные годы наиболее модным являлась русская шелковая ткань-хара, которую шуточно называли у южных кумыков так же, как и в Азербайджане: «Гъажи мене бах» (Гаджи погляди на меня). Борта, полы, линия талии, боковые разрезы, иногда и подол, украшались галуном, а низ подола обшивался узкой бахромой. У южных кумыков на рукава, на пояс молодых женщин пришивали, кроме того, монеты и серебряные украшения. Шло на платье 6—10 метров ткани. Этот вид платья был сходен с отдельными вариантами платьев, распространенных у других народов Дагестана (табасаранок, лезгинок, кайтачек), а также женщин Северного Кавказа и Закавказья и даже турчанок, у последних такого покроя платье известно под названием «уьч этек» («в три полы») ¹⁸.

Платье этого покроя перестало бытовать в 30-е годы XX в. В настоящее время оно встречается очень редко и только у пожилых женщин.

Нарукавники «енгсе». Молодые кумычки, чаще девушки (особенно южных кумыков) к платьям с откидными рукавами — арсар, а также с широким рукавом бузма гейлек, на свадьбу надевали нарядные нарукавники «енгсе». Нарукавники шились по руке, узкими, чуть расширенными кверху. Выше локтя они укреплялись на руке посредством

¹⁸ Материалы экспозиции Анкарского государственного этнографического музея.

шнуров или пришивались к рукаву платья. Низ нарукавников отделывался вышивкой цветными нитками, шнуром, галуном. Иногда нарукавник имел разрез у кисти рук. В этом случае он застегивался на пуговицы или собирался в сборку. Еще в начале XX в. каждая невеста в сел. Алходжакент, например, должна была дарить молодым родственникам своего жениха нарядные нарукавники. Среди свадебных ее подарков нарукавники занимали почетное место.

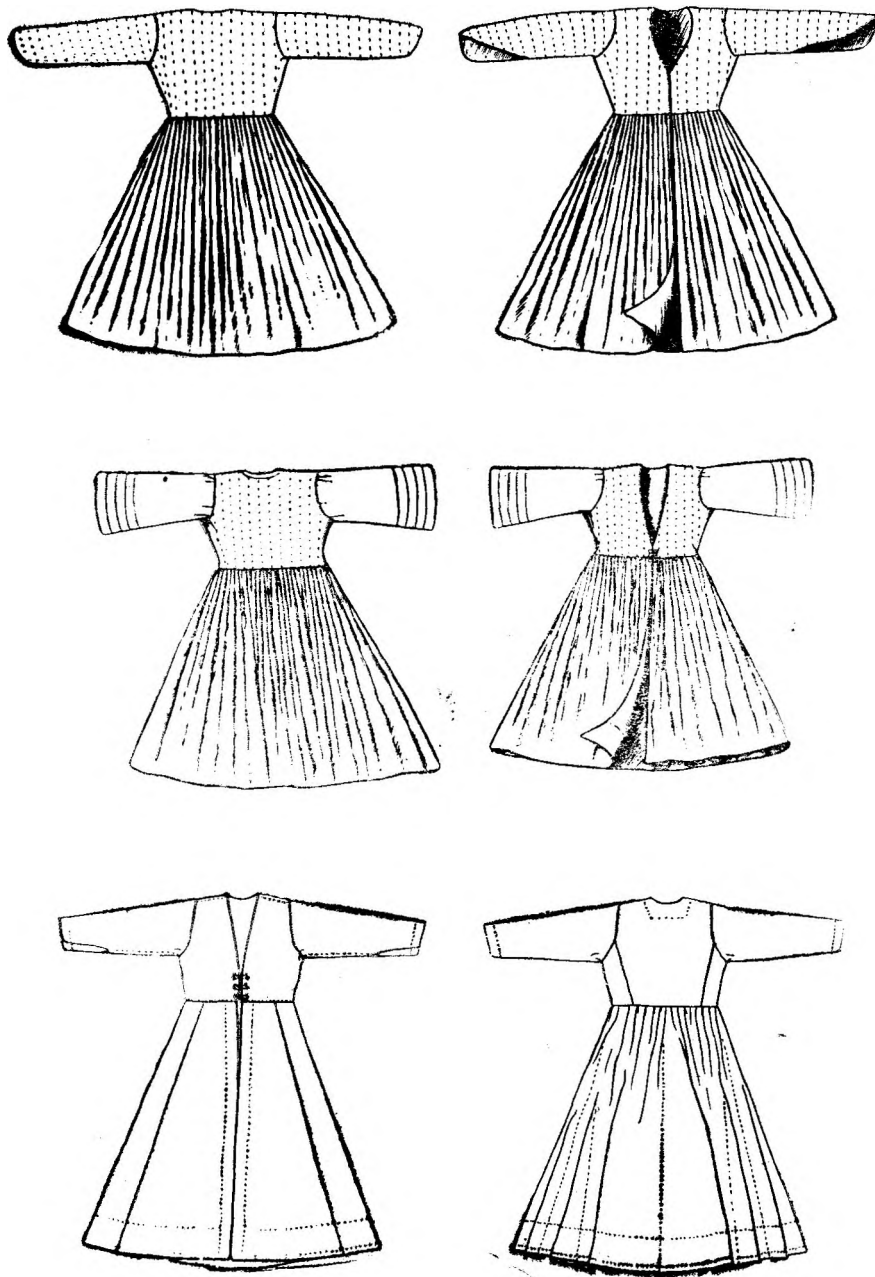

Рис. 3. Распашные платья (бузма, арсар).

«Полуша». В отличие от описанных выше, полуша—род нераспашной одежды, с отрезным по линии талии лифом, плотно облегающим фигуру, с широкой (расклешенной или прямой) длинной юбкой (закрывающей сзади и пятки), а у знатных женщин нередко еще со шлейфом. По линии талии юбка пришивалась к лифу сборкой или мелкими складками (иногда только сзади). Полуша имела неширокие рукава, либо прямые суженные книзу—«хаба енг» с небольшим разрезом в нижней части, либо на манжете. Так же, как у арсара или къаптала, лиф полуша шили с узкой спинкой, с перемещенными назад боковыми рельефными швами, на подкладке, с большим грудным вырезом в форме треугольника, длиной чуть ниже линии талии. Пожилые женщины лиф делали на

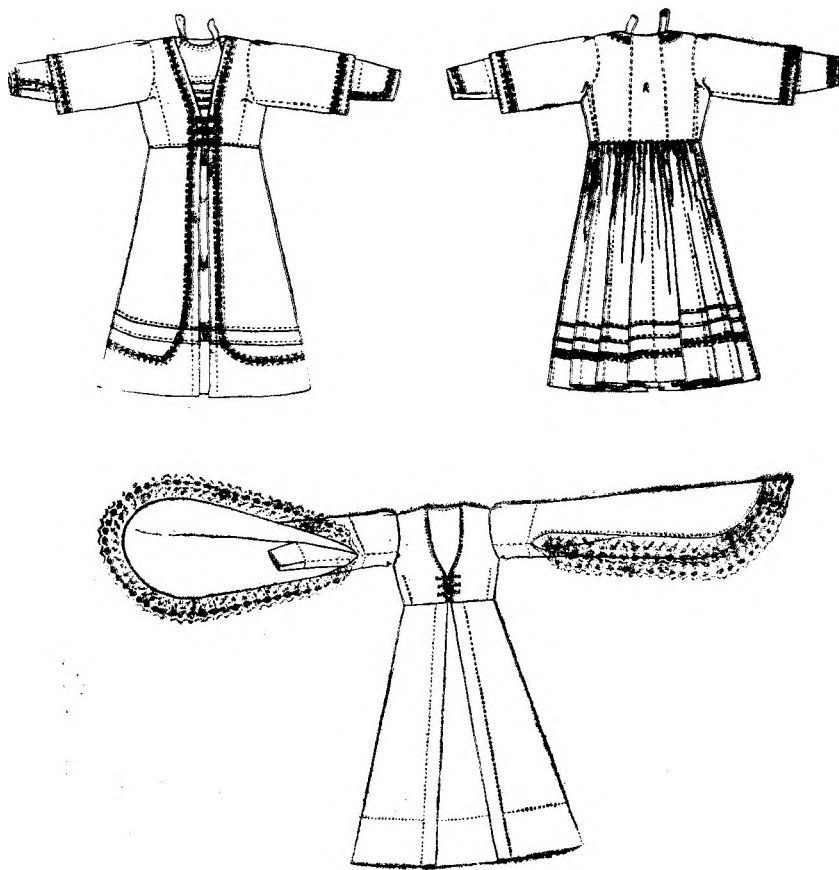

Рис. 4. Нарядные платья кумычек со вставками (къабалай, полуша).

вате. Платье застегивалось встык по линии талии на застёжки из серебра или слоновой кости. Грудь (борта), пояс, рукава, полы иногда и подол нарядных платьев украшались золотым или серебряным галуном. Низ подола, кроме того, обшивался узкой бахромой. Шили платье из хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых тканей разных тонов, гладких и набивных, плюша и парчи. Шло на полуша 6—8 метров ткани. Такого типа платья были широко распространены у лезгин под названием «болушка», а также у табасаранок. Полуша перестала бытовать в 30-е годы в связи с распространением новых, более современных фасонов платья. В настоя-

щее время платья этого вида встречаются очень редко и, преимущественно, у южных кумыков.

«Къабалай»—нарядное платье кумычки. Оно имело почти тот же покрой, что и къаптал, но шилось нераспашным, с отрезной талией, с плотно облегающим талию лифом, с широкой (3,4—4 м) длинной юбкой, пришитой к лифу по линии талии легкими складками или сборкой. Отделка и ткань делали его более нарядным.

Так, к платью в форме арсар или къаптал спереди делалась вставка—«алдилыкъ», шириной в 30—60 см. Чаще из той же ткани, что и само платье, а иногда из ткани другого качества и цвета, которая от подола до пояса вшивалась в юбку, выше же линии талии она не пришивалась. Верхняя половина вставки, имея форму нагрудника, с воротничком—стойкой, проходила под поясными застежками (края ее прятались под борта платья) и застегивалась сзади на шее. К летнему платью нагрудник делали коротким. В целом вставка вшивалась таким образом, что напоминала отдельное нижнее платье. Края передних полотнищ или клиньев юбки (по обе стороны от вставки) были свободными, настрочивались на вставку на расстоянии около 4 см от края. По этой настрочке нашивались позументы, кружева, тесьма. В отдельных случаях вставка делалась другого цвета, из другой ткани. Иногда нижняя часть (подол) вставки делалась со сборкой и украшалась поперечными складками. В ряде случаев, когда кумычка надевала специальный нарядный нагрудник с воротничком—стойкой, с нашитыми кинжаловидными застежками, верхняя часть пришитой вставки опускалась вниз, под пояс. Къабалаем у северных кумыков нередко называлось и распашное платье первого типа (типа къаптала, арсара), но с более длинным рукавом.

Къабалай имел чаще всего двойные рукава—узкие, по руке, с разрезом у запястия, застегиваемые на мелкие пуговицы, узелковые или прорезные петли, и верхние—широкие (40—60 см), длинные (50—100 см) и, как правило, откидные, несколько расширенные книзу с округленными или прямоугольными концами. Края верхних рукавов почти всегда украшались тонким широким кружевом того же цвета или тесьмой. Иногда украшался и низ узкого рукава (вышивкой, кружевом, тесьмой). Форма рукавов къабалая менялась в зависимости от моды времени. Старинный къабалай, на наш взгляд, имел рукав идентичный рукаву къаптала и известный под названием «къалакъ енг». В конце XIX и начале XX века наиболее модными стали двойные рукава, нижний—узкий и верхний—широкий, длинный, иногда доходящий почти до по-

Рис. 5. Молодые кумычки в нарядных платьях—къабалай.

дола платья; назывался он «къангъа энг» (у юж. кумыков къангъа — деревянная лопата для сажания в печь хлеба, круглая или с прямыми углами), или «къазакъ энг» — казачий рукав (у срединных кумыков), «беяла энг» — (у сев. кумыков). Верхние рукава всегда делались из той же ткани, что и платье, а нижние — нередко из яркого бархата, что и нагрудник. Рукав — «тирсек энг» — отрезной по линии локтя, узкий (по руке) от локтя до кисти руки и широкий, в виде фонарика, вверху. Верхняя часть рукава «тирсек энг» делалась на узком дублюре; двойные рукава, нижний — узкий, длинный на подкладке и верхний — длиной чуть ниже локтя, колоколовидный, сильно расширяющийся книзу, известен под названием «кешиш энг». Как видно из названия (кешиш — поп), форма рукава была заимствована из одежды русских священников — рясы. Края широкого рукава и низ узкого обшивались кружевом или тесьмой. Лиф, низ юбки, узкие рукава, подол платья, как правило, обшивали узкой бахромой. Къабалай имел глубокий, в отличие от других платьев, грудной вырез овальной формы, застегивался встык от линии талии до груди на несколько серебряных пряжек — крючков ювелирной работы — «къармакълар», «шарпазлар».

Рис. 5а. Молодая кумычка в свадебном наряде.

Грудь, борта, нижний рукав, иногда и подол, украшались золотым или серебряным галуном. При выходе из дома по торжественным случаям кумычка поверх платья надевала еще серебряный пояс тонкой ювелирной работы. Шили къабалай чаще из плотных набивных шелковых тканей, «хара», парчи (золотого шелка), а также однотонного плюша, реже — из шерсти. Для лета къабалай шили из более легких, светлых тканей. К ним пришивали более мелкие ювелирные крючки — «хирке» и поверх них носили легкие узкие пояса. Благодаря обтянутости стана, широкой длинной юбке, большим и откидным рукавам платье-къабалай придавало кумычке особую грациозность. На къабалай шло 6—8 метров ткани. Шили къабалай только женщины-мастерицы. Платье-къабалай с длинными рукавами, как мы уже отмечали, считалось выходной одеждой девушек и женщин до средних лет. Дома его обычно не носили, кроме девушек-невест и совсем молодых женщин, остальные женщины надевали в обычной домашней обстановке платье — бузма или буруш гёйлек, а поверх него къаптал, арсар. Къабалай перестает бытовать в 30-е годы. В настоящее время такие платья, сшитые в 20—30-х гг., сохраняются лишь у некоторых кумычек в сундуках, как семейные реликвии. Кроме того, къабалай и къапталы являются одними из популярнейших видов костюмов коллективов художественной самодеятельности домов культуры районов и городов, а также художественных коллективов республики: «Лезгинка», «Ансамбль песни и танца народов Дагестана» и др.

Все три разновидности платьев кумычек (кѡаптал, полуша и кѡабалай) имеют широкие аналогии у других народов Северного Кавказа и Закавказья, наиболее древним из этих разновидностей является распашной кѡаптал, который, возможно, раньше был цельнокроенным в своей основе, имел небольшие откидные рукава, неширокую юбку (для зимы на подкладке), с боковыми разрезами у подола — уч этек (в три полы) и длину ниже колен или до щиколотки. Думается, что распашной кѡаптал (арсар) явился основой для возникновения полуши с глубоким грудным вырезом, с наглухо сшитой (без разреза) юбкой, с обычными неширокими рукавами, а также и наиболее нарядный кѡабалай со вставкой, с двойными рукавами. Изменения больше всего коснулись форм рукавов, длины, ширины юбки, отдельных деталей — вставки спереди платья, а не покроя в целом. Изменения происходили под влиянием культурно-исторических связей кумыков с народами Кавказа, особенно с северными соседями, под влиянием общих мод на Северном Кавказе. Так, например, надо признать, что под влиянием костюма северокавказских женщин, в частности одного из вариантов костюма осетинок, у кумыков появилось платье со вставкой спереди. Недаром такое платье иногда называют «осетинлер» (осетины) или «осетин кѡабалай» (осетинский кѡабалай). Под влиянием той же северокавказской моды кумычки, очевидно, стали делать на платье необычные для их старинной одежды двойные, длинные откидные (верхние) и узкие (нижние) рукава, с округленными или прямоугольными концами. И, наконец, исследования показывают, что платье типа кѡабалай через кумыков постепенно проникло в горы. В первую очередь оно проникает в крупные ханские резиденции (Кумух, Хунзах и др.) в результате семейно-брачных связей феодалов, и в XIX в. начале XX вв. — через жен офицеров-горцев дагестанского конного полка, квартировавшегося в гор. Темир-Хан-Шура и других, а также чиновников, служащих военно-народного управления и др. Однако кѡабалай широкого распространения в горах не имел также, как и не распространились (кроме Южного Дагестана) и платья типа бузма гейлек, арсар.

Нагрудник — «кѡаршумалар». В ряде случаев молодые кумычки с нарядным кѡабалай носили специальный нагрудник с воротничком — стойкой, с нашитыми на нем серебряными украшениями — кѡаршумалар. Чаще он имел форму неправильного четырехугольника, значительно расширенного сверху

Рис. 6. Кумычка в одном из видов платья — полуша (фото изч. XX в.).

и полностью закрывал глубокий грудной вырез, горловину, шею. Его края глубоко закладывались под борта платья. Воротник шили из яркой однотонной ткани, чаще бархата, на подкладке. Воротник-стойку многие кумычки вышивали золотом или серебром, а в нижней части украшали его галуном. Молодые кумычки из княжеских семей нагрудники иногда шили и без воротника. В этом случае к нему прикалывали золотую

брошь у горловины. К нагруднику в ряде случаев надевали золотой воротничок в виде сетки-плетенки, застегиваемый сзади на крючок. Нагрудник завязывали у пояса сзади шнуром, а у воротника застегивали на пуговицу. Иногда для летних платьев его шили из тонких тканей без воротника, покороче. Он имел распространение только у северных и средних кумыков, у южных же, как и у других народов Дагестана, он не бытовал. Исключение составляли некоторые, связанные с кумыками, знатные семьи. Нагрудники в настоящее время сохраняются как семейные реликвии. Их носят на торжества те, у кого есть платья типа кьабалай.

Лиф (безрукавка) — «тёшлюк». Многие молодые женщины и девушки вместо нагрудника носили специальные лифы или безрукавки. Их шили из тонких светлых хлопчатобумажных тканей — мадаполама, батиста, а нагрудную часть — из яркой плотной тка-

Рис. 7. Наряд богатой кумычки (фото нач. XX в.).

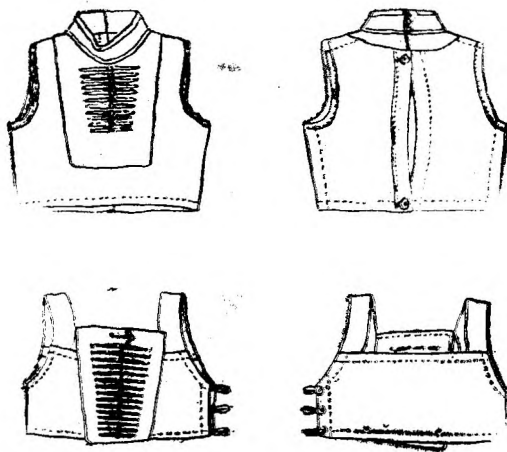

Рис. 8. Лифы — нагрудники (тёшлюк).

ни (барката, шелка), на которую нашивали те же кършумалар — серебряные украшения. Лифы и безрукавки этого назначения были заимствованы кумыками в XIX в., очевидно, у северокавказских соседей.

Лифы шили из прямого широкого полотнища ткани, на бретелях — широких лентах из той же ткани, с вырезом проймы, с воротником — стойкой. Застегивался он обычно сзади или по левому боку на три-четыре пуговицы и воздушные петли. Лиф имел распространение только у северных кумыков, южные кумычки его не носили.

Безрукавки такого вида были распространены главным образом у кумыков Терско-Сулакской низменности.

Платье на кокетке — «капут гёйлек», «янкапут», «къысга оръян» появилось в предреволюционные годы из Средней Азии и Азербайджана и получило широкое, повсеместное распространение при Советской власти.

Платье на кокетке имело несколько вариантов. Один из них — платье «янкапут» — шьется приталенным, спереди на кокетке и до линии талии в складках, а сзади на лифе, традиционного покроя (как на бузма гёйлек) с прямой широкой юбкой (3—4 полотнища) ниже колен, пришитой к лифу и кокетке мелкими складками. Рукава этого типа платья — обычной ширины, на узком манжете у кисти. Грудной разрез смещен в сторону, имеется разрез на левом плече. Платье снабжено узким поясом. Иногда женщина, имеющая маленького ребенка, делала прямой грудной разрез под складкой. Лиф платья делали на подкладке. Это платье получило распространение главным образом у южных кумыков и про-

Рис. 9. Кумычки в современных костюмах.

никло к ним из Азербайджана. Носили его обычно девушки и молодые женщины. В настоящее время платье «янкапут» — не популярно.

Другая разновидность такого типа платья — «капут гёйлек». Оно шьется уже свободным, спереди на кокетке, имеет отрезную, характерную для традиционного платья, по линии талии спинку на подкладке и широкую (4 полотнища) прямую или расклешенную юбку длиной ниже колен или до щиколотки (для пожилых). Юбка заложена сборкой или мелкими складками, заходящими под кокетку и лиф спины; платье имеет прямой грудной разрез спереди, иногда доходящий почти до линии талии.

Следующая разновидность — «къысга бичим», «оръян гёйлек», — широкое платье на кокетке спереди и сзади. Его шили как из прямых, так и расклешенных полотнищ, разной длины: пожилые — до щиколотки, молодые — чуть ниже колен, с разрезом спереди. Пожилые

женщины чаще делали юбку расклешенную, сзади подлиннее, до пяток, перед покороче, с прямыми без манжета рукавами, из тканей темных тонов. Платье имело глубокий вырез горловины и вертикальный разрез на кокетке, застегивалось на 2 пуговицы и прорезные петли. Шили платье из разных тканей: шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных — ситца, сатина, кашимира, набивного шелка, крепдешина, поплина и т. д. Последние две разновидности платья на кокетке в настоящее время широко бытуют у кумыков, главным образом у женщин среднего и старшего возраста, среди тех, кто не пользуется одеждой современного городского покроя.

«Буруш-гёйлек» платье—шестиклинка (три клина спереди, три сзади), иногда и с прямой юбкой (в 3—4 полотнища), с отрезной талией, с полуприлегающим лифом, с неширокими суженными книзу рукавами, с небольшой посадкой по окату, чаще с манжетом, с глубоким, круглым вырезом горловины, без воротника. Сверху от горловины оставляется разрез, который застегивается на пуговицы или кнопки. Пожилые женщины шьют платье длиной до щиколотки, а помоложе чуть ниже колен. В настоящее время буруш-гёйлек является наиболее распространенной на селе одеждой женщин среднего и старшего возраста.

Безрукавка — «къысма» (у северных кумыков), «тёшлюк» (у остальных кумыков). Раскрой ее тот же, что и у мужской безрукавки. Это одежда распашного типа, сшитая по талии, плотно прилегающая к стану, с небольшими накладными или прорезными карманами спереди, часто еще потайным карманом (изнутри) подмышкой, с хлястиком и без него. Къысму шили на подкладке, и, как правило, подбитой ватой, простеганной редкой вертикальной строчкой. Простежке подвергалась либо отдельно подкладка с ватой, либо целиком безрукавка. Ее делали длинной, закрывающей бедра, с круглой проймой для рук, без воротника, с глубоким вырезом горловины; застегивалась безрукавка спереди, сверху до линии талии на пуговицы и воздушные петли, почти встык, ниже талии предусматривался небольшой запах. Шили ее из разнообразных, но всегда плотных, однотонных тканей, чаще из черного плюша, вельвета. Носили безрукавку обычно поверх платья, как дома, так и на улице. В дни траура ее надевали под широкое платье. В настоящее время безрукавка распространена повсеместно. Ею пользуются женщины среднего и старшего возраста, а также дети.

Меховые шубы — «тон». У равнинных кумыков шубу носили только пожилые люди и то далеко не все, у предгорных — и молодые кумычки, но только после замужества. В ряде предгорных аулов (Казанище, Алходжакент, Утамыш и др.) в числе обязательных подарков жениха невесте должны были быть шкурки на шубу «толлукъ», у состоятельных — 40—50 эльтир (мерлушек). В целом же кумычки пользовались шубой значительно реже, чем соседние горянки. Зимой они носили в основном ту же одежду, что и в осенне-летний период, лишь лиф платья делали на вате. Теплую одежду, в частности шубы, им заменяли большие платки-шали.

Шубы шили, преимущественно, из шкурок местных пород овец. По качеству меха шубы делились на «эльтир тон» — шубу, сшитую из шкурок недоношенных или 2—3-х дневных ягнят, «кёрпе тон» — из шкурок молодых 5—6 месячных барашек, «тери тон» — из шкурок взрослых овец. Подбирались при этом белые шкурки. На «эльтир тон» шло 35—40 шкурок-мерлушек, на «кёрпе тон» — 10—12, на «тери тон» — 5—6 овчин. Лучшими считались шубы «эльтир тон». «Тери-тон» делали из подстриженных овчин. Жены феодалов, дворян, купцов и других богачей носили шубы и из дорогих мехов — «хаз» (хорька, горносталя, соболя, крота и др.).

Шубы шили двух типов: цельнокроенные и с отрезной талией.

Основным видом являлась цельнокроенная шуба, которая имела почти такой же покрой, как мужской бешмет или чепкен. Шилась она приталенной, длиной до икр, иногда и до щиколотки, сильно расклешенной книзу (от линии талии). Цельнокроенными делались передние полы и центр спинки; с боков от линии талии она имела вставные, расширяющиеся книзу клинья. Таким образом, юбка шубы состояла из 9—11 клиньев, образующих сзади фалды. Шуба имела обычной ширины и длиной чуть ниже локтя рукава и глубокий грудной вырез. Застегивалась она на крючки ювелирной работы.

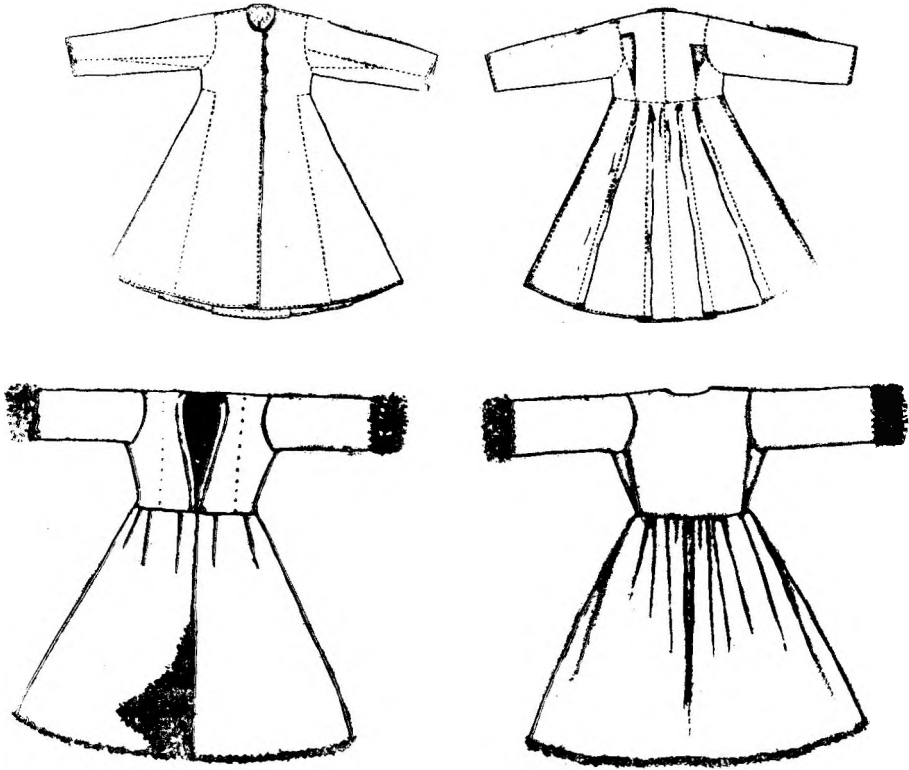

Рис. 11. Женские меховые шубы (тон).

Разновидностью этой шубы были шубы с цельнокроенными передними полами и отрезными по линии талии бочками и спинкой. Отрезная часть юбки обычно состояла из восьми клиньев, образующих сзади фалды. В ряде случаев такая шуба имела застежку от горловины до талии и застегивалась справа налево на 5—6 пуговиц.

Второй тип шубы — это шуба, отрезная по линии талии, с приталенным лифом, с широкой, расклешенной юбкой, пришитой к лифу в сборку или мелкими складками (частыми на спинке, редкими спереди). Эта шуба имеет глубокий грудной вырез и застегивается на поясе встык на 1—2 ювелирных крючка. Рукава, полы, подол тех и других шуб оторачивались белой мерлушкой, а борта — плотным шелком, плюшем.

Делали шубы нагольные и крытые. Крытыми чаще всего были шубы из привозных, дорогих русских мехов. Хорьковые, горностаевые шубы—

«хазтон», например, всегда покрывали бархатом или плюшем. Хазтоны имели широкую (15—20 см шириной) оторочку из того же меха на подоле, полах, бортах и рукавах. По краю всей оторочки и по линии талии нашивался и галун. Хазтоны всегда делались отрезными, приталенными и застегивались на поясе встык на пряжки ювелирной работы. Шубы же накидки — «лапача» — с длинными ложными рукавами, расширенные книзу у кумыков распространены не были. Ими пользовались лишь женщины из княжеских семей и то на Терско-Сулакской низменности при переездах зимой на арбе, на большие расстояния, при посещении мест траура (дома умершего) и т. д. С княгинями всегда были женщины-служанки, которые при входе в помещение сразу снимали лапачу с плеч княгини, а при выходе из помещения накидывали на нее. Поставщиками такого типа шуб из шкурок белых мерлушек с крутым завитком были соседние горцы — салатавские аварцы, особенно черкеевцы.

Во время работы женщины полы шубы откидывали назад и застегивали на крючки и петли. В настоящее время все эти виды шуб почти вышли из быта и сохранились лишь у некоторых старых женщин, по традиции. Их заменили зимние пальто городского типа.

Девичья одежда по покрою была почти аналогична одежде взрослых женщин. Шили ее из тканей более ярких расцветок (желтой, зеленой, красной, белой и т. д.). Еще до рождения детям готовили рубашки, безрукавные куртки на подкладке, тюбетейки, платочки. Занимались этим свекровь, мать роженицы (особенно для первенца), а в последующем — сама роженица. В отдельных обществах все детское приданое к рождению ребенка присылала мать роженицы. На родившуюся девочку надевали рубашку туникообразного покроя, без рукавов (рукава получались за счет ширины полотнища, лишнюю ткань под рукавами вырезали); поверх нее надевали платье типа бузма гёйлек, а поверх ее стеганную безрукавку. Считалось, что маленького ребенка надо всегда держать в тепле. Кумыки говорили: «яшгъа къаргъаны къанатиндан да ел тиер» (на ребенка и от крыльев птицы во время полета дует ветер). Чтобы лоб был красивой формы на девочек надевали платок, сложив его по диагонали и повязав на лбу в виде чалмы.

По истечении 6—10 месяцев, иногда и года, когда девочка начинала ходить, надевали ей штаны такого же покроя, как у мальчика, с разрезом вместо мотни, а с 3—4 лет — обычные штаны, суженные книзу. Девочки-подростки и взрослые девушки носили почти тот же набор одежды, что и молодые женщины, кроме меховых шуб и широких штанов. Некоторые кумыки Терско-Сулакской низменности носили «камзол» — короткую распашную одежду, жакет. Он был двубортным, полуприлегающим, длиной до бедер, с закругленными полами, без воротника, с вырезом горловины углом, с суженными книзу рукавами, на подкладке, с застежкой спереди на две-три пуговицы, с карманами, вышитыми золотом или серебром. Шили камзол из бархата, фабричного сукна и отделявали вышивкой, галунами. По сведениям наших информаторов из сел. Костек, камзол этого типа вначале был привезен из Стамбула, а потом усовершенствован на месте. Точный покрой этого камзола нам не известен, так как в настоящее время он совершенно не бытует. Судя по воспоминаниям некоторых старых женщин, он первоначально был сходен с турецким жакетом «либаде», имеющим длинные откидные рукава.

§ 4. Прически и головные уборы.

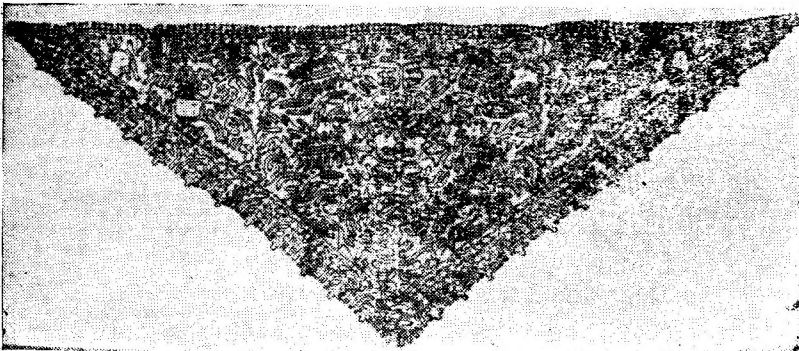
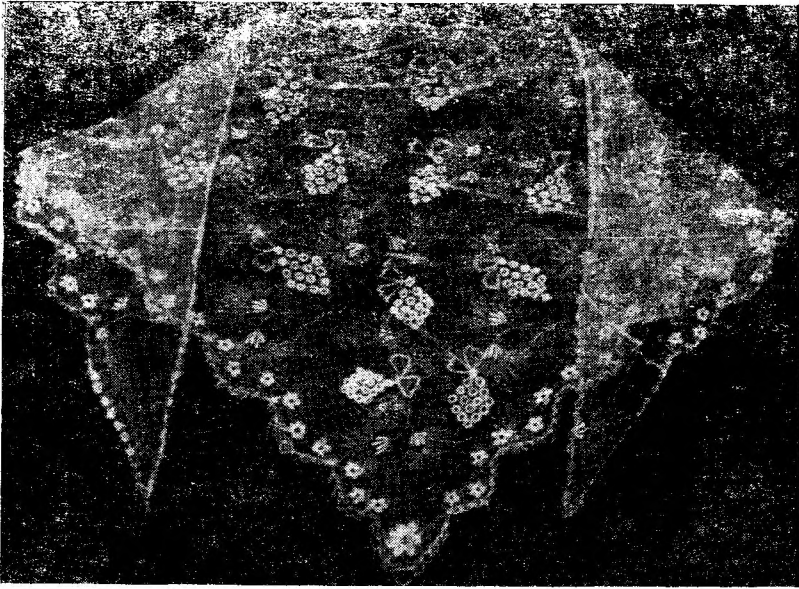
Малолетние девочки до 5—6 лет в летний период могли ходить без головного убора, причем им в ряде случаев брили или стригли волосы, оставляя лишь челку и пейсы — локоны у висков. Взрослым девушкам и тем более женщинам ходить с непокрытой головой не полагалось. Осо-

бенно тщательно прятать волосы под головной убор должны были женщины. Девушки обычно оставляли на лбу недлинную челку—«лепек» и пейсы (локоны) «самайлар, «тулумлар». Однако, выйдя замуж, молодая жена должна была спрятать челку под чуткю (род головного убора, который будет описан ниже). Локоны же у всех женщин могли оставаться на виду. По свидетельству старейших кумычек, в прошлом женщины спускали на виски локоны до груди, а нередко даже до пояса. На фотографиях кумычек в начале XX в. в ряде случаев еще можно видеть обрамляющие лица длинные локоны, ниспадающие на грудь. По рассказам тех же женщин, кумычки в прошлом часто на ночь укладывали свои локоны во влажном виде, завивали горячими щипцами и смазывали соком из виноградной лозы. Недаром, воспевая красоту девушки, юноши подчеркивали ее завитые локоны: «бурма тулум ала гёз»... (девушка с завитыми локонами и голубоглазая). Прятали локоны только во время траура. Судя по письменным источникам, в более ранний период девушки могли ходить вообще без головного убора. В этом отношении заслуживает внимание свидетельство автора XVII в. Олеария, который писал, что в равнинном Дагестане «девицы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы, они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички»¹⁹. Закрывание волос женщиной еще в далеком прошлом, очевидно, было связано с ее подчиненным положением в семье мужа, как работницы и жены, а также с некоторыми религиозными представлениями. С усилением религиозного влияния, особенно с середины XIX в., женщина кумычка вынуждена была вообще прятать волосы, оставляя лишь маленькие пейсы. В начале XX в. мода на девичью челку исчезает. Девушки и женщины носили длинные волосы, причесывали их гладко на прямой пробор и заплетали их в 10—12 и более кос. Прежде чем заплетать косы, волосы расчесывали и делили сперва на четыре большие части. В свою очередь каждая крупная часть делилась на три и заплетались косы. Таким образом получалось 12 кос. Число кос чаще зависело от густоты волос. Косы плели из трех прядей. Вымыв голову, обычно в пятницу, кумычка шла к своей подруге, приятельнице. Та, посадив ее перед собой, расчесывала волосы и заплетала косы. При этом для удобства расчесывания и укрепления корней волос голову слегка смазывали маслом. Девочкам нередко делали множество тонких косичек, что свидетельствует о достоверности сообщаемых данных Олеария в XVII в. Многие женщины, особенно пожилые, сзади (в самой нижней части затылка) подбривали волосы, считая это удобным. Думается, что эта была очень древняя традиция народа, уходящая своими корнями вглубь веков. В начале XX в., и особенно в советский период, мода на челку и большое число кос исчезает окончательно, девушки стали делать косой пробор и заплетать две косы.

Головные уборы.

Чуткю. Головной убор длиной до линии талии иногда до бедер в виде мешочка (в объеме 70—75 см), незашитого сверху и снизу с разрезом (13—15 см длиной). Для удобства закрепления на голове имелись в верхней части завязки в виде лент. Иногда вся головная часть убора делалась на подкладке из тонкой ткани. В чуткю, т. е. в мешочек, сперва опускали косы, а затем его натягивали на голову, как чепец. У замужних женщин чепец частично закрывал и лоб, так, чтобы не видны были волосы. Ленты, скрестив (на затылке), обводили над теменной частью чуткю и завязывали на затылке. Убор в верхней части плотно облегал голову, а в нижней—спалал вместе с косами на спину. Чуткю шили из

¹⁹ Олеарий. Указ. соч., стр. 499.

Р и с. 12. Головные уборы.

атласа, цветного кашемира, шелка — «керхана», «хара», золотного шелка — «зерли хара», а также сатина, позднее — из черного штапеля. Носили его постоянно, не снимая ни ночью, ни днем. При посторонних кумычка никогда не могла находиться в одном чуткью, без верхнего головного убора. В настоящее время чуткью девушки и молодые женщины не носят.

Платок — «явлукъ». Основным видом головного убора кумычек, надеваемого поверх чуткью, был квадратный платок. Им повсеместно пользовались кумычки всех возрастов. Особенно популярными были привозные платки шелковые,

шерстяные из восточных стран (Персии, Турции, Средней Азии) и из России. Среди них особое место занимали большие набивные шелковые платки с вытканым узором — «хара явлукъ» с длинной бахромой, газовые платки с золотой каймой и узорами (обычно три каймы золотым узором по фону) — «газ явлукъ», махровые шали с небольшими петельками типа искусственного каракуля — «кёрпе явлукъ». В обычной обстановке широко пользовались тонкими шелковыми

Рис. 13 Девушки в современных головных уборах.

платками, гладкими, поступающими из Средней Азии — «дувур», платками с каймой из азербайджанского города Гянджи (Кировобад) — «гюльмелли», а также однотонными шерстяными платками с каймой и шелковой бахромой, доставляемыми торговыми людьми из разных городов. Кумычки из южных районов пользовались домоткаными шелковыми платками, приобретаемыми главным образом в даргинском селении Мюрего. Плетеные домашние шелковые платки, квадратные и треугольные, типа косынки, проникали на Кумыкскую плоскость и из Северной Осетии — «осетин явлукъ». Девочки же в основном носили пестрые хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые платки. Носили их, сложив треугольником, вдвое по диагонали. Способы ношения платка имели некоторые возрастные особенности. Девочки одевали его так, что концы перекрещивались под подбородком и завязывались узелком на затылке, концами назад. Женщины же и молодые девушки откидывали оба окнца в одну сторону (за плечо). Пожилые женщины один конец забрасывали назад (тоже через плечо), другим покрывали голову.

«Тастар» — «кыйнкъ явлукъ». Носимый летом большой одинарный платок, треугольной формы, типа косынки, чаще из гипюра, шелкового тюля. Обычно их покупали в готовом виде, но в ряде случаев шили сами из шелка. Если делали тастар из газа с набивными золотными узорами, то к нему по краю пришивали бахрому из золотых ниток. Особенно модными были тастары кремового и черного цвета. Черные больше носили пожилые женщины, кремовые и белые — молодые. Жены феодалов носили тастары с широкой и густой бахромой.

Пожилые женщины носили треугольные платки и из тканей — легкого шелка, а также из батиста, мадаполама — черные и белые. Способ их ношения был тот же, что и носимых зимой квадратных платков.

Шарфы — «узун явлукъ», «шипон». Это длинные (длина 250 см и ширина 90 см) шарфы из тонкого шифона разных цветов, чаще белого

и черного. Носили их тем же способом, что и шали. В настоящее время женщины всех возрастов пользуются готовыми фабричными платками. Для молодых модными считаются цветные павловские платки, а для старших возрастов — однотонные кашемировые или более плотные с широкой каймой — «яхсай явлукъ». В летний период носят тонкие шелковые платки кировобадской шелковой фабрики, и крепдешиновые, а также самодельные треугольные платки, платки из тюля, черного шелка, вязаные. Плетеные платки типа косынки — «осетин тастар» были заимствованы из Осетии. Позднее их стали делать и сами кумычки из готовой фабричной пряжи. Молодые женщины и девушки летом и зимой носят, кроме того, косынки и небольшие платки фабричного производства, а так же шарфы разных размеров. Часть молодых женщин, девушек и почти все дети в теплый период года вообще ходят без головных уборов. Детям дошкольного возраста приобретают по сезону покупные головные уборы (капоры, шляпы, чепчики, шапочки).

Все женщины и девушки в советское время стали пользоваться головными уборами в зависимости от сезона — легкими светлыми (летом, весной) и теплыми (зимой).

Обувь.

В прошлом обувь кумычек не отличалась большим разнообразием.

Шерстяные носки — «жорап». Кумычки носили однотонные шерстяные носки, иногда с одной каймой. Ими пользовались обычно зимой и на них надевали верхнюю кожаную обувь. В настоящее время шерстяные носки приобретают у народов южного Дагестана (табасаранцев, лезгин).

Чулки фабричные — «узунжорап», их покупали в прошлом только состоятельные люди. В годы Советской власти чулки получили очень широкое распространение и стали доступны всем.

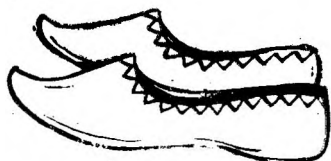
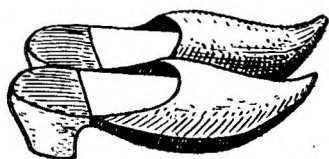
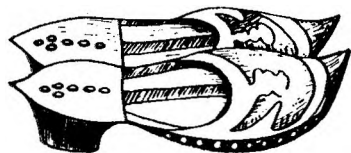

Рис. 14. Обувь.

- а) кожаные башмаки (башмакъ),
б) мягкие сафьяновые чувяки (мачий).

Чувяки — «мачий», в прошлом шили из сафьяна (для молодых — красного, желтого, для старших — черного), со швом вдоль всей стопы (посередине) и с мыском на подъеме. Это была мягкая обувь, ее носили обычно дома, с носками, чулками, даже на босую ногу. При выходе на улицу поверх этих чувяк обязательно надевали другую обувь на плотной подошве. Край выреза нарядных чувяк обшивался золотой или серебряной тесьмой.

Кожаные калоши — «калуш» — обувь типа глубоких галош из сафьяна, хрома на твердой кожаной подошве. Шили их на среднем и низком каблуке, в зависимости от моды, мастера-сапожники, чаще приезжие из лакских селений. Иногда молодые кумычки верхнюю часть нарядных калош по краю вышивали золотыми и серебряными нитками или обшивали дорогой тесьмой. Носили их при выходе на улицу, поверх мачий. В настоящее время они совершенно не бытуют.

Башмаки — «башмакъ». В прошлом имели широкое распространение во всех аулах. Их обычно носили при работе во дворе или при выходе на улицу на близкое расстояние. Женские башмаки

также, как и мужские изготовлялись с сафьяновым (черным, красным, желтым, зеленым) или толстым кожаным верхом на твердой подошве, нередко на деревянной. Многие молодые кумычки — модницы носили башмаки на кожаной подошве, покрытые парчой, затканной золотом — «сарасан», золотым бархатом — «гюльмахмар», вышитые золотыми или разноцветными шелковыми нитками традиционным рисунком. Вышивки на сафьяне, ткани делали женщины, а обувь шили мужчины — мастера. Башмаки покупали и в готовом виде, их привозили в кумыкские селения главным образом из Азербайджана (Шамахи, Нухи) местные купцы.

Женщины, проживающие в городах — Темир-Хан-Шура, Петровск, Владикавказ, слободе Хасавюрт и в ближайших к ним аулах — носили фабричную обувь — сапожки, туфли, чевяки и т. д. Особенно модными в предреволюционные годы были хромовые сапожки, известные здесь под названием «шивлит».

Резиновые азиатские галоши — «резин калуш». До революции широкого распространения резиновые галоши не имели. В годы Советской власти они повсеместно вошли в быт. В настоящее время все женщины пользуются покупной резиновой обувью. Это глубокие резиновые галоши, которые носят, преимущественно, зимой, а иногда и летом (женщины старшего поколения), резиновые сапоги (зимой их носят молодые женщины и дети), кожаные чевяки на подошве (ими широко пользуются дети и женщины всех возрастов). Среди женской молодежи распространены изготовленные в разных городах страны и за рубежом разнообразные туфли, сапожки (кожаные и резиновые), босоножки, домашние тапочки и т. д. Многие молодые кумычки — служащие, учащиеся техникумов и старших классов средних школ, студентки — носят обувь строго по моде времени. Все женщины, как правило, имеют несколько видов обуви и носят ее в зависимости от сезона.

Перчатки, варежки — «кьолкьаплар» кумычки в прошлом носили редко. Только немногие их носили зимой. Перчатки вязали из овечьей и верблюжьей шерсти, а варежки делали обычно из подстриженной овчины домашней обработки. Женщины из семей высшей аристократии приобретали перчатки готовые — для зимы — теплые, для лета — тонкие, ажурные, кружевные. Модницы и в жару, при выходе в общественные места, щеголяли в ажурных тонких перчатках, из-под которых видны были дорогостоящие кольца. Некоторые женщины носили кольца поверх перчаток, но это считалось дурным тоном, мещанством. Многие из знатных женщин пользовались зимой муфтами — «мупта».

§ 6. Украшения.

Кумычки носили самые разнообразные по видам, формам и материалам украшения. Значительное место среди них занимали галуны, шнуры и тесьма из золотых, серебряных, реже шелковых, хлопчатобумажных нитей, приобретаемые на стороне или изготовляемые самими кумычками.

Золотыми и серебряными галунами и тесьмой обшивали рукава, борта, полы, в ряде случаев и подол нарядных платьев, и низ широких штанов (из золотного бархата, парчи и т. д.). Воротники нагрудников, борта, подол платья, углы передней части подола распашного нарядного платья кумычки вышивали золотом и серебром традиционным орнаментом.

Особое значение кумычки придавали металлическим, серебряным и золотым украшениям. Последние были доступны лишь богатым кумыкам. Ювелирные украшения были очень разнообразны как по назначению, так и по форме. Изготовлением занимались в основном ювелиры-лакцы, кубачинцы, а также местные мастера, выполнявшие работу по

вкусу заказчика. Кумыки Терско-Сулакской низменности, входившие в Терскую область, пользовались изделиями, изготовленными в гор. Владикавказе осетинскими, армянскими и черкесскими мастерами.

Это были пояса, браслеты, кольца, серьги, медальоны, застёжки, ожерелья и др.

В качестве украшений кумычки использовали привозные монеты, проникшие в Дагестан в различные исторические периоды из разных стран, (чаще русской, персидской, турецкой чеканки), стеклянные бусы, кораллы, сердолики, а в ряде случаев и готовые ювелирные изделия (золотые цепочки, серьги, кольца, броши, браслеты с инкрустацией), часы, изготовленные за пределами Дагестана.

Среди женских украшений были украшения, составляющие дополнение к костюму (кольца, серьги, браслеты, всевозможные бусы, пояса, ожерелья из монет, кораллов, бисера, золотых или серебряных блях, всевозможные серебряные подвески и т. д.), и украшения, которые пришивались к одежде, составляя как бы ее неотъемлемую часть (монеты, крючки, пуговицы, пряжки и т. д.).

Одни украшения были предназначены для постоянного ношения — повседневные, а другие — для торжественных случаев. Монеты, с приделанными к ним ушками разной величины, нанизанные на шнур, в определенном сочетании, рядами (вверху рубли, потом 50, 20, 10 коп.) нашивали на распашные платья по линии талии, в виде пояса, монеты же в один ряд нашивали на борта и вниз по краю пол, причем на полах они нередко чередовались с цепочками, ниже пояса еще пришивали подвеску — «тагъымчакъ», состоящую из большой фигурной пластинки с чернью, с 6—7 подвесками из цепочек с мелкими бляхами и мелкими серебряными монетами, жетонами, бубенчиками на концах. Монетами (мелкими) обшивались и края откидных частей рукавов арсар. Мелкие монеты с ушками, с другой стороны, иногда использовались и в качестве пуговиц. Монеты нанизывались и надевались на грудь и как ожерелье.

Следует отметить, что использование серебряных монет разной величины (от рубля до 10 коп.) дольше бытовало у предгорных кумыков, поселения которых находятся в стороне от торговых центров — городов. У кайтагских кумыков монеты, в качестве украшения, широко использовались еще в начале XX в., тогда как у северных, особенно проживающих близ городов, они были заменены ювелирными изделиями. Постепенно под влиянием города и готовых изделий идет процесс сокращения числа видов украшений, их нивелировка. Массивные украшения при этом повсеместно вытесняются более легкими.

Все украшения по назначению и способу ношения можно условно разделить на следующие группы: шейные, нагрудные, поясные, носимые на руках и головные.

а) Ушные украшения.

Все кумычки носили серьги—«гъалкъа», «сыргъа». Известны серьги четырех видов.

Наиболее широкое распространение имели серьги с длинными подвесками из цепочек — «липири сыргъа». Серьги имели форму обруча или кольца с несколько расходящимися концами (диаметр 3—5 см). Изготавливались они из массивной серебряной проволоки. Верхняя часть круга служила дужкой и вдевалась в отверстие в мочке уха; к нижней же части на внутренней стороне припаивалась литая фигурка, чаще в виде птички. С внешней стороны круга припаивались колечки для подвесок — цепочек (7—9 штук), с небольшими жетончиками, бляшками треугольной формы на концах.

Второй вид серег — «чумекли сыргъа». Эти серьги также имели форму круга и делались из такой же проволоки, но потоньше в нижней части и потоньше — в верхней. Снизу, с внешней стороны, к ним припаивались круглые массивные 3 отростка, инкрустированные обычно бирюзой.

Третий вид серег состоял из дужки в виде проволоки и припаянной к ней литой и штампованной широкой, но не толстой пластинки в форме полумесяца, иногда усложненного очертания, порой с прорезью и украшенной гравировкой. Четвертый вид серег состоял из большого круга—кольца, к нижней внутренней части которого припаивалась ажурная плетенка. В таком виде серьга напоминала плетеную корзину.

Массивные серьги, чтобы не повредить мочку, носили на шнуре, который накидывали как петлю на ухо. Кроме того многие женщины серьги прикрепляли к концам шнура, который охватывал затылок. В Кумыкию издавна проникали и готовые ювелирные изделия, в частности, серьги разных фасонов, изготовленные в Персии, Турции, России, во Франции и в других странах. Женщины из феодальной среды носили золотые серьги с бриллиантами и другими драгоценными камнями. Наиболее популярны у кумыков были бирюза, рубин, изумруд, более или менее доступные семьям среднего достатка.

б) Шейные и нагрудные украшения. Из шейных и нагрудных украшений наиболее популярным были ожерелья из перламутра, кораллов «инжи», «маржан», сердоликовых—«гъакъикъ», янтарных—«кагърава», яшминных—«яшмин», серебряных, стеклянных бус, а также из монет и жетонов.

В одних случаях они состояли сплошь из монет или бус, в других представляли собой сочетание монет и бус (вперемежку), в третьих—чередование кораллов и монет и т. д.

Ожерелья нередко состояли из 2—5 параллельно расположенных ниток разной длины, концы которых переплетались.

Все ожерелья застегивались сзади, одни из них плотно охватывали шею, другие надевались более свободно и даже свисали на грудь. Среди ожерелий, украшающих шею, особое место занимали—«тамакъса» и «алтын ягъа»—(золотой воротник) тонкой ювелирной работы. Такой воротник состоял либо из отдельных золотых или серебряных пластинок, нанизываемых на нитки и нашиваемых на полоску ткани в виде воротничка либо из целой литой пластинки в виде браслета или полукруга. Они плотно охватывали шею и застегивались сзади на крючки или завязывались шнуром. Очень часто их просто пришивали на воротник нагрудника платья.

Однако золотой воротник и золотой тамакъса имели лишь богатые кумычки. Остальные женщины носили более доступные им, дешевые украшения. Из нагрудных украшений наиболее ценились къаршумалар, гъамарча. Къаршумалар состояли из 11—15 рядов двугранных застежек тонкой ювелирной работы, нередко филигранной, в форме кинжалчиков, застегиваемых с помощью головок в виде полушарий (с правой стороны), влеваемых в петли (с левой стороны). Къаршумалар часто покрывались позолотой или украшались чернью, а головки их—бирюзой или другими цветными камнями. Эти украшения либо пришивались на борта нарядного платья (с двух сторон) от линии талии вверх двумя рядами: на правый борт—с головками и крючками, а на левый борт—с петлями, либо нашивались на отдельный нагрудник из яркой ткани и надевались вместе с ним. Для нагрудника эти застежки делались у пояса покороче, а вверх (на грудь) подлинней. В верхней части

нагрудника, под горловиной, часто еще прикреплялся горизонтально металлический якорь, украшенный витой проволокой и искусственными камнями.

«Гьямарча» — сложное украшение, состоящее из пластинок, бляхи и цепочек в определенном сочетании, покрытое позолотой или чернью. Его надевали через голову, оно покрывало грудь и свисало иногда до пояса.

У кумыков были модны ожерелья из продолговатых граненых серебряных бус, имевших форму ячменных зерен—«арпалар». Богатые кумычки приобретали такие ожерелья из чистого золота. Нагрудным украшением богатых кумычек были и золотые броши—«тирневюч» с драгоценными и полудрагоценными камнями и круглая бляха — «гюль», в виде цветка — розы, усыпанная драгоценными и полудрагоценными камнями. Кумычки из феодальной среды носили золотые медалионы, часы на длинной цепочке, а также золотые цепочки длиной до 2-х метров. Одета на шею через голову поверх кьаршумалар, цепь свисала поверх других нагрудных застежек пояса и доходила до колен.

Поясные украшения.

Поясные застежки «кьармакълар», «хиркелер», «шарпазлар» отличались по форме и величине. Они изготовлялись в основном из серебра, реже—из слоновой кости в серебряной или золотой оправе. Они воспроизводили растительные формы и изогнутые кинжальчики (с одной стороны рукоять кинжала образует крючок, с другой—петлю), кривые мечи, летающих бабочек (в застегнутом виде) с декоративными концами и т. д. Особенно ценились застежки тонкой филигранной работы, покрытые позолотой, а также из слоновой кости с растительным орнаментом, золотой насечкой и инкрустацией. Но основная масса женщин пользовалась серебряными застежками, украшенными чернью.

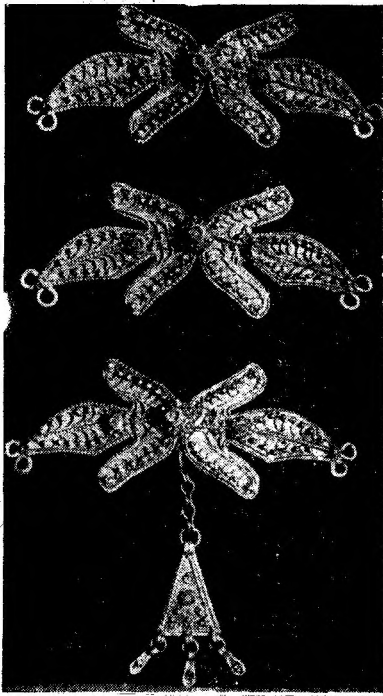

Рис. 15. Поясные застежки (шарпаз).

Застежки пришивали на платье по линии талии (маленькие — по 3—6, большие—по 3—4). Пожилые женщины носили небольшие («хирке») пряжки и попроще. Застегивали застежки справа налево.

Пояса — «бельбав», «камал».

С нарядным платьем молодая кумычка носила всегда пояс. Один из распространенных видов поясов состоял из массивных звеньев — круглых или длинных прямоугольных 8—10 серебряных пластинок, соединенных между собой посредством колечек или шарниров. Такой пояс снабжался обычно массивной фигурной пряжкой. Большинство этих

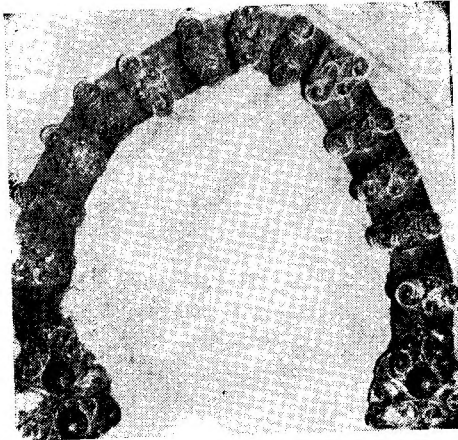
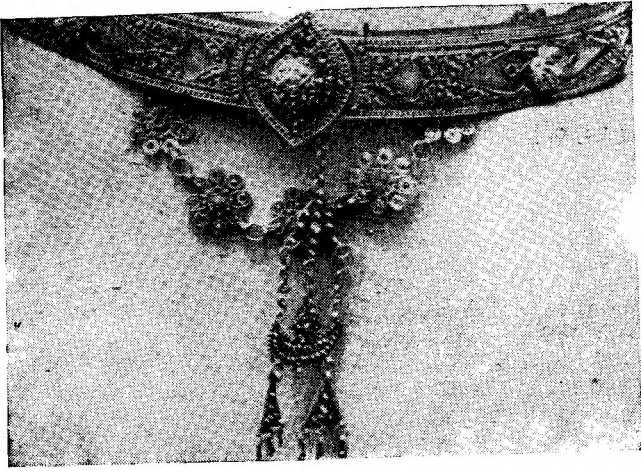
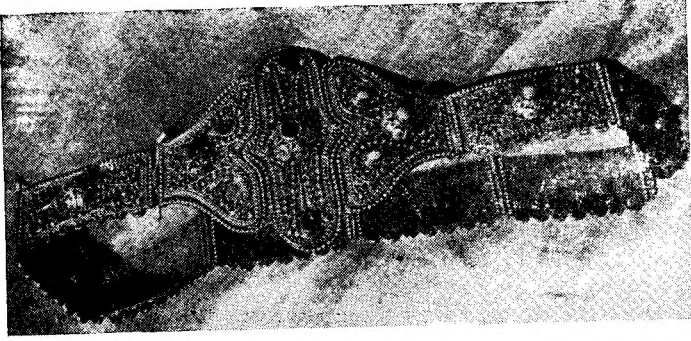

Рис. 16. Женские пояса (камал).

подвески в виде филигранного с зернью полумесяца, или в виде одного звена пояса, позолоченного и украшенного мелкими цветными камушками, как и пояс. К подвескам в свою очередь прикреплялись ромбовидные или треугольные пластинки. Встречаются и другие пояса, сделанные также из серебряных пластинок, но без подвесок, менее нарядные, хотя и украшенные глубокой гравировкой с чеканным фоном и чернью. Те и другие пояса носили женщины только из богатых семей, ибо они стоили очень дорого — стоимость одного пояса равнялась стоимости коровы, лошади или нескольких овец. Широкое распространение имели пояса, состоящие из широкого золотого или серебряного галуна, или бархата на подкладке и массивной серебряной фигурной пряжки ювелирной работы. Нередко к таким поясам на определенном расстоянии одна от другой нашивались фигурные пластинки (10—15 штук) такой же работы, как и сама пряжка.

Одним из видов женских поясов были матерчатые пояса с металлическими застежками—ювелирными крючками, пряжками с нашитыми сплошь монетами различных достоинств. Монеты нашивались обычно тремя рядами в следующем порядке: верхний ряд из мелких монет, средний ряд из 50-копеечных и третий из наиболее крупных (обычно царских рублей).

Были еще серебряные пояса из двух рядов пластинок полусферической формы, на большой пряжке. Они обычно покрывались разноцветной эмалью. Такие пояса в основном изготовлялись во Владикавказе как дагестанскими, так и северокавказскими и армянскими мастерами.

Подобные пояса встречаются у всех народов Дагестана и Северного Кавказа. Нередко их изготовляли одни и те же мастера—златокузнецы. Однако пояса кумычек по своим фасонам были более близки к поясам северокавказских женщин (осетинок, кабардинок и т. д.), чем горянок Дагестана, у которых они были более массивны. В домашних условиях, за исключением невест, такими поясами не пользовались. Пояса не носили малолетние девочки и старые женщины. Из моды они вышли в 30-е годы нашего столетия. В настоящее время нарядные пояса сохраняются как семейные драгоценности.

Украшения для рук.

Украшения для рук представлены всевозможными кольцами «юзюк» и браслетами — «билезик». Они изготовлялись в основном из серебра, чаще с позолотой.

Кольца. Среди украшений для рук наиболее распространенными были кольца из серебра, реже из золота. Кумычки носили обычно кольца с цветными камнями, с бирюзой, рубином, цветным стеклом, украшенные зернью, кумычки из богатых семей — золотые с изумрудом, с бриллиантами, жемчугом и т. д. Носили кольца и без камней, с плоскими головками квадратной или овальной формы, украшенными растительным орнаментом под чернь. Кольцами обычно украшали указательный и безымянный пальцы.

Браслеты. Украшениями для рук были преимущественно легкие браслеты, состоящие из трех тонких пластинок (большая в центре, меньшие по краям), соединенных посредством шарниров. Такие браслеты закреплялись на запястье замкнутым кольцом на шарнирной застежке. Бытовали также сплошные браслеты с несомкнутыми, закругленными концами, надеваемые путем их легкого разгибания. В конце XIX—начале XX вв. такие браслеты носили редко. Поверхность тех и других браслетов покрывалась гравировкой под чернь, разнообразным геометрическим и растительным орнаментом, украшалась зернью, а также инкрустацией из камней, стекла и пасты.

В начале XX века больше покупались браслеты фабричного изготовления, чем браслеты, изготовленные дагестанскими мастерами. Кумычки из знатных семей носили на одной и обеих руках золотые браслеты фабричного изготовления, богато инкрустированные драгоценными камнями, покрытые разноцветной эмалью.

Головные украшения. Судя по косвенным данным у кумыков в прошлом широко бытовал обычай ношения булавки или брошки «тырнавуч» на голове. В конце XIX—нач. XX вв. булавки и броши головного убора прикалывали только знатные женщины. Это были уже главным образом фабричные броши и булавки из золота, усыпанные драгоценными камнями. Их прикалывали поверх гипюрового, газового платка, а иногда и прямо к волосам (девушки).

В феодальных, княжеских семьях женщины в торжественных случаях надевали ажурной работы украшения—«таж», «такъья». Они делались разной формы: типа легкой тибетейки, короны, русского кокошника.

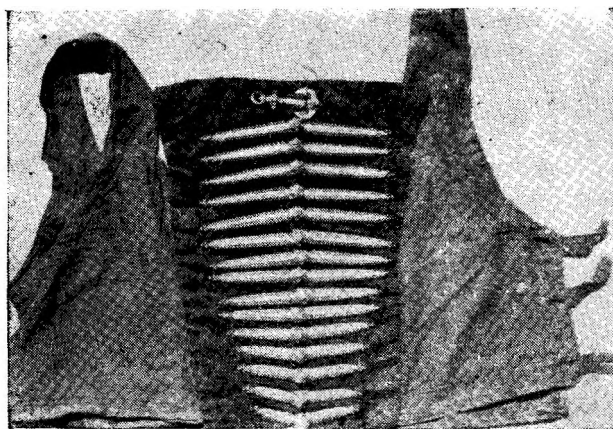
Некоторые из женских украшений имели значение амулетов. В футлярчиках ювелирной работы богатые молодые женщины носили талисманы «обереги» якобы против болезней, «сглаза», против «сил злых духов» и т. д. Иногда молитвенные листочки складывали треугольничком или квадратиком, обтягивали шелком, украшали нарядным галуном, тесьмой, а затем, нередко с трех сторон, пришивали мелкие монеты. Эти амулеты с украшениями пришивали к рукавам платья. Амулетами являлись и некоторые украшения из янтаря, особого пестрого камня—«гёз минчакъ», а также «отгоняющего зло» айвового дерева—«гъайва минчакъ». Последние делались из ветки, срезанной в определенное время года. «Обереги» зачастую пришивали к детской одежде, особенно девочек.

Однако все перечисленные виды украшений носились с разной одеждой и по разному поводу. Светлое легкое летнее платье, легкий платок из гипюра, газа требовали легкие узкие пояса, мелкие легкие застежки, «хирке», легкие ожерелья. К зимней одежде соответственно требовались более массивные, крупные украшения. Излишества в украшении костюма указывали на грубый вкус. Украшения носили и девочки, но в меньшей степени и преимущественно из мелких монет, бус, серег. Пояса, браслеты, большие застежки они не носили. Особенно были обильны и разнообразны украшения невест, которыми одаривали родственники со стороны жениха.

Характер украшения, так же, как и костюма в целом, отражал социально-экономическое положение семьи. Изделия из золота, богато инкрустированные драгоценными камнями, большое их число было доступно только феодальной верхушке, дворянству и купечеству. Широкие слои довольствовались более дешевыми серебряными изделиями, которыми снабжали их местные мастера-златокузнецы.

Анализ женских украшений кумыков дает основание заключить, что общность их с женскими украшениями других народов Дагестана и Северного Кавказа является следствием того, что поставщиками предметов украшения для всех этих народов были почти одни и те же мастера-ювелиры. Близкое соседство отдельных этнографических групп кумыков с теми или другими дагестанскими и северокавказскими и закавказскими народами способствовало образованию некоторых общих локальных особенностей предметов украшения. В то время, как у кумыков Терско-Сулакской низменности в XIX—нач. XX вв. бытовали некоторые виды украшений, характерные для осетин, черкесов и т. д. (нагрудные застежки, некоторые варианты поясов и т. д.), у кайтагских кумыков

встречались ожерелья азербайджанского типа из продолговатых граненых бус в виде ячменя. У тех же кумыков в большей степени чем у остальных этнографических групп бытовали украшения из разных монет.

Р и с. 17. Нагрудные украшения из серебра:
а) нашитые на лиф (к'яршума), б) кольцо (т'еш таг'ым).

За годы Советской власти, с преобразованием культуры и быта кумыков, совершенствованием вкуса, украшения их одежды подвергались большому изменениям. Намного сократилось число украшений, изменилась их форма. В настоящее время популярны украшения только фаб-

ричного производства, приобретаемые в государственных ювелирных магазинах, что привело к нивелировке форм этих украшений в Дагестане. Многие молодые кумычки — модницы строго следуют при этом современной моде крупных городов.

§ 7. Косметика.

Много внимания уделяли молодые кумычки косметике—«ягъыныв». Идеалом красоты считалась стройная женщины с тонкой талией, с чистым белым лицом, длинными косами, с румянцем, завитыми локонами—«тулум», густыми длинными бровями формы полумесяца. «Бюлдюрге дарай гёйлекли. Енглеге сие-сиймей булекли. Аршын чачлы, ай къашлы. Базар оймакъ авзулу. Бадам япракъ бюрнулу. Чекесине ете-етмей къош къашлы» («В платье из дараи, с руками еле вмещающимися в рукав, с косами длиной в аршин, с бровями в полумесяц, со ртом величиной базарного наперстка, с носом листочка миндального дерева, с бровями, доходящими до висков»). Так рисуют кумычки красоту молодой, сильной женщины. Кумычки применяли простые средства ухода за кожей лица: вымыв теплой водой лицо, мазали на ночь смесью масла и воска в теплом виде и простоквашей. Со лба, вокруг бровей и губ убирали волоски — «бет ала» с помощью перекрученной нити или маленьких щипцов. Некоторые женщины еще в конце XIX—нач. XX вв. применяли и татуировку лица: путем накалывания иглой продолжали брови в сторону висков, ставили между бровями точку. Однако этот обычай в конце XIX в. перестает бытовать.

В качестве косметических средств многие кумычки применяли белила —«ова» и румяна — «энгилик». Особенно любили подводить глаза, брови и ресницы сурьмой «мсюрме», которой лечили и болезни глаз. Сурьму привозили главным образом из Персии, но нередко готовили черную пасту для бровей из жженных грецких орехов или из чеснока с маслом. Сурьму хранили в специальных чехольчиках из сафьяна. Многие женщины, особенно старшего возраста, красили волосы хной. Это делалось как для красоты, так и для укрепления корней волос. Считалось, что хна помогает от головной боли. Любители красили хной и ногти. Для укрепления волос кумычки накладывали на голову кашицу из толченых горьких ядер абрикоса (с небольшим количеством винного уксуса) в горячем виде, или мыли голову сывороткой или кислым молоком, а для их блеска в воде растворяли яичный белок с маслом. Женщины из знатных семей делали ароматические протирания тела, мазали волосы репейным маслом и т. д.

§ 8. Обрядовая одежда.

Свадебная одежда. Свадебный наряд невесте—«гийитлер», полностью дарил жених, причем у состоятельных кумыков он посылал несколько комплектов. Так, например, в предреволюционные годы в сел. Казанище жених из семьи среднего достатка должен был послать невесте на платье отрезы шерсти, кисей, плотного набивного шелка «хара» (отдельно на платье къабалай), отрез из шелка на рубаху—«гёйлеклик», на штаны из дараи, 8—9 платков, в том числе из набивного шёлка—«хара явлукъ», кашемира—«шал явлукъ», теплый шерстяной с завитками и чутку—«керпе явлукъ» и 5—6 тонких, шелковых платков производства шелковой фабрики Гянже (Кировобад)—«генже явлукъ», «гюлмелли»; пару обуви— модные фабричные сапожки—«шивликлер» или традиционные башмаки. Богатые семьи требовали еще шкурки на шубу и ткань на ее покрытие. Кроить и шить наряд невесте помогали родственники и подруги и перед отправлением невесты в дом жениха наряжали ее в лучший комплект одежды.

Свадебный наряд невесты состоял из широких шелковых штанов «генг балакъ иштан», длинной шелковой рубахи — «бурушма гёйлек», платья с откидными рукавами «арсар», «къаптал» из плотного набивного шелка «хара» или гладкого плюша «махмар», шерстяного или шелкового чуткью, шелкового платка, чаще светлых тонов, чувяк из красного сафьяна, кожаных галош и (в отдельных обществах) шубы из мерлушек. Обязательной принадлежностью костюма невесты были также украшения и прежде всего пояс, кольца, коралловые ожерелья. Бедные семьи справляли приданое более скромно, из более дешевых тканей, в меньшем числе. Сроки носки свадебных нарядов в разных семьях были различны, чаще зависели от экономического и сословного положения семьи. Однако повсеместно до рождения первого ребенка женщины одевались значительно богаче, чем другие члены семьи.

Траурная одежда — «кара гийим». Она шилась из простых тканей темных тонов. Самые близкие — жена, дочь, сестра умершего носили длинное (длиной до пола) черное платье, черный платок, а другие родственницы — серое, мышинного цвета платье, белый мадаполамовый или бязевой платок, черную обувь. Если сестра имела, кроме умершего, еще брата, то она вместо черного платка надевала белый платок; равным образом жена, дочь также носили белый платок, если они имели братьев. Траурную одежду надевали не в день смерти, а после похорон, на 5-й, последний день массового оплакивания. В эти же дни яса — массового оплакивания с участием населения — близкая к умершему женщина на семь дней надевала мешок с прорезями для головы и рук. Мужчины в дни оплакивания надевали шубу мехом вверх. Кое-где в конце XIX в. сохранились пережитки древнего обычая: сестра, в отдельных случаях и молодая жена умершего, отрезали 2 косы с головы, с темени и обматывали запястья рук.

Траур по главе семьи — кормильце, а также юноше соблюдался в большей степени, чем по женщине и мужчине, достигших глубокой старости. Во время траура одевались небрежно, умывались — не особенно старательно, все украшения прятали, убирали локоны с висков, головной убор надевали низко на лоб. Срок траура различался в зависимости от степени родства: сестра, жена, дочь держали траур от года до двух лет, двоюродные сестры — до года, дальние родственники и соседи — 40 дней. В течение этого срока нельзя было выходить за ворота своего дома. После 40 дней все родственники собирались в доме умершего и справляли поминки «къыркъ» («сорок дней»). Здесь старший, самый близкий родственник благодарил всех за ношение траура и разрешал родственникам снять траур. В знак благодарности семья преподносила отрезки на платья, иногда и на платки, всем тем женщинам, которые носили траурную одежду, независимо от степени родства. Ношение траурной одежды особенно строго соблюдалось в феодальных семьях, которые требовали от аталыков своих детей, от семей зависимых крестьян строгого соблюдения всего траурного этикета и даже ношения в дни похорон балахона или мешка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, традиционная одежда кумыков, отличаясь большим разнообразием и была в основном однотипной на всей кумыкской этнической территории. Наличие отдельных локальных особенностей у некоторых этнографических групп не противоречит этому общему выводу, поскольку они касались лишь отдельных элементов. Равным образом женская

одежда кумыков обнаруживает большое сходство и с одеждой других народов Дагестана.

Так, костюм кумычки имел большое сходство с женским костюмом горянок. Общедагестанскими, например, являлись описанная выше туникообразная рубаша, длинные штаны обоих фасонов, суженные книзу и широкие. У лезгин, табасаранцев, у кайтагцев женщины носили платье типа полуша и арсар.

Один из видов основного элемента головного убора—«чуткъу» был (хотя с особенностями покроев) характерен для головного убора всех горянок—«чук» (дар.), «чохто» (авар.), «шуткъу» (лезг.) и т. д. Широко пользовались женщины всех районов Дагестана мягкими чувяками, шерстяными вязаными носками, башмаками. Много общего имелось и в украшениях. Серьги, кольца, металлические пояса, браслеты и т. д. во многих своих вариантах имели одни и те же формы, ибо были общего происхождения, изготовлялись в общих ремесленных центрах, одними и теми же мастерами ювелирных дел. В то же время костюм кумыков имел и своеобразные черты. Например, традиционная овчинная шуба кумыков в «талию» с обычными рукавами, цельнокроенная в своей основе, значительно отличалась от шуб (мужских и женских) даргинцев, аварцев, лакцев, агулов, цахуров и других народов Дагестана, у которых основные виды шуб представляли собой накидки либо с длинными ложными рукавами, либо без рукавов. Шубы же в талию были распространены главным образом у горцев, граничащих с кумыками. Своеобразной была и обувь у кумыков.

Кумыкский женский костюм имел больше чем мужской особенностей, отличающих его от костюма горянок. В отличие от женского платья даргинок, аварок, лачек, имеющих главным образом широкий туникообразный покрой, все виды платья кумычек шились в талию. Платья типа къабалай, полуша горянки вовсе не носили. Наличие этих видов платья в отдельных горных обществах в XIX и в нач. XX вв. можно лишь объяснить результатом культурного влияния соседних народов, и прежде всего кумыков и азербайджанцев. Судя по полевым этнографическим материалам, платье къабалай через Кумыкию проникло в горы в феодальный период, сперва в ханские резиденции — Кумух, Хунзах, Каракурейш, Дербент и др. (главным образом через брачные связи с кумыками, а также куначество и атальчество), а затем, позднее — в окружные центры и другие крупные населенные пункты (главным образом через жен служащих расквартированного в Темир-Хан-Шуре Дагестанского конного полка, которые возвращались, как это отмечал еще П. Пржецлавский, в свои аулы и щеголяли в нарядах кумыкского образца, а также через жен приезжих служащих военно-народного управления). Однако в горах Дагестана платья в талию и тем более къабалай не имели широкого бытования.

Существенные различия наблюдались и в головных уборах. В отличие от единого для всей кумыкской этнической территории простого покроя и лишнего всякого украшения головного убора в виде мешочка, чухто, у ряда народов нагорного Дагестана, и прежде всего аварцев, даргинцев, были известны и другие совершенно оригинальных форм (в виде капюшона, чепца, шлема, квадратной повязки и т. д.) головные уборы с различными височными, налобными, теменными, серебряными украшениями. Некоторые различия имели платки. В то время как кумычки носили квадратные или треугольные платки, у народов аварской и даргинской групп основным видом верхнего головного убора женщины были длинные, в 2—2,5 метра полотнища, покрывала, которые особым образом надевались на голову. Отличительные особенности имела тра-

диционная обувь кумычек. Кумычки совершенно не носили войлочных и кожаных сапог, являющихся неотъемлемой частью обуви горянки; чувяки их имели более простой покрой.

Можно было бы привести сравнительные данные, свидетельствующие о сходстве женской одежды кумыков с одеждой других народов Кавказа, но эта задача специального исследования.

С. Ш. ГАДЖИЕВА
А. Ф. ГОЛЬДШТЕЙН

ЖИЛИЩЕ ДАГЕСТАНСКИХ ТЕРКЕМЕНЦЕВ XIX—НАЧ. XX ВЕКОВ

Теркеменцы — этнографическая группа азербайджанцев, проживающая в северной части Дербентского района Дагестанской АССР.

Как свидетельствуют источники, дагестанские теркеменцы в своей основе представляют собой часть бывших туркменских племенных групп, ассимилированных еще до XV века, а может быть и позже, с азербайджанским (ширванским) населением, но по традиции очень долго сохранявших свои племенные и этнические названия, в частности «туркмен», отсюда «терекемэ» или «теракемэ» (арабизированное множественное число от «туркеман» — туркмен¹). Обосновались они здесь в XVI в., переселившись из Азербайджана, где, надо полагать, вели кочевой образ жизни. До конца века в Азербайджане термин «теркеме» («туркмены») распространялся на все местное кочевое население. Судя по поздней топонимике местности (названия селений) и по преданиям самих жителей, в формировании дагестанских теркеменцев участвовали таты, падары, ассимилированные уже самими «теракемэ»².

Выше приведенные сведения подтверждаются сообщениями известного азербайджанского историка начала XIX века А. Бакиханова, который писал, что феодальный владетель уцмий кайтагский в отместку податному населению местности, объявившему протест своему владетелю, т. е. уцмию, во время сбора податей, «вызвал из разных мест Ширвана туркменцев и поселил ими ныне существующие деревни магала Теркеме (тюркмены)»³.

С А. Бакихановым согласуются и архивные данные о теркеме, которые свидетельствуют о том, что, завладев этими землями, один из уцмиев заселил их выходцами из Кубы, Шемахи, Ленкорани и из других местностей Закавказья⁴. Дагестанские теркеменцы, как сообщают источники, вначале и на приморской равнине Дагестана продолжали кочевать, проживая в кибиточных поселениях, но вскоре, под влиянием окружающей среды, перешли на оседлость. Переселенцы были обязаны нести всевозможные повинности и подати, среди которых первое место занимал «чихиш» — подать зерном⁵.

Дагестанские теркеменцы антропологически смешаны. Как показали исследования, проведенные в 1961 году известным советским ученым

¹ См. И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в.—«Сборник по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949.

² О дагестанских теркеменцах более подробно см. С. Ш. Гаджиева. Очерк истории и этнографии дагестанских теркеменцев в XIX веке. «Уч. зап. Дагестанского государственного женского пед. института», вып. 2. Махачкала, 1958 г.

³ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, («Труды общества обследования и изучения Азербайджана», вып. 4), стр. 89.

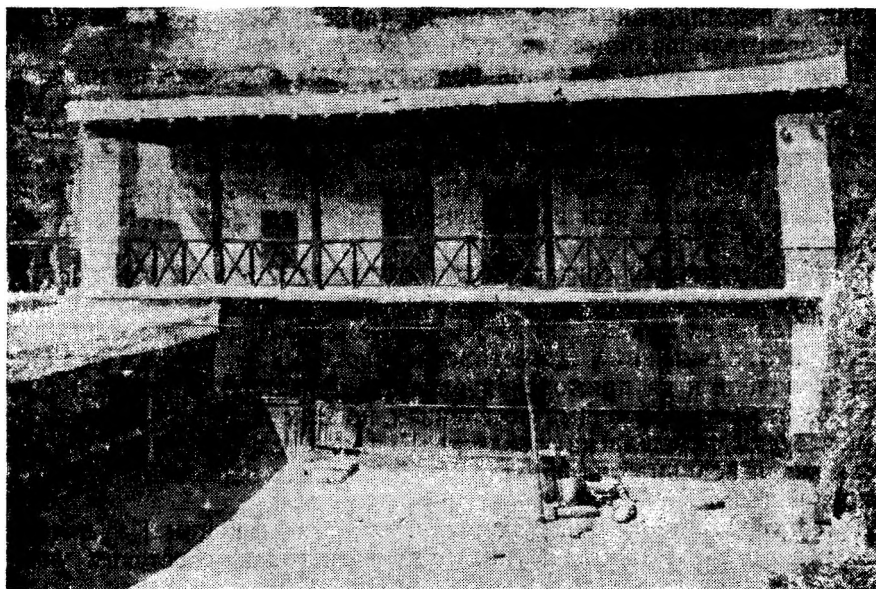
⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 23.

⁵ Там же, л. 26.

Г. Ф. Дебецем и его учеником, ныне доктором исторических наук А. Г. Гаджиевым, теркеменцы обнаруживают черты сходства в основном с каякентскими (южными) кумыками и (в большей степени) с азербайджанцами. Поэтому в целом теркеменцев считают представителями (хотя и нетипичными) каспийской подрасы. Согласно результатам исследований, по сравнению с азербайджанцами теркеменцы выше ростом, более широколицы, несколько менее пигментированы (кожа светлее), у них менее полные губы, меньше волнистость волос, менее густые брови. Эти отклонения рассматриваются антропологами как следствие определённого смешения теркеменцев-переселенцев с соседними народностями Дагестана, прежде всего с кумыками и даргинцами (кайтагами) ⁶.

Говорят дагестанские теркеменцы на диалекте азербайджанского языка и официально считаются азербайджанцами, но по своим обычаям, особенностям культуры и психическому складу близки к дагестанцам, отличаясь в этом отношении от собственно азербайджанцев, в том числе проживающих на территории Дагестана.

По преданию, сохранившемуся в памяти представителей старшего поколения теркеменцев, первым населённым пунктом переселенцев в Дербентском районе было селение Уллу-Теркеме, из которого часть их якобы позже образовала другие теркеменские селения. В прошлом на этой территории было 12 селений, называемых специальным термином «он эки пара Теркеме» (Теркеме, состоящее из 12 частей). С конца XIX в. существовало 10 теркеменских селений: Берикей, Великент, Джемикент, Деличобан, Падар, Карадаглы, Татлар, Уллу-Теркеме, Садих, Мамедкала.

а)

Рис. 1. (а) Дом Якубовых в сел. Великент, 1910-е годы: вид на жилой дом со двора.

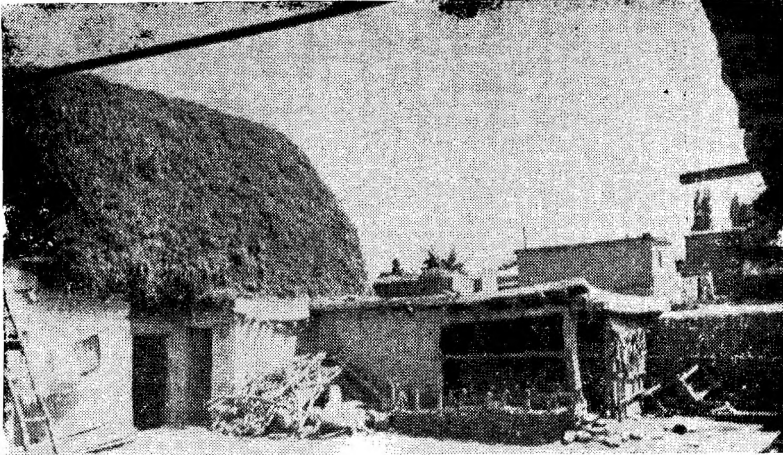
Селения теркеменцев расположены на равнине. Улицы их извилисты, шириной 6—8 м, расположены бессистемно, направление их обуславли-

⁶ Устные сведения, любезно предоставленные А. Г. Гаджиевым.

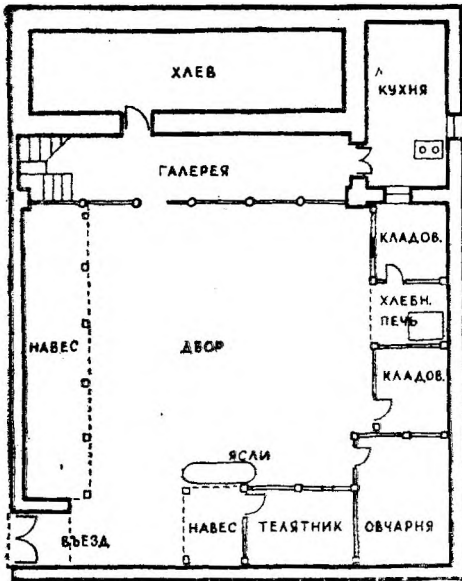

вазлось случайными факторами. Раньше, как это было принято по всему Дагестану, на них не было зелени, в наше время все чаще устраиваются усадьбы с садом.

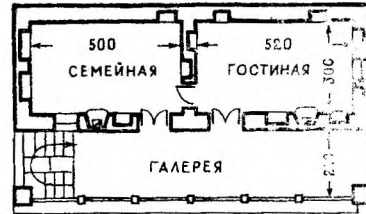
Прежде усадьбы теркеменцев традиционного типа состояли из жилого дома и хозяйственных построек, расположенных по периметру двора. Планировка и весь характер теркеменской усадьбы аналогичны кумыкской и отличаются от азербайджанской. За исключением северо-восточной горной части Азербайджана, населенной лезгинами, где усадьбы

б)

I этаж.

II этаж.

Рис. 1. (б, в) Дом Якубовых в сел. Великент, 1910-е годы: вид на I этаж дворовые постройки; планы этажей.

подобны дагестанским, в Азербайджане крестьянская усадьба «состояла из трех частей: сада, огорода и внутреннего дома, на котором размещались жилище и хозяйственные постройки»⁷. Теркеменцами такой тип усадьбы не был воспринят.

Дом здесь ставился на северной стороне земельного участка и был ориентирован главным фасадом на юг. Вокруг двора располагались хозяйственные постройки: хлева, сарай, навесы (рис. 1, а, б, в).

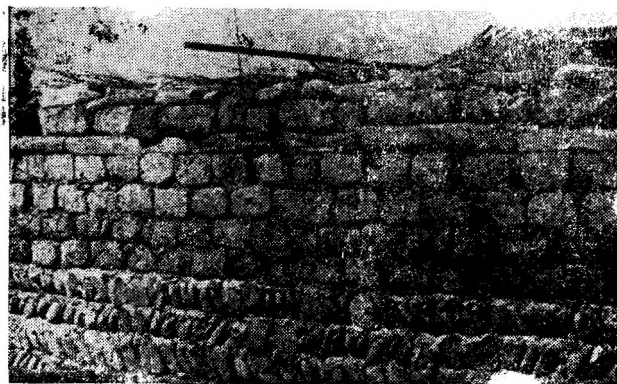

Рис. 2. Ограда усадьбы — стена из саманного кирпича на каменном цоколе.

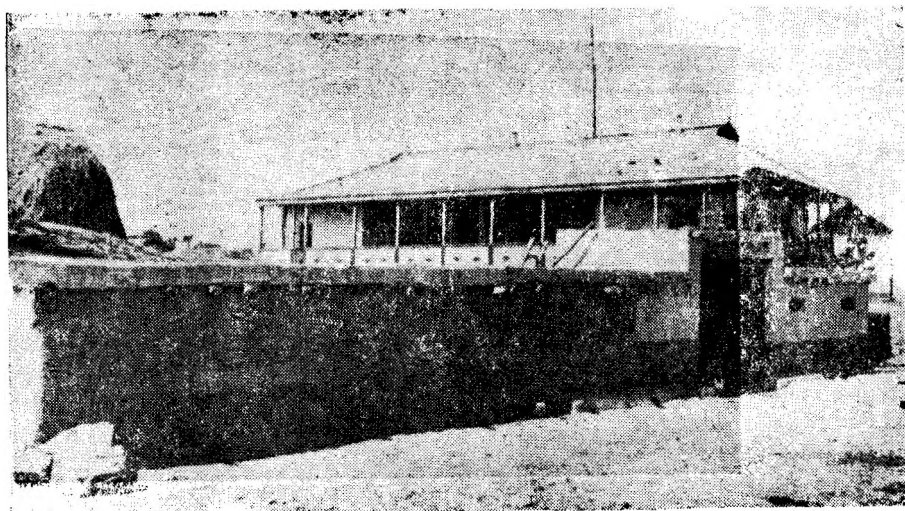

Рис. 3. Внешний вид усадьбы с характерным устройством ворот.

Вся усадьба ограждалась глухим забором, служившим одновременно тыльной стеной строений⁸. Эта ограда возводилась, как и стены

⁷ В. П. Кобычев. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в. СЭ, 1957, № 3, стр. 59.

⁸ Усадьбы аналогичного характера присущи кумыкским районам, а также смежной с Дагестаном северо-восточной части Азербайджана (В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. «Кавк. этн. сб.», III, М.—Л., 1962, стр. 10).

построек, из саманного кирпича на каменном цоколе (рис. 2). Встречаются ограды, выложенные целиком из камня. В прошлом капитальные ограды имелись при богатых домах, обычно же усадьба ограждалась забором-плетнем, теперь плетнем ограждают сады.

Въезд на старую усадьбу состоятельных хозяев представлял собой своего рода строение, проходит он под навесом, опирающимся на две параллельные стенки (рис. 3)⁹. Такие сооружения характерны также для кумыкских селений Дагестана. У большинства же сельчан применялось более скромное решение въезда: проем в ограде закрывался двумя-тремя жердями, устанавливавшимися в горизонтальном положении параллельно друг другу; концы жердей вставлялись в гнезда двух столбов, врытых в землю по обе стороны проезда. Местами такое устройство сохранилось до сих пор.

Навесы, которые устраивались по периметру двора перед постройками или же в виде отдельных сооружений, примыкающих к ограде, служили для многообразных хозяйственных надобностей: под ними хранился сельскохозяйственный инвентарь, складировались дрова, отдыхал скот ночью в теплое время года и т. д. Под особым навесом находился ток

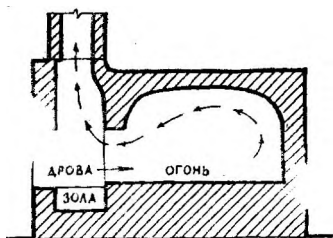
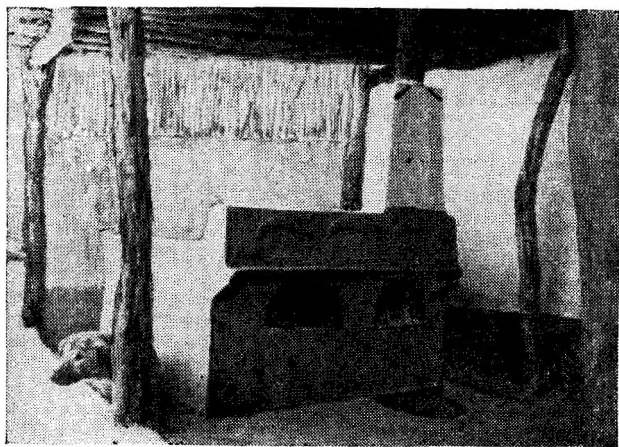

Рис. 4. Печь для выпечки хлеба; общий вид и разрез.

дров. Труба для вытяжки дыма устанавливается над зонтом, расположенным перед этими проемами. Таким образом, горячий воздух отводится

для очистки риса. Под одним из навесов сооружалась печь для выпечки хлеба. В более отдаленном прошлом печи устраивались для группы родственных семей, позднее их стали делать, как правило, в каждом дворе.

Хлебные печи имеют различное устройство в разных местах Дагестана. У теркеменцев издавна принята печь кумыкского типа (рис. 4). В такой печи топка и место для выпечки хлеба находятся в одной общей камере рядом, но с особыми проемами снаружи для хлеба и для

⁹ Это древний и распространенный в Передней Азии прием. Так, ворота в виде постройки, состоящей из двух параллельных стен и крыши, известны из раскопок Трои.

после того, как он обошел камеру, в которой выпекается хлеб. Перед топкой имеется приямок для выгребаемой золы.

Под навесом же (непосредственно перед домом) находилось хранилище для зерна. Оно представляло собой высокий узкий короб (рис. 5). Дно такого короба сделано из досок, а стенки вылеплены из глины (с добавлением рубленой соломы или мякны) путем постепенного наращивания. Верх закрывался досками, а в нижней части стенок имелись выпускные отверстия.

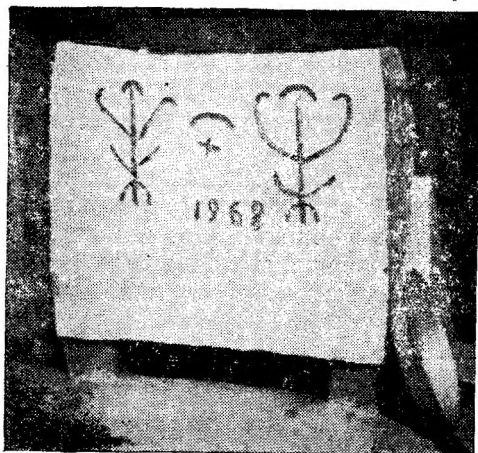

Рис. 5. Емкость для хранения зерна.

Раньше зерно хранили также в ямах, которые располагались под навесом во дворе. Яма имела глубину 2,5 м, стенки ее обносили камышом, а дно выстилали соломой. Накрывали такую яму дубовыми доска-

Зернохранилища такого типа были распространены в предгорно - плоскостной части Дагестана (у кумыков, даргинцев, лезгин). Встречаются у теркеменцев и деревянные лари для зерна. По словам местных жителей, они были куплены у горцев Верхнего Кайтага лет сто тому назад. Характер устройства и отделки ларей подтверждают эти сведения¹⁰.

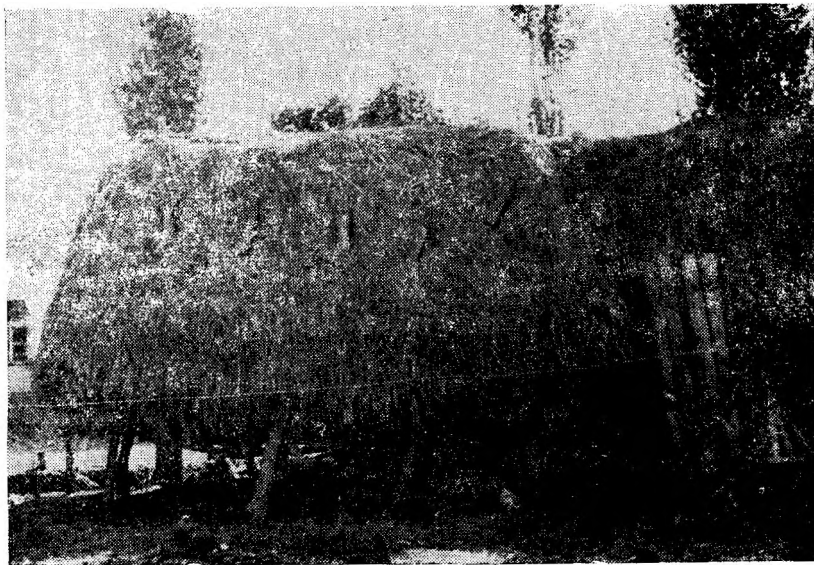

Рис. 6. Хранение сена на помосте.

¹⁰ См. А. Ф. Гольдштейн. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969, рис. 29.

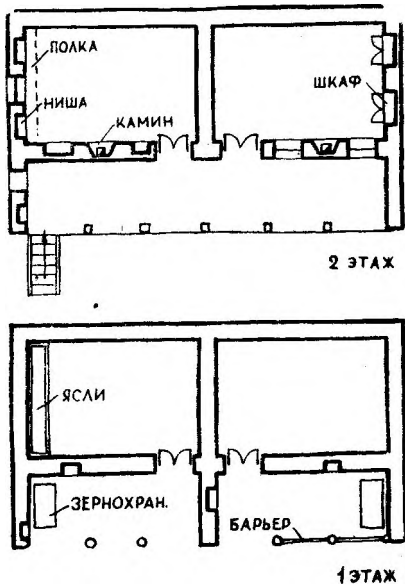
ми и сверху обмазывали глиной. Открывали их по необходимости, обычно весной.

Сено в индивидуальном хозяйстве в большинстве случаев скирдовали, по дагестанскому обычаю, на крыше дворовых построек (рис. 1). Иногда устраивали помост для сена (рис. 6). В старину сено, а также мякину, хранили в плетневых сараях с конической соломенной крышей. Хранение сена на помосте свойственно Южному Дагестану и Азербайджану, а в круглых плетневых сараях — кумыкским районам.

Как уже отмечалось, теркеменцы несколько веков тому назад, очевидно, были кочевниками. Перейдя к оседлому образу жизни, они восприняли традиции домостроительства своих соседей, с которыми имели культурные и экономические связи — главным образом кумыков, даргинцев и азербайджанцев.

Рис. 7. Расположение жилых домов, с. Великент (слева — дом Юсуповых).

Традиционный теркеменский дом — протяженный в плане, с помещениями, расположенными в ряд. При этом соседние дома примыкали друг к другу торцами (рис. 7), как это наблюдается на примерах старых застроек в селениях кумыков, а также других народностей Дагестана.

Дом состоял, как правило, из двух комнат в жилом этаже. Одна из этих комнат служила для повседневного пребывания членов семьи; здесь же готовилась пища, хранились продукты питания, находились употребляемые в быту предметы. В другой комнате содержались лучшие вещи: она была парадно убрана, ею пользовались реже, и она являлась как бы гостиной (служила для приема гостей) и одновременно спальней подросших сыновей;

в дальнейшем эта комната обычно становилась помещением семьи одного из сыновей.

Эту вторую, парадно обставленную комнату дагестанского дома, в литературе нередко называют «кунацкой». Но этот термин в данном случае не совсем обоснован. Кунацкая как специальное помещение или отдельная постройка для гостей имела раньше в зажиточных усадьбах у народностей Северо-Западного Кавказа (кабардинцы, черкесы), а также кумыков Терско-Сулакской низменности. Как полагал известный советский ученый М. О. Косвен, это помещение ведет свое происхождение от общественного «мужского дома» и с принятием мусульманства предназначалось для изоляции посетителей мужчин от женщин семьи¹¹. В приморском Дагестане (кумыки, теркеменцы, табасараны) зажиточные хозяева со второй половины XIX в. стали отводить специально для гостей одну из комнат дома, и затем это вошло в более широкий обычай. Что же касается горного Дагестана, то в старину здесь жилище было, как правило, однокамерным¹². В двухкомнатных домах, получивших широкое распространение с XIX—XX вв., вторая комната не предназначалась специально для приема гостей, а частично использовалась для этого. Отсутствие у жителей нагорного Дагестана специальной кунацкой удостоверяют и другие этнографы¹³.

В условиях Дагестана при устройстве двухкомнатного дома имелось в виду, в конечном счете, совместное проживание родителей с семьей сына, или же семей двух братьев. Часто два брата совместно строили двухкомнатный дом. Такое положение существовало и у теркеменцев.

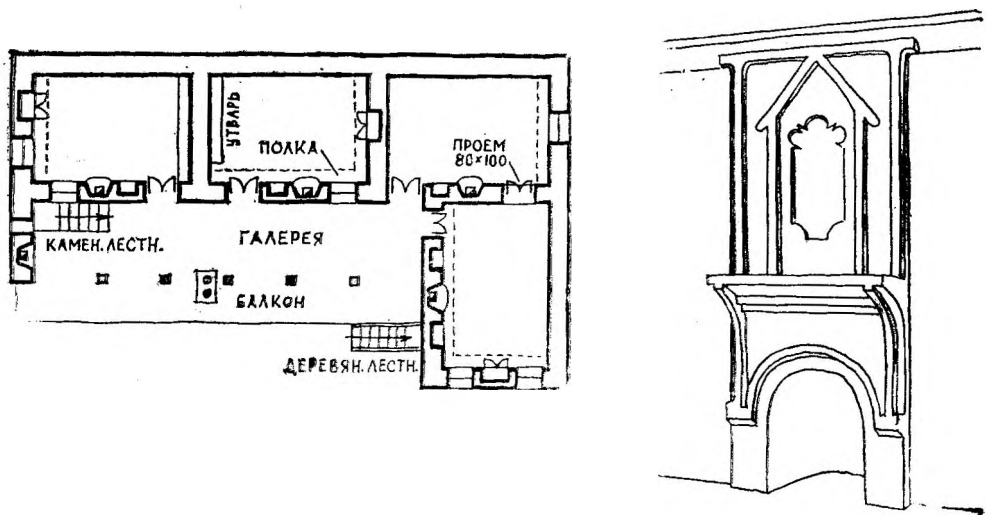

Рис. 8. Дом Сейдаевых в сел. Падар, конец XX в.: план 2 этажа; камин в одной из комнат.

¹¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 126—129.

¹² Авторы второй половины XIX века сообщают, что «кунацкая бывает только у зажиточных» (Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, 1, 1868, стр. 33); убранный комната «допускается только богачами как роскошь. Подобных комнат на 1200 семейств аула приходится 40 или 50». (Г. М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, VII, 1873, стр. 29).

¹³ М. О. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. УЗИИЯЛ, IX. Махачкала, 1960, стр. 249; А. И. Исламгагомедов. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX веках, УЗИИЯЛ, XIV, сер. ист., Махачкала, 1965, стр. 266.

В одном случае был встречен даже четырехкомнатный дом, построенный четырьмя братьями (рис. 8). Однако теперь у теркеменцев в традиционном двухкомнатном доме проживает лишь одна малая семья; одна комната служит повседневно-бытовой, вторая—парадной. Аналогичный характер распределения функций помещений двухкомнатного дома до последнего времени имел место и в остальном Дагестане, а также в Азербайджане, где «в современном жилище колхозника еще не произошло окончательно разделения комнат на кухню, общую комнату и спальню; наблюдается стремление к разделению помещений на чистую парадную жилую комнату и рабочую, в которой проходит вся кухонная работа; здесь размещаются очаг и другое оборудование для этой цели, и здесь же принимают пищу»¹⁴.

В жилище теркеменцев, как и везде в Дагестане, а также в Азербайджане¹⁵, отсутствовало разделение на мужскую и женскую половины, наблюдавшееся, например, в Средней Азии.

В двухкомнатном теркеменском доме комнаты располагались рядом, вдоль дворового фасада, и каждая имела свой вход снаружи; иногда они, кроме того, сообщались между собой через маленькую дверь. Окна находились в той же стене, что и входная дверь. Бывали окна и в торцевых стенах. В задней стене окон обычно не устраивали (рис. 9) потому, что эта стена зачастую выходила в соседний двор, а также потому, что в комнате вдоль этой стены проходила полка, на которой складывались постельные принадлежности. Окна делались на высоте около 30 см от пола, потому что мебели не было и сидели на коврах, разостланных на полу.

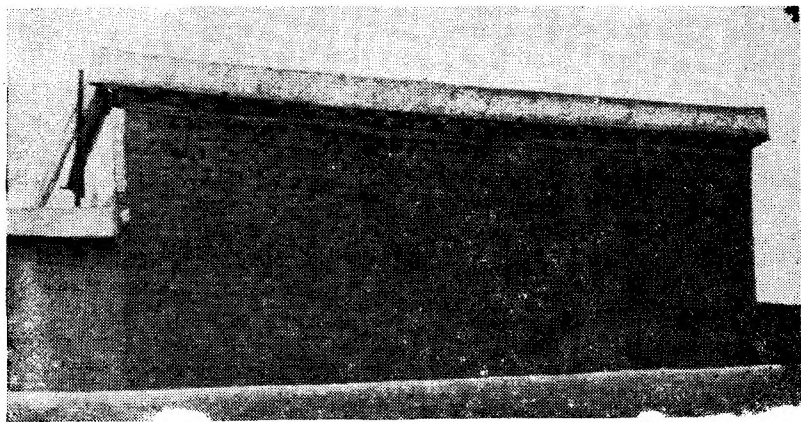

Рис. 9. Обычный вид теркемейского дома сзади.

В стенах помещений устраивались ниши для домашних вещей. Иногда (обычно в парадных комнатах) эти ниши снабжали дверцами, образуя стенные шкафы. Зачастую в нише устраивали деревянные полки, на которых расставлялась посуда и другая домашняя утварь.

В передней стене, т. е. в той, где входная дверь, находился камин. Такое расположение камина характерно в Дагестане для жилого дома,

¹⁴ А. А. Садых-Заде. Архитектура сельских жилых районов в северо-восточных нагорных районах Азербайджана. Диссертация. М., 1954, (рукопись), том I, стр. 107.

¹⁵ А. В. Саркисов. Архитектура народного жилища нагорных районов Азербайджана. В кн.: «Архитектура Азербайджана», Баку, 1952, стр. 565.

обычного в кумыкских (кроме засулакских) и граничащих с плоскостью северо-аварских районах. В смежных с Дагестаном районах Азербайджана, где жилище в общем сходно с теркеменским, каминь, однако, располагались в одной из поперечных стен или в углу помещения¹⁶. Каминь украшались глиняной лепкой в кумыкском стиле (рис. 8), резко отличном от азербайджанского¹⁷. В отличие от каминь у кумыков и других народов Дагестана, у теркеменцев полочка, разделяющая нижнюю (топка) и верхнюю (дымоход) части каминь — зачастую не обмазывалась глиной и не белилась, а была из строганой (и даже профилированной) доски, окрашенной в темный цвет.

Вдоль одной из стен помещения (как правило, напротив входа) на высоте около метра от пола устанавливалась на подпорках широкая полка, на ней складывались, в определенном порядке, постельные принадлежности семьи — матрасы, одеяла, подушки и пр.

Вдоль внутренней поперечной стены, ближней к выходной двери, на высоте около 40 см шла узкая, в виде ступеньки или же из доски на саманных столбиках, площадка для повседневной хозяйственной утвари.

В верхней части одной-двух стен имелась полочка для посуды¹⁸. В старину эти полки делали из тесаных досок, обмазывали глиной и белили, но с конца XIX в. стали применять строганые доски и красили их нефтью в черный цвет.

Все эти полки (для постелей, хозяйственной утвари, парадной посуды) характерны и для кумыкского жилища.

В старом доме потолки, как и повсюду в Дагестане, не подшивные, т. е. с открытыми балками. Стены побелены, полы земляные, сплошь застеленные паласами (простыми ткаными коврами). Нередко даже в галерее перед домом глинобитный пол застилался — в этом случае грубоотканым пеньковым паласом.

В традиционном теркеменском жилище стены в комнатах были обычно сплошь завешаны пестрыми тканями, а у богатых — еще и коврами — обычай, который был распространен в предгорно-плоскостном Дагестане и Азербайджане¹⁹. В Азербайджане (как и в Средней Азии и Иране) в традиционном жилище широко применялась орнаментальная роспись стен и потолков. В теркеменском жилище, как и в остальном Дагестане, такие примеры единичны, относятся к позднему времени и явно подражательны. Богатые теркеменцы одну из стен парадной комнаты украшали еще и оружием.

Дома теркеменцев строились обычно двухэтажными, хотя бывали и одноэтажные. В двухэтажных домах жилым этажом раньше был только второй: в первом располагались хлевы для крупного и мелкого рогатого скота. В хлеве устанавливали ясли в виде долбленной колоды и ограживали плетнем загон для телят. В случае одноэтажного дома хлевы

---

¹⁶ В. П. Кобычев. Крестьянское жилище, стр. 15; А. В. Саркисов. Указ. соч., рис. 12.

¹⁷ Д. Шарифов. Крестьянская усадьба Нухинского уезда. «Изв. об-ва исслед. и изуч. Азерб.», IV, Баку, 1927, рис. 5; а также А. А. Садых-Заде. Указ. соч., том 2, фото 58—63; ср.: А. Ф. Гольдштейн. Архитектурные памятники Кайтага, рис. 23.

¹⁸ Полка для парадной посуды в верхней части стен являлась обычной деталью жилой комнаты в Азербайджане (А. В. Саркисов, М. Н. Иманов. Некоторые типы народного жилья Кубинского и Кусарского районов. В кн.: «Памятники архитектуры Азербайджана», I, М.-Б., 1946, стр. 95), а также в предгорном и плоскостном Дагестане (С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960, стр. 88).

¹⁹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 221; А. В. Саркисов, М. Н. Иманов. Указ. соч., стр. 94.

устраивались в надворных постройках. Интересно отметить, что одноэтажные дома среди соседей теркеменцев в Дагестане встречаются только у кумыков (они есть и в Азербайджане); у лезгин, а также у даргинцев Кайтага жилой дом почти всегда двухэтажный.

Весь фасад теркеменского дома неизменно занимала широкая (несколько более 2 м) галерея — навес на столбах, идущий вдоль всего здания перед помещениями обоих этажей (рис. 1, 7). Галерея во всю длину фасада, а главное, наличие галереи перед первым этажом особенно характерно среди дагестанских народностей для зодчества кумыков.

В концах галерея ограничивалась продолжениями торцевых стен дома. Таким образом, пространство галереи являлось как бы продолжением пространства помещений. И действительно, в быту галерея использовалась и сейчас используется как летняя жилая площадь.

Обычно линии столбов галерей обоих этажей совпадают, но иногда навес первого этажа выступает, и его крыша образует террасу перед галереей второго этажа (рис. 10). В отдельных случаях эта выступающая часть первого этажа ограждалась стеной, как принято у лезгин и у даргинцев Кайтага.

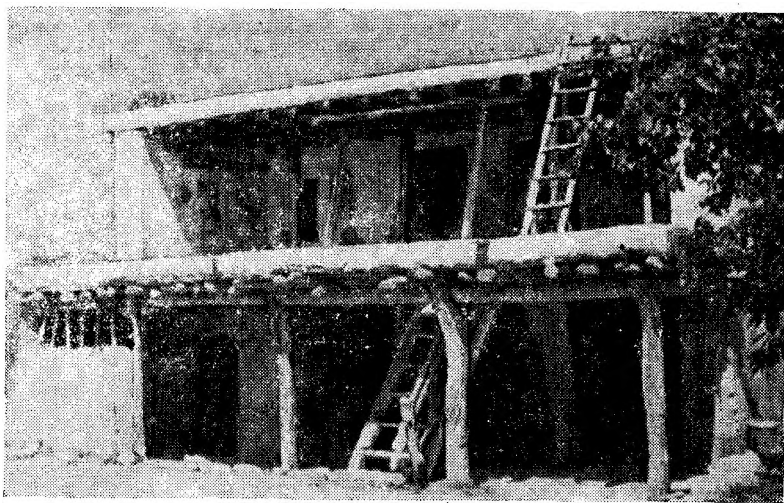

Рис. 10. Дом Азизовых в сел. Уллутуркеме.

Сообщение между этажами осуществлялось по деревянной, изредка глинобитной лестнице, располагаемой перед галереей или внутри нее.

Наряду с вышеописанными, у теркеменцев встречаются среди старых построек характерные дома с проездами и балконами, которые есть и в кумыкских селениях от Маджалгиса до Карабудахкента. Эти дома скомпонованы следующим образом. Как уже говорилось, дом всегда располагался на северной стороне участка с тем, чтобы он был обращен южным фасадом (галереей) во двор. Если при этом северная сторона усадьбы ограничена улицей, то на улицу выходила глухая задняя стена дома. Чтобы дом имел более приветливый вид, проделывали окна, выходящие на улицу, а также устраивали с этой стороны балкон. Кроме того, поскольку соседние дома располагались обычно вплотную друг к другу, возникали затруднения с размещением проезда во двор. В этом случае нередко проезд устраивали в пределах первого этажа дома. Та-

ким образом получался дом с проездами и балконом на улице. Но это требовало дополнительных расходов по оформлению балконов и проездов, что могли себе позволить только зажиточные теркеменцы. Поэтому такие дома сооружали только обеспеченные хозяева. В нынешнее время при разреженной застройке нет вообще надобности в устройстве проезда через дом, а сооружение балкона, имеющего при наличии галереи по существу декоративное назначение, практически не оправдано.

Жилище рядовых теркеменцев в прошлом было турлучным²⁰, несущим остовом постройки служил деревянный каркас из столбов и балок, а стены выполнялись из плетня, обмазанного глиной (рис. 11). Турлучная техника раньше была широко распространена по всей плоскостной полосе Северного Кавказа от устья Самура²¹ до Кубани²². С начала XX в. турлук повсеместно заменяется саманом. Поэтому в теркеменских селениях почти нет домов, построенных ранее начала нынешнего столетия.

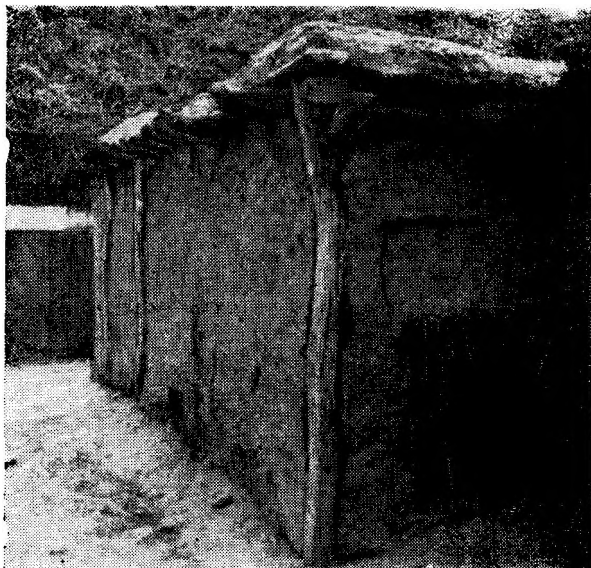

Рис. 11. Турлучная постройка в сел. Великент.

До Великой октябрьской революции каменный дом у теркеменцев был редкостью. Обычно единственной каменной постройкой во всем селении являлось здание джума-мечети, возведенное из тесаного камня.

Для возведения саманного (или, в редких случаях, каменного) дома приглашали мастеров из других районов, главным образом табасаранцев и даргинцев. Однако общий тип жилища, его планировка и детали при этом сохранялись традиционно местными, так как определялись требованиями застройщиков.

Платили мастерам натурой (зерном), иногда частично деньгами.

²⁰ Слово турлук в тюркских языках означает «место жительства, жилище».

²¹ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины. «Даг. сборник», III, Махачкала, 1927, стр. 237.

²² А. А. Миллер. Черкесские постройки. «Матер. по этн. России», т. 2, II гр., 1914, стр. 59.

В предреволюционные годы за возведение коробки двухэтажного двухкомнатного (в жилом этаже) дома давали, в среднем, 40 сабу (840 кг) пшеницы (сарибугда).

Техника возведения саманного дома, определившаяся в первые десятилетия XX в., бытует и теперь, хотя дома стали больше по размерам, просторнее и все чаще строятся не саманными, а каменными.

Для фундамента роют траншеи до материкового грунта, поэтому рыть иногда приходится глубоко. При закладке дома раньше бросали в фундамент монеты. Фундамент выкладывается из крупного галечника (речного булыжного камня) без его околки. Кладка производится обычным на Кавказе способом при применении камня этого рода: в елку, т. е. камни укладываются наклонно, с наклоном каждого ряда в противоположные стороны (рис. 11). Фундамент выводится на высоту 40—60 см над уровнем земли, образуя цоколь; в старых домах фундамент, за недостатком камня, иногда доводили лишь до поверхности земли, и цоколь не устраивали.

Далее возводится стена из саманного кирпича. Саманный кирпич (русские называют его «саман», а дагестанцы «керпуч») формируется из глинистого грунта с добавкой соломенной сечки²³, высушивается, а затем употребляется в дело в сырцовом виде, т. е. без обжига²⁴. Его размеры бывают различны; теперь обычно делают саман размерами около 36×16×16 см. Кладку ведут в полтора камня, так что стена получается толщиной 55 см. Раньше саман делали крупнее (около 54×26×26 см) и кладку вели: в первом этаже в полтора камня (толщина стены около 85 см), а во втором в один камень (толщина стены около 55 см). Внутренние стены имеют такую же толщину, что и наружные. В старых домах с целью получения в первом этаже обширного помещения хлева нередко поперечная внутренняя стена устраивалась только во втором этаже, будучи опертая просто на балку, поскольку она облегчена нишами и дверным проемом.

Кладка цоколя и стен ведется на глиняном растворе.

Стены покрывают глиняной обмазкой. Это, по старому обычаю жителей равнины, производится с декоративной целью. Даже в горах, где много осадков, нередко саманные стены оставляют без обмазки. На приморской равнине с ее сухим климатом это тем более возможно. И действительно, у теркеменцев встречаются дома, где тыльная стена оставлена необмазанной (рис. 11). Иногда обмазывают снаружи только верхнюю часть стены, т. е. в пределах второго этажа. Соответственно оставляют необмазанными стены нижнего этажа внутри, если он не жилой. На галерее, как и в жилых помещениях, стены обязательно обмазаны и побелены²⁵.

Обмазка производится в два приема: сперва глиной с добавкой рубленой соломы или мякины, затем с добавлением навоза. После обмазки делают побелку. Для этой цели раньше женщины сами готовили известь (включая операции ее обжига и гашения).

Цоколь, возведенный из галечника, в хозяйственных постройках иногда оставляют необмазанным. В этом случае обнаженная кладка

---

²³ Слово саман в тюркских языках значит — солома. Этот термин применяется для обозначения соломенной сечки или остающейся после молотбы соломенной трухи, идущей на корм скоту.

²⁴ Нет надобности здесь описывать процесс заготовки саманного кирпича. Он общеизвестен и, кроме того, подробно освещен в этнографической литературе.

²⁵ Побелка стала повсеместной уже в последнее время. Лет сорок — пятьдесят тому назад в южном Дагестане стены зачастую не белили, а окрашивали жидким раствором глины (А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 237).

«в елочку» красиво сочетается с гладью стен. В жилых же домах, особенно если и в первом этаже находятся жилые помещения, цоколь тоже обмазывают, но окрашивают не белой известью, а раствором серой глины. В тех селениях, где поблизости нет хорошей серой глины, красят желтой или же раствор делают достаточно серым, добавляя в него пигмент (порошок толченой обугленной бузины).

Интересно отметить разумное отношение народных мастеров-строителей к назначению толщины цоколя. Известно, что в «ученой» архитектуре (по крайней мере, до последнего времени) цоколь делали выступающим по отношению к стене, даже если это не вызывалось конструктивной необходимостью, поскольку считали, что это необходимо для красоты. Но каменная кладка прочнее саманной, поэтому толщина каменного цоколя может быть меньше толщины саманной стены, в результате чего цоколь естественно получается западающим (рис. 12).

Рис. 12. Цокольная часть стен.

Под балки перекрытий на саманные стены кладут в качестве подкладок лежни. У засулакских кумыков деревянные брусья, закладываемые в саманные стены, открыто выступают на фасаде. У теркеменцев, как и у южных кумыков и лезгин, они скрыты под обмазкой.

Балки крыши имеют сечение 15×15 см и уложены с интервалом около полуметра в осях; балки междуэтажного перекрытия толще (примерно, 25×20 см плашмя) и кладутся с шагом до полутора метров.

По балкам устраивают накат из камыша, на который насыпают слой земли толщиной 20—30 см. Раньше накат делался из толстых дубовых плах.

Земляную засыпку междуэтажного перекрытия и крыши уплотняют утаптыванием, как это принято в Южном Дагестане. Каменные катки, обязательные для этой цели в остальном Дагестане (в том числе и у кумыков), теркеменцы обычно не применяют. Поверхность уплотненной земли смазывают глиной, образующей пол, если это междуэтажное перекрытие, или кровлю, если это крыша.

Двери и ставни, так же как у кумыков, делались в прошлом из толстых тесаных досок; вращались они на выступах-шкворнях, вставленных в гнезда внизу и вверху проема. Однако такие устройства уже исчезли. Их заменили окна городского типа и двустворчатые филенчатые двери. Даже ворота, которые раньше сколачивались из тесаных дубовых досок, теперь повсеместно сделаны только из строганых сосновых досок и навешаны на железных петлях. Эти и другие изменения в строительной технике стали происходить с конца XIX в., когда через земли теркеменцев прошла железная дорога на Баку.

Архитектура теркеменского жилища имеет ахроматический, но в своем роде выразительный цветовой колорит, свойственный народному зодчеству приморского Дагестана. Стены в помещениях и на галереях побелены, полы смазаны серой глиной, а деревянные конструкции — нефтью, что придает им смоляно-черный цвет.

Существует мнение, что такая смазка дерева производится в целях его предохранения от гниения и вредителей. Действительно, смазка древесины нефтепродуктами способствует ее сохранности. Но в таком случае, возникает вопрос, почему деревянные детали дома смазывают только в его жилой части и никогда в хлевах, где условия их службы более неблагоприятны. Очевидно этот прием преследовал и другие цели, в частности придать жилой части дома обжитой вид. Примечательно, что в старину, когда в жильях были открытые очаги, деревянные детали жилого интерьера были черными, так как закапчивались дымом. И теперь еще иногда в горных районах, где нет нефти, в силу традиции жилые помещения нового дома окуривают дымом, чтобы деревянные детали интерьера были закопчены.

Когда стены дома поднимались на уровень второго этажа, ставили шест, на который родственники и друзья застройщика вешали куски тканей и платки в подарок мастерам. Кроме того, они время от времени готовили угощение для мастеров (предупреждая об этом хозяев).

В обязанность мастеров по постройке дома входило возведение стен и плотничные работы. Для остальных работ, а также для доставки лесоматериалов и самана, использовался обычай коллективной взаимопомощи. Один из информаторов рассказал нам о том, как он, при обычной вечерней беседе на очаре (место мужских собраний, сборищ) сообщил (не выражая при этом просьбы), что ему нужно перевезти саман от места его изготовления к месту строительства, и на завтра утром к нему явилось около десяти добровольцев с подводами.

Обмазку стен производят женщины, а насыпку земли для устройства перекрытий — мужчины. В нагорном Дагестане землю переносят женщины мешками и корзинами, в плоскостных районах, в том числе у теркеменцев, землю перебрасывают наверх мужчины лопатами, причем, если на крышу, то двойной перекидкой.

Саманный кирпич изготовлялся по заказу, но застройщик сам готовил для этого глино-соломенную смесь. Месили глину буйволы, которых для этого случая тоже давали родственники, знакомые и соседи в порядке взаимопомощи.

В старых домах теркеменцев балки и столбы украшены резьбой (рис. 13). На приведенных рисунках резьба балки и столбов такая же, как в кумыкских постройках. Но форма подбалки (капители столба) с волютообразными завитками у кумыков не встречается. Такая подбалка обычна в лезгинских районах²⁶. Что же касается приема укладки под-

²⁶ С.-О. Хан-Магомедов. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, рис. 52—55.

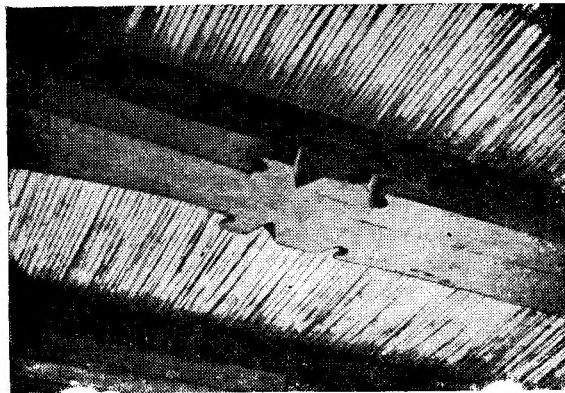
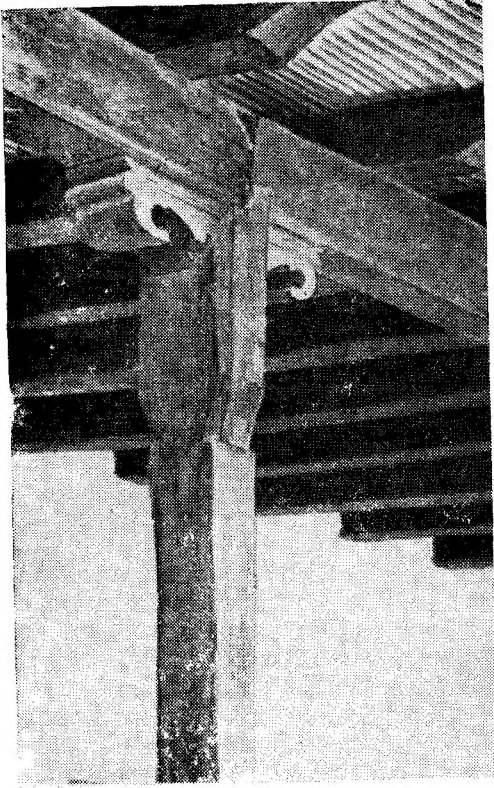

Рис. 13. Резьба на деревянных деталях: столбы галереи и потолочная балка.

балки «в вилку» столба, то он свойствен районам, где распространен кумыкский тип жилого дома.

Традиционное теркеменское жилище, как мы уже отмечали, сходно с кумыкским²⁷, но в одной специфической детали от него отличается. Эта деталь, однако, столь важна, что ее отсутствие делает различие принципиальным. Имеется в виду центральный столб, обязательный в традиционной жилой комнате у народов северной части Дагестана — кумыков, даргинцев, аварцев. Столб стоит посреди помещения, поддерживая прогон, на который опираются балки перекрытия. В теркеменских домах, как и везде в Южном Дагестане, срединного столба нет, и помещения, в связи с этим, меньше по площади (в старых домах теркеменцев размеры жилой комнаты в среднем 4×3 м, у кумыков около 5,5×4). Нужно отметить, что центральный столб в жилище тех народов Кавказа, у которых он принят, выполняет не только конструктивную роль, но и служит почитаемым символом дома. Поэтому его наличие или отсутствие должно считаться сущностной чертой жилища.

Срединного столба нет и в тех традиционных жилищах Азербайджана, которые, как и теркеменские, в остальном довольно сходны с кумыкскими²⁸.

Таким образом, было бы неверным представление о том, что теркеменское жилище формировалось просто по образцу кумыкского. В значительной степени на него влияли и традиции домостроительства Азербайджана.

На протяжении первых десятилетий XX в. жилище теркеменцев изменялось мало, помимо того, что турлучная техника сменилась саманной. Существенные изменения появляются с 30-х г. в связи с победой колхозного строя, которая привела к большим преобразованиям в социальной, экономической и культурной жизни села. Дальнейшее развитие теркеменского народного зодчества несколько приостановилось в трудные годы Отечественной войны, но в послевоенные годы пошло еще более быстрыми темпами, чем раньше.

В 1960-х гг. дальнейший подъем уровня жизни населения привел к резким сдвигам в культуре быта у всех дагестанских народностей, в том числе у теркеменцев. Если до этого жилище теркеменцев эволюционировало по пути улучшения и совершенствования его традиционного типа, то теперь перемены выражаются в отходе от старых традиций, исчерпавших свои возможности, и установлении новых. Поэтому относительно современного жилища теркеменцев нужно говорить о двух его разновидностях — традиционной и новой.

Перемены коснулись всего — планировки усадеб, планировочной структуры дома, строительной техники, убранства жилища и характера его бытового использования.

В последние 30—40 лет дома располагаются не рядом, вплотную, примыкая друг к другу торцами, а отдельно. Двор застраивается не по

---

²⁷ С. Ш. Гаджиева. Каякентские кумыки. «Кавк. этн. сб.», II, М., 1958, стр. 18—42; Е. же, Материальная культура кумыков XIX—XX вв.: Махачкала, 1960; А. Ф. Гольдштейн. Жилой дом в народной архитектуре кумыков. «Сб. науч. сообщ. по стр. арх.» Дагуниверситет, Махачкала, 1967.

²⁸ Имеется в виду жилище северо-восточной, соседней с Дагестаном, части Азербайджана (см. упомянутые в ссылках работы В. П. Кобычева, А. В. Саркисова, А. А. Садых-Заде). В Азербайджане, как и в других районах Кавказа, Передней и Средней Азии, тоже обычны дома с галереей по фасаду, на первый взгляд сходные с рассматриваемыми в данной статье. Но они отличны от них по планировке и другим признакам (см. напр. М. Н. Насирли. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР. Баку, 1959, рис. 30, 31, илл.; В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951).

периметру, а отдельными постройками, ввиду того, что при коллективизации хозяйства значительно сократилась потребность в индивидуальных хозяйственных постройках и возникли новые кварталы на свободных колхозных землях.

Теркеменцы издавна отличались аккуратностью, чистотой и опрятностью. Эти качества развились еще больше в современных условиях. В исключительном порядке содержат они не только жилища, но и дворы.

Дворы имеют ровное глинобитное покрытие, а в ряде случаев при новых домах сплошь цементируются. Во дворе неподалеку от жилого дома имеется загон для скота, отгороженный плетнем (теперь нередко — металлической сеткой), с отделением для телят.

Перемены в домостроительстве происходят, естественно, не у всех жителей одновременно. Определенная часть теркеменцев еще придерживается традиционных приемов как в объемно-планировочном решении жилого дома, так и в конструктивных приемах его возведения. Некоторые дома, построенные недавно, на первый взгляд можно даже принять за старые. Но в то же время вносится и много нового, что изменяет и внутреннюю структуру и облик теркеменского жилища.

Прежде всего это относится к функциональному назначению и характеру использования помещений дома. Теперь уже редко можно встретить семью, которая жила бы, как прежде, в одной комнате. Вторая, «убранная» комната утрачивает свой парадный, «представительный» характер. Ее активно используют в быту. С другой стороны, и старая «семейная» комната по своему убранству приближается к ней. Таким образом, различие между двумя традиционными жилыми комнатами сходит на нет: они постепенно становятся равноценными жилыми помещениями. Этому, в частности, способствует то, что «семейная» комната лишается одной из своих прежних функций — служить кухней. Кухня переносится в одно из помещений первого этажа.

Вследствие коллективизации, отпала надобность в обширных хлевах и сенниках, а рост благосостояния и повышение культуры быта приводит к увеличению потребности в жилых помещениях. Поэтому теперь уже в первом этаже жилого дома не устраивают хлевов, а в старых домах, где они были, их тоже ликвидируют. Для размещения домашних животных используют надворные постройки, помещения первого этажа жилого дома приобретают новое назначение: одно из них служит кухней (она же зимняя жилая комната для некоторых членов семьи), второе — хозяйственно-подсобной кладовой, а в ряде же случаев кухню размещают в отдельной специальной пристройке.

Очень изменились обстановка и убранство жилища. Если в 1920-х гг. столы и стулья только начали появляться, то теперь люди не обходятся без более или менее полного набора городской мебели. Спят теперь уже не на полу, как прежде, а на кроватях. Для складывания постельных принадлежностей прежде служила полка, о которой упоминалось выше, но ее давно уже не устраивают: постели складывают в больших стеновых нишах, а в новых домах, где ниш мало или зачастую вовсе нет — на кроватях или на сундуках.

Характерным примером теркеменского жилища, в котором нашли отражение эти планировочные принципы, может служить дом Шихалиевых в сел. Уллу-Теркеме, построенный в 1963 г. (рис. 14). Состав семьи, проживающей в этом доме, 9 человек (шестеро детей, родители, мать главы семьи).

Дом Шихалиевых в общем сооружен по традиционной схеме, но по существу это жилище далеко ушло от традиционного прототипа. В этом

доме тоже четыре помещения, но люди занимают все четыре, а не ютятся в одном, как прежде. Некогда «парадная» комната превратилась в гостиную и одновременно спальню для родителей. В «общесемейной» ком-

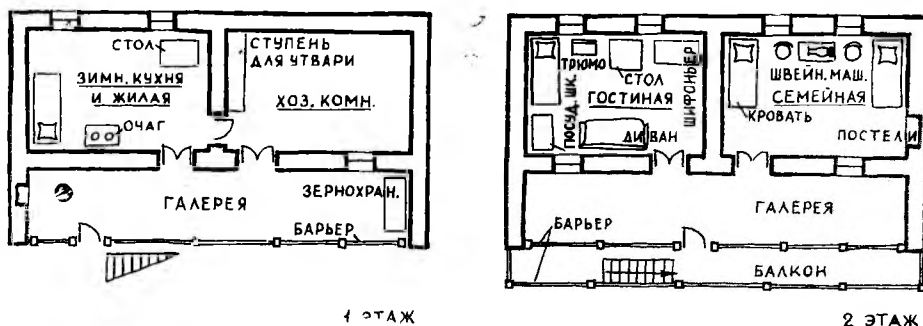
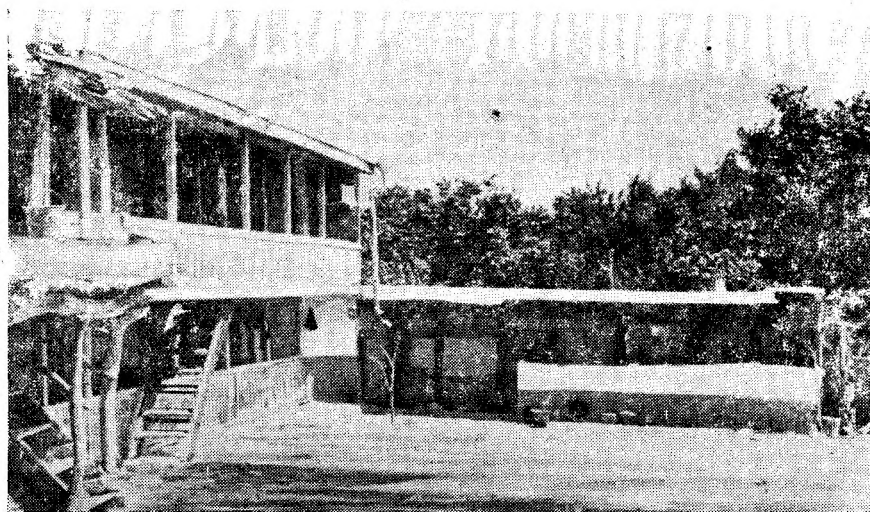

Рис. 14. Дом Шихалиевых в сел. Уллутеркеме: общий вид; планы этажей.

нате находятся дети, здесь же проводит время днем хозяйка. Кухня вынесена из «семейной» в особое помещение первого этажа. Однако кухонная утварь и запасы продуктов питания находятся не в ней, а в соседнем помещении, благодаря чему кухня может быть использована тоже как жилая комната.

Сплошь и рядом теперь строятся уже дома не с двумя, а с тремя-четырьмя комнатами на этаже (рис. 15).

Значительные перемены произошли в строительной технике у теркеменцев. Например, крышу теперь делают уже не плоской земляной, а скатной, крытой шифером, иногда железом, полы деревянные, галерею остекляют и пол настилают досками (рис. 16). В помещениях редко стали делать ниши и камины. Имеющиеся в старых домах камины не используются. Для отопления служат железные печи, устанавливаемые

на зиму²⁹, а в домах последних лет строительства — стационарные кирпичные печи, причем зачастую с духовкой, чугунной плитой, а также

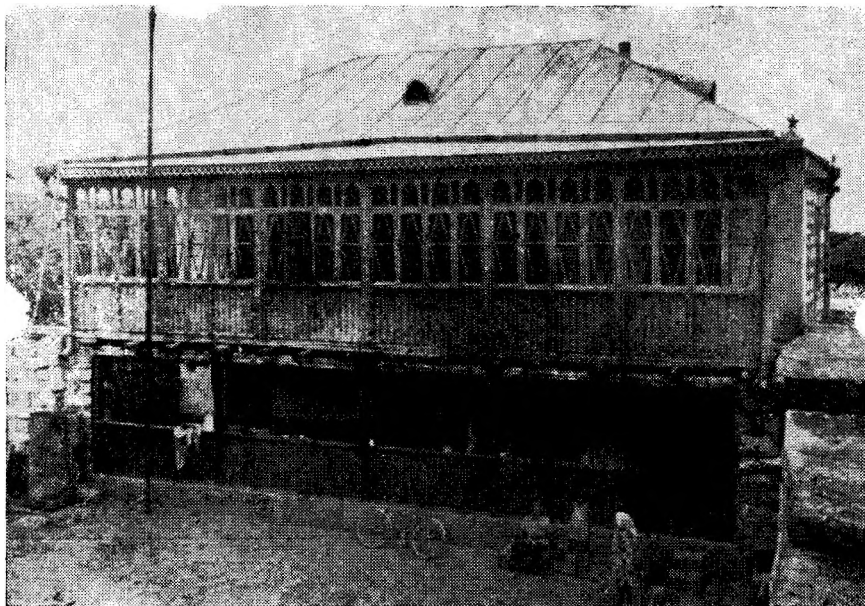

Рис. 15. Дом Герейхановых в сел. Великент.

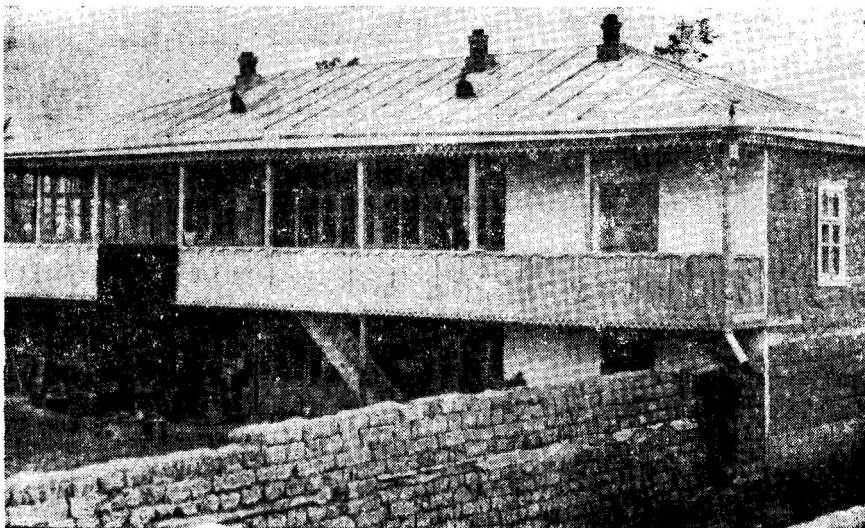

Рис. 16. Современный дом в сел. Великент.

²⁹ Железные печурки получили распространение на Кавказе с начала XX в. ((F. Baumbach, Forschungen über die Hausformen in Georgien. Mitteilungen der Museum für Völkerkunde, Bd. XII. Hamburg, 1928, S. 19).

Рис. 17. Дом Михрабовых в сел. Великент.

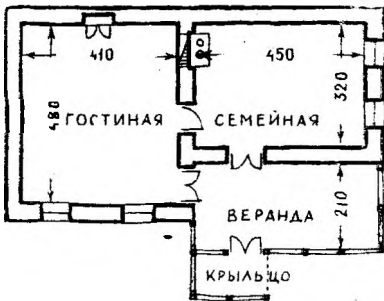
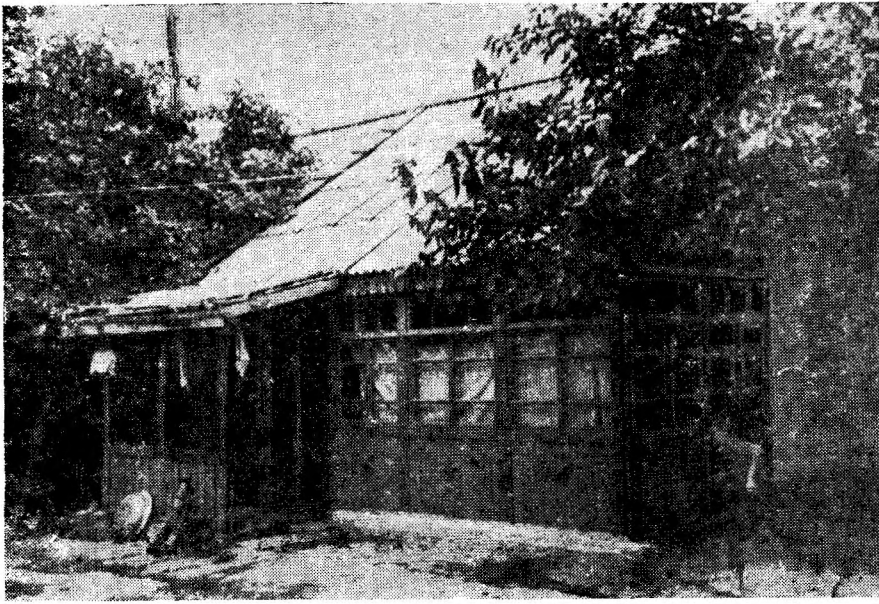

Рис. 18. Старый дом Раджабовых в совхозе им. Алиева: общий вид, план.

с устройством для выпечки хлеба в зимнее время, поскольку хлебная печь находится во дворе. Деревянные детали дома в последние десятилетия уже не украшают резьбой, более того, теперь балки даже не отесывают на брус, оставляя их круглыми. Дерево окрашивают уже не

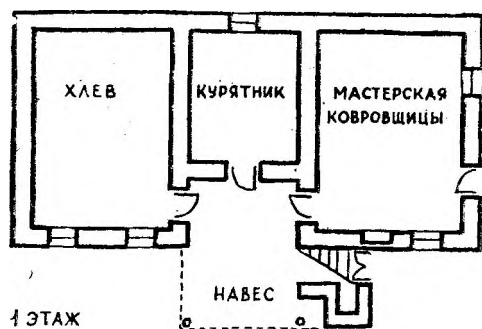

Рис. 19. Новый дом Раджабовых в совхозе им. Алиева: общий вид, планы этажей. нефтью, а модной теперь в Дагестане голубой краской. Потолки, однако, как правило, не подшивают, резонно считая это излишним.

С 1960-х гг. у теркеменцев, как и вообще в приморской зоне Дагестана, все чаще появляются жилые дома новых типов, резко отличаю-

щаются от традиционных. Отличаются они планировкой (план становится не вытянутым, а компактным), материалом стен (которые возводятся из камня — пиленого ракушечника, местами с включением кладки из галечника), обилием окон и их большими размерами (рис. 17).

Развитие тенденций нового домостроительства можно проиллюстрировать на примере двух домов семьи Раджабовых в поселке совхоза им. Алиева (Мамедкала). Строили дома приглашенные мастера.

Прежний дом Раджабовых (рис. 18) одноэтажный, состоит из двух комнат, расположенных углом, с остекленной верандой. Эта планировка, примененные здесь технические приемы, и даже такая деталь, как крытое крыльцо — характерны для русского населения Дагестана.

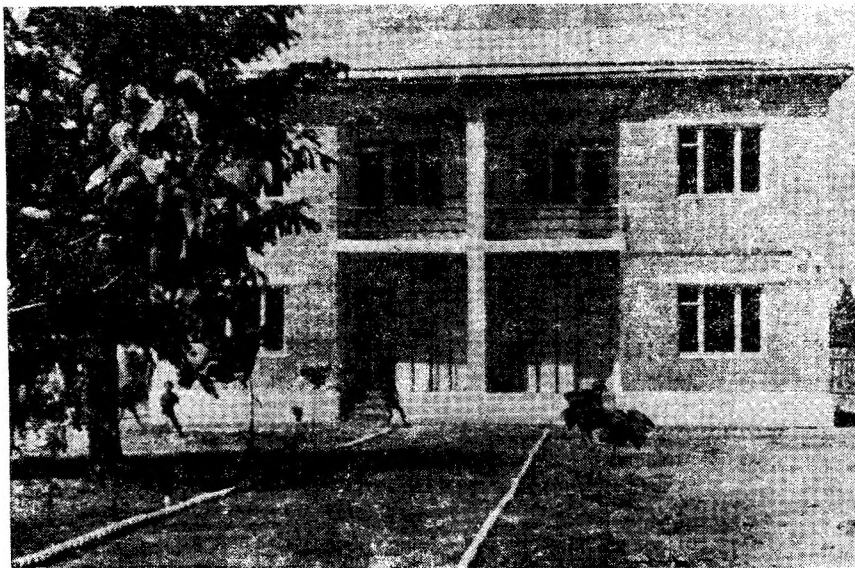

Рис. 20. Четырехквартирный дом в пос. Мамедкала.

Первый дом Раджабовых был построен в 1955 г. В 1966 г. рядом с ним сооружен новый дом (рис. 19) со стенами из пиленого камня на цементном растворе, со скатной крышей, деревянными полами, подшивными оштукатуренными потолками и т. п. Дом двухэтажный, П-образный в плане, представляет собою планировочный тип, который стал теперь характерен для приморских населенных пунктов Дагестана. Во втором этаже дома две жилые комнаты и кухня, в первом — мастерская ковровщицы, хлев и курятник. Надворных построек почти нет и, в отличие от старых традиций, при доме разбит большой сад.

Убранство первого жилища Раджабовых еще соответствует старым бытовым традициям, в нем мало мебели, полы застелены паласами, имеющими не декоративное, а утилитарное назначение (в доме на полу днем сидели, а на ночь стелили постели). В новом жилище обстановка городская.

На землях теркеменцев, близ пос. Мамедкала, находится одно из передовых сельскохозяйственных предприятий Дагестана — совхоз имени Героя Советского Союза Ш. Алиева. Здесь живут и трудятся представители многих национальностей. Съезжаясь сюда из разных мест Дагестана и строя новые дома, жители поселка совхоза зачастую отказываются

от использования многих своих прежних национальных домостроительных традиций. Здесь в силу вступают архитектурно-строительные приемы, характерные для новых переселенческих селений и поселков приморской полосы.

В процессе усвоения городской материальной культуры и быта иногда воспринимаются и связанные с этим отрицательные явления, в принципе не присущие этой культуре. Так в некоторых жилых домах рабочих совхоза стены и потолки пестро разрисованы бродячими живописцами. Однако ныне люди уже начинают понимать, что это безвкусица.

Теперь в совхозе им. Алиева строятся двух-трехэтажные дома с квартирами городского типа, с водоснабжением, канализацией, газом и центральным отоплением. Архитектура домов городского типа (рис. 20) влияет на формирование новых вкусовых и домостроительных приемов в народном зодчестве.

В совхозном поселке имеются не только обычные клубы, магазин, школа, но и летний кинотеатр, стадион, больница, поликлиника, комбинат бытового обслуживания, детский сад и ясли, детские музыкальная и спортивная школы. Улицы заасфальтированы или замощены и освещены.

Все это позволяет рабочим и служащим жить на уровне современной материальной и духовной культуры.

Туркменские хозяйственные термины

1. балка — **тыр**
2. ворота с навесом — **дарваз**
3. въезд без ворот, закрывающийся жердями — **докъкъаз**
4. глина с добавкой навоза — **пох палчих**
5. двор — **азвар**
6. двери — **капу**
7. дом на цоколе — **курсили эв**
8. желтая глина — **сагъы палчих**
9. загон для скота во дворе — **гелы**
10. зернохранилище — **кенды**
11. камин — **уозжаг**
12. коллективная взаимопомощь — **эврез**
13. место для дров во дворе — **удунлукъ**
14. навес под жилым этажом — **дам**
15. навес перед нежилым этажом — **пурх**
16. отсек для телят в хлеве — **бузавгали**
17. полка для посуды — **тахча**
18. полка для постелей — **юкъ**
19. под печи — **керюк даш**
20. твердый грунт (материк) — **сагъы чихинжа**
21. толстые доски — **ярма**
22. фундамент — **увши**
23. хлев — **аран**
24. хлебная печь — **керюк**
25. этаж — **мертебе**
26. ясли (кормушка для скота) — **охур**
27. яма для зерна — **кюр**

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ЦАХУРОВ В XIX—XX вв.

Введение

Цахуры (цахи) — небольшая по численности народность. По переписи 1970 г. в Дагестане их насчитывалось 4,3 тыс. человек, а всего по Союзу более 11 тыс. Цахуры проживают в селениях Цахур, Гельмец, Курдул (Лек)¹, Микик, Хият, Сюют, Муслах, Мишлеш, Джыных, Корш, Мухах, Кальял, Аттал, расположенных в верховьях реки Самур, в труднодоступном ущелье, так называемом «Горном магале». (Есть предание, что термин «Горный магал» возник от первоначального названия участка «Георги магал»). Цахуры проживают также в 18 селениях Закатальского и Кахского районов Азербайджанской ССР².

Территория, занятая цахурами в Дагестанской АССР, зажата со всех сторон высокими горными хребтами: на юге — Главным Кавказским хребтом, на севере и северо-востоке — отрогами Дюльтыдагского хребта и представляет из себя узкое, сильно пересеченное ущелье. Цахуры граничат с лакцами, на северо-западе — с аварцами, на юго-западе и на юге — с азербайджанцами, грузинами и с азербайджанскими цахурами, на востоке и северо-востоке — с рутульцами.

Характерной особенностью цахурской территории является большая пересеченность рельефа и труднодоступность. Сообщение с соседними народами осуществлялось, как впрочем осуществляется и поныне, через труднопроходимые горные перевалы Главного Кавказского хребта Динди и Баля-када (с селениями Азербайджана) и по опасным узким тропинкам вдоль реки Самур (с рутульцами и лезгинами). В зимнее время связь прерывалась надолго из-за снегов и снежных обвалов, а в летнее время препятствием служили бурные горные реки. Мы были свидетелями, когда все население цахурских селений в течение 15—20 дней было лишено какой-либо связи с соседями из-за сильных дождей в конце июня 1968 года. Автомобильная дорога, прокладываемая к цахурским селениям от рутульского аула Лучек, еще незавершена. Все это: суровый климат, малоземелье, труднодоступность — наложили определенный отпечаток на формирование и развитие материальной культуры, в том числе и на поселения и жилища цахуров.

Первые сведения о цахурах встречаются в письменных источниках VII века, где они именуются «цахайками»³. Более подробную и достоверную запись о них оставил Закария Казвини — арабский космограф XIII века. Он сообщает о Цахуре, как о большом и главном городе страны лезгин⁴.

¹ Среди цахуров это селение известно под названием Лек.

² В работе рассматриваются поселения и жилища только дагестанских цахуров.

³ Р. М. Магомедов. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века, Махачкала, 1961, стр. 86.

⁴ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение.—«Труды Института востоковедения», вып. XXXVI, М.—Л., 1941, стр. 96.

Наиболее полными являются сведения, относящиеся к XIX веку, особенно к середине, когда усилился интерес к Дагестану в годы Кавказской войны. В основном эти работы посвящены природно-географическому описанию края, этническому расселению, вопросам политической обстановки, взаимоотношениям общества. В этих работах очень мало этнографического материала, особенно по материальной культуре. Имеющиеся сведения ограничиваются лишь несколькими словами о внешнем пейзажном характере предмета.

Это общее для дореволюционной историографии явление наиболее ярко выражено, когда речь идет о цахурах, о которых находим небольшие сведения всего в 5—6 источниках. К сожалению, и в этих работах сведения о поселениях и жилищах носят общий характер, нет конкретности, не отмечаются особенности у описываемых этнических групп. Так, жилища, описанные Н. Вучетичем⁵ как «лезгинские», относятся к трем народностям Южного Дагестана: собственно лезгинам, рутульцам и цахурам, — и разумеется выявить этнические особенности по ним не представляется возможным.

В годы Советской власти в исследовании духовной и материальной культуры народов Дагестана произошли большие изменения. Началось целенаправленное, систематическое этнографическое изучение как отдельных народностей, так и конкретных проблем. Были организованы специальные научные экспедиции, появились ценные работы, посвященные конкретным вопросам этнографии, а также общие этнографические очерки о народностях.

Однако, некоторые проблемы и вопросы этнографии Дагестана остаются слабо или вовсе не изученными. Одним из них является вопрос об их поселениях и жилищах, хотя в этнографической литературе имеются работы, посвященные цахурам⁶.

Значительную работу по изучению народного жилища проделал архитектор С. О. Хан-Магомедов⁷. Но являясь узко профессиональной его работа не может удовлетворить этнографов.

В работе Г. Х. Ибрагимова, посвященной фонетике цахурского языка⁸, приводятся краткие историко-этнографические сведения, где автор предлагает оригинальное предположение относительно возникновения этнонима «цахур».

Другие работы, которые касались бы материальной культуры дагестанских цахуров, нам неизвестны.

ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения цахуров занимают разнообразное географическое положение. Встречаются селения, расположенные в долине реки, у самой воды, на склонах ущелий, на вершинах горных хребтов. Для них в целом характерно тяготение к речным долинам. Большинство селений тянется цепочкой по левой стороне реки Самур, находясь на разной высоте от нее.

⁵ Н. Вучетич. Поездка в Самурский округ. Записки для чтения. IV—VII, 1869, стр. 198.

⁶ З. А. Никольская. Цахуры. Народы Дагестана. Сб. статей, М., 1955, ее же. Цахуры. Народы Кавказа, т. I, М., 1960; ее же. Работы цахурского отряда Дагестанской экспедиции 1952 г. КСИЭ, XIX, 1953; М. М. Ихилов. Материалы по этнографии рутулов и цахуров. КСИЭ, XXXIII, 1960; М. М. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

⁷ С. О. Хан-Магомедов. Жилище цахуров. «Архитектурное наследство» № 11, 1961 г.

⁸ Г. Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка, Махачкала, 1968 г.

Обрывистые склоны гор, большая пересеченность рельефа, суровый климат обусловили, с учетом экономического, политического и исторического факторов, выбор места для поселения.

Значимость и сила влияния каждого из этих факторов зависели от конкретных условий и времени сложения селения. В период напряженной политической обстановки, частых военных столкновений на первый план выдвигался оборонительный фактор, вызванный необходимостью

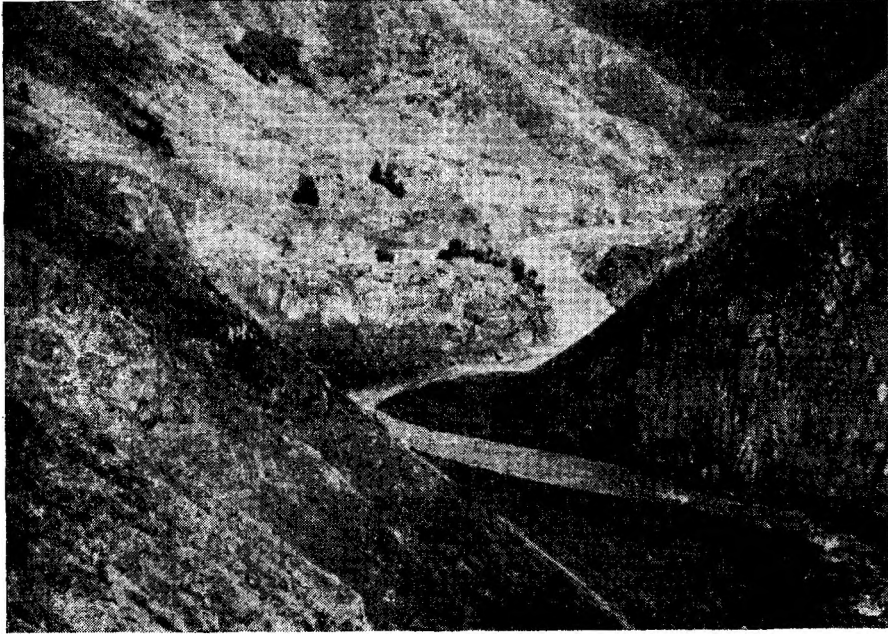

Рис. 1. Общий вид долины реки Самур.

укрепить свое селение, в конечном итоге свой дом, тогда как в мирное время решающее влияние оказывал экономический фактор, хотя и в том и в другом случае оба фактора оставались действенными.

Все старые селения цахуров располагались обычно на неудобных для жилья, но выгодных в стратегическом отношении местах. Для поселения обычно выбирали непригодный для возделывания участок—скальный выход, выступ скалы, гребень высокого холма с крутыми боковыми склонами. Люди шли на эти неудобства сознательно, оставляя рядом более или менее ровные участки земли, ради экономии очень ценной пахотной земли, для достижения большей компактности и замкнутости аула, что имело большое значение в усилении обороноспособности его, дома бывали намного прочнее и долговечнее на твердой основе.

Малоземелье в Горном магале, даже более выраженное, чем во внутреннем Дагестане, вынуждало цахуров прибегать к строгой экономии земли. Хотя цахуры имели тесную экономическую связь с соседними азербайджанскими районами, откуда могли получать зерно, они вкладывали очень много труда в создание и сохранение своих горных террас.

Для существования и нормального функционирования каждого населенного пункта необходимым условием является наличие вокруг него достаточного количества пахотной земли и пастбищ. И если это равнове-

сие между хозяйственной потребностью населения и способностью занимаемой им земли обеспечить хотя бы минимум потребности нарушится (то ли естественным ростом населения, то ли переселением людей из других мест), то происходит обязательное расселение части населения на другое место. Так образуются отселки — хутора, новые населенные пункты вдали от первоначального аула.

О малоземелье в горном Дагестане и ценности пахотных участков существуют многочисленные легенды и предания. Это можно проиллюстрировать на многочисленных примерах и данных⁹.

Другими причинами, которыми руководствовались при выборе места для поселения, были недоступность и обороноспособность его. Богатая фактами история борьбы цахуров с другими народами, иноземными завоевателями является свидетелем жизненной важности подобного заселения.

Возникавшие между отдельными сельскими обществами ссоры и столкновения, видимо, были не столь существенны и не имели тяжелых последствий, хотя в преданиях они описываются как жестокая и постоянная борьба из-за территории, политического господства. В Мишлеше, одном из крупных селений в Цахурском обществе, существует предание о частых и тяжелых столкновениях жителей его с цахурскими феодалами. Так, рассказывают, что однажды мишлешцы, возмущенные чрезмерными притязаниями беков, выступили против них, отказались выполнить их требования. Оскорбленные беки жестоко и подло отомстили им: были убиты дети, которые играли недалеко от аула на поляне. И сейчас место это носит название — гудабы габтлуна кIаIхаI — «луга, где были умертвлены мальчики».

Межобщинные столкновения, недоразумения из-за потравы обычно регулировались мирным путем, путем взаимных уступок, переговоров. Для примирения двух враждующих общин посредником выступала третья нейтральная община, которая была в данном случае хранителем общих интересов общества в целом. Признаком мирного сосуществования селений внутри цахурского общества служит отсутствие боевых башен и других оборонительных сооружений в селениях.

Однако при рассмотрении вопроса о башнях необходимо учесть одно обстоятельство. По приказу Главнокомандующего русских войск из политических соображений цахуры в 1852 г. были принудительно переселены за Главный Кавказский хребет, на Приалазанскую равнину. Артиллерия разрушила их аулы¹⁰. Возможно, башни и укрепления были наряду с домами разрушены и в народе не сохранилась память о них. Единственная башня — крепость, о существовании которой рассказывают старожилы селения Цахур, принадлежала бекам.

Из эпиграфических памятников мы узнаем о строительстве крепости в Цахуре в 1432 году. «Причина строительства этой крепости: пришли три войска, (в том числе) два войска тюрок и одно войско Рутула. Войско Рутула с одним войском тюрок (пришло) снизу, а одно войско тюрок сверху. И сразилось войско Захура тремя сражениями, и убито из этих трех войск 200 чел., а одно (из них) убежало...»¹¹ Развалины этой крепости сохранились на западной окраине селения.

⁹ М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, М., 1885; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, СПб., 1871; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, 1884, т. XX, вып. 4; Некоторые статистические сведения о Кавказе, КК на 1886 год.

¹⁰ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. — ГИВ, вып. XXXVI, М.—Л., 1941, стр. 98.

¹¹ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. I, М., 1966, стр. 133—134.

Как известно, наличие башен, как боевых, так и сигнальных, является характерным для «вольных» обществ, в феодальных же владениях, где политическая власть была централизована в руках хана или бека, стремление к недоступности каждого селения выражено слабее. В случае необходимости принимались меры к защите общества в целом.

Однако цахурские селения, почти все, основаны в труднодоступных, удобных для обороны местах, у впадения притоков в реку Самур, и представляли собой естественные крепости, защищенные глубокими ущельями, высокими скалами и крутыми склонами гор, хотя где бы ни располагался аул на данной территории, он становится труднодоступным уже из-за особенности местности, рельефа.

Селение Цахур расположено на гребне и склонах вытянутой горы, спускающейся к реке Самур. Согласно преданиям, в селении было два входа: один в верхней части, другой в нижней части. Верхний вход был защищен двойными воротами, которые запирались на ночь. При осмотре господствующей высоты над аулом — «думайната» — были обнаружены строительные остатки, по форме напоминающие основание круглой башни. Возможно, для охраны этих ворот и существовала башня.

Место в нижней части, где раньше были ворота, называется «гац», и подходы к нему хорошо просматриваются.

Гребень, на котором расположен аул, имеет большой перепад: верхняя, северная точка аула находится приблизительно на высоте 800—1000 метров над рекой, тогда как нижняя точка — южная — на высоте 200—300 м. Такое ступенчатое расположение домов служило дополнением к общей труднодоступности аула. Боковые склоны хребта, на гребне которого находится селение, ниже линии домов отвесно обрываются (с восточной стороны к Самуру, с западной — к безымянной небольшой речке). Отмечая хорошую защищенность Цахура, князь М. С. Воронцов пишет: «Деревня эта почти неприступна с нашей стороны по худому качеству тропинок, но с неприятельской совершенно открыта и доминирована»¹².

Расположение селений Гельмец, Курдул, Кальял и Джиных приблизительно одинаковое. Селение Гельмец — одно из трех селений, расположенных на правой стороне реки Самур — занимает плоский вытянутый гребень горы Карадаг, которая с трех сторон окружена реками, и лишь с одной стороны имеет подход. Северный склон хребта опускается к реке Самур, а южный и западный склоны, у подножья обрывистые, омывает бурная река Курдул, которая впадает в Самур. Н. И. Кузнецов, посетивший Дагестан в начале XX века, так описывает этот аул: «Гельмец высоко расположен над Самуром и долиной Чирасны-чая. Точно крепость сторожит он и сравнительно узкую долину Чирасны-чая и широкую долину Самура»¹³. С ним перекликается К. Ф. Ган: «аул Гельмец построен, подобно орлиному гнезду, на высокой скале»¹⁴.

Селение Курдул, находящееся недалеко от Гельмеца и в каких-нибудь 12—13 км от азербайджанского селения Сарыбаш, расположено на узком гребне горы при слиянии рек Курдул и Хурай, омывающих подошвы его, «располагая дома свои по обе стороны гребня амфитеатром, так что каждый верхний дом обстреливает нижний»¹⁵.

¹² А. П. Берже. Князь М. С. Воронцов. «Русская старина», т. VII, СПб., 1873, стр. 260—261.

¹³ Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. Известия ИРГО, т. XIX, СПб., 1913, стр. 73.

¹⁴ К. Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898). В кн. СМОМПК, вып. XXXI, Тифлис, 1902, стр. 66.

¹⁵ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. — В кн. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архивные материалы, М., 1958, стр. 346.

Одно из крупных селений цахуров—Мишлеш—расположено у самой подошвы южного склона горы Къаджал на небольшом, относительно ровном участке, непосредственно у реки. Подступы к селению очень трудны. На западе участок круто обрывается к небольшой безымянной речке, на северо-востоке возвышается высокая труднопроходимая гора с частыми скальными грядами. А Самур на этом участке во все времена года непроходим.

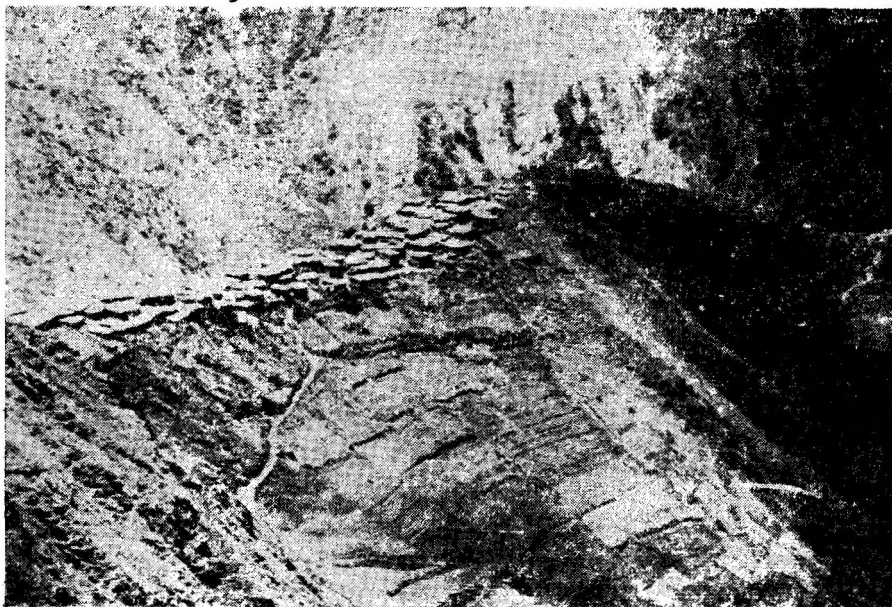

Рис. 2. Вид селения Гельмец с севера.

Наподобие Мишлеша, с соблюдением того же принципа недоступности, у самой реки Самур расположены селения Микик, Сюют.

Селение Муслах расположено на гребне высокой горы, куда ведет единственная узкая и крутая тропа по склону, хорошо обозреваемому из аула.

И домостроение в селении было подчинено интересам обороны. Войти во многие селения, как отмечали выше, можно было только в одном—двух местах, которые были дополнительно укреплены воротами, закрываемыми на ночь. Дома, плотно примыкая друг к другу, образовывали сплошную стену с двух сторон улицы, превращая ее в узкий, извилистый проход с неожиданными поворотами и тупиком.

Таким образом, стремление к недоступности и обороноспособности селения было важнейшим принципом, которым руководствовались цахуры при выборе места для поселения. Эту характерную особенность дагестанских аулов отмечали многие русские путешественники и военные XIX века ¹⁶.

¹⁶ Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе, ССК, т. I, 1871, стр. 309; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 177; А. Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Дагестан в русской литературе, т. I, Махачкала, 1960, стр. 134; Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, стр. 346; Е. М. Марков. Кавказский очерк, Ж. Р. т. IX, СПб.—М., 1883, стр. 35; М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, т. I, М., 1885, стр. 55 и др.

Известно, что в своем историческом развитии поселения прошли несколько этапов, отражающих большие внутренние социально-экономические преобразования и внешние события.

Под влиянием ряда причин, как внутреннего, так и внешнего порядка, тухумные поселения в XII—XV вв. распались во многих районах Дагестана и образовали сельскую общину на территориально-родственной основе. Новые поселения были гораздо большими по размерам, хорошо укрепленными и занимали более удобные для жилья участки.

По-видимому, большинство цахурских селений этот процесс пережило односторонне. Несмотря на изменившиеся внутренние социально-экономические отношения, населенные пункты оставались на своих старых местах. Одной из причин, удержавших селения на своих местах, препятствием для укрупнения их могли служить географические особенности края, отсутствие больших земельных массивов, способных обеспечить экономические потребности большого количества людей. Только в единственном селении Мишлеш существует предание об образовании его в результате слияния жителей трех аулов.

Следующим этапом селообразования было выделение отселков-хуторов из основного селения в результате естественного роста населения, расширения хозяйственного профиля горца, развития производительных сил. Однако и этот процесс не получил своего развития на территории, издревле занимаемой цахурами, здесь новые населенные пункты вокруг старого аула не образовывались. Процесс образования хуторов — новых населенных пунктов — шел очень бурно за пределами Горного магала — на южных склонах Главного хребта. На территории же Дагестана имеется всего 2—3 населенных пункта, основанных выходцами из других цахурских аулов в XVII—XIX веках; «нелюбовь» их к родным местам объясняется одной причиной: острым малоземельем и суровостью края, которые не могли обеспечить растущие хозяйственно-экономические потребности населения.

В свете вышеизложенного можно считать, что поселения цахуров продолжают функционировать до наших дней на тех же местах и высотах, где они были первоначально основаны.

Одним из важнейших принципов, который учитывался при выборе места для поселения, была проблема водоснабжения. Наличие достаточного количества питьевой воды для аула было обязательным условием при заселении. И во всех цахурских селениях имеется родниковая вода в достаточном количестве, несмотря на близость реки Самур.

Если источник воды в селении маловодный, то ее подводят по керамическим трубам или каменным желобам издалека, с близлежащих гор. Такой способ обеспечения населения и скота водой практиковался у цахуров издревле. В Гельмеце, при строительных работах на глубине около 1 метра, обнаружены керамические трубы, о существовании которых старожилы не помнят. Есть в селении и другой неработающий водопровод, о котором видимо и говорит К. Ф. Ган, что он «благодаря недобросовестной работе подрядчика уже не работал через девять месяцев»¹⁷.

Кстати нужно отметить, что долина Самура, где расположены цахурские селения, вообще богата источниками, родниками.

Еще один фактор играл важную роль при выборе места для поселения — ориентация. Цахуры основывали свои селения на южных, сухих склонах хребтов и гор, обогриваемых солнцем. Иногда (Цахур, Муслах) часть аула занимает другие склоны, и дома ориентированы по склону,

¹⁷ К. Ф. Ган. Указ. соч., стр. 67.

хотя и в этом случае тенденция поставить дом открытой стороной на юг сохраняется. Южная ориентация аулов является характерной и для других народов Дагестана¹⁸.

В своем историческом развитии цахурские поселения делятся на два типа: «хив» — селение, «махьи» — хутор, отселок.

Основным типом является «хив» — селение, которое возникло в глубокой древности. Достоверных данных или преданий об их возникновении не сохранилось, никто не помнит, когда и кем они были основаны, имеющиеся сообщения письменных источников разноречивы. Как нам представляется, в силу ряда причин эти небольшие поселения продолжали существовать на одних и тех же местах в течение многих веков, несмотря на происходящие в них социально-экономические изменения. Некоторые из них разрослись, увеличились в размерах (Цахур), а некоторые оставались такими же маленькими (Гельмец). А существующее предание о том, что многие селения основаны выходцами из Цахура, видимо, не связано с действительным фактом, а объясняется желанием жителей этих аулов быть в родстве, равноправными с главным и господствующим аулом в политической, общественной и культурно-экономической жизни.

Цахур («ЦаIх» — «цахи»), как центр политической жизни народа, как «главный город», известен, по крайней мере, с XIII века. Видимо уже в это время Цахур существовал как самостоятельная политическая единица. Подтверждением этого может служить надпись из селения Цахур, сообщающая о войне между Цахуром и Рутулом в 336 году хиджри, т. е. в 1443 году¹⁹.

О времени основания селения Цахур нет достаточно достоверных сведений. Существует несколько преданий и легенд о возникновении его. «Согласно документу «Имущество цахурских правителей» Цах был основан в 80 году до н. э.»²⁰. По одному варианту легенды, селение Цахур было основано еще 18 столетий назад и насчитывало первоначально до 2000 дворов²¹, по другому — это событие случилось «в 500г. магометанской эры в ущелье, называемом Санбур (Самур), и Цахур считалось в то время самым сильным селением по многолюдству и отваге его обитателей»²².

Нам рассказывали в Цахуре предание о том, что в далекие времена в Горном магале было одно селение — Цахур, и домов в нем было более 7 тыс.²³ Некоторые историки считают, что наиболее достоверной датой возникновения аула Цахур, которая «согласуется с историческими данными»²⁴, является XII век н. э.²⁵.

В селении Цахур обнаружено несколько арабских надписей, относящихся к XI—XII векам²⁶. И эти находки говорят «в пользу существова-

¹⁸ См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, Махачкала, 1967, стр. 82—83; Материальная культура аварцев, Махачкала, 1967, стр. 100.

¹⁹ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана, Махачкала, 1964, стр. 49.

²⁰ Г. Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка, стр. 14.

²¹ И. Линевич. Бывшее Елисейское султанство, ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 10.

²² А. Платто. Природа и люди Закатальского округа. ССКГ, вып. IV, Тифлис, 1870, стр. 10.

²³ Полевой материал 1968 г. Информатор Эфендиев Г. 72 года (Цахур).

²⁴ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение, стр. 97.

²⁵ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 106.

²⁶ А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв. — УЗ ИИЯЛ, т. VI, 1959, стр. 140, 141; его же. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.). — УЗ ИИЯЛ, т. XIII, Серия историческая, 1961,

ния этого селения уже в то время, поэтому более поздняя приписка о том, что селение основано в 1270 г., недостоверна»²⁷. Если верить сообщению Казвини о том, что «Цахур — город большой» и «он главный город», то вряд ли можно допустить мысль, что за какие-то 50—100 лет он после своего основания стал таким крупным аулом и превратился в центр общественно-экономической жизни.

Есть все основания полагать, что селение Цахур возникло в древние времена, во время сложения первых дагестанских поселений. К сожалению, районы цахурских селений не стали объектами археологических исследований, только они могут дать положительный ответ о хронологических рамках бытования их. По рассказам местных жителей вокруг и в черте современного аула имеются заброшенные кладбища и могилы с немусульманскими захоронениями, что свидетельствует о длительном бытовании поселения на этой территории.

Рис. 3. Старая часть с. Цахур.

В XV веке, согласно преданию, в Цахуре был избран «всеми родами совместно общий правитель из среды прибывших в Цахур на жительство беков или дворян» из ныне несуществующего селения Хоца²⁸. Интересно здесь и другое — название селения Хоц, откуда вышли, по преданию, цахурские феодалы. В надписи на камне мечети, датированной 1278 г., имеются слова: «Это есть время основания Цахура по уничтожению селения Хиц Исми-Шамхалом»²⁹. Любопытно близкое название ныне несуществующих аулов Хоц и Хиц, сыгравших какую-то роль в истории аула Цахур.

Еще в XVII веке Цахур оставался резиденцией цахурских правителей, подчинивших себе и соседние селения. Турецкий географ и путешественник XVII века Эвлия Челеби пишет: «Мы прибыли в село Цахур.

стр. 109; Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. I, М., 1966, стр. 68, 80, 85.

²⁷ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 178.

²⁸ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 225.

²⁹ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, стр. 85.

В этой местности имеется до 150 сел. Местность подчиняется одному из правителей Дагестана, Эмир Юсиф-беку; она несколько раз переходила в руки Ирана. Мы беседовали с ее правителем. Он подарил нам прекрасные меха. В этой части Дагестана среди населения не замечается зависти, сплетен, вражды, высокомерия и т. д. Раз в году здесь бывает большой базар»³⁰.

Видимо, только в XVIII веке резиденция цахурских феодалов была перенесена на территорию Закавказья, в селение Елису. Такое предположение мы допускаем, исходя из времени выдачи фирмана племянником Надир-шаха Ибрагим-ханом Цахурскому владетелю Ахмед-хану в 1747 году³¹. А задолго до этого, еще в XVI—XVII веках Цахур совместно с Елису входил в состав Ширванской области в качестве улька³². С начала XIX века владение именовалась как Елисуйское султанство, и состояло оно из цахурских селений по долине реки Самур и селений, расположенных на территории Азербайджана. Несмотря на то, что столица была перенесена и султаны назывались Елисуйскими, роль селения Цахур, как главного по отношению к другим селениям, сохранялась еще долгое время.

Нет достоверных сведений о причинах перенесения резиденции. В народе сохранилась память о жестокостях беков и пренебрежительном их отношении к населению. Согласно преданию, жители аула ухаживали по очереди за скотом беков, обрабатывали их землю, обеспечивали топливом. Когда беков приглашали на свадьбу, — а это нужно было делать обязательно, — они присылали щенка, котенка, старую обувь, которые представляли их на торжествах и занимали почетное место в кругу собравшихся. Оскорбленные таким отношением и доведенные до отчаяния жестокой эксплуатацией жители аула Цахур, заранее договорившись, во время вечерней молитвы в мечети перебили всех мужчин бекского рода, а их женщины с детьми уехали в Азербайджан. Вполне вероятно, что предание в какой-то степени отражает фактические события, случившиеся в Цахуре, которые послужили причиной перенесения резиденции беков.

В настоящее время в Цахуре 110 хозяйств. Видимо, и до разрушения оно не было особенно большим селением, количество хозяйств в нем не превышало 200³³. По общедагестанским масштабам Цахур был средним селением, но среди цахурских селений оно одно из крупных.

Джамаат селения Цахур в XIX веке состоял из 5 основных тухумов: Базай, Исакури, Мусафури, Люлюар и Гирмалер. Согласно преданию, тухум Люлюар основан выходцами из рутульского селения Хнюх, а об образовании остальных тухумов нет каких-либо определенных версий. Наиболее сильными были тухумы Исакури и Мусафури, они отличались по численности и экономическому положению. В общественной жизни главенствующую роль играл Мусафури.

Тухумов, находящихся в бесправном, зависимом положении, которые несли бы какую-нибудь повинность по отношению к другим или в целом к джамаату, не было. Юридически все тухумы были равны.

³⁰ «Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Цит. по переводу, хранящемуся в Рук. фонде Института ИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 137, л. 26.

³¹ АКАК, т. II, стр. 1093—1094.

³² И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений, стр. 338—339. Цитируем по работе Рамазанова Х. Х., Шихсаидова А. Р. Очерки истории Южного Дагестана, стр. 100.

³³ Ср. И. Линевиц. Бывшее Елисуйское султанство, стр. 10; А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение, стр. 97.

Однако межтухумные браки были редким исключением. Видимо, здесь сказывалось имущественное неравенство тухумов. А внутри одного тухума заключать брачные союзы предпочитали между ближайшими родственниками. Так, в тухуме Люлюар в начале XX века было заключено более 20 браков между двоюродными братьями и сестрами³⁴, а всего было семей около 40.

Тухумы распадалась на более узкие родственные группы — насыли. Так, Исакьюри состоял из четырех насылей: 1) Таханмы, 2) Устамахмудинмы, 3) Ханеванмы, 4) Анневанмы; Мусафури из: 1) Кадалеванмы, 2) Ашбазанмы, 3) Гожелеванмы, 4) Джельеванмы; Люлюар из: 1) Камазя, 2) Ашура, 3) Валихана, 4) Умахана.

В этнографической литературе уже говорилось о том, что утверждавшееся в дореволюционной историографии мнение о совпадении кварталов с тухумами, не соответствует действительности³⁵. Родственный принцип расселения, как показывает полевой этнографический материал, в Цахуре потерял свое былое значение к концу XIX века. Старики не помнят даже намеков о потухумном расселении, чтобы квартал занимал только один родственный коллектив. Из обследованных нами селений только в Гельмеце и Мишлеше мы обнаружили следы компактного расселения кровнородственной группы. О них мы скажем ниже.

В Цахуре представители одного тухума проживали во всех кварталах аула, а квартал был заселен представителями разных тухумов. Если и встречалось компактное расположение какой-либо родственной группы, то только в силу традиций, в качестве вторичного образования.

Более того, в XIX веке сам тухум как общественная единица не представлял уже единого, цельного коллектива, а сохранил лишь его идеологическую общность. И никаких следов о былом хозяйственном и общественном единстве его не сохранилось³⁶. Видимо определенную роль в нарушении единства сыграло переселение.

Согласно данным полевого материала, в XIX в. тухумной собственности в Цахуре не было. Пастбища принадлежали сельской общине, а пахотные земли, так же как и сенокосы, были собственностью отдельных семей. В ведении сельской общины сохранялся лесной участок «Атагъай», тогда как остальные массивы были разделены по частям и являлись наследственной собственностью отдельных семей, и в отдельных случаях близкородственных групп — насылей.

Однако, можно предположить, что в далеком прошлом и в Цахуре тухумы располагались компактно и имели коллективную собственность. О былом хозяйственном единстве их говорит такой факт, как выделение летних пастбищ тухумам по жеребьевке. Внутри тухумов полученные на один сезон пастбища не делились, и все члены имели на них одинаковые права. Каждый тухум имел свое отдельное кладбище, а насыль — свой отдельный участок на общетухумном кладбище. Нарушения этого атрибута идеологической общности родственного коллектива до сих пор не наблюдаются.

Селение Цахур традиционно делилось на три квартала, носящие территориальные, топографические названия: 1) «Алибна ма'гъала» («Верхний квартал»), 2) «Иыкьнена ма'гъала» («Средний квартал») 3) «Да-

³⁴ Полевой материал 1968, Инф. Эфендиев Г. и Азизов Салам.

³⁵ См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, Махачкала, 1967, стр. 95; Материальная культура аварцев, Махачкала, 1967, стр. 117—118.

³⁶ См. Х.-М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX века, Махачкала, 1959, стр. 21.

гъайня магъала» («Нижний квартал»). За последние годы образовался четвертый квартал — «Авгъана» («На той стороне»). Квартал, как самостоятельная единица, особой роли в общественной жизни аула в XIX веке не играл.

Другим крупным цахурским селением является Мишлеш. Это единственное селение в обществе, в котором существует предание о возникновении его путем слияния нескольких мелких поселений. По этому преданию, джамаат нынешнего аула составляют жители заброшенных хуторов: Хъеегъ, Гака, Маллейн-атта — так называются сейчас эти места, где видны развалины, строительный камень, отдельные фундаменты помещений. Из местности Хъеегъ вышел тухум ГъаИмидер, из Гака — тухум Хъалибынбы, из Маллейн-атта — тухум ГытЫбы, которые расположились в Мишлеше компактно. Каждый тухум составляет отдельный квартал, который носит название своего тухума. Квартал «Хъалибынбы» расположен в верхней части аула, т. е. занимает северо-западную часть его, квартал «ГъаИмидер» — юго-западную часть, а «ГытЫбы» — восточную часть.

О причинах объединения мелких поселений существуют две версии: 1) необходимость объединения для борьбы с цахурскими владельцами, которые стремились лишить мишлешцев самостоятельности, отобрать их лучшие земли; 2) слияние трех селений в одно крупное произошло во времена принятия ислама, когда была построена и мечеть. Пожалуй, более достоверным является второй вариант предания, хотя бы потому, что в Мишлеше найдены арабские надписи XI—XII и более поздних веков³⁷ — факт, подтверждающий существование села до появления цахурских беков. Кроме того, процесс укрепления населенных пунктов в период распространения ислама был повсеместным, происходившим во всем Дагестане. Что касается первого варианта, то здесь, видимо, отразилась многовековая борьба мишлешского джамаата с цахурскими беками. Она была настолько жизненно важной для мишлешцев, что со временем стала представляться и как причина образования селения.

О возникновении аула Гельмец также нет определенных данных. Рассказывают, что населенный пункт основали какие-то беженцы, а откуда они пришли — неизвестно. Существует и другое предание, по которому аул основали выходцы из Цахура.

Отнестись сколько-нибудь серьезно к преданиям о позднем основании Гельмеца какими-то беженцами нет основания. Во-первых, в селении найдена арабская надпись, относящаяся к 1162—1164 годам³⁸, которая является лучшим свидетельством раннего возникновения и бытования его, и во-вторых, местные жители нам показывали остатки «горелого аула» на западной окраине нынешнего селения — небольшие остатки стен, хорошо заметные фундаменты домов, множество угля. Об этом ауле говорят, что это не Гельмец, а какой-то другой аул, который существовал здесь до образования Гельмеца. Здесь необходимо обратить внимание на одно обстоятельство. В стене разрушенной мечети находится камень с надписью, повествующей о крупном землетрясении, в результате которого было разрушено селение и погибло сто девяносто человек. Это произошло в 1668 г.

Предание о происхождении современного селения, видимо, отражает более позднее явление, когда жители прежнего Гельмеца вернулись из Прилазанской низменности в 1862 году.

³⁷ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, стр. 6, 82, 87 и др.

³⁸ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, стр. 64.

На наш взгляд, и селение Гельмец было основано в далеком прошлом. Оно занимает очень важное географическое положение—на дороге, ведущей из Закатальского, Кахского районов в Горный магал. Дорога через Гельмец была наиболее удобной и близкой, связывающей северо-западные районы Азербайджана не только с цахурскими селениями, но и в целом с южным Дагестаном, здесь проходил и древний торговый путь.

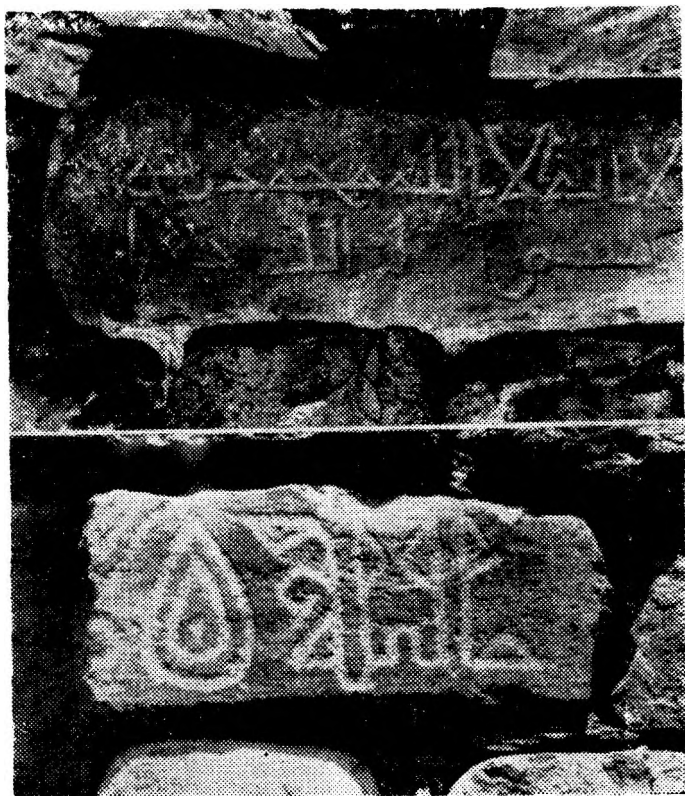

Рис. 5. Камень с кувической надписью XII—XIII вв. в стене дома с. Гельмец.

Возможность говорить о древности происхождения селения Гельмец дает также наличие в нем только одного тухума (хотя иногда этот факт может служить признаком обратного порядка). Тухум-джамаат, состоящий из 85 хозяйств, с населением 464 человека, делится на девять родственных групп, именуемых местными жителями: Арабар, Холягар, Антарар, Ханияр, Ачиняр, Кумуртби, Шантарар, Хазарар, Джибиляр³⁹. В свою очередь эти родственные группы—тухумы—распадаются на более мелкие и, естественно, более близкие родственные группы-насыли.

Круг родственников в гельмецком насыле очень узок. Так, тухум Ачиняр состоит из насылей: Аскарар, где всего 3 хозяйства, Сакайва (4 хозяйства), Нигарава (4 хоз.), Кавама (5 хоз.). Тухум Кумуртби делится на три насыля: Алимоваммы (4 хозяйства), Халиловаммы

³⁹ Полевой материал 1968 г. Информаторы Мирзоев С., 64 года; Каримов С., 61 год; Курбанов Г., 60 лет.

(5 хозяйств); Казанайваммы (3 хоз.). Говорят, что раньше эти насыли были более крупными, за последние 15—20 лет многие их члены уехали из аула.

Близкое родство внутри одного тухума и малочисленность хозяйств в нем говорят, что скорее всего названные тухумы являются насылями, характерными и для других цахурских селений, а насыли — домами, куда входили только родные и двоюродные братья. Первоначально аул состоял из одного тухума.

Все тухумы были между собою равны, имели во всем одинаковые права. Браки между жителями разных тухумов были обычным явлением, препятствием могло служить только имущественное неравенство.

В коллективном пользовании всего селения находились пастбища, леса. Что касается пахотной земли, то она с незапамятных времен составляла отдельную собственность каждой семьи. Особых участков пахотной земли, находящихся в общем владении всего селения или тухума, в Гельмеце не имелось.

Владение и пользование покосами имело двоякую форму. Покосы, примыкавшие непосредственно к территории самого селения и пахотным участкам, были розданы семьям и являлись их собственностью, а более отдаленные оставались в коллективном пользовании всего селения. Такое же явление наблюдается и в Цахуре. Все покосы, за исключением участка «Вухначум», были собственностью отдельных семей. А названный участок, расположенный далеко от селения, в определенный день объявляли открытым, и все жители аула имели право косить кто сколько сможет.

В селении Гельмец было четыре квартала: «Алгыйимна магъала» («Верхний квартал»), «Иыкнейина магъала» («Средний квартал»), «Дагъайина магъала» («Нижний квартал»), «Ахъайибна магъала» («Крайний квартал»). Как видим, все кварталы носят территориальные названия, но есть участки внутри квартала (группа домов), названия которых произошли от имени человека, основавшего его, или носят патронимические (насыл) названия.

В прошлом насыли располагались компактно в одном квартале. Еще в начале XX века каждый квартал был населен родственными между собой группами. Так, «Верхний квартал» населяли Джибиляр, Холягар, Антарар; «Средний квартал» населяли Ачиняр, Арабар, КИумуртби; «Нижний квартал» занимали Цантарар; «Крайний квартал» — Хазарар. В настоящее время бывшее поквартальное расселение близкородственных групп нарушается, и представители насылей разбросаны по всему селению. Нарушение принципа расселения по родственному признаку началось давно, и уже в конце XIX века он не играл сколько-нибудь значительной роли в общественной жизни аула.

Образование второго типа поселения — «махьи» связано с дальнейшим общественно-экономическим развитием и представляет определенный этап в истории селообразования. Рост численности населения, экономические трудности, связанные с малоземельем, вызывали необходимость переселения из разросшихся аулов в свободные места. В XVII—XIX веках происходит процесс образования новых населенных пунктов на чисто территориальной основе, в результате чего улучшаются экономические возможности населения как старого аула, так и вновь основанного.

Для основания нового аула, т. е. хутора, выбирали места, где были удобные участки для возделывания культур и пастбища для скота. Старались особенно далеко не уходить от аула, если была такая возможность. Касаясь причин образования отселков вообще, нужно отметить,

что они не всегда ясны. В одних случаях новые населенные пункты основывались группой людей-семей, выделенных общиной для охраны границ земель; в других случаях — состоятельными крестьянами, которые стремились еще больше укрепить свое хозяйство; в третьих — группой разорившихся крестьян в надежде улучшить свое экономическое положение; в четвертых — кровниками, вышедшими в канлы и т. д.

Махьи могут быть подразделены на два типа: собственно хутора (небольшие населенные пункты) и хутора, превратившиеся к рассматриваемому времени в довольно крупные селения. Некоторые из них в XIX веке намного превосходили по своим размерам свою прародину: возникает хутор—группа домов—вдали от селения на пустовавшей ранее свободной земле, новый объект привлекает людей экономическими преимуществами, большими возможностями хозяйственного развития, и он постепенно разрастается за счет населения, прибывающего из разных селений. Поселение, выросшее из хутора, существенно отличается от основных поселений топографией, формой, планировкой. Один из факторов, сыгравший важнейшую роль при выборе места для поселения в прошлые времена — оборонный — ко времени основания хуторов частично потерял свою силу и вновь образовавшиеся селения не похожи на недоступные крепости.

С другой стороны, имеется существенная разница между собственно хутором—отселком и хуторским поселением. В небольшом хуторе обычно проживают выходцы из одного аула, тогда как в хуторском поселении селятся жители из разных аулов, при этом не соблюдая принципа расселения по одноаульным или родственным отношениям. Освобожденный от необходимости сделать свое жилище недоступным, обороноспособным, хозяин на новом месте выбирал участок для строительства дома только с учетом удобства для хозяйственной деятельности. Результатом подобных принципов расселения явилась более свободная планировка в хуторских поселениях, меньшая скученность и наличие небольших дворов. Судя по сообщениям информаторов, процесс выхода части жителей из цахурских селений и образования хуторов — новых населенных пунктов—начался давно, раньше, чем в других районах Дагестана, и причиной этому служили чрезвычайно скудные природно-географические условия, ограниченные экономические возможности Самурского ущелья и наличие плодородной земли на южных склонах Главного Кавказского хребта — на территории Азербайджана. С давних пор цахуры имели тесные экономические связи с этими районами Азербайджана. Многие семьи вместе со своим скотом на зимний период перекочевывали в Азербайджан, вслед за главами хозяйств, которые перегоняли овец на зимние пастбища.

Согласно преданиям, большинство селений азербайджанских цахуров сложилось на тех местах, куда из года в год перекочевывали на зимовку жители определенных аулов. Вначале семьи возвращались весной в селение, обрабатывали свои скудные участки земли, которые все равно не обеспечивали их хлебом, а со временем постепенно оседали на новом месте, строили себе капитальные жилища и жили там круглый год. Однако они не теряли связи с основным аулом, сохраняли идеологическую общность, заключали браки со своими родственниками. За короткое время эти отселки превращаются в большие населенные пункты. С этого времени, т. е. с начала XVIII в. прекращается рост цахурских селений в долине реки Самур, намечается тенденция к уменьшению хозяйств и количества населения в них и, наоборот, цахурские селения Закатальского и Кахского районов быстро увеличиваются за счет двух источников: естественного прироста населения и переселения семей из

селений Горного магала. Особенно усилился этот процесс в XIX веке, с присоединением края к России и проникновением капиталистических элементов. По рассказам старожилов, из цахурских селений по разным причинам (чаще всего экономическим) уходили целые группы семей. Так, в 70-х годах XIX века из Мишлеша переселилось в Закатальский район более 70 хозяйств и там основали селение с одноименным названием недалеко от Закаталы. Выходцами из селений Мишлеш и Цахур основан аул Свагиль, где в настоящее время насчитывается около 500 хозяйств. Всего за Главным хребтом цахурами основано 14 селений с чисто цахурским населением и в 5 они живут смешанно с аварцами и азербайджанцами. Несколько селений носят те же названия, что и в Дагестане: Мишлеш, Мухах, Кальял и др.

Поскольку нами селения азербайджанских цахуров не исследованы, рассмотрение их в данной работе не представляется возможным. Однако здесь хочется высказать одно предположение. Некоторые моменты наталкивают на мысль, что цахурские селения Закатальского и Кахского районов являются поселениями древнего происхождения. Территория эта смежная с дагестанскими цахурами, т. е. географически целая, одна территория, разделенная на две части Главным Кавказским хребтом, и глядя на карту, создается впечатление, что это одно этническое общество, таковым оно, видимо, и было издавна, занимая две естественно-географические зоны: обширные альпийские летние пастбища и плодородные, теплые южные склоны Главного Кавказского хребта, позволяющие как нельзя лучше сочетать земледелие и садоводство со скотоводством. Цахуры, видимо, были автохтонным населением на всей этой территории, земли эти принадлежали им. На зиму они перекочевывали на свои исконные земли на южных склонах Главного хребта, а на лето возвращались в Горный магал. Здесь небезынтересно привести высказывание А. М. Дирра о том, что «без сомнения, цахурский язык занимал раньше большую территорию (Закатальского округа — А. И.), чем теперь»⁴⁰. Одинаковые названия селений там и здесь говорят, как нам представляется, в пользу предположения реальности существования единого общества, жители которого постоянно проживали и там, и здесь. Сообщение Эвлия Челеби о том, что у цахуров в XVII в. было около 150 селений⁴¹, выглядит более правдоподобно, если допустить, что он имел в виду это большое общество с густо расположенными поселениями. Безусловно, некоторые населенные пункты на южных склонах образовались позднее, в XVII—XVIII веках, но целый ряд селений: Кум, Каркай и др. существовали издревле, и никаких преданий, либо сведений о их возникновении у цахуров нет. Кроме того, на территории Азербайджана проживает большее количество населения, чем в Дагестане, и число селений тоже больше. Многие цахуры по официальным данным числятся сейчас как азербайджанцы, и это переименование цахуров в азербайджанцев, начавшееся давно, за последнее время превратилось в массовое явление. Вот что пишет А. М. Дирр: «Жители сел. Елису и Сарыбаш (Закат. округа) считают самих себя выходцами из Цахура и говорили раньше на цахурском языке, вытесненным, однако, теперь татарским»⁴². В селении Тала Закатальского района по данным переписи 1886 г. было более 350 домов цахуров, а в настоящее время все они числятся как азербайджанские⁴³. Разумеется, высказанная мысль может быть опровергнута

⁴⁰ А. М. Дирр. Цахурский язык. СМОМПК, 43, 1913, стр. 11.

⁴¹ «Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби», л. 26.

⁴² А. М. Дирр. Цахурский язык, стр. 11.

⁴³ Об этом смотрите в кн. Г. Х. Ибрагимова «Фонетика цахурского языка», стр. 14.

или аргументированно подтверждена после специального изучения вопроса.

Процесс переселения цахуров из Горного магала в Закавказье шел и после установления Советской власти, и продолжается в наши дни еще более интенсивно, на что, видимо, необходимо обратить самое серьезное внимание партийным и советским работникам района и республики.

Согласно преданию, процесс образования отселков шел и в долине реки Самур, но ограниченно. Выходцами из селения Цахур на территории Горного магала основаны населенные пункты хуторского типа: Хиях, Сюют, Микик, которые в настоящее время входят в цахурский сельский совет. Возникли эти селения в разное время. В существующем около двух столетий селении Сюют проживают представители четырех тухумов: Нухевана, Мусалевана, Пакарана, Афтевана. В нем всего 20 хозяйств. Расположено оно на пологом склоне, у слияния рек Самур и Коёе. Многие жители Сююта за последние годы переселились в Закавказье.

Р и с. 6. Селение Сюют.

Кроме названных выше, в Горном магале поселений хуторского типа нет. Но нам представляется возможным допустить наличие большого количества мелких поселений у цахуров в прежние времена⁴⁴. В годы стихийного, а потом и насильственного переселения горцев на Приалазанскую низменность многие поселения, тем более небольших размеров, видимо, перестали существовать. Н. Вучетич, который проехал по этим местам в 1869 году, пишет: «Бывали примеры, что из прежних огромных аулов по возвращении из ссылки, остались ничтожные деревушки в три, четыре семьи — почти все остальные жители сделались жертвами лихорадок и горячек, свирепствующих во многих низменностях Кавказа»⁴⁵.

⁴⁴ «Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби», л. 26.

⁴⁵ Н. Вучетич. Поездка в Самурский округ. Записки для чтения. 1869. IV—VII, стр. 181.

Социалистические преобразования в Дагестане открыли большие возможности экономического развития, подъема культуры и улучшения быта, внесли существенные изменения и в характер селостроительства цахуров.

Национализация земли с последующей передачей ее на вечное пользование колхозам, изменившаяся политическая обстановка, рост материального благосостояния колхозников обусловили возможность возникновения новых кварталов, служат основой нового этапа развития поселения. Старая часть селения сохраняется, а на удобной окраине возникает новый квартал. При заселении новых участков не придерживаются каких-либо принципов, кроме удобства для строительства. Каждый желающий строить дом на новом месте получает участок определенных размеров. Выделение участков производится с учетом расположения клуба, школы, других общественных зданий, общественной площади. Группировка домов в новых кварталах отличается от старой. Дома располагаются свободно, улицы шире и прямее.

Происходят изменения и в старом селении, хотя оно продолжает бытовать на своем старом месте с вертикальной планировкой. Переселение части населения в новый квартал, позволяет остающимся перестраивать свои дома, расширять улицы, озеленять участки. Хотя измениться коренным образом аул не может, идет процесс благоустройства его.

В силу ряда причин, о которых мы выше уже упоминали, одно из характерных явлений в Дагестане — образование поселений на ровных, доступных местах, в виде новых кварталов с горизонтальной зональностью, занимающих большую площадь, чем было занято под старыми аулами, и с большим количеством населения, или в виде целиком переселившегося аула с труднодоступных скал на новое место, ранее занятое под посевами, близко от дороги — на территории Горного магала не получило своего распространения. Нет ни одного населенного пункта цахуров в Дагестане, возникшего за годы Советской власти.

Форма поселений, планировка тесно связаны с типом поселения, с характером участка, рельефом местности. Разным типам поселений, до некоторой степени, соответствуют разные формы. Так для поселений хуторского типа, расположенных на пологих склонах или ровных местах, характерно более свободное заселение, горизонтальная или слабо вертикальная форма, тогда как поселение основного типа имеет ступенчатую, террасообразную форму.

Селения Гельмец, Курдул, Муслах, Кальял и еще некоторые имеют слабо выраженную ступенчатую, вытянутую форму. Все они расположены на гребне хребта, с небольшим южным уклоном, благодаря чему и поселения принимают ступенчатую форму. Сверху они кажутся сплошной горизонтальной постройкой, с северной стороны видна цепочка крайних домов, напоминающая сплошную стену.

Ярко выраженную ступенчато-террасообразную форму имеет селение Цахур, особенно его верхняя часть, расположенная на крутом склоне. Дома, примыкая один к другому, тянутся горизонтально по склону, образуя сплошную застройку ряда. Ряды домов не создают прямую линию, не идут параллельно друг другу, они изгибаются в зависимости от рельефа, прорезываются переулками и неожиданно заканчиваются. Здесь можно насчитать семь таких рядов, состоящих из 7—15 домов.

Характерным для цахурских селений является скученность, теснота, сплошная застройка улицы, как с одной стороны, так и с другой. Основной элемент поселения — глухой дом, замкнутый комплекс жилых помещений, выходящий к улице высокой сплошной стеной с входной дверью.

Такое расположение домов является в условиях острого малоземелья и военной опасности наиболее выгодным.

Внутренняя планировка, как определяющий фактор при застройке участка, в цахурских поселениях как таковая отсутствует. Однако, как и в поселениях других народов Дагестана ⁴⁶, некоторые принципы при селообразовании соблюдались.

Обязательным элементом селения была небольшая площадь «гимга». Она являлась общественным центром, где происходили сельские сходы для обсуждения важнейших вопросов, устраивались общественные праздники, собирались мужчины для бесед, отдыха. Вокруг этих площадей, на которых впоследствии, после принятия ислама, были построены мечети, группируются дома. Вдоль стены дома или стены мечети с высоким минаретом, над сиденьем из валунов или брёвен, устраивается навес, защищающий его от осадков и солнца.

В селениях были и небольшие квартальные гимга, где собирались мужчины ближайших домов. Так, в Гельмеце, помимо центрального годекана у мечети, были гимга «Хъебалъ» в восточной части аула, «Майдам» — ближе к центру и «Тярегим» — в западной части аула.

За годы социалистического строительства произошли большие изменения в топографии селения и организации общественной жизни. Общественная, культурная и экономическая жизнь селения сосредотачивается вокруг вновь построенных культурно-просветительных и административных зданий: школы, клуба, сельсовета, правления колхоза. Эти учреждения, которые строятся на самых удобных и лучших участках в селении, все больше и больше входят в жизнь и быт населения и становятся центром селения. В дневное время люди сейчас для отдыха, бесед чаще собираются около клуба, школы, а в вечерние часы посещают избу-читальню, клуб.

Другим важным фактором, который учитывался при застройке аула, была уличная система. Расположение улиц в селении, их направление зависит от характера местности, формы аула и местонахождения общественной площади. От площади улицы расходятся в разные стороны. В селениях, расположенных на гребнях хребтов и имеющих вытянутую планировку (Гельмец, Курдул), улицы (в основном одна) проходит через все селение с востока на запад. Она может изгибаться, но обязательно дей-

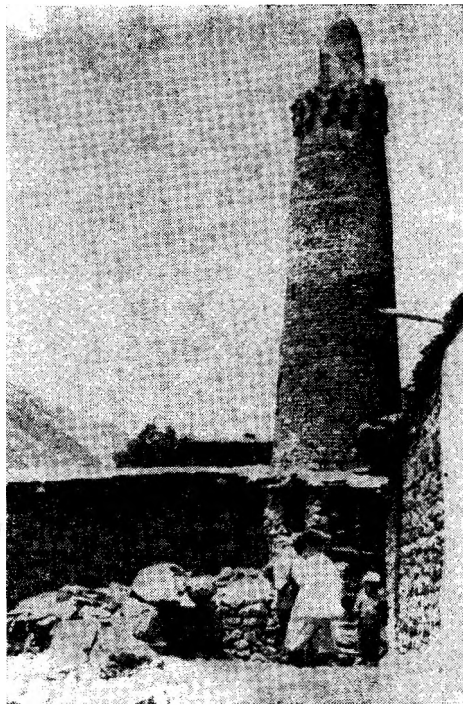

Рис. 7. Минарет мечети в сел. Мишлеш.

⁴⁶ См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, стр. 99; Материальная культура аварцев, стр. 138.

дет до конца аула и соединит проулками, разветвляющимися от нее, все части селения.

В селении Мишлеш улиц, проходящих с востока на запад через все селения, три: одна идет приблизительно по центру около мечети, другие две улицы идут по краям аула, сверху и снизу, как бы обрамляя его. Эти параллельно идущие три улицы соединяются между собой с помощью улиц, идущих перпендикулярно к ним с севера на юг. Удивительно то, что эти четыре улицы, идущие в меридиальном направлении, проходят сквозь аул почти прямо, разделяя его на четыре части-квартала и выходят к реке Самур. Подобной планировки мы в других селениях не встречали.

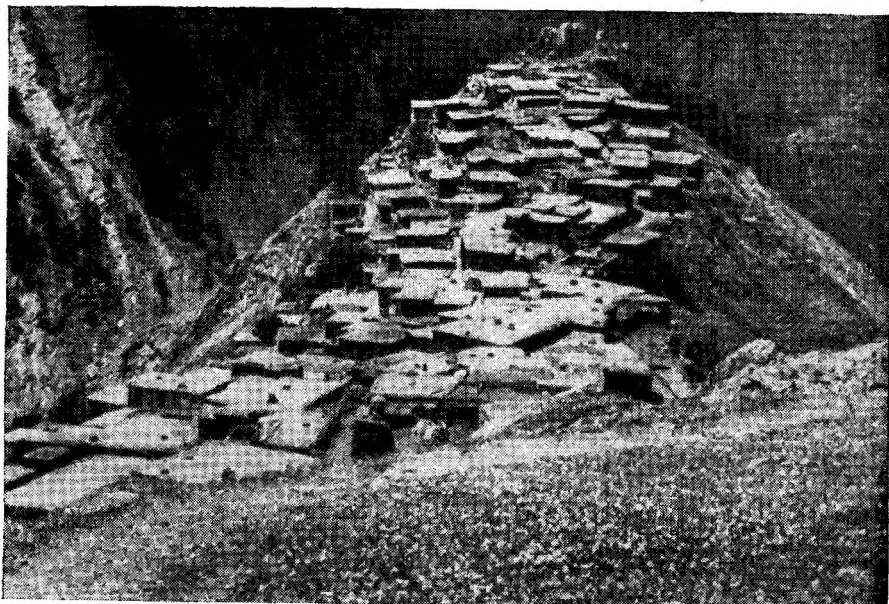

Рис. 8. Селение Гельмец, вид сверху.

В селении Цахур главной или центральной улицы, которая одна соединяла бы все части аула, нет. В верхней части аула, после каждого ряда домов, идет узкая улица (их пять), а соединяют их вертикальные извилистые и круглые переулки. Строгое разграничение вертикальных и горизонтальных улиц не всегда возможно, ибо они часто переплетаются, переходя одна в другую. Иногда они проходят по крышам домов, а иногда под домами. К югу от школы (бывшей мечети) идет в основном одна узкая улица посередине двух рядов домов, расположенных по обе стороны. Сейчас дорога, связывающая выше расположенные цахурские аулы с основной дорогой, проходит посередине селения с востока на запад и является его главной улицей. Она пробита в скале, которая раньше защищала подступы к Цахуру.

Улицы в цахурских селениях узкие (от 0,7-0,8 до 1,5 м ширины), извилистые, часто представляют узкий туннель под домами. В селениях, расположенных на крутых склонах, они часто настолько крутые, что приходится прорубать специальные ступеньки, строить подпорные стенки. Каждый дом, как и где бы он ни был расположен, связан с улицей, которая соединяет его с другими частями аула, и никто не мог перегородить улицу, сузить ее.

Селения, расположенные на скальном выходе склона горы — они в основном все такие — не нуждаются в специальном очищении от мусора. Роль санитара выполняет дождь. Вода, стекающая по улицам, промывает их и выносит мусор и грязь из селения. Твердая основа, вертикальные улицы, несмотря ни на какие препятствия выходящие за селение (иногда специально сооружали стоки под домами), помогают в этом. Но жители аулов стараются сохранить чистоту своих улиц, в конечном итоге и селения в целом. С этой целью нечистоты относятся на край аула, выбрасываются в обрыв. Хотя улицы специально и не очищали, они всегда выглядели чистыми и опрятными. Говоря о санитарном состоянии цахурских селений, в частности о Гельмеце, К. Ф. Ган пишет: «Удивительная чистота царила в этом ауле; Навоза нет и следа, хотя жители держат довольно много скота. Дело в том, что ... жители ежедневно выносили навоз на поля»¹⁷.

В селении Мишлеш некоторые участки улиц с одной стороны выложены булыжником, вроде тротуаров, которые поднимаются на 20—30 см и облегчают хождение во время дождей.

В тех случаях, когда образуются новые кварталы, улицы в них шире и прямее. Хотя при застройке нового участка специально не планируют ровных и широких улиц, разреженная, свободная группировка домов уже сама по себе обуславливает становление широких улиц и свободного подхода к домам.

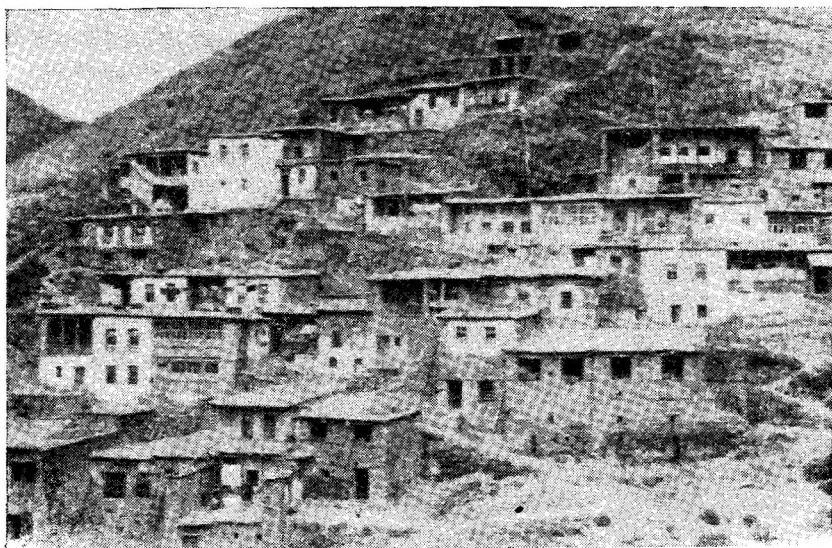

Рис. 9. Новый квартал в селении Цахур.

Таким образом, в целом можно сказать, что цахурские селения расположены на южных склонах горных хребтов долины реки Самур, где имеются вокруг аула земельные участки, пригодные под посевы, пастбища для скота, питьевая вода, занимаемая под строительство естественно защищенные, недоступные места. В XIX веке существовали два типа поселения—селение—«хив» и хутор—«махьи», которые отражают два этапа

¹⁷ К. Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года). В кн.: СМОПК, вып. XXXI, Тифлис, 1902, стр. 66—67.

селообразования. Хив, как поселение, сложилось в далеком прошлом и было характерным для дофеодальной эпохи, а махьи возникли в XVII—XIX веках. Образование новых кварталов и населенных пунктов за годы Советской власти не получило широкого развития.

Селения имеют две формы, зависящие от рельефа местности: ступенчато-террасообразную и горизонтальную.

ЖИЛИЩА

Материал, собранный в селениях Горного магала, позволяет проследить этапы развития цахурского народного жилища в связи с социально-экономическими и общественно-культурными изменениями в жизни народа, происшедшими с середины XIX века до наших дней, и сделать заключение, что жилище цахуров в своем историческом развитии прошло долгий путь от простой одноэтажной однокамерной постройки без окон и отопительных сооружений до современных благоустроенных многокамерных двухэтажных домов с застекленной верандой, деревянными полами и со сложными печами.

Особенности природно-географических условий: крутой рельеф, малоземелье, суровый климат, строительные материалы и основное занятие населения (овцеводство) — повлияли на формирование типов жилищ и хозяйственных построек. В конце XIX века на территории Горного магала было несколько типов жилища, отличающихся как внутренней планировкой — камерностью, так и этажностью: одноэтажный дом с одной небольшой жилой комнатой; одноэтажный дом с двумя или тремя камерами; двухэтажный дом с одной жилой комнатой на втором этаже и хлевом на первом; двухэтажный дом с несколькими комнатами как на верхнем, так и на нижнем этажах; закрытый дом с глухой фасадной стеной без двора; дом с галереей по всему фасаду и с двориком.

Несмотря на кажущееся многообразие форм и типов жилища, оно может быть по конструктивному признаку сведено к двум типам: одноэтажному и двухэтажному, а по внутренней планировке выделены три типа: однокамерное, двухкамерное, трех- и многокамерное. Здесь нет многоэтажных ансамблей, даже трехэтажных построек, хозяйственно-жилого комплекса, где были бы сосредоточены все помещения и службы в вертикальном плане, домов-башен и домов-крепостей, подземных помещений, выдающихся памятников архитектуры (исключение — мечети в Цахуре и Мишлеше). Скорее можно говорить об унифицированном характере народного жилища, о сложении, незавершенной до конца одной формы его. Сказанное одинаково относится как к внешней форме жилища, так и к внутреннему убранству его, в пределах одной исторической эпохи.

В отличие от всех дагестанских горных аулов, где преобладают двухэтажные постройки и имеется немало трех- и многоэтажных (иногда до 5—6 этажей) построек, в цахурских селениях все дома, за редким исключением, одноэтажные. Только в конце XIX века появились многокомнатные двухэтажные дома, принадлежащие состоятельным хозяевам — барановодам.

Наиболее характерным и распространенным жилищем цахуров во второй половине XIX века и в начале XX века был одноэтажный каменный дом закрытого типа, без усадьбы и двора, с плоской крышей. Хозяйственные постройки стоят отдельно от жилого дома.

Если и встречается какой-нибудь дворик, что бывает очень редко, то совсем небольших размеров (20—50 м²). Только по 2—3 дома в ауле,

принадлежащие наиболее богатым людям, имели небольшие дворы с хозяйственными постройками. А в целом дома в ауле жмутся друг к другу так плотно, что и не остается места для дворов.

Жители аулов после возвращения из высылки в 1862 г. кое-как возводили на развалинах старых домов новые жилища, которые носили отпечаток временности и незавершенности. Экономическое состояние владельцев таких домов было крайне слабое и перестраивать или достраивать дома, вначале построенные в качестве временных жилищ, они были не в состоянии. Хороший дом построить в Горном магале было делом трудным и дорогостоящим. Именно в это время, с 70-х годов XIX века, усилился процесс ухода населения из цахурских селений в Кахский и Закатальский районы Азербайджана. А многие из оставшихся на местах не были уверены, что не последуют примеру ушедших.

Таким образом, примитивное жилище цахуров в XIX—нач. XX вв., о котором писала З. А. Никольская, что: «Вплоть до революции сохранилось у цахуров однокамерное жилище с топкой по-черному (дега)»...⁴⁸, является своего рода анахронизмом, обусловленным бедностью владельцев этих домов, и никак не отвечает уровню строительной культуры и народной архитектуры.

Наиболее архаичной и простейшей формой, бытовавшей в XIX веке, было одноэтажное однокамерное жилище. Построены эти дома были в середине или во второй половине XIX века, но многие признаки конструкции, детали позволяют отнести этот тип построек к более раннему периоду, что подтверждается и осмотром развалин в некоторых селениях, особенно в той части, которая, по словам старожилов, была разрушена при переселении и больше не отстраивалась.

На крутых склонах гор, где расположены аулы, ровных площадок, удобных для строительства, не было. Прежде чем приступить к строительству дома, приходилось выравнивать участок, создать искусственно площадку. Это можно было сделать двумя способами: заглублением в грунт или постройкой подпорной стены. Поэтому во многих случаях частью задней стены жилища служил склон горы. Дома строили из камня на скрепляющем растворе.

Существуют несколько вариантов однокамерного типа жилища, различающиеся по внешнему оформлению фасада, интерьеру и размером комнаты. Видимо однокомнатный дом в прошлом был единственной формой жилища у цахуров, о чем свидетельствуют и данные языка. Слово «хав» означает дом в целом и комната.

Наиболее примитивное жилище не имело окон, для освещения оставлялось небольшое отверстие в крыше, которое в случае дождя и на ночь закрывали плоским камнем. В комнату вела дверь из двух толстых грубо обтесанных досок, прикрепленных на пятах, вставленных в гнезда, в углах в верхней и нижней части дверного проема. Размеры комнаты колеблются от 12 до 20 кв. метров. Вдоль дальней стены возведено возвышение (около 1 метра), на которое днем складывали постели. У продольной стены, ближе к задней стене помещался небольшой ларь для муки, над ним во всю длину стены — полка для посуды, а в противоположной стене две ниши. В центре комнаты находился очаг без дымохода. Какой-либо мебели в доме не было. Это было жилище малой, экономически бедной семьи.

Второй формой этого типа жилища является дом, в котором жилая комната имеет небольшие окна, угловой очаг. Это жилище обладает большими удобствами и является новым этапом эволюции жилища.

---

⁴⁸ З. А. Никольская. Цахуры. В кн. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 221.

Третью и наиболее характерную форму первого типа жилища представляет дом Айвазова Муртазали в селении Мишлеш. Здесь на улицу выходит высокая глухая каменная стена, с входной дверью. Вход ведет в небольшой открытый дворик, размером 20 кв. м, в конце которого расположено жилое помещение, фасадом на южную сторону.

Дверь в жилое помещение расположена в правом углу южной стены. Она двухстворчатая и сколочена из двух толстых досок. Проем низкий — 160 см, и узкий — 80 см. Порог высокий, особенно со стороны комнаты, т. к. пол несколько заглублен в грунт. Двери открываются во внутрь, на пятах, вставленных внизу в специальное углубление в камне, а сверху — в отверстие деревянной перемычки над проемом.

Размеры комнаты 20 м² (4×5 м), высота около 4 метров. У правой стены расположен очаг с дымарем из плетенки, обмазанной с обеих сторон глиной, довольно больших размеров и примитивной формы. Место для разведения огня заглублено в полу на 15 см, а по бокам сооружено возвышение, закругляющееся к концу и служившее подставкой для посуды. Сооружение было предназначено для приготовления пищи.

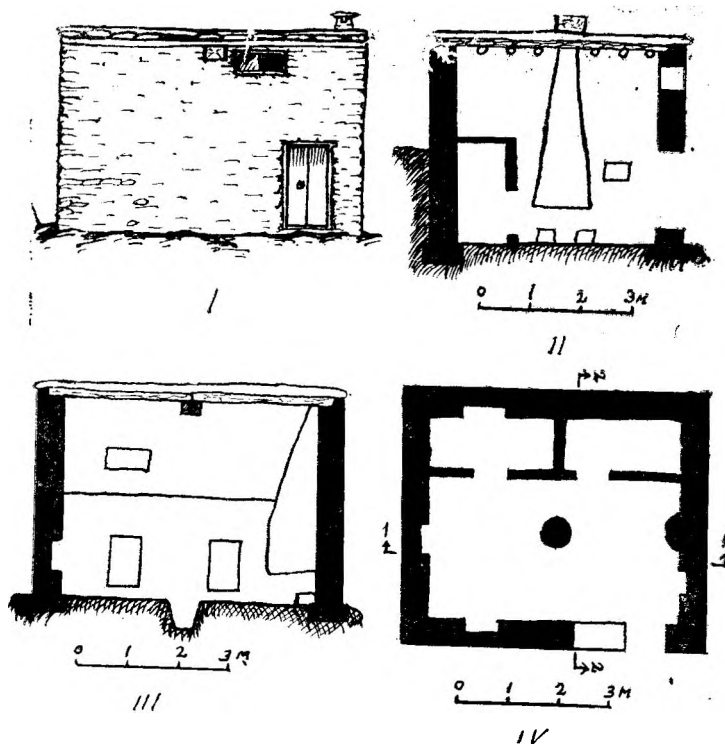

Рис. 10. Дом Айвазова М. в сел. Мишлеш:
I—фасад; II—разрез 2—2; III—разрез 1—1; IV—план.

В центре комнаты сохранились видимые следы открытого очага — лахха, он существовал до 1967 г. Ко времени обследования лахха повсеместно вышел из употребления, а в кое-каких домах открытым очагом не пользовались уже с 20-х годов XX в.

Вдоль противоположной от входа стены расположены две кладовые — хидва, глубиной 1,5 метра и высотой 2 метра. Кладовые служили местом хранения инвентаря, оборудования, а в одной из них, расположенной дальше от очага, держали продукты. В хидва вели небольшие дверцы 1×70 см, открывающиеся тоже во внутрь. Над кладовыми устроен

верхний полужэтаж во всю длину комнаты — антресоли (веранда внутри комнаты), которые называются — «кьас». Кьас играли двоякую роль. служили местом хранения инвентаря, топлива (дров) и использовались в качестве ниши, куда складывали постели днем и хранили продовольственные запасы.

Большое место в интерьере занимают лари, стоящие вдоль левой стены. Ларь для зерна — «сакан» больше и выше чем кьутье, предназначенный для муки. И тот, и другой имеют по два отделения, где хранили разного рода муку и зерно.

Говоря вообще о ларях, нужно отметить их большое разнообразие в конструктивном отношении. Встречаются большие ящики, стоящие на высоких ножках с несколькими отделениями, с откидными крышками. Они могут быть перенесены с места на место и относительно высоки — доходят до 2,5 метра; другой вид ларя конструктивно похож на описанный выше, но меньше и предназначался для хранения муки. Эти два вида ларей являются наиболее распространенными в цахурском жилище. Иногда, помимо ларей в комнатах, встречаются небольшие деревянные сундуки, где хозяева держат мелкие вещи. В богатых домах в больших комнатах лари сооружены во всю длину комнаты, высотой 1—1,20 м и шириной 1,10—1,30 м. Они имеют несколько отделений, предназначенных под определенный вид злака или муки. Такой ларь не может быть перенесен с места на место, он вделан в стену и стойки, на которые опираются балки перекрытия. Стойки являются частью конструкции ларя. У него нет откидных крышек, над каждым отделением одну широкую доску оставляют незакрепленной.

В селениях Мишлеш, Джиных, Цахур, т. е. расположенных по левому берегу реки Самур, для хранения пищевых запасов в качестве посуды и ларей иногда употребляли деревянные сосуды — кадки, выдолбленные из толстого ствола дерева. Некоторые экземпляры их имеют довольно большую емкость — вмещают до 100 кг зерна. Преимущественно их использовали для хранения молочных продуктов: сыра, творога и т. д.

Характерным для всех видов ларей и хранилищ является то, что все они приподняты: или они стоят на ножках, или на продольных досках, установленных в фазах стоек на высоте 10—15 см, а кадки ставили на неширокое возвышение у стены.

Вернемся к описанию жилища Айвазова. В комнате были четыре ниши — «хахра» различной величины. В них хранились мелкие предметы домашнего обихода, утварь, одежда и т. д.

Пол в комнате земляной, хорошо утрамбованный и покрыт тонким слоем прочной глины. Ежедневно пол протирают специальной травой — хоще, после чего образуется прочная корка и пол приобретает темно-зеленый цвет. В комнате стоит своеобразный приятный запах. Способ протирания пола жилища травой мы встречаем только в цахурских селениях, и необходимо отметить большие преимущества этого метода перед простой обмазкой пола жидкой глиной, характерной для других народов Дагестана. Хоще — сорняк (сурепка), растущий почти во всех районах республики.

Стены комнаты обмазаны глиной и побелены известью.

В центре жилища стоит нетолстый столб, на который опирается центральный прогон. По прогону уложены балки сечением примерно 11—12 см на расстоянии 35—40 см, а на них лежат сланцевые плиты.

В южной стене, под потолком, находится одно широкое невысокое окно (70×1 м), которое выходит на крышу небольшого хозяйственного помещения, построенного несколько лет тому назад. Хозяйка рас-

сказала, что окна пробили несколько лет назад, и тогда же было закрыто отверстие в потолке. Пол жилой комнаты застлан паласом.

Внутреннее убранство комнаты во всех жилищах подобного типа приблизительно одинаковое, лишь с разницей, которая отражает экономическое положение владельца.

Наряду с домами, где жилые помещения были небольших размеров — 12—20 м², встречаются также дома с большими жилыми комнатами — до 40 м². Можно предположить, что эти комнаты когда-то были жилищем большой патриархальной семьи, которая пережиточно сохранилась до второй половины XIX века. Если даже эти дома восстановлены или вновь построены в середине XIX в., то они сохраняют форму, планировку, размеры жилища, ранее стоявшего на этом месте. Известно, что горцы при возвращении в родной аул восстанавливают очень часто свои старые дома, ибо помимо идеологической стороны этого вопроса, сохранившийся фундамент и частично стены облегчают им эту трудную задачу. По ходу строительства начинается перепланировка и модернизация дома, особенно подвержен изменениям интерьер.

Этнографический материал показывает, что во второй половине XIX века бытовали не только жилища больших размеров, но и существовали некоторые пережиточно сохранившиеся большие семьи, состоявшие из 15—20 человек. Большая семья имела общее хозяйство, в ней существовали определенные порядки, взаимоотношения членов, регламентируемые традицией. Но в доме, где жили такие семьи, в большинстве случаев нет комнат больших размеров и, как правило, жилище их многокамерное. В каждом отдельном случае различия обнаруживаются в размерах и количестве комнат, в планировке дома, в интерьере, и можно сказать, что установившейся единой формы жилища цахурской большой семьи во второй половине XIX века не наблюдается.

Что касается жилища с одной большой жилой комнатой, то оно в большинстве случаев принадлежало семье, которая состояла в среднем из 5—6 человек. И только в двух случаях нами зафиксировано проживание большой семьи в жилище с большой комнатой. Собственно, семья живет не только в этой одной большой комнате, но и в других, меньших по размерам. Во всех случаях она существует в жилище в сочетании с другими комнатами, построенными впоследствии.

Кроме того, когда мы говорим о большой комнате с соответствующим интерьером у цахуров, то имеем в виду ее относительно большие размеры (не превышающие ни в одном случае 40 м²), т. е. встречаются комнаты другого назначения, например кунацкая, не меньших размеров. Это необходимо учесть еще потому, что, как мы знаем, в Дагестане в прошлом существовали большие комнаты размерами 100 и более кв. м, являвшиеся пережиточной формой жилища больших патриархальных семей.

Дома, в комплекс помещений которых входили большие комнаты, отличались своей фундаментальностью, а интерьер этих комнат — декоративным оформлением всех деталей, рассчитанным на внешний эффект. Хозяева этих домов (богатые люди) строили эти относительно большие комнаты с огромными ларями, кладовыми (имеется в виду хидва), открытыми в сторону комнаты антресолями и полками, с учетом больших хозяйственных потребностей. Таким образом, можно предположить, что большая комната в цахурском жилище была жилищем больших патриархальных семей, потерявшая в XIX в. свое функциональное назначение и бытовавшая в доме состоятельного хозяина в качестве жилого, иногда и хозяйственного помещения. Нами описана большая оригинальная комната в доме Перижаган Кубалиевой в селении Мишлеш, и по рассказам

информаторов, она служила для проведения массовых гражданских процедур (свадьба, оплакивание умершего и т. д.) в зимнее время. Таких комнат в селении было две, и в их обстановке принимали посильное участие все жители. Аналогичное явление мы зафиксировали и у рутульцев в селении Мюхрек.

Мы уже говорили выше, что дом, где одна камера одновременно служила спальней, кладовой и кухней, был пережиточным в XIX в., существование его обусловлено бедностью хозяина. Во второй половине XIX века в цахурских селениях большинство домов имело две, три, а иногда и больше камер. Эти помещения—камеры имели, как правило, специальное назначение.

Развитие производительных сил, улучшение экономического состояния жителей способствовали развитию жилища и появлению в доме специализированного хозяйственного помещения. Еще в однокамерном жилище намечается тенденция к выделению хозяйственного отсека — хидва, но она не получила своего развития. Эти хозяйственные отсеки в одном из помещений, чаще всего в жилом, сохранились и в более позднем многокамерном жилище. Развитие жилища пошло в этом районе по пути пристройки нового помещения к жилой комнате, а случаи разделения комнаты на две камеры очень редки в цахурских селениях.

Новое помещение выполняло функции коридора-кухни и соответственно было обставлено, а роль хозяйственного помещения по-прежнему выполняют отсеки — хидва. В дальнейшем второе помещение становится самостоятельной комнатой с ярко выраженными функциями кунацкой.

Изменение семейных отношений, выделение новой, вновь образовавшейся семьи из прежнего хозяйства способствовало появлению в доме новой камеры. Новые малые семьи, как хозяйственные единицы, вызывают необходимость увеличения числа жилых помещений в доме родителей, т. к. уход от родителей на окраину аула был нежелательным, а построить рядом новый дом было не всегда возможно, аул был скучным и существующий дом был тесно зажат со всех сторон другими домами. Чаще всего перестраивали старый дом, увеличивая число помещений в нем. Так появлялось трехкамерное, а если семья экономически состоятельная, то и многокамерное жилище.

Одна из комнат жилища, с большими окнами, была обставлена лучше, здесь хозяева держали свои ковры, дорогую посуду, новую постель, подушки. Вещи в этой светлой, хорошо проветриваемой комнате сохранялись лучше. Помещение, как правило, не отапливалось, хотя в нем и был камин. Вещи здесь размещались в определенном порядке, с учетом их декоративной ценности и поэтому комната всегда выглядела нарядной. Она иногда служила спальней для молодых неженатых сыновей, если другого подходящего помещения в доме не имелось, и была местом, где проводилась свадьба или собирались женщины в случае траура.

Выделению специальной, убранной комнаты в жилище способствовала высокочтимая традиция гостеприимства. Гость был священным и почетным лицом в доме горца, и хозяин дома стремился удовлетворить все желания гостя и создать ему хорошие условия для отдыха.

Соседство и близкие связи с Азербайджаном способствовали превращению убранной комнаты в специальную кунацкую — утагъ, наличие которой в силу традиций считалось в конце XIX века обязательной. Даже маломощные хозяйства, жилища которых состояли из двух помещений, считали необходимым иметь в доме специальную убранную комнату.

Изменившаяся политическая обстановка во второй половине XIX века, ослабление обычая кровной мести привели к исчезновению необходи-

мости в укрепленных аулах и домах, и глухие, закрытые дома раскрываются, становятся светлее. С присоединением Горного магала к России исчезла опасность нападений, затяжных межобщинных столкновений, грабежей. Всё это послужило толчком к новому этапу развития жилища. Наряду с увеличением количества помещений в жилище, появлением окон, особенности быта и хозяйственной деятельности обусловили распространение нового типа жилища — дома с верандами по южному фасаду. С этого времени началась тенденция строить дома с верандами. Со временем веранда приобретает некоторые функции помещения: одновременно служит летней спальней, кухней, местом отдыха.

Веранды имеют разные формы и оформления. В домах прямоугольного плана веранда обычно ограждалась с боковых сторон торцовыми стенами (только в редких случаях она бывала открытой с боковой стороны). Иногда продолжением фасадной стены закрывали часть веранды, где обычно устраивали кухню. В домах «Г» и «П»-образного плана веранды иногда принимают форму дома, но большей частью они прямоугольные.

К концу XIX века дома с верандами получают большее распространение, чем глухие дома закрытого типа, хотя последние встречаются и в наши дни, как пережиточно сохранившиеся.

В XIX в. в цахурских селениях встречаются, в небольшом количестве, двухэтажные дома, с несообщающимися между собой этажами. В таком доме обычно жили две родственные семьи: вход в каждый этаж был с улицы. Хозяйственные помещения отделены от жилого дома и вынесены в отдельную постройку. По этому поводу архитектор С. О. Хан-Магомедов пишет: «Наиболее распространенным в Дагестане типом организации жилищно-хозяйственного комплекса является такой, при котором жилье и хлев объединяются в одной двухэтажной постройке (первый этаж — хлев, второй — жилье); сарай для сена возводится как отдельная постройка... Встречаются в лезгинских селениях горной зоны и такие жилищно-хозяйственные комплексы, где хлев и сарай объединены в двухэтажную постройку (первый этаж—хлев, второй — сарай для сена), а жилые помещения — в одноэтажном здании с лоджией... Такая организация жилищно-хозяйственного комплекса более характерна для старых построек цахуров, а у лезгин она встречается сравнительно редко»⁴⁹.

Редко, но встречаются у цахуров и жилищно-хозяйственные комплексы, где хлев и жилье объединяются в одной двухэтажной постройке (первый этаж — хлев, второй — жилье)⁵⁰, а сеновалы построены рядом — примыкают к дому под общей кровлей (редко) или выносятся как отдельная постройка (чаще). Особенно это характерно для селения Гельмец.

В двухэтажных домах прямо с улицы вход ведет в небольшой крытый двор — магялла, расположенный под верандой, откуда двери ведут в помещение для скота, а лестница — на второй, жилой этаж. Дворик этот, освещаемый небольшими окнами в южной стене, больше выполнял функции дополнительного хозяйственного помещения: здесь хранился хозяйственный инвентарь, топливо, выполнялись отдельные работы. Для домов двухэтажной конструкции в конце XIX века наиболее распространенным становится тип, имеющий во втором этаже две комнаты и веранду, а на первом — хлев, конюшню и двор-коридор. От этого вида жили-

⁴⁹ С. О. Хан-Магомедов. Лезгинское народное зодчество, М., 1969, стр. 38—39.

⁵⁰ См. С. О. Хан-Магомедов. Архитектура цахуров. «Архитектурное наследство», № 13, М., 1961.

ща, характерного преимущественно средним слоям населения, сильно отличалось жилище богатых людей, как большим количеством помещений, так и лучшим выполнением конструктивных работ, и бедных слоев населения, где одно и то же помещение служило одновременно и жильем, и кладовой, и кунацкой.

Независимо от того, двухэтажный ли он или одноэтажный, наиболее распространенным в конце XIX—начале XX веков становится дом, состоящий из двух-трех помещений. В конструктивном отношении преобладающим и типичным остается одноэтажный дом с плоской крышей.

Бытование по соседству разнообразных типов жилищ в конце XIX—начале XX веков было вызвано неодинаковым экономическим положением людей в селении. Малоимущие хозяйства не были в состоянии строить многокамерные большие дома и ограничивались переделкой, модернизацией старых, тогда как богатые возводили дома не только с учетом расширяющихся хозяйственных и бытовых потребностей, но и стремились придать им художественную выразительность, фундаментальность, воплотить в нем все достижения народной архитектуры. Имущественная разница владельца дома проявлялась и во внутреннем убранстве жилища. Хотя традиционная особенность интерьера сохранялась, разница выражалась в качестве и количестве ковров, постели, подушек для сидения, посуды, ларей, в материалах и форме перекрытия, камина и т. д.

Жизнь семьи по-прежнему протекала в одной комнате, соответственно оборудованной, вторая являлась кунацкой, а третья, если она есть, выполняла функции кладовой — хозяйственной.

В очажной комнате — дега — произошли существенные изменения. Расширился дверной проем, появились большие окна со ставнями, которые на ночь закрывались. Оконных рам и стекол еще не было. Главное место в интерьере занимал внутрискрипный камин — бухара — довольно больших размеров, помещавшийся в центре одной из боковых стен или в одном из углов комнаты. В стенах комнаты устраивали ниши, имевшие неодинаковые размеры и располагавшиеся на разной высоте от пола. Большие ниши — «хахра» — находились невысоко от пола и предназначались для хранения постельных принадлежностей, кувшинов, небольших сундуков с одеждой или ларей с продуктами. Одна ниша располагалась недалеко от камина и служила для кухонной посуды. Маленькие ниши делались обычно на значительной высоте и использовались для хранения мелких вещей. Также существенное место в интерьере занимали антресоли над кладовыми.

Мебели в жилище по-прежнему не было, отдыхали, работали, сидя на специальных подушках на полу. Земляной пол застилали паласом или ковром. По вечерам помещение освещали глиняным (керамическим) светильником, с длинным загнутым носком — «царцыра», в который

Рис. 11. Светильник «гарж».

наливали неочищенную нефть и вставляли в отверстие носка фитиль — кусок ткани, скрученный и предварительно пропитанный нефтью.

Цырыра пришел на смену гарж (железная чаша на трех ножках). В чашу четырехугольной формы размером приблизительно 10×10 см наливали жир или сосновую смолу, вставляли лучину (фитиль) и зажигали. Гарж употребляли редко и в обычной жизни обходились светом огня в очаге. Позднее в гарж стали наливать нефть, хотя он был мало приспособлен для этого.

Второй жилой комнате, предназначенной для приема гостей — кунацкой, придавался более нарядный вид, она бывала обставлена богаче. Кунацкая от повседневной жилой комнаты отличалась еще тем, что в ней не устраивали антресолей, нет хозяйственных отсеков, меньше ниш, и камин, помещенный посередине одной из стен, меньших размеров, выполнял больше декоративную функцию, чем отопительную. Полочки на деревянных консолях по стене с расставленной фаянсовой и медной парадной посудой, развешенное оружие и вся обстановка кунацкой носила характер парадности.

Летняя кухня — «секу» — располагалась в одном углу двора, под навесом. В углу устраивали очаг с дымарем, от него вдоль одной из стен шло возвышение, на которое ставилась посуда во время приготовления еды. Пол летней кухни приподнимали на 5—8 см от пола двора, обмазывали слоем прочной глины и еженедельно протирали травой хоше. В некоторых случаях, здесь же, под навесом, имелись печи для выпечки хлеба — тандур.

Рассмотренное жилище рассчитано на семью со средним достатком. Однако достижения народной архитектуры, традиции, степень культуры строительства, уровень развития строительной техники полное отражение нашли в жилищах третьего типа — многокамерных, которые представляют высший этап эволюции дореволюционного жилища. Такими являются дома Ибрагимова в селении Мишлеш, Кавузова в Цахуре, Мирзоева в Гельмеце и др.

Дом-усадаба Ибрагимова, состоящий из шести комнат и нескольких хозяйственных построек во дворе, впоследствии был разделен между двумя братьями. Дом был построен на неровном участке, и эта особенность рельефа обусловила своеобразие планировки. На первом этаже жилого дома находились четыре помещения в одну линию: две правые комнаты (семейная и хозяйственная с галереей впереди) расположены ниже, приблизительно на два метра, чем два левых помещения. Над правыми комнатами и галереей находился второй этаж (веранда, две комнаты — кунацкие). С галереи, находящейся впереди двух левых комнат, вела деревянная лестница на веранду второго этажа, куда выходили две двери и четыре окна гостиных. Одна из двух комнат левого крыла на первом этаже (правая) была семейной, здесь находился угловой камин и лахха в центре комнаты.

Наиболее интересной камерой в этом доме было хозяйственное помещение, расположенное в левом торце постройки. Площадь этой комнаты довольно большая (около 30 м²), как и всех помещений в доме, высота около 4 м. Вдоль входной стены стоял ларь, с резьбой на лицевой поверхности, у противоположной стены — два входа арочной формы в кладовые (хидва) объединены в один декоративный ансамбль с нишами, расположенными между ними. Над одной кладовой находился кьас со столбиком в середине. С одной боковой стены на другую, на уровне двух метров, был перекинут прогон (харанг). Его основное назначение не только конструктивное, как объясняют хозяева, хотя на нем стояли столбики с подбалками, на которые опирались две основные балки перекры-

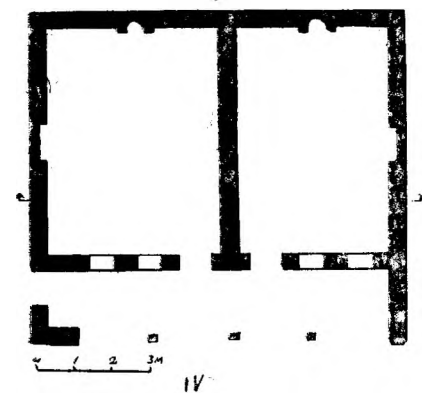
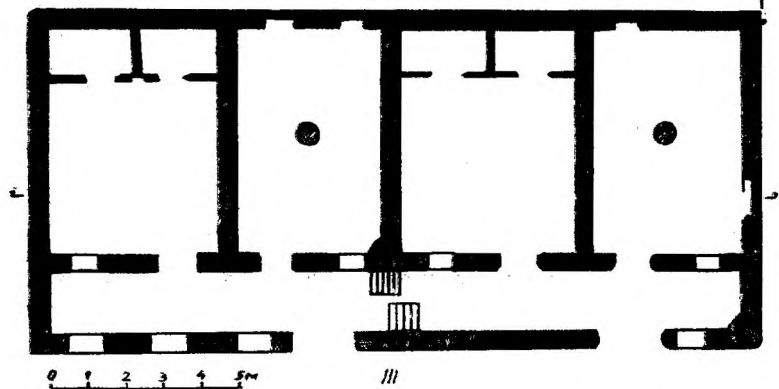
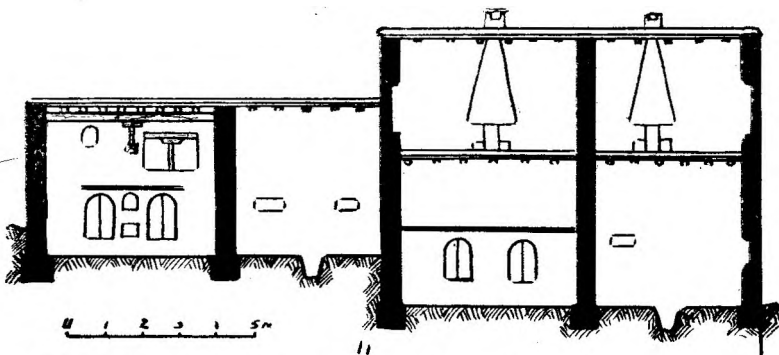
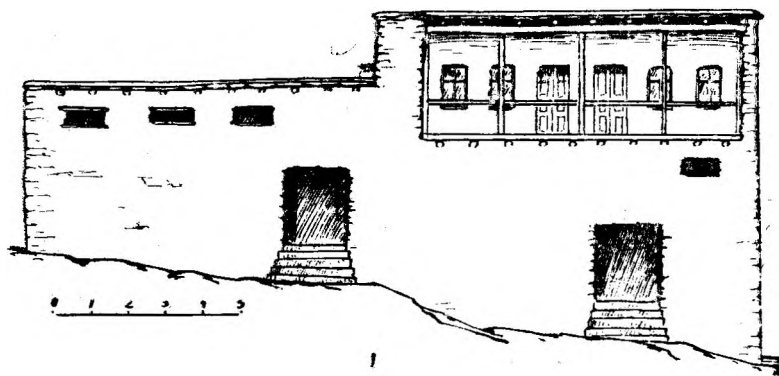

Рис. 12. Дом Ибрагимова в селении Мишлеш:
 I—фасад; II—разрез; III—план первого этажа; IV—план второго этажа.

тия, а хозяйственное — на нем развешивали шубы, овчины, бурки, одежду. Для наката потолка употреблен камыш, который был не только красивым, но и долговечным материалом. В этой комнате не обнаружено очага или камина. Может быть она была построена с самого начала как хозяйственная, кладовая—«хав» и нарядная одновременно, поэтому ее интерьер и нашел такую форму, тогда как вторая служила семейной, очажной (дега). Часто хав летом служила и спальней для молодых членов семьи.

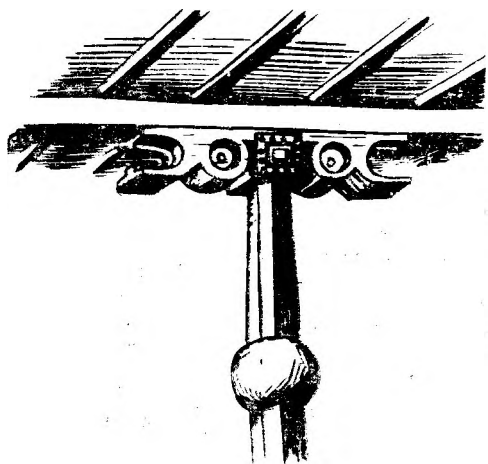

Рис. 13. Резной опорный столб с подбалкой в доме Ибрагимова Х. в сел. Мишлеш

рассчитано было с самого начала на наличие окон в комнате. Комната без особых изменений сохранилась до последних дней.

Аналогичной вышеописанному является комната в доме Кавузова в Цахуре (конец XIX в.), описанная архитектором С. Хан-Магомедовым⁵¹. Комната по своим размерам большая, ее площадь—33 м² (без кладовых и антресолей) при высоте более 3,5 см. Интерьер комнаты традиционен⁵². Он «свидетельствует о стремлении создать наиболее удобное жилище. Здесь предусмотрены: кладовые, полки, ниши, антресоли, лари для зерна, крюки для мяса, камин и т. д. И все эти утилитарные, необходимые для хозяйства семьи элементы мастера-строители объединили в единый архитектурный организм, найдя каждому из них свое место. Здесь проявилась та народная мудрость, у которой многому могут поучиться современные архитекторы»⁵⁴. Интерьер дает цельное и полное представление о наиболее совершенном типе внутреннего убранства, который был результатом длительного развития и примером достатка и благополучия, к чему стремилась и остальная масса населения. Комната эта была предназначена для приема гостей и, помимо декоративно выполненных конструктивных элементов, была обставлена соответственно нарядно.

⁵¹ См. С. О. Хан-Магомедов. Архитектура цахуров. «Архитектурное наследство», № 13, М., 1961, стр. 46; его же. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, стр. 167.

⁵² С. О. Хан-Магомедов. Архитектура цахуров, стр. 46.

⁵³ С. О. Хан-Магомедов. Лезгинское народное зодчество, стр. 167.

Повседневная семейная комната расположена рядом, и она меньших размеров. В зимнее время семья жила в небольшом полуподвальном помещении, расположенном под кунацкой.

Необходимо отметить общую схожесть интерьеров комнат в доме Ибрагимов в сел. Мишлеш и Кавузова в с. Цахур, хотя имеются и некоторые различия между ними (деревянные антресоли, камин в комнате Кавузова и др.). «Подобный интерьер цахурского дома был создан, по-видимому, еще в XVII—XVIII вв. в домах, где жила большая родовая семья, и следовательно, требовалась большая жилая комната. Позднее, в XIX в. такой интерьер получил дальнейшее развитие уже в богатых домах и сохранялся вплоть до конца XIX—начала XX в.»⁵⁴.

Как свидетельствует полевой этнографический материал и как уже было сказано, пережиточно сохранившиеся большие семьи в XIX в. проживали в многокамерном жилище, и наличие большой комнаты в доме не было обязательным. Так, в селении Гельмец еще в начале XX века жила большая семья Мирзоевых, состоящая из отца, матери, трех женатых сыновей и детей — всего 20 чел. Хозяйство было общее, жила семья в двухэтажном доме (на первом этаже находились хлева и конюшня, на втором — жилые помещения). С улицы дверь с арочным порталом вела в небольшой закрытый двор, размером 5×2,5 м, куда выходили двери двух хлевов,

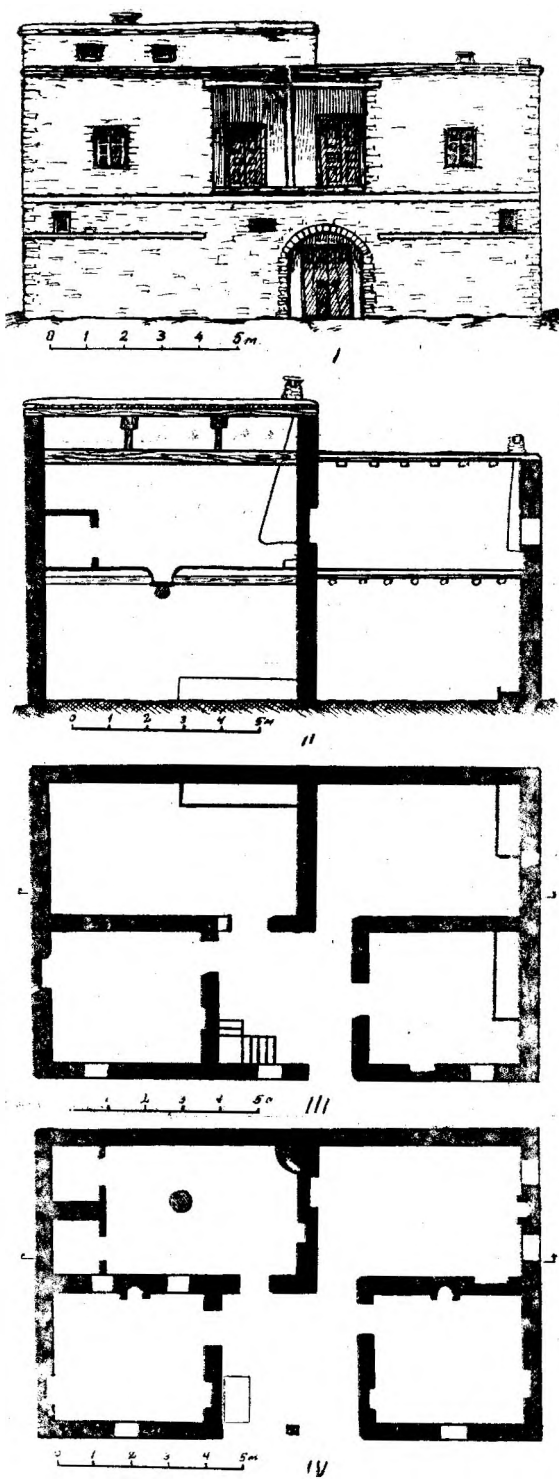

Рис. 14. Дом Мирзоева С. в селении Гельмец: I—фасад, II—разрез; III—план первого этажа; IV—план второго этажа.

⁵⁴ Там же.

конюшни и хозяйственного помещения. Каменная лестница со двора вела на второй этаж — веранду, куда выходят все двери жилых комнат (от 12 до 25 м²), а веранда имеет такую же площадь, как и двор первого этажа. Самое большое помещение (25 м²) считалось комнатой родителей — дега, хотя фактически жизнь всей семьи протекала в ней. Здесь готовили еду, принимали пищу, выполняли мелкие работы, обсуждали хозяйственные вопросы, отдыхали сидя на полу.

Каждый сын имел свою комнату, которая использовалась в качестве спальни. Взрослые внуки спали с главой семьи в общей комнате, а маленькие со своими родителями.

В доме была специально выделенная кунацкая.

Все эти три вида помещений имели своеобразный интерьер. Кунацкая отличалась тщательным убранством и парадностью. Камин, занимавший центральное место в интерьере кунацкой, был небольших размеров — в ширину достигал 1,2 м, топочное отверстие имело в глубину 30 см, в ширину и высоту 40 см. Отступая от стены на 15 см, выведен дымоход, имеющий в нижней части арочную форму и занимавший по высоте всю стену. В верхней части камин был украшен лепным узором из глины. Нижняя часть камина (бухара) не была ни обмазана глиной, ни побелена, и она броско выделялась в интерьере комнаты. Причиной такого особого внимания был строительный материал — кирпич, привезенный на лошадях из Азербайджана. Кирпич, доставляемый с большим трудом, был не только красивым, но и удобным строительным материалом, который надолго сохранял тепло в комнате. На высоте 1,5 метра, где кончалась кирпичная кладка, имелся уступ, куда ставили светильник, клали спички.

Кунацкая имела два больших окна, расположенных в боковой стене и выходящих на улицу. Оконное стекло было вставлено в окна кунацкой в 20-х годах, а до этого на ночь и зимой они закрывались изнутри деревянными ставнями, которые не потеряли своего значения и после применения стекла. На ночь окна всегда закрывались ставнями.

Пол, тщательно обмазанный и протертый, застлан паласом и сверху яркими коврами, которые закрывали всю комнату. Вдоль стены на коврах лежали цветные подушки для сидения, постельные принадлежности днем складывали в ниши; на уступе под потолком стояла парадная посуда, почти никогда не используемая. Противоположная от входа стена, ниже уступа для посуды, была завешена дорогим ковром, а на нем было развешено оружие.

Мебели в кунацкой раньше не было. Кровать, стол, стулья в ней появились позднее. Гость, как и хозяева, и пищу принимал, и спал на полу.

Перекрытие комнаты состояло из типичных элементов: прогона — «харанг», опорных столбиков «хей», балок — «чилар», балок с меньшим сечением — 10×8 см, уложенных через 25 см — «кьатI», наката из камыша — «нацI». Для придания нарядности потолку камыш подбирался одинаковой толщины для каждого пролета в сечении около 1 см. Камыш, предназначенный для наката, очищали, разрезали по узлам на части, подбирали по толщине и укладывали плотно на балки. Привозили камыш из Азербайджана, и он получил довольно широкое распространение в богатых домах за его чисто практические и декоративные качества.

В комнату вела двухстворчатая высокая филенчатая дверь, открываемая вовнутрь. Полотнища дверей из нескольких досок прикреплены к коробке с помощью железных петель.

Вся обстановка и убранство кунацкой были приспособлены для при-

нятия и проживания с удобствами в ней гостя. Кунацкие у всех горцев южного Дагестана в основном однотипны. Побывавшие у этих народов путешественники и ученые отмечали их основное достоинство—удобство для гостя. Н. И. Кузнецов пишет, что в ауле Курдул их «встречают самым радушным образом, в небольшой кунацкой помощника старшины готов уже ужин, потом, прямо на полу, за неимением кроватей, стелются чистые мягкие постели, и мы, очень довольные сегодняшним днем, с наслаждением расправляем уставшее тело»⁵⁵. В ауле Гельмец «в довольно хорошей кунацкой гильмицкого старшины нашли мы себе приют и ночлег»⁵⁶. Н. Вучетич, давший в своей работе «Поездка в Самурский округ» обобщенное описание жилища лезгин, рутульцев и цахуров отмечает: «Внутри дома содержатся довольно опрятно, в особенности для приема гостей. Пол в таких комнатах устлан всегда коврами, а у бедных—паласами. На коврах... постели и подушки, чтобы каждый из гостей, если захочет, тут же мог облокотиться или лечь отдохнуть. Стены и столбы, подпирающие потолок, увешиваются различным оружием. Под ...потолком расставляются посуда..., бутылки, зеркала»⁵⁷.

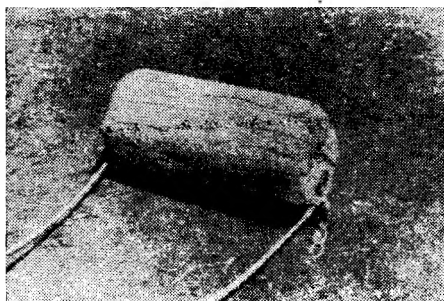

Рис. 15. Деревянный каток для утрамбовки крыши.

Спальни сыновей в доме Мирзоевых в селении Гельмец были обставлены гораздо скромнее, чем кунацкая: в них были сундуки с одеждой, постельные принадлежности, кувшины с тазами. Полы были застланы паласами. Камин топили в особенно морозные дни.

Интерьер семейной или очажной комнаты (дега) имел традиционные элементы: лари, антресоли, кладовые, камин и т. д. Камин в ней был с широким топочным отверстием, настолько, чтобы внутри его могли уместиться большие котлы для варки пищи и шит — «садж» — для выпечки хлеба. Помимо камин в помещении был и другой очаг—«лахха», расположенный в центре комнаты и предназначенный для отопления и выпечки хлеба. Камин плохо нагревал помещение и топили его в основном во время приготовления еды, поэтому зимой основным источником тепла был лахха. Зимой над раскаленным очагом ставили специальную деревянную табуретку—«курси» и сверху накрывали паласом, одеялом.

Семья днем садилась вокруг очага, подсовывала ноги под палас и обогривалась, а глава семьи, мать, старшие внуки и внучки и спали в таком положении, укрывшись овчинными шубами. В целом все это сооружение лахха, курси, покрытое паласом или одеялом, называлось — «бол». Соседи спрашивали друг друга: «вы начали делать бол»? На бол — посидеть у очага подсунув ноги под палас — в зимние вечера часто собирались соседи, родственники. В такие вечера обычно старики и сказители рассказывали детям, подросткам предания и легенды, сказки и пословицы, эпические песни и были.

Табуретка — курси средними размерами 70×70 см и высотой 40 см, сколоченная довольно грубо из брусков и досок, была широко распрост-

⁵⁵ Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана, стр. 69.

⁵⁶ Там же, стр. 75.

⁵⁷ Н. Вучетич. Поездка в Самурский округ. Записки для чтения, IV—VII, 1869, стр. 198.

ранена как часть обогревательной системы⁵⁸. И по рассказам старожил-ов лахха и курси у цахуров в прошлом имели повсеместное распространение.

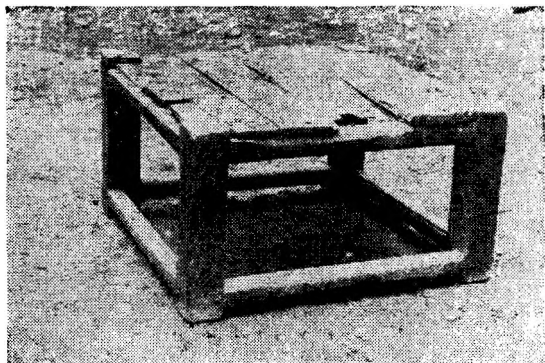

Рис. 16. Курси.

мальчики и девочки—собирались в очажной комнате и, располагаясь кругом на овчинах и подушках, ели вместе. Мужчины ели отдельно от семьи только тогда, когда в доме бывал гость, и то не всегда. Обычно хозяин обслуживал гостя, предупреждая любое его желание. Женщины, согласно обычаям и требованиям мусульманской религии, не обслуживали гостей и старались не заходить в кунацкую.

Выделение специального места для сна в жилище цахуров не характерно. Для этого использовалось место между камином и задней стеной, зимой располагались вокруг центрального очага, летом спали на веранде. Это зависело от количества членов семьи и их возраста, количества помещений в доме.

Размеры двери и окон очажной (в доме Мирзоевых) были меньше, чем в других помещениях. Два окна, размерами 60×40 см, были расположены высоко от пола, под самым потолком, и выходили на плоскую крышу спальни. Высота комнаты равнялась 4 метрам, и свет, проникающий через эти окна, слабо освещал пол, в помещении большую часть суток царил полумрак. Большую высоту жилых помещений, где функционировал центральный очаг, можно считать характерной особенностью старого цахурского жилища. Иногда высота доходила до 6 м (дом Гасанова М.-С. в селении Мишлеш и др.), и, как правило, окна, служившие одновременно и дымоходом, располагались под самым потолком. В первоначальном варианте этого помещения предусматривалось наличие потолочного отверстия или продухи — отверстия, в качестве обязательного спутника открытого очага. Дым от очага, не успевая выходить в потолочное отверстие или продухи, по мере скопления опускался вниз, и это обстоятельство в сочетании с желанием устроить кьас над хидва способствовало увеличению высоты комнаты. Все другие помещения в жилище цахуров делались значительно ниже.

Хозяйственная постройка Мирзоевых стояла отдельно от дома.

В ходе исторического развития цахуры выработали сложный, развитый тип жилища. Однако наряду с ним, как отмечалось выше, сохраняя-

Разделение комнаты на мужскую и женскую половины не существовало, но обычно мужчины садились и ложились ближе к выходу, а женщины ближе к камину и задней стене, где были хозяйственные отсеки, полки с посудой и другая необходимая утварь для приготовления пищи и выполнения других женских работ. Во время еды все члены семьи: мужчины и женщины,

⁵⁸ У азербайджанцев под курси ставили железную жаровню с горящими угольями. См. В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в., «Кавказский этнографический сборник», вып. III, М.—Л., 1962, стр. 15.

ются архаические типы жилища, которые позволяют выявить различные этапы эволюции его, отражающие социально-экономические, семейно-бытовые изменения, влияние городской культуры. Появляются новые элементы, увеличивается количество помещений, улучшаются санитарно-гигиенические условия жилища, раскрываются и т. д. Нужно сказать, что процесс развития жилища, как таковой, начинается уже со времени его возникновения и идет непрерывно, приспособлявая жилище к изменившимся условиям быта, культуры и хозяйства семьи. И сохранение архаических форм и элементов жилища и их бытование в XIX в. было связано с рядом причин, среди которых главенствующую роль играют экономическое положение владельцев этих домов и устойчивые традиции.

Со второй половины XIX века началось бурное развитие жилища, обусловленное большими политическими изменениями, которые произошли в Дагестане после окончательного присоединения его к России.

Одним из элементов жилища, который сделал большой скачок в своем развитии, является очаг, занимающий главное место в интерьере и планировке комнаты.

Для наиболее архаической формы цахурского жилища характерным является очаг в центре комнаты без дымаря—«лаха», который своими корнями восходит к костру. Во всех случаях центральный очаг представлен одинакового типа сооружением, представляющим собой глубокую яму конусообразной формы. Существовали два способа сооружения его: 1) яму, вырытую в полу комнаты, изнутри обмазывали специальной глиной желто-красного цвета с добавлением конского волоса или козьей шерсти, с последующим нанесением узоров на внутренних стенках; 2) в яму вкапывали заранее подготовленную трубу формы усеченного конуса из того же материала, что и в первом случае. Открытый, верхний край очага находился на уровне пола комнаты. Очаг имеет приблизительно средние размеры: глубина—70 см, диаметр основания—60 см, верхний край—30 см. Лахха выполнял двоякую функцию: служил отопительным сооружением, предназначенным для обогрева помещения в зимнее время, и хлебной печью, где выпекали хлеб для семьи. Хлеб (одновременно 6—7 штук) пекли на внутренних раскаленных стенках. Сверху отверстие закрывали специальной доской (плоским камнем или мокрым куском паласа), которая регулировала жар в печи. По сообщениям информаторов, на центральном очаге пищу не готовили, для этого существовал одновременно с ним угловой или пристенный очаг с дымоходом.

Открытый очаг, который находился бы посреди комнаты на поверхности пола, в цахурском жилище не обнаружен. Видимо, замена древнейшей формы очага более совершенным видом — углубленным в пол—произошла довольно рано, т. к. и в развалинах старых домов найдены следы круглых ям с обмазанными и обожженными стенками.

В этой связи интересный материал дали археологические раскопки поселения Галгалатли I, памятника раннебронзовой эпохи в горном Дагестане⁵⁹. «В центре жилищ находились очаги в виде круглых ям, стенки и бортики которых были обмазаны глиной. Кроме таких очагов, найдены цилиндрические очажные подставки с поперечными отверстиями, подставки-кирпичи с ручками в виде горизонтальных выступов»⁶⁰.

Другой объект исследования, находящийся на значительном расстоянии от Галгалатли I—Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи—

⁵⁹ М. Г. Гаджиев. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане, — «Археологические открытия 1970 года», М., 1971, стр. 104.

⁶⁰ Там же.

тоже дал аналогичный материал. «Жилища представляли собой кругло-планные каменные сооружения диаметром 5—6 м с центральным углубленным в землю очагом, каменными сиденьями или лежанками, расположенными вдоль стен по кругу. К жилищам примыкали хозяйственные пристройки овальной или четырехугольной формы, внутри которых находились печи с двумя отделениями, служившие для выпечки хлеба и сушки зерна. В жилищах и пристройках иногда встречались зерновые ямы, а также вкопанные в землю большие сосуды, служившие в качестве хранилищ»⁶¹.

Наличие очажных подставок в жилище горцев раннебронзовой эпохи, наряду с круглыми ямами в центре, наталкивает на мысль об одновременном бытовании в одном жилище двух типов очага с разными назначениями — яма служила средством отопления и могла использоваться для выпечки хлеба, а для приготовления пищи существовал надземный очаг с подставками. Бытование двух названных типов очага в одном жилище с разными назначениями было характерно и для цахурского жилища середины XIX века.

Примечательным является и другой факт — одновременное бытование печного сооружения с двумя горизонтальными отделениями, служившего для выпечки хлеба и сушки зерна, и центрального углубленного очага в жилищах чиркейского поселения раннебронзовой эпохи. Оба эти типа очагов существовали и активно функционировали в Дагестане и в XIX веке.

Углубленный в землю очаг с обмазанными стенами, как таковой, имеет широкое распространение и пользовались им или как печью для выпечки хлеба или как отопительным сооружением. Цахурский лахха — это широко известный тендир уменьшенных размеров, и использование его в качестве отопительного сооружения для помещений, сохранив функции хлебной печи, явление характерное, поскольку нам известно, только для цахуров и частично для рутульцев. Как средством обогрева, им пользовались многие народы Кавказа и мира⁶².

Неменьшее распространение этот тип очага имеет и как хлебная печь — тандур. Тандуры встречаются разных размеров и разных форм устройства: углубленные в землю, наполовину углубленные и надземные. По своей конструкции цахурский тандур похож на азербайджанский тендир. Тандур устанавливали под навесом во дворе или в специальных помещениях, построенных для этого. Помещение, где стоит тандур, и сам тандур принадлежал какой-нибудь одной хозяйке, которая ухаживала за ними, но пользоваться им могли все жители квартала; это положение бытует и сейчас. Как правило, тандур сооружается на полу, но иногда его вкапывают наполовину в землю, и тогда с одной или с двух сторон делают углубления, куда становятся женщины во время работы. Одновременно в такой печи (диаметром до 1 метра, иногда и больше) можно выпечь до 50 штук хлеба. В тандуре пекут хлеб только из кислого теста — «гинеи», и характерен он для селений, расположенных по левому берегу реки Самур (Цахур, Мишлеш и др.).

Наиболее оригинальными являются тендиры, обнаруженные в завершенном виде в высокогорных лезгинских селениях: Куруш, Маза, Джиг-

⁶¹ М. Г. Гаджиев. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 году (археологические секции). Тбилиси, 1971, стр. 47.

⁶² См. Д.-М. С. Габиев. Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.), — «Кавказский этнографический сборник». IV, М., 1969, стр. 158; Народы Кавказа, т. II, М., 1962, стр. 116; Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия, М., 1959, стр. 420; Народы передней Азии. серия «Народы мира», М., 1957, стр. 197.

Джиг. Они расположены в центре помещения, заглублены в пол, на расстоянии одной трети со дна в стенке проделано небольшое круглое отверстие, которое соединено с каналом (керамическими трубами), выведенным под полом наружу для притока свежего воздуха — образования тяги.

Своеобразными видами этого типа очага, как нам представляется, являются аварский «кор»⁶³, даргинский «тарум»⁶⁴, лакский «кара»⁶⁵, которые служат и для выпечки хлеба и для приготовления пищи.

Тонкий хлеб из пресного теста «фатыр», «юха» пекут на металлическом щите круглой формы — «садж», поставленном на железном треножнике. Интересным является вообще отсутствие в селениях Гельмец и Курдул тандура; здесь хлеб пекли в лахха и на садже. Согласно информации, тандура у них не было и в прошлом.

Кроме вышеназванных сооружений у цахуров встречается и другой вид хлебной печи — «хьар», который имеет ограниченное распространение (в пограничных с рутульцами селениях). Хьар является разновидностью распространенной в Дагестане хлебной печи. Эти четырехугольные сооружения, служащие для выпечки хлеба, подсушивания зерна, местами используемые для приготовления пищи (во время топки печи на верхнюю плиту ее ставят котлы, кастрюли), имеют разные конструктивные формы и размеры, объясняемые, видимо, традициями этнического порядка. Печи с двумя горизонтальными отделениями, разделенными невысоким бортиком, встречаются у кумыков, аварцев, а двухъярусные — с вертикальными камерами имеют большее распространение у аварцев, агулов, рутульцев, цахуров, лезгин, табасаранцев. Между сооружениями аварцев и народов южного Дагестана имеется разница в размерах — у аварцев они массивнее. Несмотря на эту разницу — разницу в форме, размерах, технике исполнения, которую можно обнаружить не только между печами отдельных народов, но селений и даже в каждом конкретном сооружении — они однотипны по своей конструкции и едины в своем назначении, имеют единые генетические корни.

Приведенный археологический материал и этнографическая действительность позволяют считать, что очаги типа лахха (тендир) и хьар (кор), дошедшие до наших дней, бытуют в Дагестане с эпохи ранней бронзы. При этом наблюдается изменение ареала и приобретение локальных форм, усовершенствование их. Однако у цахуров углубленный в пол центральный очаг сохранился почти в том же виде, в каком он представлен в жилищах раннебронзовой эпохи горного Дагестана.

Этапом развития системы отопления у цахуров было перенесение очага в угол комнаты. Это могло произойти одновременно с превращением открытого очага в лахха (углубление), ибо последний не был приспособлен для приготовления пищи. Сверху в него засыпали угольный жар и подкладывали дрова до нагревания стенок, однако пламя огня редко поднималось до уровня верхнего края печи.

С перемещением очага к стене, над ним стали сооружать дымоход, имеющий форму пирамиды и значительные размеры: по высоте он занимает всю стену, ширина в нижней части доходит до 2-х метров. Над угловым очагом дымоход сооружался, как правило, из плетенки, обмазанной глиной с двух сторон. С обеих сторон топки, на расстоянии 30—35 см от стены, делались подставки из камня и глины. Часто подставки

⁶³ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, стр. 169.

⁶⁴ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, стр. 121.

⁶⁵ А. Булатова. Лакцы. Махачкала, 1971, стр. 97.

имели полукруглую форму. В качестве подставки пользовались и треножником. У возникшего несколько позже пристенного очага размеры дымохода были меньше, чем у углового, и выполнен он аккуратнее. Постепенно пристенный очаг эволюционирует в камин. Являясь главным элементом в интерьере жилища, камин украшался разными полочками, бордюрами, лепными узорами, небольшими фигурными нишами. Камин снабжали дымоходами различной формы, подставками, достигая при этом высокого художественного совершенства. При строительстве дома с камином часто делали снаружи стены выступ для размещения дымохода. Эти выступы «иногда не доходят до земли и опираются на деревянные консоли. Такие выступы характерны только для цахурского жилища и больше нигде в южном Дагестане не делаются»⁶⁶. Камин является поздним видом очага, о чем свидетельствует также его название «бухара», взятое из азербайджанского языка.

Таким образом, жилище XIX и начала XX вв. представлено тремя типами, каждый из которых отражает определенную ступень его эволюции, обусловленную социально-экономическими и политическими изменениями в жизни народа. Оно прошло большой исторический путь, выработав типы домов с учетом климатических, хозяйственных и общественных особенностей быта народа. Наличие вместе с тем примитивных архаических форм жилища объясняется не общим уровнем развития жилища, а экономическим положением дореволюционного крестьянина.

Хозяйственные постройки. Природно-географические особенности (рельеф, холодный климат), основное занятие населения (животноводство), исторические условия жизни определили тип и форму хозяйственных построек цахуров. Как отмечалось выше, типичная форма организации жилищно-хозяйственного комплекса в прошлом была такой, при которой хлев и сарай для сена объединены в двухэтажную постройку, а жилой дом стоит отдельно. По издавна сложившейся традиции, эти двухэтажные постройки вынесены на окраину селения, они как бы обрамляют аул, особенно в нижней части его. Вынесение хозяйственных построек за черту аула более характерно для Цахура, Сюгюта, Мишлеша и других селений, расположенных по левому берегу реки Самур. В селениях Гельмец и Курдул хозяйственные постройки не строили далеко от жилого дома — они стояли где-нибудь рядом, чаще примкнув сбоку к дому. И здесь не образовались кварталы компактно расположенных хозяйственных построек на окраине, а разбросаны они по всему селению. Собственно, эти группировки построек не являются кварталами в прямом смысле этого слова, как это мы встречаем у других народов Дагестана, а представляют ряды из 4—6 очень часто под общей сплошной крышей расположенных построек. При строительстве хлевов и сараев хозяева стремились не очень далеко поставить их от дома, т. к. для ведения хозяйства удобно было их иметь рядом, и поэтому поблизости от каждого жилого квартала имеются ряды, группы хозяйственных построек, принадлежащие жителям этого квартала. Особенно четко это прослеживается в селении Цахур.

Однако встречаются и другие формы организации жилищно-хозяйственного комплекса, в виде двухэтажного дома с крытым двором, где первый этаж служил для хозяйственных нужд. Но такой тип получил небольшое распространение (характерен для Гельмеца, Курдула). Устройство хлевов на первом этаже двухэтажного дома зависит от рельефа местности и имеет несколько форм.

⁶⁶ С. О. Хан-Магомедов. Архитектура цахуров, стр. 41.

Независимо от характера устройства и места расположения, хлев и сарай для сена у цахуров имеют одинаковую форму и внутреннюю планировку. Различия обнаруживаются только в размерах. Основной, наиболее распространенной формой была постройка, прямоугольная в плане, со средними размерами помещений в первом и во втором этажах—20—25 м², общей высотой около 6 метров. На первом этаже нахо-

Рис. 17. Типы хозяйственных построек селения Цахур.

дится одно помещение—хлев—«йицIа», которое являлось и коровником, и телятником, и конюшней одновременно. В более развитых формах хозяйственных построек имелись специальные помещения, отведенные под конюшню — «тавла», под телятник — «утIаб».

На втором этаже находился сарай для сена — «вуIхална». Во всех случаях каждый этаж имел свой отдельный вход.

Хлев — «йицIа» — помещение широкого профиля — было перегороджено жердями, досками, чаще невысокими каменными стенками, достигающими до середины помещения, которые делили его на 3—4 отсека, для содержания скота разного возраста и видов. На высоте 30—40 см от пола, вдоль стен устраивали кормушки (ясли) из досок, перегородженные на отделения, в которые зимой насыпали корм (сено, саман). Пол в хлеву делался слегка наклонным к фасадной стене, в которой на уровне пола сделаны небольшие четырехугольные отверстия для стока нечистот. Делались хлева и без этих отверстий, т. к. помещение очищалось и навоз шел на изготовление кизяка в виде лепешек (редко) или на удобрение полей. Обязательным было наличие световых и одновременно вентиляционных отверстий, оформлявшихся в виде небольших квадратных проемов в фасадной стене. (Только в одном случае в селении Мишлеш обнаружены проемы арочной формы в помещении для скота. Кстати, и второй этаж этой же постройки — сеновал тоже имеет арочные проемы — шесть проемов). Вход в первый этаж с фасада или с передней

части боковых стен, но никогда не сзади, ибо, как правило, задняя стена и часть боковых стен заглублены в землю.

Вход во второй этаж—сеновал—«вуІхаІна»—устроен сбоку (чаще) и сзади (реже). Крайне редко встречается лестница, ведущая с нижнего помещения во второй этаж. Такой способ наблюдается, когда задняя стена постройки является заглубленной целиком в землю и крыша находится на уровне склона, а по бокам она зажата между двумя постройками. В таком случае, как правило, вход во второй этаж устроен следующим образом: на полу хлева, у близкой от входа боковой стены, сооружается квадратная площадка из камня и глины, размером приблизительно 1×1 м, высотой около 1 метра, а над площадкой в потолке хлева (в полу сеновала) оставляется отверстие (люк) чуть меньших размеров. Чтобы попасть во второй этаж, становятся на площадку и, подтягиваясь на руках, поднимаются наверх. Корм для скота опускается в этот же люк на площадку, откуда распределяется по яслям (кормушкам).

Сеновал по фасаду имеет 2—3 больших проема для проветривания сена, самана. Фактически южная сторона является открытой, стена состоит из двух-трех каменных столбов. В больших сеновалах делают 5—6 проемов, а в некоторых сделан один проем, занимающий 2/3 всей площади стены. В том случае, когда помещение имеет один большой проем, его ограждают спереди жердями. Обычно в крыше сеновала, у задней части ее, находящейся на уровне земли, имеется небольшое отверстие, через которое засыпают саман и сено в сарай, закрытое в остальное время плоским камнем. Предварительно высушенное сено складывается у боковой стены.

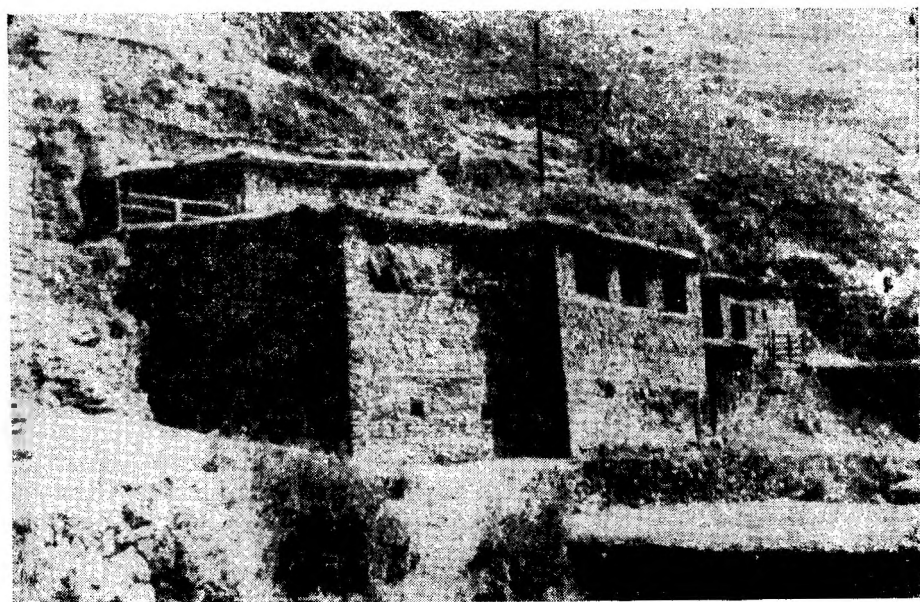
Большей частью хозяйственные постройки нескольких хозяев стоят рядом, под одной общей крышей. В прошлом постройки, соединенные общей внутренней стеной и одной крышей, обычно строились родственниками. И в наше время эти постройки имеют общую оплошную крышу, хотя помещения и принадлежат не родственникам, а чаще соседям по жилому дому.

Хозяйственные помещения, особенно сеновалы, имеют большие размеры. Необходимость эта была вызвана основной отраслью хозяйства и холодным климатом: на протяжении 6—7 месяцев, а иногда и больше скот находился в стойловом содержании, и естественно, необходимо было иметь большие запасы кормов и место для их хранения.

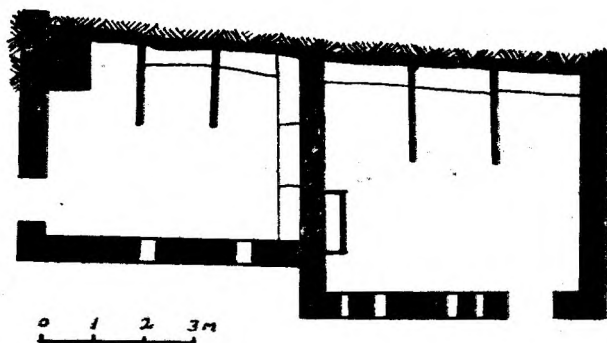
Несмотря на получившее в XIX в. особо широкое распространение занятие овцеводством, в цахурских селениях не сложились специальные помещения для овец ни в виде индивидуальных при жилище, ни в виде овчарен для группы хозяйств, так как овцы на зиму перегонялись на южные склоны Главного хребта, а летом находились на летних пастбищах в горах. Хотя овцеводство не повлияло на характер, форму, размеры хозяйственных построек, оно сыграло определенную роль в возникновении специализированного хозяйственного помещения в доме.

Развитие производительных сил, расширение профиля хозяйственной деятельности, проникновение капиталистических отношений приводят к увеличению площади хозяйственных помещений. Помимо возникновения и расширения кладовых (подсобных) помещений в жилище, происходит увеличение количества животноводческих дифференцированных помещений и расширение площади сеновала. В состоятельных хозяйствах выделяются специальная конюшня (иногда и летняя в виде навеса), телятник, коровник, сеновал, саманник и т. д. Появление специальных помещений для разных видов и возрастов животных привело к изменению внутренней планировки помещения: исчезли перегородки — стенки, разделяющие его на отсеки.

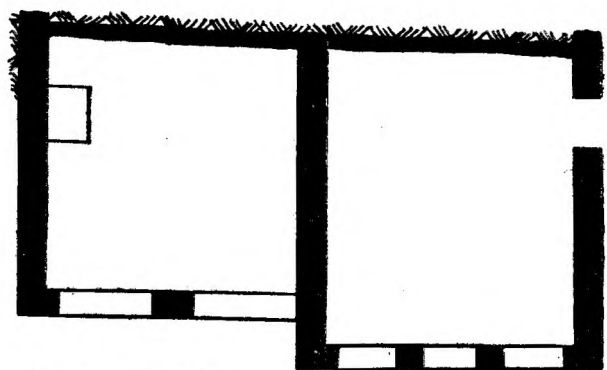

I

II

III

Рис. 18. Хозяйственные постройки в селении Цахур:
I—общий вид; II—план первого этажа; III—план второго этажа.

Процесс увеличения количества и размеров хозяйственных помещений, возникновения новых построек шел до 30-х годов. Коллективизация сельского хозяйства и обобществление скота, в результате которых изменилась в целом хозяйственная жизнь населения, вызвали процесс обратного порядка — уменьшение количества и размеров индивидуальных хозяйственных построек. Сосредоточение экономического центра в колхозе привело к возникновению больших общественных хозяйственных построек — скотных дворов и сеновалов, во многом отличающихся от частных построек.

Большинство существующих ныне двухэтажных хозяйственных комплексов построено до организации колхозов, и многие из них пустуют, особенно сеновалы. Вновь возведенные хозяйственные постройки резко отличаются от старых: они делаются одноэтажными и меньшего размера, нет прежней капитальности. Сокращение личного хозяйства дало возможность выделить одно небольшое помещение на первом этаже жилого дома под хлев, а сеновал возвести отдельно в виде одноэтажной постройки. Эта древняя традиция отделить, изолировать жилой дом от сеновала не нарушается и в наши дни. Если он стоит рядом с домом, примкнув к нему, то только к глухой стене, а если во дворе, то в противоположном от дома конце его.

Таким образом, за последние годы хозяйственные постройки цахуров претерпели огромные изменения. С середины XIX века до 30-х годов XX века шел процесс увеличения количества и размера хозяйственных помещений, господствующей была двухэтажная постройка, где сосредоточены и хлева, и сеновалы. Для современного домостроительства характерно сокращение хозяйственных помещений и уменьшение этажности их.

СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩЕ

Установление Советской власти в республике, а затем и победа социализма привели к коренному изменению всего жизненного уклада и культуры народов Дагестана. Социалистические преобразования экономики и культуры, общественного и семейного быта вызвали огромные изменения и в развитии жилища. В новых условиях изменился облик селения, характер усадьбы и дома. Исчезли дома с глухими высокими стенами, отгораживавшими владельцев от внешнего мира, и на их месте вырастают новые дома с верандами и большими окнами.

К концу XIX века, благодаря активному втягиванию края в общероссийский рынок и усиленному проникновению капиталистических отношений в горы, некоторые жители цахурских селений выделились из общей массы своим экономическим положением и построили себе дома, которые в наибольшей степени отвечали хозяйственно-бытовым потребностям семьи и выбрали в себя лучшие народные строительные традиции. Этот тип домов послужил основой современного жилища цахуров. Однако современный жилой дом колхозника или рабочего совхоза во многом отличается от дома дореволюционного богача.

Основным и наиболее характерным типом современного цахурского жилища является многокамерный одноэтажный дом с плоской крышей и с верандой впереди. За последние годы все большее распространение получает двухэтажный дом. Жилище по-прежнему имеет разные варианты планировки, композиции, расположения комнат в зависимости от рельефа местности и замысла хозяина.

Преимущественно дома имеют три формы: в линию, с комнатами, расположенными в ряд, и верандой по фасаду на всю длину; с одной

удлиненной крайней комнатой и верандой (Г—образный), с двумя выступающими крайними комнатами и верандой — лоджией (П—образный).

Количество комнат в доме колеблется от 2 до 5, в зависимости от числа членов семьи, экономического состояния хозяина. Как и раньше, одна из комнат является кунацкой, здесь сосредоточена лучшая мебель и предметы украшения. В двухкамерном доме под кунацкую отводят большую светлую комнату. Вторая комната — очажная — служит хозяйственным помещением, зимней спальней и кухней, жизнь семьи в основном протекает здесь. Наиболее распространенным является жилище, где имеются три комнаты: кунацкая, семейная и хозяйственная. Возросшие культурно-бытовые потребности обусловили возникновение в доме специального хозяйственного помещения, со строго определенными функциями. Выделение специального хозяйственного помещения дало возможность изменить внутреннюю планировку жилой комнаты в сторону улучшения санитарно-гигиенических условий и лучшего использования площади.

Развитие жилища началось с первых же дней Советской власти, но только с конца 50-х годов, в связи с резким повышением материального благосостояния колхозников, приобрело широкий размах. Более 60% домов ныне существующих построены или переделаны за последние 10—15 лет.

В последнее время наметилась новая тенденция в жилищном строительстве — строить двухэтажные дома, где первый этаж отводится под хлев и хозяйственное помещение. Как отмечалось выше, отсутствие двухэтажных домов было своеобразной особенностью цахурских селений XIX века, и тем более любопытно появление их сейчас, когда по всему Дагестану идет обратный процесс — уменьшение этажности, развитие жилища в горизонтальном направлении. Новые дома в основном строятся на том же месте, где стояли старые, и недостаток места в скученном, тесно застроенном ауле заставляет хозяев возводить двухэтажный дом. Количество скота, находящееся в личном хозяйстве семьи, позволяет ограничиться выделением одного помещения под хлев на первом этаже жилого дома.

Кроме того, содержание скота зимой под полом жилой комнаты способствует в суровых условиях верховьев Самура поддержанию тепла в комнате, хотя с гигиенической точки зрения такое явление нежелательно. С целью ограждения жилых помещений и двора от скота, часто вход в хлев выносится за пределы двора — в торцевой стене дома. Однако следует сказать, что в целом новых двухэтажных домов с хлевом на первом этаже немного, и хозяева по-прежнему предпочитают хозяйственные постройки возводить отдельно от жилых домов.

Гораздо большее распространение получила тенденция строить двухэтажные дома с жилыми комнатами на первом и втором этажах. Этим достигается экономия участка и возможность получить большее количество жилых комнат. На первом этаже находится кладовая, очажная, на втором — кунацкая, спальня. Количество комнат и их расположение может быть различным.

Крытые дворы, встречавшиеся и ранее не часто, сейчас не делаются. При модернизации дома, на месте закрытого двора, выходящего на улицу глухой стеной, делается коридор или окрытая веранда — лоджия.

Фасады домов могут быть открытыми (с верандой на первом и втором этажах) и полузакрытыми (на первом этаже коридор или помещение с большими окнами, а на втором — веранда). Дома своими фасадами выходят непосредственно на улицу, за исключением селения Миш-

леш, где перед домами имеются небольшие открытые дворики, куда выходят дома фасадами (верандой).

В цахурских селениях нет усадеб, дворов или участка перед домом с какими-либо насаждениями или занятых под огородные культуры. Встречаются дворики небольших размеров (30—40 м²), предназначенные для ограждения дома от улицы, выходящие на нее высокими стенами. Но не обнаружено ни одного случая, где бы двор находился за домом или окружил его со всех сторон.

В большинстве случаев дворики мощные, и по-прежнему в каком-нибудь углу имеется навес, под которым находится летняя кухня или печь для выпечки хлеба.

В современном цахурском доме летняя кухня часто занимает конец веранды. В устройстве очага на летней кухне особых изменений не произошло: в углу веранды делается небольшое углубление, а вокруг него мостики-подставки, на которые ставят котел, сковороду или щит для выпечки хлеба. Над очагом устанавливается дымоход.

Значение веранды в новом жилище значительно выросло. Наиболее характерна веранда открытая, на всю длину фасада. Перекрытие ее опирается на несколько столбиков, а по бокам она как бы закрыта продолжением стен дома. Между столбиками она ограждена деревянными бальсинами, иногда сплошной стенкой из досок, высотой в 70—90 см. Веранду часто превращают в закрытую галерею, застеклив всю переднюю часть. Бывает так, что огораживается часть её — место, предназначенное для летней кухни или спальни. В доме квадратного плана под веранду отводится угловое помещение, оставляя две стороны (южную, юго-восточную или юго-западную) открытыми. В некоторых случаях, застеклив обе стороны, ее превращают в летнюю комнату.

За последние годы в двухэтажных домах появились и навесные балконы на выносных консольных балках, пропущенных через всю толщину стены и дополнительно еще подпираемых косо установленными столбами. Крыша над балконом поддерживается деревянными столбами, устанавливаемыми на балках. По бокам балкон закрыт досчатой стенкой, а с передней стороны огражден деревянными перилами или балюстрадой высотой 70—90 см.

Наметившаяся в конце XIX века тенденция к дифференциации помещений в наше время получила широкое распространение. Наряду с ранее выделившимися кунацкой, семейной комнатой, хозяйственным помещением, выделяется и спальня. С появлением дополнительных помещений в доме, функции семейной комнаты рассредотачиваются, благодаря чему изменяется внутренняя планировка и интерьер комнаты в целом.

Одновременно с эволюцией жилища, изменением общей планировки, увеличением помещений и дифференциацией их назначения изменились и почти все элементы его. Так, большие изменения произошли в принципе устройства дверей и дверных проемов современного дома. В жилище XIX века вела низкая и узкая дверь, состоявшая из одного (реже из двух) полотнища, грубо обработанного топором. Дверь вращалась в дверной раме на двух петлях и закрывалась неплотно. Входящий в комнату должен был низко нагибаться, чтоб не удариться головой о притолоку. Высота дверей колебалась в пределах 1,4—1,6 м. Запиралась дверь изнутри толстым засовом. Роль дверной ручки выполняло железное кольцо или просто кусок кожи, прибитые к створке. В своем развитии дверь, через промежуточные этапы (расширение проема, появление коробки, двух створок и т. д.) прошла от примитивного сооружения до предмета особой заботы хозяина. Мастер при строительстве дома особое внимание уделяет оформлению входа. Входы, выполненные

в виде арочных порталов, теперь встречаются редко, обычно их делают прямоугольной формы. Проемы всех дверей делаются большими: высота доходит до 2-х метров, ширина 1,20—1,30 м. Двери делаются двухстворчатые филенчатые с металлическими или пластмассовыми ручками, скобами, на петлях. Иногда они украшаются резьбой и застекляются в верхней части. Однако фигурные двери, с многочисленными резными украшениями, которые имелись в домах богачей в конце XIX в., сейчас не делаются. Ныне двери имеют строгую форму, похожи на двери городских типовых домов и более практичны. Верхние части дверей стеклят в том случае, если по каким-либо причинам невозможно пробить большое окно или когда одно окно, выходящее в застекленную галерею, не дает достаточного освещения.

Большие изменения произошли и в системе освещения. Наиболее архаическая форма цахурского жилища не знает светового окна. В потолке такой комнаты имелось небольшое отверстие, через которое в помещение проникал свет в дневное время и воздух, уходил дым от очага. В ненастную погоду и ночью отверстие в потолке закрывали плоским камнем.

Характерной особенностью ранних форм светового окна цахурского жилища является их сравнительно большие размеры. Размеры проемов в среднем равнялись $0,6 \times 0,8$ м. Небольших отверстий типа бойниц в стенах жилищ не обнаружено.

Начавшаяся ранее тенденция делать в жилище большие окна, в Советское время получила широкое распространение. Для современного жилища цахуров наиболее типичны два окна (за исключением зимней комнаты) размерами в среднем $0,8 \times 1,30$. Иногда два окна ставят по обоим сторонам двери и соединяются они с нею общей коробкой. Выходят окна, как правило, на юг, в немногих случаях на восток или запад.

Встречаются оконные проемы арочной и прямоугольной формы, иногда (особенно они характерны для помещений первого этажа) вытянутые по горизонтали.

За годы Советской власти существенные изменения произошли и в системе отопления. Очаг с дымарем в комнате встречается теперь редко, сохранился он только на летней кухне, под навесом во дворе, или в торце веранды. Лахха вовсе исчез из быта. Камин в кунацкой из функционального отопительного сооружения превратился в чисто традиционный декоративный предмет. Очаг и камин, как отопительные сооружения, ныне заменены кирпичной или железной печами. Железная печь обычно устанавливается на зиму, для трубы пробито отверстие в стене.

За последние годы распространение получила каменная печь. Существует несколько вариантов таких печей. Наиболее распространенной является каменно-глиняная печь с чугунной плитой, которая устанавливается в семейной комнате и служит и для обогрева жилья и для приготовления пищи. Стенная кирпичная печь с несколькими оборотами дымохода, которая строится в общей стене двух смежных комнат, предназначена только для обогрева помещений.

Для выпечки хлеба, помимо существующих тандуров, в селении Цахур Гераевым Ибрагимом построена оригинальная печь во многом похожая на печи пекарен не только по конструкции, но и по принципу работы.

Интерьер современного жилого дома значительно отличается от интерьера старого жилища. Уменьшилось число и размеры ниш, местами они исчезли вовсе, уходят в прошлое и полки для посуды. Появилась городская мебель: диваны, кровати, столы, стулья, этажерки, шкафы разные и т. д., которые занимают определенное место в соответствующей

леш, где перед домами имеются небольшие открытые дворики, куда выходят дома фасадами (верандой).

В цахурских селениях нет усадеб, дворов или участка перед домом с какими-либо насаждениями или занятых под огородные культуры. Встречаются дворики небольших размеров (30—40 м²), предназначенные для ограждения дома от улицы, выходящие на нее высокими стенами. Но не обнаружено ни одного случая, где бы двор находился за домом или окружил его со всех сторон.

В большинстве случаев дворики мощеные, и по-прежнему в каком-нибудь углу имеется навес, под которым находится летняя кухня или печь для выпечки хлеба.

В современном цахурском доме летняя кухня часто занимает конец веранды. В устройстве очага на летней кухне особых изменений не произошло: в углу веранды делается небольшое углубление, а вокруг него мостики-подставки, на которые ставят котел, сковороду или щит для выпечки хлеба. Над очагом устанавливается дымоход.

Значение веранды в новом жилище значительно выросло. Наиболее характерна веранда открытая, на всю длину фасада. Перекрытие ее опирается на несколько столбиков, а по бокам она как бы закрыта продолжением стен дома. Между столбиками она ограждена деревянными блясинами, иногда сплошной стенкой из досок, высотой в 70—90 см. Веранду часто превращают в закрытую галерею, застеклив всю переднюю часть. Бывает так, что огораживается часть её — место, предназначенное для летней кухни или спальни. В доме квадратного плана под веранду отводится угловое помещение, оставляя две стороны (южную, юго-восточную или юго-западную) открытыми. В некоторых случаях, застеклив обе стороны, ее превращают в летнюю комнату.

За последние годы в двухэтажных домах появились и навесные балконы на выносных консольных балках, пропущенных через всю толщину стены и дополнительно еще подпираемых косо установленными столбами. Крыша над балконом поддерживается деревянными столбами, устанавливаемыми на балках. По бокам балкон закрыт досчатой стенкой, а с передней стороны огражден деревянными перилами или балюстрадой высотой 70—90 см.

Наметившаяся в конце XIX века тенденция к дифференциации помещений в наше время получила широкое распространение. Наряду с ранее выделившимися кунацкой, семейной комнатой, хозяйственным помещением, выделяется и спальня. С появлением дополнительных помещений в доме, функции семейной комнаты рассредотачиваются, благодаря чему изменяется внутренняя планировка и интерьер комнаты в целом.

Одновременно с эволюцией жилища, изменением общей планировки, увеличением помещений и дифференциацией их назначения изменились и почти все элементы его. Так, большие изменения произошли в принципе устройства дверей и дверных проемов современного дома. В жилище XIX века вела низкая и узкая дверь, состоявшая из одного (реже из двух) полотнища, грубо обработанного топором. Дверь вращалась в дверной раме на двух петлях и закрывалась неплотно. Входящий в комнату должен был низко нагнуться, чтоб не удариться головой о притолоку. Высота дверей колебалась в пределах 1,4—1,6 м. Запиралась дверь изнутри толстым засовом. Роль дверной ручки выполняло железное кольцо или просто кусок кожи, прибитые к створке. В своем развитии дверь, через промежуточные этапы (расширение проема, появление коробки, двух створок и т. д.) прошла от примитивного сооружения до предмета особой заботы хозяина. Мастер при строительстве дома особое внимание уделяет оформлению входа. Входы, выполненные

в виде арочных порталов, теперь встречаются редко, обычно их делают прямоугольной формы. Проемы всех дверей делаются большими: высота доходит до 2-х метров, ширина 1,20—1,30 м. Двери делаются двухстворчатые филенчатые с металлическими или пластмассовыми ручками, скобами, на петлях. Иногда они украшаются резьбой и застекляются в верхней части. Однако фигурные двери, с многочисленными резными украшениями, которые имелись в домах богачей в конце XIX в., сейчас не делаются. Ныне двери имеют строгую форму, похожи на двери городских типовых домов и более практичны. Верхние части дверей стеклят в том случае, если по каким-либо причинам невозможно пробить большое окно или когда одно окно, выходящее в застекленную галерею, не дает достаточного освещения.

Большие изменения произошли и в системе освещения. Наиболее архаическая форма цахурского жилища не знает светового окна. В потолке такой комнаты имелось небольшое отверстие, через которое в помещение проникал свет в дневное время и воздух, уходил дым от очага. В ненастную погоду и ночью отверстие в потолке закрывали плоским камнем.

Характерной особенностью ранних форм светового окна цахурского жилища является их сравнительно большие размеры. Размеры проемов в среднем равнялись $0,6 \times 0,8$ м. Небольших отверстий типа бойниц в стенах жилищ не обнаружено.

Начавшаяся ранее тенденция делать в жилище большие окна, в Советское время получила широкое распространение. Для современного жилища цахуров наиболее типичны два окна (за исключением зимней комнаты) размерами в среднем $0,8 \times 1,30$. Иногда два окна ставят по обоим сторонам двери и соединяются они с нею общей коробкой. Выходят окна, как правило, на юг, в немногих случаях на восток или запад.

Встречаются оконные проемы арочной и прямоугольной формы, иногда (особенно они характерны для помещений первого этажа) вытянутые по горизонтали.

За годы Советской власти существенные изменения произошли и в системе отопления. Очаг с дымарем в комнате встречается теперь редко, сохранился он только на летней кухне, под навесом во дворе, или в торце веранды. Лахха вовсе исчез из быта. Камин в кунацкой из функционального отопительного сооружения превратился в чисто традиционный декоративный предмет. Очаг и камин, как отопительные сооружения, ныне заменены кирпичной или железной печами. Железная печь обычно устанавливается на зиму, для трубы пробито отверстие в стене.

За последние годы распространение получила каменная печь. Существует несколько вариантов таких печей. Наиболее распространенной является каменно-глиняная печь с чугунной плитой, которая устанавливается в семейной комнате и служит и для обогрева жилья и для приготовления пищи. Стенная кирпичная печь с несколькими оборотами дымохода, которая строится в общей стене двух смежных комнат, предназначена только для обогрева помещений.

Для выпечки хлеба, помимо существующих тандуров, в селении Цахур Гераевым Ибрагимом построена оригинальная печь во многом похожая на печи пекарен не только по конструкции, но и по принципу работы.

Интерьер современного жилого дома значительно отличается от интерьера старого жилища. Уменьшилось число и размеры ниш, местами они исчезли вовсе, уходят в прошлое и полки для посуды. Появилась городская мебель: диваны, кровати, столы, стулья, этажерки, шкафы разные и т. д., которые занимают определенное место в соответствующей

комнате. Появление мебели существенным образом изменило внутреннюю обстановку различных комнат. В семейной важное место сейчас занимают кухонные шкафы, где сосредотачивается вся утварь и посуда, стол, низкие табуретки.

В убранстве кунацкой сложилось своеобразное сочетание традиционных национальных элементов и элементов современной городской формы. Весь вид кунацкой цахура располагает к отдыху на полу, хотя в комнате имеются и стулья и диван. Большую роль в убранстве по-прежнему играют ковры. Повсеместно полы в кунацкой деревянные.

Примером современного жилища может служить дом Каримова Сыража в селении Гельмец и Гераева Ибрагима в селении Цахур. Дом Каримова одноэтажный. На улицу выходят правая боковая сторона и задняя стена, выступающая только наполовину из земли. Впереди, во всю длину, расположена веранда, на которую выходят все двери и окна комнат.

Дом имеет три комнаты: кунацкая (справа), семейная (в центре) и хозяйственная (слева). Летняя кухня расположена в конце веранды. Комнаты между собой не сообщаются. Род занятий хозяина дома обусловил возникновение небольшого помещения в противоположном от кухни конце веранды, в виде кабинета. Часть веранды с передней стороны огорожена каменной стеной высотой около 1 м., а выше до потолка застеклена, а вторая сторона, открытая со стороны веранды, вся стеклянная. В этом помещении стоят этажерки с книгами, шкафы с лекарствами и медицинским инструментом, стол со стульями и т. п. На веранду ведет невысокая каменная лестница. Перед домом имеется небольшая открытая площадка, которая служит двором.

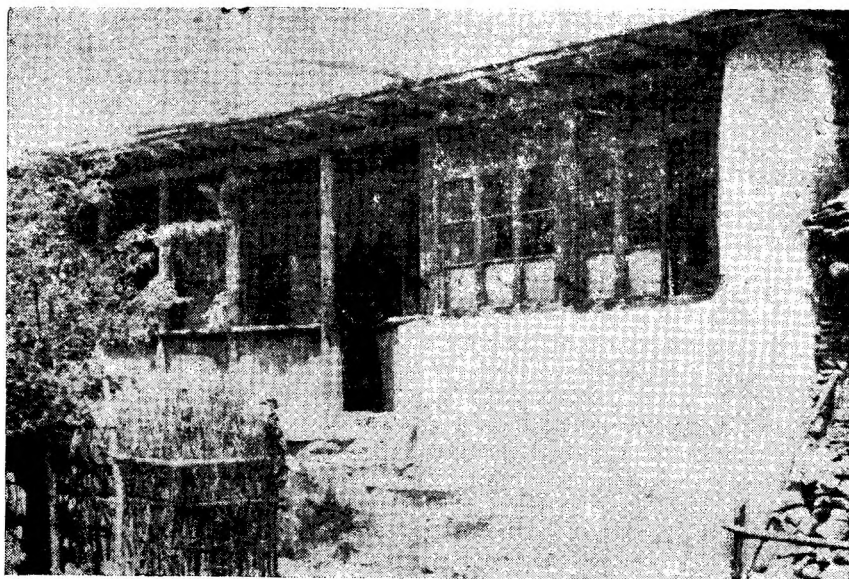
Хозяйственные постройки расположены отдельно от дома.

Дом Гераева представляет образец современного двухэтажного дома. Он не имеет двора, ограды и выходит фасадом и одной боковой стороной на улицу. Дом в плане имеет прямоугольную форму и ориентирован на восток. Над крайним длинным помещением второй этаж еще не возведен, и поэтому первый этаж имеет вытянутую прямоугольную форму. На первом этаже четыре комнаты и коридор: зимняя (очажная), два хозяйственных помещения и спальня. Из коридора входы имеют большая хозяйственная комната, расположенная слева, семейная и спальня. Небольшая кладовая связана с очажной (семейной). В очажной комнате, вдоль задней стены сооружена широкая деревянная тахта, которая служит и кроватью, и диваном. Покрыта она паласом, сверху ковром. В углу сложена постель. Здесь спят старшие в доме. Для приготовления пищи и обогрева помещения в семейной установлена железная печь. Печь для выпечки хлеба находится в специальном помещении, расположенном недалеко от жилого дома.

Наверху имеются две комнаты размерами по 20 м² и широкая веранда во всю длину фасада, размещенная над коридором и спальней первого этажа. Наверх ведет деревянная лестница из коридора. Веранда на уровне 1 метра ограждена сплошной стенкой из досок, а выше застеклена до потолка.

Обе комнаты второго этажа являются парадными, они хорошо убраны и предназначены для приема гостей. Интерьер их в основном одинаков. Деревянный пол покрашен масляной краской, застлан коврами. В дальнем углу—никелированная кровать (во второй комнате их две), у окна раздвижной стол и стулья, между ними комод (в другой—гардероб), на котором стоит никелированный самовар. Видное место в убранстве помещения занимает стенная печь, выполненная в виде камина, хотя принцип ее устройства заимствован в городе. Она обогревает обе

I

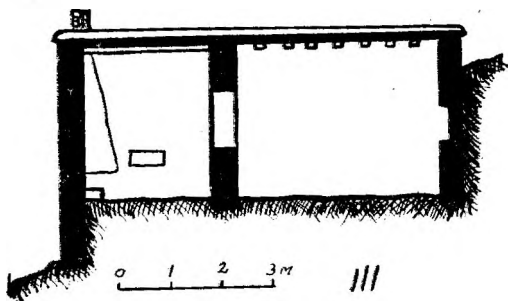
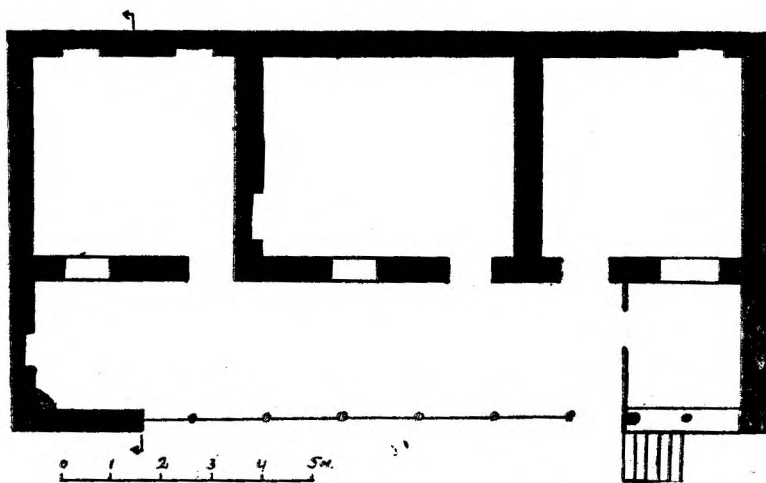

Рис. 19. Дом Каримова С. в селении Гельмеч:
I—общий вид; II—план; III—разрез.

комнаты. Рядом с печкой, в смежной стене, с обеих сторон встроен шкаф с полочками, где хранится посуда. На стене висит большое зеркало, со вставленными по краям фотографиями членов семьи. Две стены завешаны коврами. На полу, вдоль задней и боковой стен, лежат цветные (круглые и квадратные) подушки для сидения и специальные валики-подушки, чтобы облакачиваться при отдыхе. Эта национальная традиция сохранена, несмотря на наличие в комнате стола и стульев, для лучшего обслуживания гостя, который может выбрать любое положение для отдыха, так же как и для приема пищи: на полу или за столом.

Окна комнат, как и двери, выходят на веранду, хотя есть возможность пробить их в другую сторону (для левой комнаты в западной (задней) стене, для правой — в западной и северной стенах. Старая традиция, по возможности, не нарушается в современном жилищном строительстве). Окно большое, трехсекционное, с открывающимися наружу двумя рамами. Двери, окна, столбы и другие деревянные части окрашены голубой масляной краской.

Основные хозяйственные помещения расположены в отдельной двухэтажной постройке, но конюшня находится под большой хозяйственной комнатой.

Таким образом, современное цахурское жилище в корне отличается от типичного жилища дореволюционного времени. Наиболее распространенным типом является многокамерный одноэтажный (чаще) и двухэтажный (реже) дом с плоской крышей и верандой. Существенно изменились, приспособившись к новым культурно-бытовым и хозяйственным условиям жизни народа, планировка, интерьер жилища.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что в заселении территории, в выборе мест расположения аулов определяющую роль сыграли экономический (возможности хозяйственного освоения территории и оборонительный факторы, близость водного источника, рельеф и ориентация склонов. Цахурские поселения исторически подразделяются на четыре типа, каждый из которых соответствует определенной общественно-исторической среде: 1) тухумное поселение («хив»), характерное для раннего средневековья, 2) территориально-тухумное селение («хив»), 3) Хутор, отселок («махьи») и 4) современный колхозный аул.

Для всех селений характерны большая скученность, узкие и извилистые улицы, небольшие размеры общественных площадей, отсутствие зеленых насаждений, ступенчатая и ступенчато-террасообразная форма, переходящая в отдельных случаях в горизонтальную.

В своем развитии цахурское жилище прошло несколько ступеней, характерных для определенных этапов развития социально-экономического уклада и семейно-брачных отношений. Оно развивалось от однокамерного к двухкамерному и от двухкамерного к трех- и многокамерному. И в XIX в. все типы были представлены в основном одноэтажной постройкой с плоской земляной крышей, а хозяйственные помещения возводились отдельно от жилого дома. Для жилища характерны теснота, отсутствие дворов и усадебных построек.

В настоящее время происходят изменения в планировке поселений, характере жилища, во внутреннем убранстве, в строительных материалах и технике строительства. Изменения происходят в планировке жилища, этажности (больше становится двухэтажных домов), в количестве комнат, системе освещения и отопления.

Интерьер современного жилища, его обстановка, дифференциация помещений, застекленные веранды и пр. свидетельствуют о резком улучшении материального благосостояния трудящихся и повышении их культурного уровня.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА ДАГЕСТАНСКИХ ЦАХУРОВ

Цахуры — одна из народностей лезгинской группы языков. Они живут в Рутульском районе Дагестанской АССР, населяя верховья реки Самур, и в соседних Закатальском, Кахском и Белоканском районах Азербайджанской АССР.

В данной работе мы будем говорить только о дагестанских цахурах. Территория, занимаемая ими и называемая Горным магалом, представляет собою труднодоступную горную область, которую с рутульскими селениями соединяет узкая пешеходная тропа, выходящая по берегу Самура. В настоящее время строится автомобильная дорога, которая в ближайшие годы соединит цахурские селения с остальным Дагестаном.

Цахуры — малоисследованный народ. Причина этого — большая удаленность от оживленных торговых путей, отсутствие хороших дорог. С дагестанскими соседями — рутульцами цахуров всегда связывали труднопроходимые тропы, с Азербайджаном связь осуществлялась только 2—3 летних месяца через снежные перевалы.

Название свое этот народ получил от наименования наиболее крупного селения Цахур. Первые упоминания о цахурах встречаются в древнегрузинских и древнеармянских источниках, где цахуры названы цахайками. Более подробные сведения о них дает в средние века (XIII) арабский космограф Закария Казвини. Он сообщает, что Цахур — это большой, густо населенный город, дает некоторые данные о природных условиях, суровость которых он гиперболизирует, и о быте его жителей:

«Холод в нем очень силен... вода его (т. е. города) из реки, называемой Самур. Она (находится) в замерзшем состоянии зимой и летом. Они ломают лед и черпают воду из-под него. А когда они почерпнут (воду) и нальют в кувшин, они помещают его в (особую) покрышку из бараньей шкуры, чтобы (вода) не замёрзла тотчас же. А пища их (состоит) из злака, называемого сульг; он похож на ячмень по виду, а по качеству он имеет природу пшеницы...»¹. Более подробные сведения о Цахуре относятся к XVI и последующим векам. Из фирманов, дававшихся цахурским правителям, начиная с 1562 г., мы узнаем о том, что у цахур есть верховный правитель — бек, и что Цахур подпадает под влияние то Персии, то Турции, так как фирманы на право владения поступают то от персидского шаха, то от турецкого султана.

О Цахуре XVII в. мы находим у турецкого географа Эвлия Челеби: «... мы прибыли в село Захур. В этой местности имеется до 150 сел. Местность подчиняется одному из правителей Дагестана Эмир Юсиф беку; она несколько раз переходила в руки Ирана»².

¹ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.—Л., 1941, стр. 96.

² «Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 37, стр. 26.

Согласно народным преданиям, с. Цахур существует около 18 веков³. в то время как исторические и эпиграфические данные позволяют отнести его возникновение лишь к XII веку⁴. По преданию же, родоначальники елисейских беков были цахурами. В 1830 г. Елисейское султанство, в состав которого входили цахурские селения, было присоединено к России. В 1844 году елисейский султан Даниельбек перешел на сторону Шамиля, а в 1852 году, во время восстания в Горном Магале против русских, пятнадцать цахурских селений было разорено и сожжено генералом Врангелем, а жители их насильственно переселены в Азербайджан. Только в 1861 г., после окончания Кавказской войны, цахурам разрешили вернуться в Дагестан и поселиться на прежних местах. Однако население цахурских селений вернулось в родные места сильно поредевшим. «Бывали примеры, что из прежних огромных аулов по возвращении из ссылки остались ничтожные деревушки в три, четыре семьи — почти все остальные жители сделались жертвою лихорадок и горячек, свирепствующих во многих низменностях Кавказа», — свидетельствует один из авторов того времени⁵.

Таким образом, история дагестанских цахуров тесно связана с соседним Азербайджаном. Это привело к тому, что цахуры испытали большое влияние азербайджанской культуры, особенно в такой отрасли материальной культуры как одежда.

Следует заметить, что материальная культура цахуров ни разу не была объектом специального исследования. Этнографических работ, посвященных цахурам, нет ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Отдельные, очень скудные, отрывочные сведения по истории цахуров мы находим в трудах дореволюционных исследователей⁶ и путешественников⁷, которые в лучшем случае попутно сообщали кое-какие этнографические детали. В советское время о цахурах писали этнографы-кавказеды З. А. Никольская⁸ и М. М. Ихтилов⁹. Однако сведения, сообщаемые ими, характеризуют больше историю этого народа, а также вопросы, связанные с социалистическими преобразованиями в его культуре и быте.

Данная работа посвящена одному из важнейших вопросов материальной культуры цахуров — национальной одежде.

Она написана на основании полевого этнографического материала, собранного автором в селениях дагестанских цахуров летом 1968 года.

Основным материалом для одежды цахуров служили продукты животноводства — шерсть, кожа, овчина. Еще в XIII веке Закария Казвини сообщал о народе цахур: «Нет торговли у них, нет и торговых сношений (друг с другом), но каждый сеет от этого злака удовлетворяющее его количество и питается им и молоком своих овец и кислым молоком их:

³ И. Линевич. Бывшее Елисейское султанство. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 10.

⁴ Н. Вучетич. Поездка в Самурский округ. Записки для чтения. М., 1869, апр.—июль, стр. 189; А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 97.

⁵ Н. Вучетич. Указ. соч., стр. 181.

⁶ А. Фон-Плотто. Природа и люди Закатальского округа. ССКГ, IV, Тифлис, 1870; И. Линевич. Указ. соч.

⁷ Н. Вучетич. Указ. соч. Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана. Известия Императорского русского географического общества, т. XIX, СПб, 1913.

⁸ З. А. Никольская. Работы цахурского отряда Дагестанской экспедиции 1952 г. КСИЭ, вып. XIX, 1953; Ее же. Цахуры в кн. Народы Дагестана, М., 1953. Ее же. О цахурах в кн. «Народы Кавказа», т. I.

⁹ М. М. Ихтилов. Материалы по этнографии рутулов и цахур. КСИЭ, вып. XXIII, 1960; Его же. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

а одевается он от их шерсти»¹⁰. Сообщение свидетельствует о натуральном хозяйстве цахуров, которое в некоторой степени сохранялось у них и в XIX веке.

Климат на территории расселения цахуров довольно суров, поэтому овчинные шубы, папахи, одежда из домотканых грубых сукон, шерстяные носки и обувь, надежно защищавшие в зимнюю стужу и в непогоду, были издавна неотъемлемой принадлежностью одежды цахуров. Овчины, предназначенные для шитья шуб, подвергались специальной тщательной обработке: очистке, мягчению, отбеливанию. Шили шубы, папахи специальные мастера, местные или пришлые из лезгинских селений. Шитье их было исключительно делом мужчин. Для изготовления обуви—«Тирих», «чарух» обработке в разной степени подвергали кожу крупного рогатого скота. Сапоги—«чакмаби», чувяки—«цугъер», башмаки без задников—«сармуз» привозили из Азербайджана.

Для одежды пастухов в каждом селении выделялся войлок. Технология производства его не отличалась от лезгинской¹¹. Наряду с производством войлока цахуры занимались изготовлением сукна. Для тканья сукон употреблялась вымытая, расчесанная, спряденная шерсть. Ткацкий станок был горизонтальным. Домашнее сукно шло в основном на изготовление мужской верхней одежды. Большое место в домашнем производстве занимало изготовление шерстяных вязаных носок и вязаной обуви.

Во второй половине XIX—начале XX веков на изготовление одежды, особенно женской, шли привозные ткани, которые большей частью попадали к цахурам через Азербайджан. Большое распространение получили у цахурок нарядные шелковые платки, изготовлявшиеся в Азербайджане. Крупным торговым и промышленным центром Азербайджана, через который поступали к цахурам и остальным народам лезгинской группы товары, производившиеся не только в Азербайджане, но русские, персидские, турецкие ткани: ситец, шелк, парча—был город Нуха. Серебряные украшения к мужскому и женскому костюму были лезгинского, кубачинского и азербайджанского производства. Они попадали к цахурам с базаров Ахтов, Нухи, Кубы, а также из Баку.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Мужская одежда цахуров, так же, как и других народов Дагестана, была в основном общедагестанского и общекавказского покроя. Это и понятно, если учесть, что мужская часть населения была более подвижна, чем женская.

Дагестанские цахуры были связаны с Азербайджаном тесными экономическими, политическими и культурными связями. На зиму они перегоняли в Азербайджан скот, оттуда же снабжались цахуры зерном и всевозможными колониальными товарами, а также некоторыми предметами одежды. Некоторые атрибуты мужской одежды приобретались в готовом виде на рынках Азербайджана и Дагестана (бешметы, черкески, обувь).

Нательная одежда цахура состояла из рубахи—«гурт» и штанов—«бада». Традиционная гурт шилась обычно из бязи или ситца синего, черного, белого цветов, туникообразного покроя. В зависимости от ширины ткани с одной или с обеих сторон от подмышки до подола приши-

¹⁰ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 96.

¹¹ См. С. С. Агаширинова. Национальная одежда лезгин в XIX—начале XX вв. Махачкала, 1960, РФИ ИЯЛ.

валось по 1 клину. Рукав выкраивался цельным, насколько позволяли ширина материала, остальная часть пришивалась. Обычно рукав был прямым по всей длине и не имел застежки у запястья. Для молодых людей рукав иногда у запястья слегка собирался в сборку без манжета и застегивался на одну пуговицу. Разрез ворота был вертикальным, по середине груди, воротник—небольшая стойка—застегивался на одну пуговицу. У такой рубахи боковые швы могли заканчиваться шлицами размером в 15—18 см. Такого покроя рубаху носили мужчины всех возрастов до появления рубахи со вшивным у плеча рукавом с манжетом, распространение которой у цахуров ориентировочного можно отнести к первым десятилетиям XX века. Несколько позже у такой рубахи появляются плечевые швы, воротник—стойка несколько повышается (2—2,5 см) к разрезу на груди пришивается планочка; воротник, планочка, манжеты украшаются узорной строчкой. Наряду с такой рубахой до наших дней сохранилась традиционная туникообразная рубаха, как нательная одежда стариков и детей.

По свидетельству информаторов, в старину рубаха у мужчин была только одна, т. е. нательная, и носилась она всегда заправленной в штаны. Верхняя рубаха появляется в конце XIX—начале XX века, вначале у мужчин из состоятельных слоев населения. По покрою она повторяла нижнюю рубаху, шилась обычно из шерстяной ткани, покупной или домочаной. Ее могли носить навыпуск, но при работе обязательно заправляли в штаны.

Штаны—«бада», «шална шалвар» имели суживающиеся книзу штанины (ширина штанины внизу приблизительно 25 см), между ними вставлялся ромбообразный кусок ткани. Их шили чаще всего из самодельного сукна, иногда из покупной бязи или ситца темных тонов. Длиной штанины были чуть ниже икр и заправлялись в высокие вязаные шерстяные носки.

Первоначально нижних штанов не было, их стали носить мужчины почти поголовно 70 лет назад. Верхние бада и нижние штаны—«вахчег» шились чаще из бязи белого цвета, имели одинаковый покрой и носились на вздержке из плетеного шерстяного шнура «этна». Пожилые цахуры, как и соседние рутульцы, носили штаны, сшитые из овчины с низко подрезанным ворсом вовнутрь. Под такими штанами обязательно носили нижние штаны.

Многие представители старшего поколения и сейчас отдают предпочтение штанам традиционного покроя. Часто даже покупные брюки подвешиваются некоторой переделке: между штанинами вставляется ромбообразный лоскут, убираются застежки, вместо пояса делается вздержка на шнуре.

В первые десятилетия XX века у цахуров, как и у других народов Дагестана, получили некоторое распространение брюки—галифе. Их носили в основном молодые мужчины до послевоенных лет. В настоящее время они еще изредка встречаются на представителях среднего поколения, но основная масса мужского населения носит современные брюки навыпуск городского типа.

Поверх рубахи носился бешмет—«алхалыг», его шили из простого материала темных цветов: черного, синего, зеленого и т. д. Нарядный бешмет иногда шился из атласа, но у основной массы населения нарядный бешмет не отличался от повседневного ни материалом, ни покроем, а лишь своей новизной.

Алхалыг—распашная одежда, прилегающая в талии. Покрой его мало чем отличается от покроя бешмета у других дагестанских и кавказских народов. Единственное отличие встреченных нами у цахуров

экземпляров бешмета от бешметов, встречавшихся нам у других народов Дагестана, в том, что цахурские бешметы в талии отрезные. Шился бешмет обязательно на подкладке из простого материала.

У алхалыгов для стариков лиф подбивали ватой и простегивали.

Подол состоял из 7—11 клиньев, которые при ходьбе образовывали фалды. От воротника-стойки до талии бешмет спереди застегивался наглухо встык на потайные крючки — «чарпаз». По воротнику и по обе стороны разреза до талии он украшался строчкой в несколько рядов.

Рис. 1. Цахуры в традиционной верхней одежде.

Строчка в 1—2 ряда проходила и по нижнему краю подола и рукавов. Рукава были вшивные, длинные, прямые.

На лифе обязательно было два накладных, нагрудных кармана, а в боковых клиньях подола—два прорезных внутренних кармана с простроченными листочками. Алхалыг был обязательной частью костюма как повседневного, так и праздничного.

Повседневной верхней распашной одеждой был и «Палтум», который носился поверх алхалыга в прохладную погоду. Этот атрибут мужской одежды увидеть нам не удалось, так как он не сохранился, но судя по сообщениям информаторов, он представлял собою прямого покроя куртку длиной до талии, сшитую из домотканного или покупного сукна черного, зеленого или других темных тонов на подкладке, а для стариков и на вате. Палтум имел треугольный вырез ворота и шился без воротника. Рукав был вшивным, прямым по всей длине и несколько шире рукава алхалыга. Можно предполагать, что палтум—локальная принадлежность одежды цахуров, так как у других народов Дагестана она не встречается, возможно, на ее появление какое-то влияние оказало русское пальто, тем более, что само название и время бытования (начало XX века) наводят на эту мысль.

Черкеска—«чокъай» у цахуров бытовала в двух вариантах: нарядная однобортная, сшитая из сукна хорошего качества, которая приобреталась в готовом виде чаще всего у лакцев, или шилась на месте из сукна местного производства—«шал». Этот вид черкески—«ччикарна чокъай»—имел на груди треугольный вырез, из которого выглядывал алхалыг

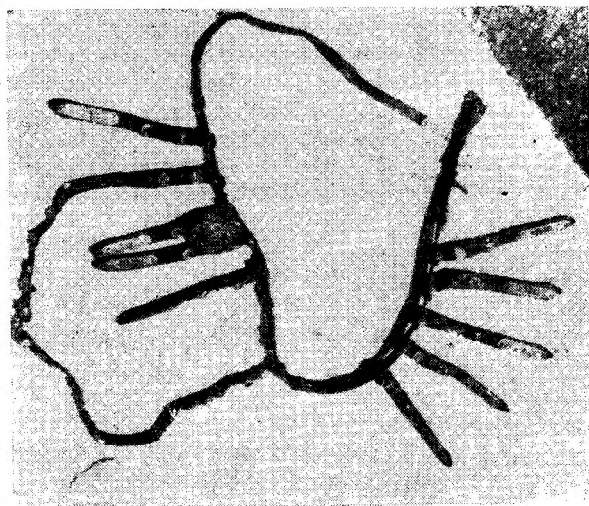

Рис. 2. Мужской пояс.

или кавказская рубаша—«гурт». На груди пришивалось 2 кармана с газырями—«везна», головки которых часто отделялись слоновой костью или серебром, украшенным орнаментом. Рукава были вшивные, прямые. низ рукавов имел нарядную подкладку, которая была видна, когда рукава отворачивались. Такие черкески большей частью носили молодые, состоятельные люди.

Другой вариант—это черкески двубортные, наглухо закрытые на груди, шились они всегда на месте из самодельного сукна черного, коричневого, серого цветов. Два бортовых клина спереди и центральный

Клин сзади делались цельнокроенными, боковые клинья — отрезными. Они пришивались так, что сзади на талии образовывали 4 выступа, от которых клинья вниз ложились фалдами. Воротник-стойка, борта, низ подола и рукавов прострачивались. На такой чохъай газырниц не было.

Первый вариант черкески ближе к северокавказскому типу, второй встречается не только у цахуров, но и у других народов Дагестана: аварцев, лакцев, табасаранцев и т. д. Можно предполагать, что этот тип черкески возник на основе северокавказской черкески во второй половине XIX века, заимствовав покрой переда лифа у русской одежды

Рис. 3. Разновидности мужских шуб.

(верхняя одежда военных, полушубки). Этот вид черкески отвечал потребностям повседневного ношения и широко распространился в горном Дагестане. Подобная двубортная застежка была характерна и для айрумского архалука¹².

Алхалыг и чохъай носили с кожаными поясами — «чува» с пряжкой — «ишкиль» и всевозможными украшениями. Однако алхалыг и чохъай второго типа могли носить и без пояса.

Теплой верхней одеждой мужчин были нагольные меховые шубы двух видов: шуба—накидка с ложными рукавами—«барчамнан къаркъ» и надеваемая в рукава — «гийма къаркъ». Цахурская шуба — накидка с ложными рукавами отличалась от шуб подобного же назначения у других народов Дагестана: она была в талии несколько зауженной и имела длинные (до подола) рукава, резко сужающиеся почти у самой проймы (12 см). Рукава этой шубы в исследуемое время были чисто декоративным элементом и практического применения не имели. Шуба была в талии отрезной, за исключением 2-х цельнокроенных клиньев на спине. Воротник и борта делались из овчинного меха лучшего качества — с длинным ворсом. Воротник был длиной до талии и имел форму узкой шальки, со срезанными концами, на спине он заканчивался углом, который пришивался к спинке шубы. Сзади на стыке цельных клиньев и отрезной части талии с каждой стороны на шубу в качестве украшений нашивалось по 2 куска кожи в форме листочков углом вверх. Никаких завязок или застежек эта шуба не имела. Барчамнан къаркъ носилась мужчинами среднего и пожилого возраста в свободное от работы время. Молодые люди имели право носить ее только после женитьбы. Таким образом, ношение этой шубы было своеобразным показателем зрелости мужчины.

Шуба с обычными рукавами — гийма къаркъ имела такой же покрой, как шуба-накидка. Кроме ширины рукавов (20 см), она ничем не отличалась от описанной выше шубы с ложными рукавами. Длинной она бывала до щиколоток, но иногда могла быть и короче. Застежек шуба не имела и носилась или нараспашку или при ношении борта ее придерживались рукой. Эта шуба по крою очень похожа на рутульскую шубу «къабачей», отличаясь от нее только тем, что у последней отрезные клинья сзади пришивались к спинке так, что образовывали на талии 4 выступа, как на алхалыге. Эта шуба носилась мужчинами всех возрастов при выполнении каких-либо работ в холодное время года.

Несомненно, что цахурская шуба-накидка генетически связана с шубой с обычными рукавами. При этом мы предполагаем первичность последней, то есть эволюцию следующего порядка: в гийма къаркъ, носимой во время отдыха как накидка, рукава утрачивают свои функции, но она не приобретает еще размеров и покроя настоящей шубы-накидки, распространенной у всех народов Дагестана и выполнявшей у них функции не только одежды, но и постели.

Описанные выше шубы являлись традиционными. В советское время появляются нагольные шубы покроя прямого, неотрезного в талии пальто с пояском на спине или без него. Они шьются длиной до колена с отложным воротником или совсем без него. Застегиваются справа налево на самодельные кожаные или покупные пуговицы, имеют вшивной, прямой рукав. Для удобства ношения ворс внутри низко срезается. Такие шубы очень удобны для носки во время работы.

---

¹² К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964, стр. 150.

Наряду с покупным пальто и полупальто они имеют некоторое распространение и в наши дни, что объясняется условиями быта цахуров — овецоводов, которые большую часть года в силу специфики своей работы проводят на открытом воздухе.

Все виды шуб в дождь носили на выворот, мехом наружу, в целях лучшей сохранности их.

В качестве верхней одежды у цахуров значительное распространение получили бурки — «лит» покупные и местного производства. Покупные бурки хорошего качества: андийские, лакские, даргинские — носили только мужчины из состоятельных семей.

Самодельные бурки имели большее распространение, они были в каждой семье. Для изготовления их вываливали кусок войлока трапециевидной формы с закругленной верхней частью. Такая бурка не имела плечевых швов и на груди завязывалась на кожаные шнуры. Подобного типа бурки мы встречали и у других народов горного Дагестана: рутульцев, агулов, лезгин, лакцев. Аналогична ей, по-видимому, и кумыкская бурка для пешехода¹³.

Профессиональной одеждой чабанов был «чопуз» — распашная туникообразная одежда из войлока. Кроился он из куска войлока домашнего производства, сложенного вдвое. От подмышек к подолу с боков он несколько расширялся. Вырез ворота имел форму угла, причем кусок войлока, вырезаемый отсюда, не срезался, а отгибался назад и подшивался к спинке. Длинные рукава были цельнокроенными. Чопуз имел всего два шва, соединяющих перед и спинку от подолы до конца рукавов. Сплошной шов прерывался только подмышками, где чопуз составлялся не сшитым и куда не вставлялись ластовицы. Чопуз носился пастухами в дождливую погоду в качестве плаща.

По-видимому описанная Е. М. Шиллингом у народов андоцезской группы¹⁴, С. Ш. Гаджиевой у кумыков («делегей») ¹⁵ и С. С. Агашириновой у аварцев¹⁶ длинная, широкая, прямая куртка из войлока есть не что иное, как «чопуз» цахуров, «чупуз» рутульцев, «къавалей» лакцев. У аварцев и лакцев этот пред-

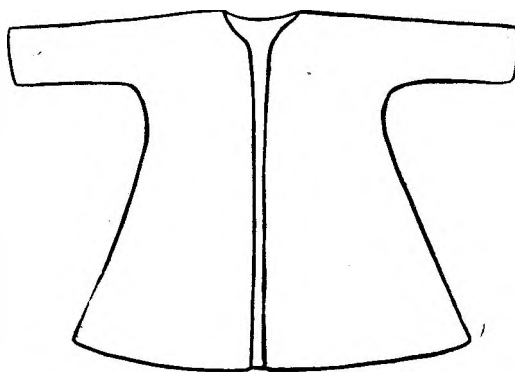

Рис. 4. Войлочный плащ пастухов.

¹³ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960, стр. 113.

¹⁴ Е. М. Шиллинг. Народы андо-цезской группы. РФИ ИЯЛ, д. 1813, л. 30.

¹⁵ С. Ш. Гаджиева. Национальная одежда кумыков, РФИ ИЯЛ.

¹⁶ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, стр. 222.

мет одежды имел спереди завязки из кожаных шнурков, у цахуров и рутульцев их иногда не было.

Национальной обувью цахуров была «кьяцаб» — шерстяная, вязаная обувь с загнутым вверх носком. Такую обувь в холодное время года носили и мужчины и женщины, отличие мужских кьяцаб от женских состояло только в узоре. У мужской обуви на темном фоне варьировались узоры из поперечных светлых полос различной ширины. Вязаная обычным способом подошва дополнительно прошивалась в несколько слоев в поперечном направлении одноцветными грубыми шерстяными нитками.

Обувь с загнутым вверх носком встречается в Дагестане у рутульцев, агулов, лезгин, аварцев Тляратинского и Цунтинского районов, а за пределами Дагестана на Кавказе — у грузин. Кьяцабы удобны для носки в условиях горной местности, где они и сейчас имеют некоторое распространение. Неровная поверхность подошвы оберегает ногу от скольжения, а загнутый вверх носок амортизирует возможные удары о камни. Иногда эту обувь подшивают и кожей.

Повседневной рабочей обувью были постолы двух типов из сыромятной кожи — «чарух» и «тйрих». И те, и другие изготавливались из одного куска кожи, только чарухи не имели на носке шва и носок был открытым, а тйрихи делались со швом на носке. И те, и другие вокруг имеют специальные ячейки, образованные кожаным шнуром, равномерно продернутым через равные промежутки в края постолов. В эти ячейки, начиная от носочной части, пропускается шнур, плетение которого у ча-

Рис. 5. Мужская обувь.

рухов образует верх носочной части, а концы шнура после обмотки ими шиколотки завязываются на ней.

У тйрихов с носочной части опускается крупная петля, к которой привязывается один конец шнура. Другой конец, пропущенный через ячейки пяточной части, охватив шиколотку, возвращается к первому концу и здесь завязывается.

Цахуры считают чарухи местной обувью, а тйрихи — грузинской, которая появилась у них уже в начале XX века. Вместе с тем следует заметить, что обувь типа чарухов была широко распространена у всех лезгинских народов («шаламар»), а также среди азербайджанского крестьянства. Это является лишним свидетельством тесных взаимосвязей лезгинских народов между собой, а также с соседним Азербайджаном. Чарухи и тйрихи цахуры носили с вязаными шерстяными носками — «тйурс»; в отличие от других лезгинских народов обмоток они не носили. Носки, одеваемые на работу, и для стариков вязались одно-

тонными, без узоров, а для стариков чаще белые. В остальное время носили носки, вязанные поперечными полосами. По окончании вязки с одной стороны голенища носка оставялась длинная, крученая, шерстяная нитка, которой обматывали ногу. В носки заправлялись штанины.

В свободное от работы время мужчины всех возрастов носили с вязаными носками привозимую из Азербайджана обувь без задника — «сармуз». Нарядные сармуз зеленого цвета могли быть и обувью жениха, хотя в таких случаях носились чаще всего «чакмабы» — сапоги с каблучком азербайджанского производства.

Распространены были также мягкие сафьяновые сапоги и чувяки — «цугьер», которые постушали к цахурам из Азербайджана. Но дорогая привозная обувь была достоянием зажиточных слоев населения, основная же масса населения вплоть до установления Советской власти довольствовалась традиционной обувью местной выделки.

Традиционным головным убором цахуров была высокая конусообразная островерхая папаха из длинноворсной овчины белого, черного и других цветов — «шиш къацци». По своей форме она была близка к подобному же типа головному убору азербайджанских крестьян, но более низкая. По этому головному убору цахура можно было узнать среди других народов Южного Дагестана.

Из овчины молодых барашков с завитой шерстью изготавливали папахи более высокого качества, но более низкие — «карна къацци», «бурма папах». Если шиш къацци было повседневным головным убором мужчин всех возрастов и социальных слоев общества, то карна къацци носили во время праздников, свадеб и других торжеств. Дорогие привозные кяракулевые папахи были принадлежностью костюма богатого цахура. Появляются они в начале XX века.

Во время дождя поверх папахи надевали суконный башлык, повязав его под подбородком.

В последнее десятилетие островерхие папахи у цахуров вышли из употребления, но бурма папах имеют еще широкое распространение среди основной массы мужского населения. Кепки, шляпы имеют распространение в основном среди сельской интеллигенции.

Прическа цахуров отличалась своей незамысловатостью; мужчины всех возрастов брили голову наголо. Первое бритье производилось на сороковой день жизни ребенка и отмечалось устройством угощения.

В пожилом возрасте мужчины носили усы — «быгар» и бороду — «мучнур»; молодым бороду брили, оставляли только усы.

Как видно из вышеизложенного, мужская одежда цахуров была в основном общедагестанского и общекавказского типа с небольшими вариациями в крое, элементах, способах ношения, по которым народы Южного Дагестана безошибочно отличали цахура от рутульца, рутульца от лезгина и т. д. Посторонний же наблюдатель видел в одежде этих народов только то общее, унифицированное, что бросалось в глаза на первый взгляд.

Таково, например, обобщенное описание мужской одежды жителей Самурской долины (цахуров, рутулов, лезгин), данное Вучетичем в 60-х годах XIX века: «Одежда мужчин состоит из рубахи и штанов темно-синей чадры и архалука, свех которого надевается чоха из серого, белого или темнокоричневого лезгинского сукна. Многие большую часть года, не исключая и летних месяцев, носят поверх архалука шубу из овчин с рукавами, доходящими почти до самой земли и к концу такими узкими что в них могут пройти только два, три пальца; впрочем, отверстия в конце рукавов совершенно излишни: рукава в шубах так длинны, что от оконечности руки они мотаются еще по крайней мере на две или

на три четверти — это считается своего рода шиком... На головах самурцы, как и вообще все дагестанцы, носят папахи из курпеев и длинных косматых овчин, или остроконечные шапки на манер персидских, но гораздо ниже и шире их. Архалуки и черкески у всех опоясываются кожаным поясом, изредка с серебряною отделкою, к которому привешивается кинжал, как непрременнейшая принадлежность горца... Обувь мужчин и женщин составляют вязаные шерстяные сапоги, называемые шатал, или такие же чулки—джурабы довольно красивого узора, сверх которых надеваются кожаные башмаки — коши. Лезгинские джигиты и служащие в нукерах носят кроме того длинные сапоги с остроконечными, загнутыми вверх носками, вкладывая в голенища их штаны, что очень удобно при верховой езде»¹⁷.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Традиционными элементами нательной одежды цахурок были рубаха «гурт» и штаны «бада». Гурт шилась из простого материала темных цветов для пожилых женщин, у молодых она бывала или белой, или другого светлого тона (желтой, красной и т. д.). В том случае, когда она предназначалась невесте, ее шили из шелка «дарай», преимущественно красного цвета. Покрой ее во всех случаях был туникообразный с боковыми клиньями, расширяющими ее от подмышек к подолу; боковые швы кончались разрезами. Разрез ворота спереди, вертикальный, посередине груди, маленький воротник-стойка застегивался на одну пуговицу. Гурт шилась длиной до икр. Традиционного покроя рукав был длинным, прямым, нешироким, одинаковой ширины по всей длине и не имел манжета. Подмышками пришивали ластовицу, которая обеспечивала большую свободу движений. Позже рукав у запястья стали собирать в сборку и пришивать манжеты. Сейчас, вместо манжета, старухи в рубец у запястья вдевают резинку. Под грудь и под верхнюю часть спинки для прочности часто подшивали простую ткань. В такой рубахе женщина выполняла домашнюю работу, но на улицу обязательно одевалась верхняя одежда. У нарядной рубахи рукав до локтя шился прямым, умеренной ширины, а от локтя нашивалась остальная часть рукава, собранная в сборку и имевшая форму колокольчика. Такой рукав имели рубахи молодых женщин.

Исподней поясной одеждой цахурки были штаны бада. Шились они из ситца или бязи, а нарядные из тонкого дараи. Во всех цахурских селениях для невест шили штаны красного цвета, остальные женщины в с. Цахур носили штаны белого цвета; в Гельмеце молодые женщины шили их из материала любого цвета, а пожилые предпочитали темные тона: коричневый, черный, темнозеленый и т. д.; в Мишлеше верхняя часть штанов была всегда белого цвета, а штанины — красного. Во всех цахурских селениях штаны шились на подкладке из бязи. Покрой их во всех селениях был одинаков: между двумя штанинами выставлялся ромбообразный клин. Только в части селений они носились на выпуск (Мишлеш, Кальял, Джених), а в части (Цахур, Гельмец) к нижним концам штанин, собранным в сборку на шиколотке пришивался манжет, застегивающийся на пуговицу с внутренней стороны. Эти штаны походили на азербайджанские «чахчур», которые были обязательной принадлежностью уличного костюма бакинки¹⁸, отличаясь от них малой шириной

¹⁷ Н. Вучетич. Указ. соч., стр. 196—197.

¹⁸ Описание чахчур см. в кн. К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев, Баку, 1964, стр. 131.

и отсутствием штрипки. Традиционного покроя штаны в с. Гельмец широко распространены и сейчас, но вместо манжета в рубец на щиколотке продергивается резинка. В селении Мишлеш по нижнему краю штанин у женщин любого возраста пришивалась черная лента (ширина 2 см), украшенная цветной узорной строчкой.

У нарядных штанов низ штанин обшивался в несколько рядов цветастой тесьмой или галуном. Согласно сведениям, полученным от информаторов, у женских штанов в начале XX века несколько расширились штанины (ширина 35 см), которые раньше были более узкими в связи с дороговизной привозных тканей, из которых они шились. Штаны носились на бедрах, на вздёржке, т. е. на шерстяном шнуре, вдетом в рубец в верхней части их.

В состоятельных семьях женщины имели по несколько пар нательной одежды, в бедных же семьях одежда женщины ограничивалась только повседневным ее комплектом.

Поверх рубахи цахурки носили юбку—«бадаб», «тай-балаг». Шили ее из простых и шелковых тканей, для молодых женщин и невест ярких расцветок, чаще красного цвета, для пожилых женщин—темных тонов. Шилась она из 6—8 и более полотнищ ткани, длиной до щиколоток. Вверху эти полотнища собирались в сборку или закладывались в одну-стороннюю складку и к ним пришивался неширокий (5 см) двойной пояс из той же материи. Через него продергивался шерстяной шнур, завязывавшийся спереди узлом. Как свидетельствуют информаторы, в старину носили широкие штаны, каждая штанина которых имела такую же ширину, как описанная выше юбка. Между ними в шаг вставлялся прямоугольный кусок материи. Благодаря ширине вид их напоминал юбку. Затем перестали вставлять ластовицу и они стали юбкой. Так объясняют сами цахурки появление у них юбки. Такой путь эволюции юбки нам представляется правомерным, тем более, что эти широкие штаны и юбка имели одинаковое название. Не вызывает сомнения и тот факт, что оба эти элемента женской одежды заимствованы в Азербайджане и появляются у цахурок в той же последовательности, что и у азербайджанок. Как известно, широкие штаны «джютбалаг» в Азербайджане являются одним из архаических элементов исподней одежды женщин¹⁹, что, вероятно, не обошлось без влияния Персии, а юбка, по мнению исследователей, появляется не ранее второй половины XIX в. под русским влиянием²⁰.

Рис. 6. Юбка («бадаб») цахурки.

Широкие штаны и юбка, заимствованные у азербайджанцев, бытовали во второй половине XIX—начале XX вв. у лезгин²¹. Юбка в одеж-

¹⁹ З. А. Кильчевская. Азербайджанский женский костюм XIX в. из Карабаха. Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, стр. 188; К. Т. Каракашлы. Указ. соч., стр. 128.

²⁰ К. Т. Каракашлы. Указ. соч., стр. 135.

²¹ С. С. Агаширинова. Указ. соч., стр. 54—55.

де цахурской женщины сохранилась до наших дней, однако она утратила свою чрезмерную ширину и шьется в настоящее время из двух с половиной — трех полотнищ ткани, но сохранила в талии сборку или складки. Наряду с юбкой в последние годы цахурские женщины все чаще пополняют свой гардероб и платьями, молодые — городского покроя, женщины средних лет — покроя «дун», распространенного у всех лезгинских народов. Это отрезное в талии платье с поясом, вшитым между лифом и юбкой. Юбка платья закладывается в складку, одностороннюю или бантовую, или собирается в сборку. Лиф платья имеет застежку на пуговицы спереди по разрезу. Женщины пожилого возраста предпочитают платьям юбки традиционного покроя.

Рис. 7. Цахурки в повседневной одежде.

или сборку или состоящий из мелких, сильно раскошенных книзу клиньев. Кроме отрезных в талии алхалыгов, носились и такие, у которых перед вместе с лифом был цельнокроенным, а спинка и бока отрезными в талии.

Алхалыг мог иметь спереди большой полуовальный или небольшой, углом, вырез или быть закрытым с небольшим воротником-стойкой. В последнем случае алхалыг имел застежку встык на груди и талии, а во всех остальных случаях — только на талии.

Рукав был вшивным, узким по всей длине, длиною до локтя или до запястья. В последнем случае по шву у запястья он мог иметь разрез. Нарядный алхалыг, особенно предназначавшийся для невесты или молодой девушки, шили чаще всего с короткими рукавами. В этом случае под него надевалась рубашка с колоколообразными рукавами. Такой алхалыг имел большой вырез на груди и украшался узорной строчкой на спине, рукавах и спереди по краю бортов.

У старых женщин грудь и спинка алхалыга подбивались ватой и прострачивались продольными строчками.

Верхней одеждой цахурки был алхалыг (алхалуг). Эта распашная одежда являлась обязательным атрибутом женского костюма, как повседневного, так и выходного. Повседневный алхалыг шился из простой бумажной материи темных тонов для пожилых женщин и ярких расцветок, однотонных или пестрых, для молодых женщин и девушек. Для нарядного алхалыга приобретали бархат, парчу, плотный шелк. Алхалыг, как правило, имел подкладку на спине и груди из простого материала. До пояса он плотно облегал фигуру, а ниже отрезной талии пришивался прямой кусок ткани длиной до бедер, заложный в складку

У пожилых цахурок алхалыг до наших дней сохранился в употреблении в качестве повседневной одежды. В основных чертах он сохранил свой покрой, но шьется сейчас большей частью с закрытым лифом, с застежкой спереди на пуговицы от ворота до талии. Вшивной рукав, прямой, одинаковой ширины по всей длине, иногда заканчивается небольшим манжетом, застегивающимся на 1 пуговицу.

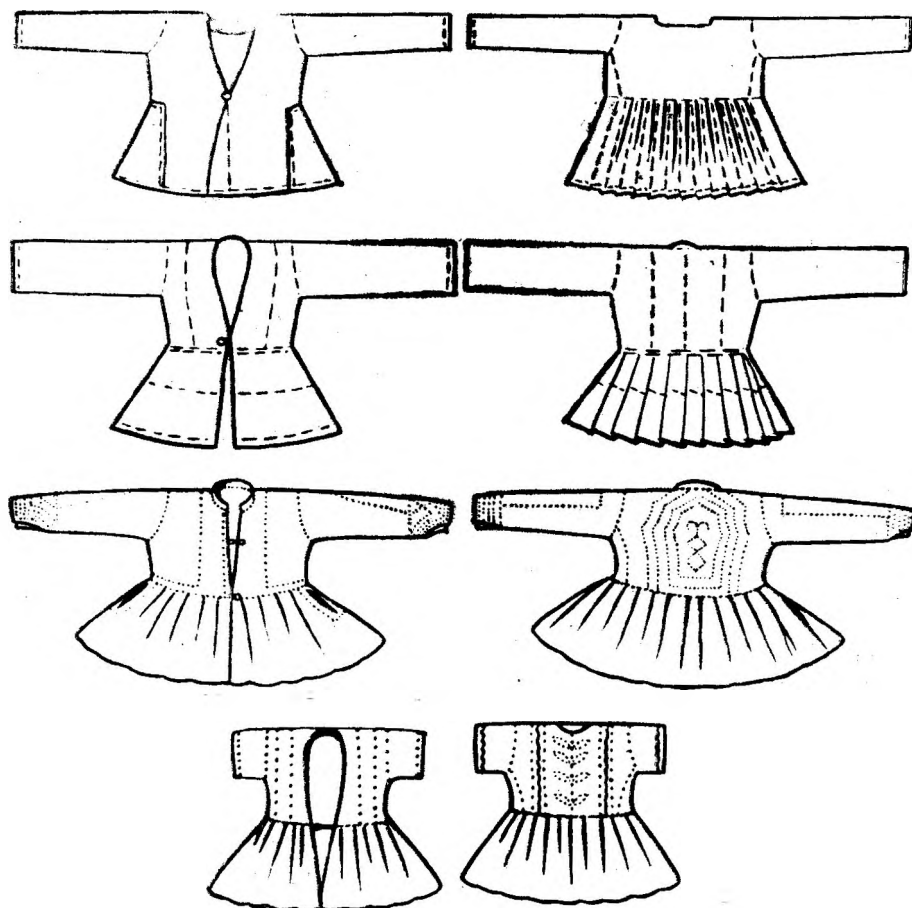

Рис. 8. Женские кофты «алхалыг».

Сейчас алхалыг носится без пояса. В старину повседневный алхалыг также могли носить без пояса, а с нарядным носили металлический пояс — «кемер» лакской или кубачинской работы. В Гельмеце пожилые женщины обматывали талию дважды полотнищем простого белого материала в 2 м длины, сложенного несколько раз по длине, и завязывали спереди или сзади одинарным узлом. Такой пояс назывался «бельбагъ».

Старые женщины носили еще один вид распашной одежды — «катиби». Он шился из простой ткани (ситца, бязи, сатина) темных тонов на подкладке, подбивался ватой и покрывался мелкой продольной строчкой. Два передних клина подола и один центральный клин сзади кроились цельными соответственно с лифом и спинкой катиби, бока его были отрезными. Боковые швы подола заканчивались двумя шлицами. Самые

крайние дополнительные клинья подола пришивались по-видимому для того, чтобы не расходились полы спереди. На груди делался большой вырез треугольной формы, на талии застежка встык на крючок, рукав вшивной, длинный. Подобную одежду под названием «валчаг» мы встречали у других лезгинских народов и собственно лезгин.

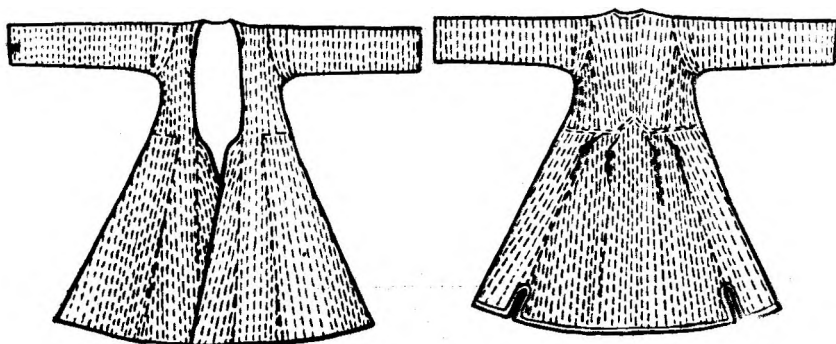

Рис. 9. Женский бешмет «катиби».

Катиби цахурок сходен с валжагьом даргинок²² и гужгатом аварок²³. Само слово катиби в этнографической литературе упоминается в комплексе одежды азербайджанок и грузинок, однако вышеописанная принадлежность одежды ничего общего с ними в покрое не имеет. У азербайджанок катиби — это одежда типа короткого архалука с опущенными мехом краями; у грузинок катиби — принадлежность верхней одежды, «сшитая большей частью из бархата различных цветов, имела меховую или шелковую подкладку. По краям одежды, а также в нижней части рукавов шла меховая опушка. Эта одежда доходила лишь до колен, примерно такой же длины, чуть короче, бывали и незашитые почти во всю длину рукава»²⁴. Таким образом, здесь заимствованное из чужого языка слово, обозначающее в своем языке определенный предмет, попав в другую этническую среду, совершенно изменилось по содержанию.

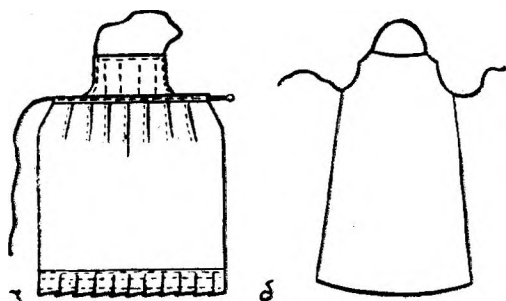

Рис. 10. Женские передники.

Необходимой принадлежностью женского костюма, как повседневного, так и нарядного, являются передники — «лейлугь», «илейлугь», «майзар». Надевались они поверх алхалыга и юбки и были несколько короче юбки. Рабочие передники шили из простого ситца или крашеной бязи, а праздничные — из канауса ярких цветов. Передники были цельнокроенными и отрезными в талии. У отрезных передников у пояса за-

²² См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 223.

²³ См. «Материальная культура аварцев». Махачкала, 1967, стр. 236.

²⁴ Народы Кавказа, т. II, М., 1962, стр. 301.

же материала, которые завязываются сзади. Такая же лента пришивается к углам передника у верхнего края. Нарядные передники имели по низу подола невысокую оборку.

Такие фартуки имеют широкое распространение и в наши дни, но используются в качестве дополнения к повседневной рабочей одежде.

В холодное время года поверх алхалыга женщины носили стеганные на вате или меховые безрукавки—«дошлукъ» с закрытой грудью.

Теплой плечевой одеждой женщины была нагольная овчинная шуба—«гийма къаркъ» или «ччикъарна къаркъ» длиной до икр или чуть ниже. За исключением двух центральных клиньев сзади, которые выкраивались вместе со спинкой, шуба была в талии отрезной. Ни по покрою, ни по деталям она не отличается от мужской шубы с обычными рукавами. Шуба не имела застежку.

Нарядная шубка, которая шилась для молодых девушек и невест украшалась на спинке аппликацией из цветного материала: спинка лифа покрывалась одинарной строчкой, которая шла с двух сторон чуть выше талии и заканчивалась углом под воротником. На нее с каждой стороны

Рис. 11. Цахурка в традиционной шубе.

угла нашивали по 3 разноцветных звездочки из ткани. Спереди полы и подол шубы отделявались тесьмой черного цвета.

Теплой рабочей одеждой женщины была нагольная овчинная шуба—«палтум къаркъ». Шилась она в форме пальто, слегка зауженного в талии, длиной до бедер. Появилась она уже в 30-х годах нашего века под прямым влиянием городского пальто, что отражается также и в ее названии.

Традиционной повседневной обувью женщины была вязаная обувь с загнутым вверх носком — «вутнан турсубы». Ни по технике изготовления, ни по внешнему виду они не отличались от подобной же мужской обуви, а только лишь более яркой расцветкой. Нарядные турсубы на подъеме поверх вязаного узора дополнительно вышивались шелковыми нитками стебельчатым швом. С узорчатыми вязаными носками—«хамсабы» в рабочее время женщины носили поршни—«чарухи», которые отли-

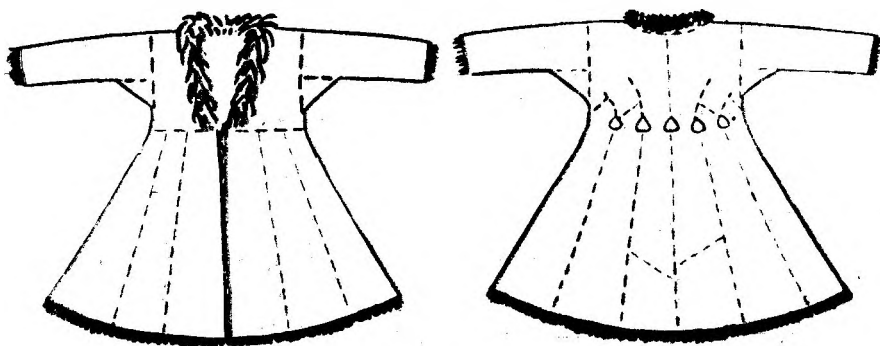

Рис. 12. Женская шуба.

чались от мужских только размером. Молодые женщины и девушки с вязаными носками носили привозимую из Азербайджана обувь без задника — сармуз и чувяки «чустар», которые шили местные мастера из привозимого из Азербайджана материала. Верх их шился из сафьяна—«тумач», подошва — из толстой кожи.

Невеста на ноги одевала вязаные носки с сармуз, низко надвинув на них штаны.

Молодые женщины и девушки штаны в носки не заправляли, старые — носили заправленными.

А. Фон-Плотто следующим образом описывал обувь азербайджанских цахурок, которая не отличалась от обуви цахурок — дагестанок. «Обувь у всех женщин в округе одинакова: пестрые, шерстяные чулки и красные или какие-нибудь цветные кожаные башмаки без задников с узкими, закрученными назад носками и на высоких подборах; башмаки эти делаются так, что пятки не входят в них»²⁵.

Головным убором цахурской женщины, надеваемым непосредственно на волосы, был «тюли»²⁶, который представлял собою полый мешочек, не зашитый с двух сторон. Шился он из простого материала темных расцветок для женщин средних лет и пожилых и светлых тонов, даже белого цвета, для девушек и молодых женщин. В старину тюли шили длинными до пят, сейчас их носят длиной до пояса. В тех цахурских селениях, где тюли бытует, нет принципиальной разницы между разновидностями ее. Разница проявляется в отдельных деталях. Так, в тюли гильмецкой женщины налобная часть по самому краю собиралась в мелкую сборку, что отличало ее от подобных же головных уборов других цахурских женщин. Кроме того, в Гильмеце налобная часть до темени делается из черного материала, остальная из материалов любых расцветок, в других цахурских селениях цветового выделения налобной

²⁵ А. Фон-Плотто. Указ. соч., стр. 28.

²⁶ Это та же чухта, которая бытует у всех народов Дагестана под разными наименованиями.

части не обнаружено. Подбородочная лямка пришита наглухо своими концами к соответствующим частям тюли. Две другие лямки завязываются сзади на затылке. Наголовная часть тюли имеет подкладку из простого материала. На нижний край тюли девушек и молодых женщин нашивалась неширокая оборка (10—12 см ширины).

В наши дни тюли носят представительницы среднего и старшего поколения, а в с. Гельмец — женщины всех возрастов. Поверх тюли надевается платок, сложенный треугольником, летом тонкий, простой или шелковый, зимой — шерстяной. В способе ношения платка существовали возрастные особенности: молодые женщины закидывали короткий угол платка на противоположное плечо, туда же закидывался и второй угол, который обогнув шею под затылком, ниспадал на грудь с другого плеча. Старухи коротким концом обматывали шею и заправляли его под платок у щеки. Длинный конец, перекинутый на противоположную сторону, охватывал шею сзади и спереди, тянулся опять назад и заправлялся там на шее под платок. Подобным же образом носили платки и азербайджанские женщины²⁷. В качестве нарядных головных уборов у цахурок в XIX в. большое распространение получили шелковые платки, изготовлявшиеся в Гандже и известные у всех народов Дагестана под названиями «калагъай» и «гюльмелли». Цахурки различали их по узору: однотонные платки с редким узором, разбросанным по белому, черному или кремовому полю — калагъай, а желтого цвета с густым узором огурцом — гюльбенги. Первые были в большем применении у женщин средних лет и пожилых, вторые — у молодых. Во второй половине XIX в. московская фабрика Вшивкина изготовляла всевозможные шелковые («газ-газы» или «наз-назы»), парчовые, затканые золотой канителью, атласные и шерстяные платки, пользовавшиеся большим спросом на Кавказе. Через Азербайджан эти платки проникли и к цахуркам и имели большую популярность у них в качестве нарядного головного убора. Разумеется, эти платки были доступны не каждой цахурке, а лишь женщинам из состоятельных семей.

Несмотря на это, во всех семьях невесте старались обеспечить все атрибуты ее свадебного головного убора самого лучшего качества. Поверх тюли, сшитого из яркого шелка, набрасывался калагъай красного цвета в развернутом виде углом вперед так, чтобы он закрывал лицо и грудь невесты. Поверх него накидывались 2 платка, сложенных треугольником, шелковых или шерстяных, смотря по времени года, белого и красного цветов. Самый верхний платок набрасывался так, чтобы надолбом он ложился двумя складками.

Женщины с. Гельмец во время выполнения домашних и полевых работ на тюли надевали платок особым образом: один конец платка, сложенного треугольником, висел по плечу свободно, другой конец обматывался вокруг головы (наподобие чалмы) и заправлялся под нее на затылке. Это был повседневный способ ношения платка, называемого «катар». Катар был в Гельмеце обязательной принадлежностью и свадебного головного убора невесты, надевался он непосредственно на тюли. По-видимому катар близок к азербайджанской чалме, выполняемой также из «калагъай». Только у азербайджанок калагъай наматывается на нижний платок, закрывая сначала полностью голову и только одним концом имитируя чалму.

---

²⁷ З. А. Кильчевская. Указ. соч., стр. 197.

²⁸ К. Т. Каракашлы. Указ. соч., стр. 165—166.

Среди головных уборов цахурских женщин совершенно особняком стоит головной убор мишлешки. Мишлешки тюли не носили, а непосредственно на волосы надевали «лепакукал» — полотнище белой тонкой ткани, напоминающее джѳа даргинки, мучѳу аварки, чѳинчѳу лачки. Надевали ее цахурки точно так же, как делали это представительницы упомянутых народностей: держа центральную часть покрывала под подбородком, правую сторону поднимали к виску и через темя перекидывали на левую сторону, затем поверх нее перекидывали через темя левую часть покрывала на правую сторону. В старину это полотнище имело 5 м длины и концы его висели до пят, сейчас они доходят только до пояса.

Поверх лепакукал своеобразно завязывали платок—«хѳитГалан»: для этого четырехугольный платок складывался вдвое треугольником, затем его несколько раз скручивали по длинной стороне и надевали на голову так, чтобы скрученная сторона приходилась надо лбом, а концы ее завязывали на затылке, напустив на них сверху угол платка. Так носили его молодые женщины, а старухи, не завязав концы, а лишь перекрестив на затылке, вели вперед и здесь надо лбом завязывали в узел. У старых женщин в качестве хѳитГалан использовался черный калагѳай маленького размера, у молодых—гульбенги. Это был полный комплект головного убора мишлешки для лета. Зимой поверх него носили еще шелковый, шерстяной или простой платок, смотря по состоянию, обычным для цахурок, описанным выше, способом.

Невеста из Мишлеша на волосы, вместо полотнища простой ткани, надевала полотнище тюли—«тор» белого цвета, поверх хѳитГалан на нее набрасывали в качестве занавески для лица гульбенги большого размера традиционным способом, поверх него еще одно тор, поверх всего — сложенный треугольником шерстяной платок красного, зеленого, желтого цветов. Концы его свободно спускались по плечам.

Рис. 13. Головной убор цахурск из с. Мишлеш—«дугмаче».

В конце XIX—начале XX вв. у мишлешских женщин в качестве элемента нарядного головного убора появляется капор—«дугмаче». Шился он из плотного шелка на подкладке из бязи и надевался непосредственно на волосы. Затылочный кусок имеет форму треугольника с центральным усеченным углом, который приходится на шею. Все стороны этого

треугольника пришиваются к передней части, так что два угла, приходящиеся на теменную часть, образуют выступы. Передняя часть закрывает темя, уши и под подбородком застегивается на пуговицу. Вся шапочка покрыта украшениями. На налобной части восемнадцатью продольными рядами располагаются металлические цепочки с монетами на концах, далее идут четыре ряда, составленные из серебряных трубочек мелкого сечения, расположенных плотно в поперечном направлении. Задний кусок украшен аппликацией и вышивкой. К темени с помощью цепочек прикреплена серебряная бляха, украшенная разноцветными камнями и заканчивающаяся крючком. Она прикалывается к лепакукал, которое в этом случае надевается поверх него. По словам информаторов, дугмаче заимствована цахурками у азербайджанок. Мы не нашли в публикациях по Азербайджану описания или зарисовки такой шапочки. В Азербайджане известен «тэсэк» — род капора, основным назначением которого было придерживать локоны, уложенные на уши. Покрой тэсэк несколько отличен от покроя дугмаче. Возможно, что дугмаче является тэсэк, несколько изменившимся на цахурской почве. Правда А. Фон-Плотто сообщает, что женщины у ингелойцев, живущих в соседстве с азербайджанскими цахурами, покрывают голову «чем-то вроде капора «тюли», а сверху — белым покрывалом, как у малороссиянок Киевской и Подольской губернии (фюта)»²⁹. Поэтому сообщению трудно предположить определенно, являлся ли этот капор дугмаче, или здесь имелась в виду чухта, которую цахуры, а вслед за ними, возможно, и соседние ингелойцы называли «тюли».

Таким образом, анализ головных уборов цахурских женщин дает основание полагать, что в целом головной убор цахурки имеет дагестанскую основу: чухта тюли, белое покрывало мишлешек, носимое так же, как и у других дагестанских народов, обычай покрывать голову невесты несколькими платками, один из которых служит лицевой занавеской. В то же время головной убор цахурки испытал сильное влияние головного убора азербайджанки, что выражается в способах ношения платка и завязывания его чалмой, а также в наличии головного убора типа капора, не свойственного дагестанской одежде.

Головной убор носился цахурскими женщинами с малолетства и тот из них, который надевался непосредственно на волосы, никогда не снимался, так как, согласно требованиям идеологии и морали, женщина не имела права никому показывать простоволосой, т. е. с непокрытой головой. В тюли женщина могла ходить дома при выполнении хозяйственных работ, но при выходе на улицу обязательно покрывала голову платком.

Женщины волосы заплетали всегда в две косы, девочки и девушки разделяли волосы прямым пробором спереди и носили с каждой стороны по две, а при наличии густых волос — по три косы. Длинные, густые волосы были одним из признаков женской красоты, поэтому за ними определенным образом ухаживали: мыли их кислым молоком или сывороткой, изредка красили хной. Подрезание челки или локонов цахурками не практиковалось. Исследователь быта и культуры лезгинских народов М. М. Ихиллов сообщает, что «рутулки и цахурки в отличие от лезгинок, носили больше украшений»³⁰. При полевом исследовании цахурской одежды у нас такого мнения не сложилось. Напротив, цахурки, на наш взгляд, в гораздо меньшей степени были привержены к украшениям, чем представительницы других лезгинских народов. Возможно, в некото-

²⁹ А. Фон-Плотто. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ М. М. Ихиллов. Указ. соч., стр. 161.

рой степени это объяснялось суровыми нравами, воспитанными и суровыми условиями жизни, а в большей степени тем, что своих ювелиров у цахуров не было, а все покупные украшения были чрезмерно дороги для приобретения их широкими массами. Свидетельством малой распространенности украшений у цахурок может служить и тот факт, что в числе подарков, получаемых невестой от жениха, совершенно отсутствовали украшения. Однако, несмотря на вышеизложенное, у цахурок в употреблении были и серьги, и кольца, и браслеты, а также ожерелья из стеклянных бус. Женщины из менее состоятельных семей имели их в меньшем ассортименте.

Украшения были составной частью и свадебного костюма невесты. Поверх свадебной одежды на невесту надевали нагрудник «халта», представлявший собою комбинацию из серебряных цепочек, серебряных монет и ажурных блях, некоторые из которых украшались цветными камнями и зернью. На голове невесты поверх всех платков укреплялось украшение—«гелина багълиар саккълал». Оно представляло из себя несколько рядов серебряных цепочек, соединенных вместе с помощью серебряных же блях, имеющих на концах крючки для закрепления на голове. При укреплении его на голове с него на лоб нависали серебряные монеты.

Рис. 14. Цахурка (с. Мишлеш) в традиционной нарядной одежде.

Обязательной принадлежностью нарядной и свадебной одежды были и металлические пояса—«кемер» нескольких видов. Серебряные пояса с позолотой, выполненные лакскими мастерами техникой накладной филигранны и украшенные цветными камнями, ценились дорого. По словам информаторов, за подобный пояс отдавали корову или быка. У других поясов покупными были только пряжки, остальная часть пояса

состояла из полоски кожи с густо нашитыми на нее серебряными монетами. Такие пояса были у всех народов Дагестана.

Таким образом, принимая во внимание все изложенное выше о женской одежде цахурок, можно отметить, что одежда цахурки служит ярким примером синтеза национальных элементов культуры с заимствованными. Заимствованные элементы костюма органически слились с национальными и способствовали возникновению своеобразного цахурского женского костюма, который как бы стоит на границе дагестанского и азербайджанского костюмов и являет собою смешанный тип костюма с отпечатками не только своей местной одежды, но и одежды соседних народов Азербайджана. Под влиянием азербайджанской одежды в костюме цахурки появляются элементы, не свойственные одежде народов Дагестана: юбки, кофты (алхалыг), передники, головные уборы. В то же время в ней стойко сохраняются и многие элементы, роднящие ее с одеждой других народов Дагестана (верхняя теплая одежда, традиционная обувь и т. д.), что дает основание нам считать цахурскую женскую одежду в своей основе дагестанской с более поздними наслоениями, связанными с азербайджанским влиянием.

РИТУАЛЬНАЯ И ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

Свадебной одежды в большей или меньшей мере мы касались выше, по мере исследования атрибутов мужской и женской одежды. Как видно из вышележащего, свадебная одежда женщин по покрою не отличалась от повседневной, только для нее использовались покупные ткани лучшего качества (шелк, бархат и т. д.) и большее количество головных уборов и украшений. Для одежды жениха использовались те же ткани, что и для повседневной одежды, а своеобразие ее заключалось только в ее новизне.

Здесь мы коснемся лишь погребальной и траурной одежды. Она у цахурок имела большое сходство с одеждой подобного же назначения у других народов Дагестана.

Погребальная одежда цахурок состояла из специальной рубахи туникообразного покроя, белого или зеленого цвета, которая в старину не имела швов, а позже сшивалась вручную. На голову также надевали шелковый платок, предпочтительно зеленого цвета, обувь шили специальную матерчатую типа сапожек также белого или зеленого цвета. Поверх всего этого покойника заворачивали в саван. Стариков и старух после обмывания часто заворачивали в саван без погребальной одежды. Последняя была обязательна для безвременно погибших молодых людей.

Одежду, которую при жизни носили покойники, отдавали тем, кто их обмывал.

Родственники умершего одевали одежду черного цвета и носили в зависимости от степени родства более или менее продолжительное время. Причем специальную траурную одежду не принято было шить, а красили в черный цвет повседневную.

Мужчины держали траур сорок дней. Внешним выражением его было то, что они 40 дней не брились. Самые близкие для умершего женщины: жена, сестра, мать — держали траур от одного года до трех лет. В течение всего этого времени они не снимали черной одежды и как можно больше закрывали лицо платком.

Детская одежда по покрою повторяла одежду взрослых. Нательной одеждой ребенка с самого его рождения была рубаха туникообразного

покроя, сшитая из мягкой материи. Начиная приблизительно с годовалого возраста на такой рубашке манжеты делали из материала красного цвета. Такая рубаха служила одновременно и платьем для девочек лет до 10—11.

Штаны шили детям приблизительно с 6—7 месяцев, т. е. с того возраста, когда их брали на руки без пеленок. Шили такие штанишки незашитыми полностью между штанинами и для мальчиков и для девочек. Такого покроя штаны дети носили до 3—4 лет, когда их сменяли штаны такого же покроя, как у взрослых.

Для грудных детей в возрасте 5—6 месяцев шили безрукавку «дюшлик». Шилась она из однотонного или пестрого цветного материала на подкладке. Её для тепла подбивали тонким слоем ваты и простегивали широкими продольными стежками. Спереди и сзади ее делали закрытой до шейки, чтобы не продуло грудь ребенку. Застежка на пуговицы располагалась на плече и на той же стороне, начиная от подмышки. Такие курточки украшались нашивными разноцветными кусочками ткани, которые часто составляли геометрический орнамент или располагались ассиметрично, создавая пестроту. Чаще всего таким образом украшались спинки безрукавки. Такая пестрота кроме эстетического назначения, имела и магический смысл: перевести недобрый глаз с ребенка на его удивительно пеструю курточку.

Украшали и грудь курточки, нашивая на нее всевозможные серебряные украшения, часто в виде розеток. На плече также с магической целью (отвода сглаза) пришивали раковины каури, а также ожерелья из позвонков рыбы — форели.

Подобного рода курточки шили и с рукавами. Их носили дети до 4—5 лет.

С 7—8 лет мальчикам шили алхалыг, а состоятельные — «чокъай».

Девочки начинали носить алхалыг и юбку с 11—12 лет. Со времени проникновения к цахурам платья «дун» его стали шить для девочек с 6—7 лет. Вся эта одежда была такого же покроя, как у взрослых.

Теплой одеждой мальчиков и девочек начиная с 6—7 летнего возраста были овчинные нагольные шубы такого же покроя, как у взрослых. Только шуба—накидка детьми не носилась, как указывалось выше, ее мужчина имел право надеть только после женитьбы.

Для грудных детей, мальчиков и девочек, шили из материала шапочки—«текир» в форме тюбетейки с маленьким дном. Дно часто делали из красного материала, остальную часть из разноцветных треугольников. Шапочка украшалась рядами мелких пуговиц, цепочками, разноцветными кусочками ткани, а также зигзагообразной строчкой.

С 5—6 месячного возраста девочки носили платочки, тюли шилась для них с 6—7 лет.

Мальчики после года носили овчинные папахи из меха молодых барашков с нежным завитком. Папаха была такого же покроя, как у взрослых.

Обувью для детей всех возрастов служили вязанные из цветных шерстяных ниток носки — «турсубы». С того момента, как дети начинали ходить, на подошву носков пришивали кожу.

Чтобы ребенка не сглазили, для первенца их часто вязали на каждую ногу другого цвета. Обувь с загнутым вверх носком вязали для единственного и поэтому чрезмерно любимого ребенка.

С 7—8 лет дети начинали носить чарухи и самодельные башмаки без задника.

Таким образом, одежда детей в своих основных чертах походила на одежду взрослых, за исключением некоторых элементов в одежде для

самых маленьких. В настоящее время традиционная детская одежда заменена одеждой городского типа, чаще всего приобретаемой в магазине. Предметы старинного детского костюма сейчас можно встретить только изредка, их шьют, в основном, для первенца, отдавая дань традициям (нарядная курточка — безрукавка, шапочка, вязаная обувь).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование цахурской национальной одежды дает основание сделать некоторые выводы.

1. Культурно-экономические и политические связи, которые издавна существовали между цахурами и народами соседнего Азербайджана, не могли пройти совершенно бесследно, не отразившись в определенной мере на культуре цахуров.

2. Основным материалом для традиционной одежды цахуров служили продукты животноводства: кожа, шерсть, овчина. Это было следствием преимущественно животноводческого характера хозяйства цахуров. Земледелие, являясь второстепенной отраслью хозяйства, ограничивалось возделыванием хлебных растений, поэтому производство холста не было известно цахурам. Он приобретался извне в обмен на продукты животноводства.

В проникновении фабричных тканей к цахурам большую роль сыграли города Ганджа, Нуха, Куба, Баку.

3. Характерной особенностью национальной одежды цахуров является сходство в покрое мужской и женской одежды, например: а) нагательная плечевая одежда — рубашка туникообразного покроя; б) верхняя плечевая одежда со сборчатым низом — алхалыг, в) общая для мужчин и женщин обувь — вязаная с загнутым вверх носком, чарых; г) верхняя теплая одежда — овчинная шуба гийма кьаркь.

4. Мужской национальной костюм цахуров более близок к подобному же костюму у других народов Дагестана и Кавказа, чем женский, имеющий свои локальные своеобразия.

5. В основных своих частях одежда цахуров сходна с одеждой других народов Дагестана, несмотря на некоторые особенности и локальные варианты. Это свидетельствует об исторически сложившейся этнической общности цахуров с другими народами Дагестана. Ряд элементов традиционной цахурской одежды находит аналогии у других народов Кавказа (Азербайджан, Грузия).

6. Коренные преобразования, происшедшие за годы Советской власти в хозяйстве, культуре, общественном и семейном быту цахуров, способствовали глубоким сдвигам в сознании колхозников, правильному переосмыслению явлений жизни. Цахуры вместе со всеми дагестанскими народами получили реальную возможность строить свою жизнь на новых прогрессивных началах. Вместе с примитивными формами быта исчезают в основном и архаические типы костюма. В одежде цахуров, как мужской, так и женской, и особенно детской, происходят большие изменения — появляется новый тип одежды, в котором от прошлого сохранено все лучшее, что отвечает требованиям местных условий и эстетическим идеалам населения.

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ДАРГИНЦЕВ В XVIII—XIX вв.

Предлагаемая работа является частью исследования, посвященного земельным отношениям даргинцев в XVIII—XIX вв.

Расселение и численность населения — один из важных компонентов социальной структуры, составляющей аграрный строй народа.

Расселение и расположение народа, распределение отдельных этнических и политических единиц по природно-географическим зонам, ландшафтно-географический характер и сравнительная величина занимаемой каждым из них территории; численность и сравнительная плотность населения отдельных регионов, этносов и политических единиц, характер этнических, политических и иных взаимосвязей и отношений, перемещения населения, эволюция в численности этносов и образований на протяжении изучаемого хронологического периода и т. д., являются факторами, которые в значительной степени влияют на формирование и развитие землевладения и земельных отношений.

Поэтому при исследовании аграрного строя любого этноса или региона становится необходимым предварительное изучение его расселения и численности в исследуемое время.

I. РАССЕЛЕНИЕ

Даргинцы — одна из крупных народностей Дагестана, занимали в XVIII—XIX вв. примерно ту же территорию, которую они заселяют и ныне (за небольшими исключениями, являющимися результатом организованного переселения в советское время). Эта территория расположена примерно в срединной части Дагестана и имеет на карте форму слегка вытянутого неправильного прямоугольника. На юге их земли доходят: на западе — до верховьев Улучая, восточнее — захватывают и долину Дарвагчая. На самом юго-западе они захватывают и верховье Чирагчая, образуя здесь выступ, вклинившийся на земли агулов. Другой такой выступ мы видим в нижнем предгорье, в районе Маджалиса и севернее, где кайтагцы вклиниваются на территорию кумыков и теркемейцев.

На севере крайней западной зоной расселения является долина Казикумухского Койсу в его нижнем течении, крайней восточной — земли и отселки с. Губден на плоскости.

В пределах даргинской территории имеется плоскость, предгорье и горная часть. В высокогорной части они занимают сравнительно небольшую территорию.

Даргинцы соседствуют почти со всеми народностями Дагестана. На юго-востоке их соседями являются теркемейцы и кумыки, на юге — табасаранцы, юго-западе — агулы, севернее их на западе — лакцы, и на самом севере — аварцы. На северо-востоке — в предгорье и на востоке, в плоскостной части — тоже кумыки.

Этническая и политическая карта даргинцев в XVIII—XIX вв. была очень пестрой.

Северную часть даргинской территории от предгорья до границы даргинских земель занимали союзы обществ, известные под названием Акушинского союза. В это объединение входили Урахинский союз обществ, Мекегинский, Мугинский, Усишинский, Цудахарский и Акушинский. Союз обществ—это политическое образование, возникшее на базе территориальной, экономической, военной и этнической общности.

Вначале, при своем образовании, эти союзы представляли собой одно общество, общину одного крупного села. Позднее она превратилась в общину одного села, но с отселками, и, наконец, на последнем этапе, отдельные отселки, усиливаясь, образуют собственные общины, которые получают статут материнской общины во внутренних делах, но сохраняют с ней связи и образуют нечто вроде союза, с сохранением главенствующего положения материнской общины. Такими первичными общинами были сельские общества сс. Акуша, Цудахар, Муги, Мекеги, Усиша, Урахи. Источники XVIII в. свидетельствуют, что каждое из этих селений возглавляло небольшой этно-региональный союз, совокупность которых в свою очередь образовывала политическое объединение под главенством Акушинского кадия. Поскольку в это объединение уже входят образования, являющиеся сложными образованиями, союзами (а не отдельными аулами), и поскольку Акушинское региональное объединение уже является союзом, то для точности и смыслового различия союза от союза союзов последний мы будем называть в дальнейшем суперсоюзом.

Несколько особняком от Акушинского суперсоюза, на южных границах акушинских и усишинских земель располагался Сюргинский союз обществ, с центром в с. Урари. Границей между обоими союзами служил хребет «Лес», по гребню.

В XVIII и начале XIX вв. Сюргинский союз представлял сравнительно самостоятельное объединение. Сохранению его независимости во многом способствовало соперничество Кайтага и Акушинского суперсоюза, и сюргинцы служили своеобразным буфером между ними. В целом все-таки следует признать, что сюргинцы больше были связаны с Акушинским кадием, к которому «в делах своих приезжают к нему советоваться»¹. В XIX в. это влияние кадия на сюргинцев увеличивается, что отчасти объясняется значительным ослаблением уцмийства и отодвижением его центра на плоскость. Поэтому включение русскими военными властями сюргинцев в состав Акушинского суперсоюза при организации военно-административного управления (т. е. присоединение к Даргинскому округу) было лишь логическим завершением происходящего процесса воссоединения.

Территориально и этнически близки к суперсоюзу даргинцы шамхальства—Губден и Кадар, земли которых в районе пастбищных угодий соприкасались между собой, хотя сами селения отстоят далеко друг от друга и между ними находится несколько кумыкских селений. Исторически они длительное время были оторваны от остальных даргинцев, находясь в составе крупного феодального объединения — шамхальства, что сказалось в определенной степени на их языке, этническом облике и структуре общественных отношений. Также оторваны были даргинцы сел. Мемуги (Мегеб), основанного выходцами из Муги и входившего в Андалалский союз обществ.

¹ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвеня и Х. О. Хашаева (в дальнейшем—ИГЭД), М., 1958, стр. 346.

Остальные даргинцы составляли часть Кайтагского уцмийства.

Собственно даргинцы, входившие в состав уцмийства, назывались «Уцуми-Дарга» (даргинцы уцмийства). Они образовали несколько небольших союзов обществ, получивших в литературе тюркское название «магал». Это магалы Гапш (главное сел. Уркарах, раньше — Кала-Курейш), Ганк (главное сел. Киша), Муйре (главное сел. Калкни), Хемур-Дарга (главное сел. Хемур, Гамри), Каба-Дарга (главное сел. Меусиша) и Буркун-Дарга (главное сел. Ашты), часть магала В. Теркеме (сс. Гулли, Чумли и Молла-махи). Все эти магалы расположены компактной группой за хребтом «Лес», в бассейнах верховьев рек Чирахчай, Буган, Дживус и Улучай, за исключением даргинской части В. Теркеме, находящейся в нижнем предгорье. Несколько выступают за пределы этой компактной территории магалы Каба-Дарга и Буркун-Дарга.

Это обстоятельство способствовало тому, что по мере ослабления уцмийства и отодвижения его центра на плоскость, общества, находящиеся на краю владений уцмий и состоявшие в разной степени зависимости от него — от прямого вхождения во владения до разных форм покровительства и патроната, отпали от него и были присоединены или попали в сферы влияния других политических объединений.

Так полностью отошел к Акушинскому суперсоюзу Сюргинский союз. Таким же образом, в результате длительной войны, союз Каба-Дарго был присоединен к Урахи и стал его составной частью. Что касается Буркун-Дарга, то эта была наиболее оторванная часть даргинцев, и после ослабления уцмийства союз этот был отторгнут казикамухскими ханами вместе с агульскими землями.

На этом заканчивается перечень обществ Уцуми-Дарга и вообще собственно даргинцев.

Среди общей массы даргинцев особняком стоят кайтаги. Особенность их положения заключается прежде всего в том, что они никогда себя даргинцами не называли. Соседи их также никогда не называли их даргинцами. В источниках мы постоянно находим раздельное упоминание о даргинцах и кайтагах, хотя в некоторых из них, особенно более поздних, констатируется их этническое единство или родство².

Еще одна особенность кайтагцев состоит в том, что их этническое наименование «кайтаг», «хайдак» (хайдакъ) известно еще арабским источникам³ и с тех пор, в отличие от наименований большинства других политических и этнических образований Дагестана, засвидетельствованных арабскими авторами, сохранилось по сей день с удивительным постоянством в своем произношении и написании.

Кайтаг отличается ещё и тем, что он рано сложился в политическую единицу и сохранил ядро объединения до XIX в.

Кайтагцы подразделялись на следующие союзы обществ, или магалы. Маджалис-кадта (сюда входили и собственно даргинцы сс. Дарша, Иричи, Чиадикна) с главным селением Маджалис; Шуркант (гл. селение Джирабаджи); Ирчамул (гл. селение Киркиа); Каттаган (гл. селение Кулиджа); Кара-Кайтаг (гл. селение Баршемай), Ицари (гл. селение Ицари).

² А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Зап. КОРГО, VIII, Тифлис, 1873, стр. 17—19; П. Услар. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892, стр. 101—104; А. М. Дирр. Современные названия кавказских племен, СМОМПК 40. Тифлис, 1909, стр. 16.

³ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. о Кавказе. Армении и Азербайджане, СМОМПК, 29, 31, 32, 38, Тифлис, 1901, 1902, 1903, 1909.

Таким образом, этно-политические подразделения даргинцев предстают в следующем виде: Акушинский суперсоюз обществ (Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Урахинский, Мугинский, Усишинский союзы обществ), Сюргинский союз, даргинцы шамхальства (с. Губден и Кадар); даргинцы, входящие в состав кайтагского уцмийства—Уцуми-Дарга (союзы обществ и магалы Гапш, Ганк; сюда же входит и Кубачи), Муйре, Маджалис-кадта (часть), В. Теркеме (даргинская часть), Хемур Дарга, Буркун-Дарга); даргинцы, входящие в Андалалский союз обществ (с. Мегеб, — Миамуги, — Мемуги).

Кайтагцы же разделяются на магалы, входящие в состав уцмийства: Маджалис-кадта (большая часть), Ицари, Шурконт, Ирчамул, Каттаган, Кара-Кайтаг.

В дореволюционной (и отчасти в советской) литературе было принято называть перечисленные образования племенами, иногда магалами. Определение «Акушинское племя», «цудахарское племя», «даргинские племена» были довольно часты⁴.

В некоторых источниках определение племя заменяется словом народ («народ вольный цудахарцы», «акуша — многочисленный народ» и т. д.)⁵.

Во всех этих случаях авторы берут только этническую, национальную сторону вопроса, подчеркивая или подразумевая, что мы имеем дело только с этнической общностью. Правда, общественная структура этих «племен», некоторые формы управления и организации общественного быта не могли пройти незамеченными от части наблюдателей, что выразилось в применении терминологии, включающей в себя помимо этнической, также общественную и даже социальную характеристику («общество», «республика», «союз племен»)⁶.

Анализ структуры этих образований будет дан нами ниже, в основной части работы, пока же ограничимся их общей характеристикой в этно-социальном отношении.

Наше исследование не ставит перед собой задач чисто этно-лингвистического характера. Поэтому за основу классификации отдельных подразделений даргинцев мы берем не этнический принцип (по племенам, языковым группам, отдельным этническим группам), а общественно-исторический (по союзам обществ). Однако следует определить, по какому принципу образовывались эти союзы, что лежало в основе их первообразования, поскольку в источниках нет установившейся терминологической традиции и преобладает традиция применения классификации с превалированием, а иногда и просто констатированием как единственного — этнической стороны или элемента описываемой общности.

От такой традиции нам следует отказаться. Этнический элемент в структуре любого из даргинских обществ играет, конечно, немаловажную роль. Каждый из союзов обществ в определенной степени является

⁴ Например, Э. Эйхвальд. Описание Каспийского моря и Кавказа. «Сын Отечества», 1850, № 12, стр. 5; А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 16; Н. В. (Воронов). Состав населения Дагестанской области. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875, стр. 6 и др.

⁵ Ср. Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. ИГЭД, стр. 131; I. Reinegg's. Allgemeine historisch—topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Petersburg. 1796. E. th. s. 99; и др.

⁶ Ср. Ф. Н. Ртищев. Сведения о Дагестане. ИГЭД, стр. 248; П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и прилегающих к оному земель, СПб, 1835, ч. III, стр. 240; F. Vodenstädt. Die Völker des Kaukasus. Berlin. 1855, s. 317. С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, М., 1823, стр. 240; и др.

и этнической группой, «племенем», отличающимся от другого союза своим языком, общностью этнического происхождения. Это особенно наглядно видно на примере союзов, находящихся на «периферии» даргинской территории — у сюргинцев, буркунцев и др. Но с другой стороны, каждая рассматриваемая нами общность имеет общественный принцип расселения. Центром общности является крупный аул, территориально-родственного принципа расселения. Другие селения этой общности находятся с главным селением в отношениях территориального союза. Степень и формы соподчинения и отношений между ними регулируются на основе обычного права, с учетом времени отпочкования дочерних селений, их величины, экономической самостоятельности и пр. Каждое из селений общности выступает как сельская территориальная община, входящая в союз этих общин. Исключение составляет лишь главное селение общности, которое имеет больший вес, благодаря экономическому превосходству, преобладающей численности населения и отчасти своему «первородству».

Далее, в союз, как правило, входят и такие селения, которые с этнической точки зрения не являются родственными главному и основной части селений, и поэтому, если бы союз был чисто этнический, их вхождение в союз было бы необъяснимо. Так, например, совершенно не были однородными в этно-языковом отношении Усишинский союз, Мугинский союз, Урахинский и др. Более того, в некоторых союзах мы видим в качестве членов — общин союза селения других народностей — аварцев и лакцев. При этом исключается возможность какого-то присоединения, подчинения и пр. — иноплеменные селения такие же члены союза, как и остальные даргинские селения.

Следовательно, союзы обществ можно считать этно-политическими образованиями, в основе которых лежит комплекс образующих факторов этнического, территориального, хозяйственно-экономического и политического характера.

Началом союзу служит крупный аул, но его связь с остальными аулами обусловлена не только этнической близостью к нему, но и другими факторами, степень действенности каждого из которых варьируется в зависимости от конкретной исторической обстановки.

Что касается этнических взаимосвязей между отдельными союзами обществ или племенами, как их называют в дореволюционной литературе, их можно сгруппировать в родственные группы союзов. Так, например, близки в этноязыковом отношении селения Акушинского, Усишинского и Мугинского союзов, Мекегинский близок с Губденом, Кадаром и Мюрего, Сюргинский с Ганком, Муира с Верхним Кайтагом и т. д.

В отношении территориального расселения союзов, соответствия границ союзов и этно-языковых групп можно сказать, что такое соответствие, совпадение, хотя и встречается, но далеко не обязательно.

Политически и этнически наиболее однородным был Кайтаг, со времен раннего средневековья определившийся как этно-политическое образование с компактной территорией, этнически однородным даргинским населением и всеми элементами государственного образования. Однако, являясь однородным как собственно Кайтаг, он далеко не был таковым как политическое объединение, как уцмийство, ибо включал в себя не только другие этнические группы даргинцев (Уцуми-Дарга), но и кумыков и теркеменцев.

В образовании политических объединений, отдельных союзов обществ экономические и политические факторы, как правило, выдвигаются на передний план. Это видно на примере Хемур Дарга, этнически

близкого к Урахинскому союзу и Губдену (Мюрего), однако традиционно входившего в состав уцмийства; или Каба-Дарго, который лишь в начале XIX в., после ослабления уцмийства и усиления Урахинского союза и Акушинского суперсоюза был оторван от уцмийства и присоединен к Урахи; Губдена и Кадара, в этноязыковом отношении довольно близких мекегинцам и акушинцам и не очень далеко от них расположенных, но входящих в состав шамхальства по ряду экономических и политических причин (расположение земель на плоскости, в окружении шамхальских земель, традиционные торгово-экономические связи, одинаковый уровень социального развития и переплетенность родственных, экономических и пр. связей привилегированных слоев обществ этих образований и т. д.).

Сходные обстоятельства привели к вхождению в Акушинский и Цудахарский союзы лакских и аварских селений, несмотря на почти непосредственное соседство с ними аварских (Андалал) и лакских (Казикумухское ханство) политических образований.

С точки зрения природно-географического расселения, даргинцы занимали все зоны: плоскость, предгорье, нагорье с высокогорьем. На плоскости селений не было, земли даргинцев на плоскости принадлежали селениям Кайтага, Хемур-Дарга и Губдена, расположенным в предгорье.

В предгорной части были расположены Кадар, Губден, Урахинский союз, Хемур Дарга, Кайтаг (собственно Кайтаг,—общества Маджалискадта, Ицари, Шуркант, Идчамул, Каттаган, Кара-Кайтаг, В. Теркеме), Муйре.

В горной части находилась основная масса даргинского населения—Акушинокий, Усишинский, Мугинский, Мекегинский, Цудахарский, Сюргинский союзы, Буркун-Дарга.

Не все союзы или общества расположены в границах одной естественно-географической зоны. Так, например, часть селений горных союзов Муйре, Мекегинского союза расположены в предгорной зоне, а предгорных Урахинского и Ицари—в горной, часть селений горных Сюргинского и Буркун-Дарга захватывают высокогорье.

Один союз обществ, как правило, занимает небольшую природно-географическую микрону, ограниченную горной цепью, рекой или каким-либо другим естественным рубежом. Так, например, границы Цудахарского союза на юге проходили по хребту, отделяющему его от земель Казикумухского ханства, на севере хребет Кулимеэр и его отроги разграничивали его территорию с Койсубулинцами и Акушинцами, на востоке таким водоразделом от Акушинцев служил небольшой хребет и местами речка Акуша, на западе—тоже хребет. Проще были очерчены границы Акушинского союза—Акушинская котловина с бассейнами рек Акуша и Халагорк в верхнем течении.

В ландшафтно-географическом отношении в наилучших условиях находился Губден, имевший земли от моря до верховьев Халагорк и Герга. Помимо того, что земли было очень много, она включала в себя все виды угодий—превосходные равнинные и предгорные земли под пашню, летние пастбища в горах, зимние—на плоскости, леса в предгорье.

В предгорной полсе расположен и Кадар, но угодий у него было гораздо меньше, и его община по договоренности даже пользовалась пастбищными угодьями Губдена.

Хемур-Дарга занимал нижнепредгорную полосу, с частью примыкающей плоскости и лесистого предгорья. Южнее их предгорье занимают кайтагцы. В этой части также достаточно пашни и зимних пастбищ, есть леса, но меньше летних пастбищ.

Верхний Кайтаг отличается большей теснотой в расселении, обилием сенокосов и лесов, недостатком пашни и пастбищ.

В предгорье располагался Урахинский союз обществ. В отношении обеспеченности угодьями он был примерно в таком же положении, как Верхний Кайтаг, только пашни здесь было несколько больше. Общая черта горной части — земельная теснота. Уцуми-Дарга характеризуется недостатком и пастбищ и пашни, в наихудшем положении были Гапш, Ганк, Буркун-Дарга, в несколько лучшем — Ицари, Муйре.

В суперсоюзе лучше других были обеспечены пашней Мекегинский и Акушинский союзы, в Сюргинском было больше пастбищ, в Цудахарском не хватало и тех и других, у всех них не было зимних пастбищ (подробнее об этом при анализе землевладения).

Довольно сложным является вопрос о этнических наименованиях отдельных союзов, их представителей. Традиционно жители союза назывались по имени главного селения как этническая группа и своего селения — как жители.

Житель Акушинского союза на вопрос о принадлежности его отвечал, что он акушинец, а повторный вопрос выяснял, из какого он селения. То же в отношении представителя любого другого союза. Лишь когда речь шла об определении своей принадлежности с представителями иной этноязыковой группы или среды, употреблялось наименование «дарган», «дарганти». Термин «дарга», «даргуа», «даргва» одно из тех дагестанских этнических наименований, этимология, точное значение и начало употребления которого остаются фактически неизвестными.

Из всех соседей даргинцев постоянно и без исключения применяют по отношению к ним термин «даргинцы» только кумыки («даргиляр»).

Это кумыкское «даргиляр» и послужило основой для русского наименования «даргинцы»⁷. Это наименование употребляли и другие народы, (например, аварцы), но только в сочетании с названием суперсоюза — (Акьюш-Даргва), т. е. в данном случае речь идет скорее о политическом наименовании, нежели этническом. Во всех остальных случаях даргинцы именуется по их внутриэтническим или политическим подразделениям — акьюширичу (лакс.), акьюшашуй (агул.), цадяхI (аварск.) и т. п.

Наиболее часто по отношению к ним применяется термин «акушинцы», поскольку Акушинский суперсоюз был наиболее крупным и известным политическим образованием даргинцев. Из других этнических подразделений наиболее известные — это кайтаги, кубачинцы, цудахарцы, сюргинцы, губденцы. Нередко название «акушинцы» распространяется в источниках на большую часть даргинцев, исключая только Кайтаг и Кубачи. Так, например, генерал Левашев, перечисляя «лезгинские народы», от которых он принял присягу на российское подданство, указывает: «Акуша, Мига, Цудахари, Мияяга, Ошуша, известных под общим именем Акушинцов»⁸. Рейнегс также ограничивается определением «Акуша—многочисленный народ»⁹, Д. Тихонов, русский офицер, перечислив даргинские общества, добавляет «и они все вообще называются акушинцами»¹⁰.

⁷ Так считают, например, Л. П. Загурский («кумыки, живущие по соседству с этим союзом, называли население его «даргиляр», откуда и произошло русское название «даргинцы», которое распространено впоследствии и на горские общества, сродные по языку с Акуша даргуа») — Этнологическая классификация кавказских народов, КК на 1888 г.; Е. Козубский—Дагестанский сборник, I, Т-Х-Шура, 1902, стр. 43; и другие авторы.

⁸ П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, СПб, 1869, стр. 128.

⁹ I. Reineggs. Allgemeine..., S. 99.

¹⁰ Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. ИГЭД, стр. 131.

А Э. Эйхвальд при перечислении «диких и жестоких» племен Дагестана называет — «Авары, Казикумыки, Акуши, Каракайтаки» и т. д.¹¹.

В некоторых источниках наряду с наименованием «Акуша» употребляется и название «Дарга»: например, у Ф. Ртищева — «общества Акушинское, Зюдахаралинское и весь называемый даргинский народ»¹². Но это бывает довольно редко. Термин «дарга» (даргва, даргуа) употребляется в источниках лишь в сочетании с конкретным наименованием этнического подразделения, как приставка к основному наименованию, чаще всего к акушинскому (Акуша-Дарго). Характерно, что по отношению к отдельным небольшим союзам обществ термин «Дарго» почти не употреблялся.

Еще реже употребляется он по отношению к этническим подразделениям и союзам обществ, не входящим в Акушинский суперсоюз. Собственно, можно даже сказать, что по отношению к последним он вообще не применялся. Однако, термин «Дарга» находил применение, если речь шла об определении какой-либо совокупности союзов, в которой этноязыковый элемент отходит на задний план, уступая место политическому, общественному. Так, совокупность союзов и обществ даргинцев, входивших в Кайтагское уцмийство, называли Уцуми-Дарга, т. е. уцмийское Дарга, уцмийские даргинцы, в то время как ни одно из даргинских обществ уцмийства в отдельности термином Дарга не определялся.

Такая неопределенность термина Дарга отмечена и в различных источниках и литературе. Так, один из первых исследователей, занимавшихся вопросами этнической истории и численности народонаселения, А. Комаров отмечал, что «своего общего названия Даргинские племена не имеют, каждое называется особо, преимущественно по названию «главного селения»¹³, в отношении же термина «Дарга» он отмечает, что «настоящее значение слова Дарга или Даргуа неизвестно, но оно придается к названию многих обществ»¹⁴.

Л. Загурский в этом вопросе более категоричен, он считает, что слово «даргуа» означает союз, образованный из вольных обществ для защиты от соседей»¹⁵. С ним перекликается языковед А. Дирр, полагающий, что слово «даргва имеет географическое или политико-административное значение»¹⁶.

Первую попытку этимологизации термина, выяснения его корня сделал П. Услар: «Даргва» — общее название для нескольких бывших округов, быть может, происходит от «дарг» — внутренность, в противоположность внешнему»¹⁷. К этой точке зрения присоединился и Е. Козубский, который дополняет и уточняет П. Услара, добавляя, что речь идет о внешнем, иноязычном потому, что «жители нынешнего Даргинского округа составляли несколько политических союзов»¹⁸.

Имеется еще одно толкование, принадлежащее К. Ф. Гану, занимавшемуся объяснением, этимологизацией кавказских географических названий. Он считал, что «Дарга» произошло от татарского «даруга» — пристав, надсмотрщик, и, следовательно, оно означает место, подлежащее надзору, осмотру, или место пребывания пристава¹⁹. Правда, он не

¹¹ Э. Эйхвальд. Описание Каспийского моря и Кавказа, стр. 5.

¹² Ф. Н. Ртищев. Сведение о Дагестане. ИГЭД, стр. 248.

¹³ А. Комаров. Народонаселение..., стр. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Л. П. Загурский. Этнологическая..., стр. 8.

¹⁶ А. Дирр. Современные названия..., стр. 16.

¹⁷ П. Услар. Хюркилинский язык, стр. 326.

¹⁸ Е. Козубский. Дагестанский сборник, 1, стр. 43.

¹⁹ К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК. 40, Тифлис. 1909, стр. 46.

приводит никаких объяснений или комментариев по этому поводу и его версия остается только догадкой, пока что не нашедшей ни доказательств, ни подкрепления в других источниках.

Видимо, более плодотворной является этимологизация П. Услара, хотя и она не имеет серьезного научного обоснования, базирующегося на более или менее убедительной аргументации. П. Услар считает, что слово «дарган» возникло из противопоставления внутреннего («дарг» — внутренний, нутро, внутренность) — внешнему. Такое противопоставление не исключено, и в этнонимической практике народов Дагестана и Кавказа встречается. Известно, например, что у аварцев и даргинцев по отношению к кумыкам принят термин «равнинник», житель равнины; более того, у аварцев, занимающих нагорную часть, сложился еще один термин «долинник» (хьиндалал), которым они обозначают аварцев, проживающих в горных долинах. У кумыков весьма широкое распространение получил термин «горец» (тавлу), в отношении жителей нагорного Дагестана, преимущественно аварцев и даргинцев. Подобное явление отмечено и у адыгских племен, у которых «кабардинцы называют адыгейцев кьяхами, т. е. нижними, низовыми жителями»²⁰. Ниже мы остановимся на социальной стороне этого явления, пока что отметим совпадение в терминологии — верхние — горные, равнинные — низовые.

В некоторых других источниках термин «дарга» получает, помимо указанного, дополнительный оттенок. Так, например, автор описания Северного Дагестана, относящегося к концу XVIII в., пишет, что акушинцы, цудахарцы и др. «народы, по причине их жительства в непроходимых почти горах и чрезвычайных стремнинах, к которым только с трудностью можно проехать верховой ездой, но с повозками нет никакой возможности и потому называют их вообще горами Дарго»²¹. Этот момент связи термина «дарга» с фактом проживания в труднодоступных местах отмечен и знатоком кавказской истории П. Г. Бутковым. Рассказывая о присяге дагестанских владетелей в 1735 году русскому правительству, о даргинцах он пишет следующее: принял присягу «от кадия лезгинских народов... известных под общим именем Аккушинцов, а по крепости их мест, Дарга. Они же и тавлинцы»²². В другом месте он вновь подчеркивает связь между терминами «тавлинцы» и «дарга»: «Тавлинцы или Дарга уже издавна производили грабежи между Святого Креста и Дербента»²³. Таким образом, констатируется связь между термином «дарга» и труднодоступностью мест обитания даргинцев, а также между ним и термином «горец» (тавлу).

Из сказанного следует, что все источники, в той или иной степени затрагивавшие вопрос об этнониме «дарган», как бы открешивались от попытки придавать ему лингвистическое или этнонимическое содержание: П. Услар производит его от слова «дарг» (внутренность) и полагает, что «даргуа не заключало в себе лингвистического понятия»²⁴, Л. Загурский считает, что «даргуа» означает союз, образованный из вольных обществ²⁵, А. Дирр думает, что «даргва имеет географическое или политически-административное значение»²⁶, Е. И. Козубский присоединяется

²⁰ Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, стр. 91.

²¹ Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. ИГЭД, стр. 131.

²² П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 1, стр. 128.

²³ П. Бутков. Указ. соч., стр. 121.

²⁴ П. Услар. Хюркилинский язык. стр. 103.

²⁵ Л. Загурский. Этнологическая..., стр. 8.

²⁶ А. Дирр. Современные названия..., стр. 15.

к мнению П. Услара и Л. Загурского, считая, что даргва происходит от слова «дарг» и означает «союз»²⁷.

В характеристиках этнонима у Д. Тихонова, П. Буткова и других военных добавляется момент недоступности территории расселения даргинцев, а К. Ган более категорически придает ему политико-административное значение.

Для того, чтобы по отношению к определенной общественной или этнической группе сложился термин «внутренний», «горный», «живущий в недоступных местах» житель, необходимо, по-видимому, чтобы первоначально и равнину и эту самую внутреннюю горную часть занимала этническая общность с одним языком. В исторической литературе уже утвердилось мнение о том, что нынешняя плоскость Дагестана, занимаемая кумыками, была до переселения и нашествий тюркских племен заселена местными племенами, которые частью были вытеснены в горы, частью ассимилированы, в результате чего и сложилась новая народность — кумыки²⁸. В этом случае часть народности, живущая на равнине, могла назвать другую, обитающую в горах — «горцами», так же как последние могли именовать жителей плоскости «равнинниками». Так у даргинцев появились термины «дарган» и «диркьан», схожие даже по конструкции и звучанию, а у аварцев — «маарулал» (горец) и «тляраал» (равнинник).

В процессе ассимиляции местного населения вновь образующаяся этническая общность восприняла принцип этнонимической классификации местного населения, в результате чего «дарган» и «маарулал» превратились в кумыкское «тавлу». Со своей стороны горцы (аварцы и даргинцы) сохранили свой принцип этнонимизации и по отношению к вновь образующейся народности, продолжая называть обитателей плоскости «равнинниками». Интересный факт: лакцы называют кумыков «равнинниками» (арнисса), воспринимая традицию своих соседей, но для кумыков они не просто «тавлу» (горцы), а «казикумухи». Думается, в этом надо видеть тот факт, что лакское население наравне с кумыками было одним из этносов, образовавшим шамхальство, жило только в горной части, и, следовательно, не было оттеснено с плоскости, и поэтому в его отношении не могли сложиться термины «равнинник» и «горец».

Видимо, здесь следует учитывать и социальный момент; в период господства пришельцев и вытеснения местного населения в горы и его ассимиляции горцы были побежденным, подчиненным элементом, не только потерпевшим поражение, но и вытесненным со своей территории и ощущавшим власть более сильных пришельцев. Поэтому термин «тавлу» у кумыков приобрел униженное значение, и он мог, следовательно, применяться только к тем, с которыми пришельцы столкнулись и частью истребили, частью вытеснили в горы, частью подчинили себе на месте и ассимилировали. Реминесценцией этого явления, только в обратном направлении, явилось то время, когда горцы, освободившиеся от власти феодальных владетелей и образовавшие союзы обществ, стали вкладывать в этноним «равнинник» социальный смысл — подчиненный, подчиняющийся феодалам (ханам).

Эта особенность местной этнонимической традиции, выразившаяся в известной «географичности» ее, отразилась и в местных хрониках. В хронике XIV века Мухаммеда Рафи одна из трех земель Дагестана

²⁷ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, I, стр. 43.

²⁸ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 44—45; Х. О. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX в., М., 1961, стр. 167; К. Ф. Ган. Опыт объяснения..., стр. 69.

носит название «Сахль»²⁹ (плоскость, равнина). В другом средневековом источнике упоминается племя Тау-Лезги (горные лезгины), причем прямо указывается, что столица их «называется Акуша»³⁰. Тав'ом (т. е. горами, горной страной) называется область даргинцев и у А. Бакиханова — «главное место Тава ныне есть деревня Акуша»³¹.

В пользу географического происхождения этнонима «дарган» говорит и то обстоятельство, что термин этот известен только кумыкам, расположенным на плоскости, у остальных же народов (в частности у аварцев), он получил распространение гораздо позже, через кумыков и русских. Это могло быть только потому, что термин, означающий «горный», «внутренний» не мог применяться народами, которые расположены в еще более внутренних, гористых и недоступных местах.

Как ни странно, но в пользу географической этимологизации свидетельствует и позднее появление термина «дарган». Термин, употребляемый для разграничения географической разницы в заселенных территориях, не мог получить распространения среди других соседних народов, через предстателей которых обычно познаются этнические наименования. Лишь когда географический по происхождению термин утвердился в качестве постоянного наименования, он превратился в этноним и стал известен за пределами территории его носителей. И в связи с этим мы подходим к политической стороне термина «дарган». Когда шамхальство после падения Золотой Орды стало переживать период упадка, оно распалось на несколько самостоятельных политических объединений, в числе которых было Тарковское шамхальство, Казикумухское ханство и т. п., а также Акушинский суперсоюз. Естественно, что политическое образование, представляющее собой конгломерат разных племен и народностей и удерживаемое силой оружия и отчасти традицией (в первую очередь политической и религиозной), при ослаблении этих сил распадается, причем в процессе распада при возникновении новых образований на первый план выдвигаются этнический и зональный (географо-экономический) факторы. Так из шамхальства выделился и Акушинский суперсоюз, включавший почти всех даргинцев шамхальства. Тому, что центром его стал Акуша, в большой степени способствовал авторитет Акушинского кадия. Факты свидетельствуют, что акушинский кадий не был ни акушинским, ни даже даргинским, он был всешамхальским. Об этом свидетельствует обязательность «коронования» акушинским кадием нового шамхала еще в XIX веке, который лишь после этого «уже признан будет от всех народов шамхалом»³². То, что всешамхальский религиозный центр находился в Акуша объясняется более поздней исламизацией северных даргинцев. Предшественник Акуша Шандан наравне с Сариром являлся оплотом неверных, а его жителей мусульманский источник XI века называет «наиболее ярыми врагами мусульман»³³. И в последующем, во время походов Тимура, который, как известно, объявил себя воителем ислама, одна из главных его экспедиций была направлена против неверного Ушкуджана, к которым на помощь пришли аварцы и лакцы, которые, по утверждению летописца, являлись мусульманами³⁴.

²⁹ Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, V, Тифлис, 1871, стр. 9.

³⁰ Тарихи Дербент-наме. Под ред. А. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898, стр. 33.

³¹ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 44.

³² Д. Тихонов. Указ. ссч., ИГЭД, стр. 131. См. также: А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 17.

³³ В. Минорский. История Ширвана и Дербента, Баку, 1963, стр. 48.

³⁴ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 123—124, 185.

В свете этого явилась бы понятной и организация здесь чего-то вроде патриаршего престола, долженствующего укрепить позиции ислама.

Образование самостоятельного политического объединения со своим центром и главой должно было поставить на повестку дня и проблему его именования. Пока даргинцы были в составе шамхальства, этот вопрос не стоял остро, но, обретя независимость и государственность, его жители и руководители должны были почувствовать необходимость номинативного обособления. В этих условиях должен был возникнуть термин Акуша-Дарга (Дарго), причем, как нам представляется, наименование это шло как бы сверху вниз — вначале «Дарго» стали именовать суперсоюз, затем название перенесли на отдельные союзы и лишь потом даргинцами стали именовать жителей этих союзов. В пользу такого предположения свидетельствует и история появления и бытования термина «Дарга».

В местных источниках наиболее раннее упоминание о «дарга» мы встречаем в рукописи Ал-Газали «Мин хаж ал абиндин», переписанной в Акуша, в 1497 г. неким Идрисом сыном Ахмада³⁵.

При переписке он записал на полях рукописи арабским письмом довольно много даргинских слов и выражений, среди которых имеется выражение «киди даргали завра», которое, учитывая трудность приспособления арабской графики для даргинских звуков, может быть прочтено как «киди даргализивра», (в верхнем Дарга нахожусь) или как «киди даргала сайра» (верхнего Дарга я). При любом из этих вариантов мы имеем выражение «Верхнее Дарго», что точно отвечает местоположению Акуша. Однако выражение «Дарго» не имеет здесь политического или этнонимического содержания. Перед нами опять-таки пример географического размежевания и употребления термина. С другой стороны, наличие определения «верхний» должно означать, что термин «Дарга» из прилагательного, означающего «внутренний», «верхний», уже стал превращаться в этнонимический термин, носящий номинативные функции, т. е. жители Дарга начинают ощущать себя уже не частью народа, занимающей равнинную и внутреннюю, горную часть, а народом, отличающимся и от насельников плоскости и от других горцев, — не «внутренними», а — «даргинцами».

В русских же источниках этот термин появляется лишь в XVIII в.³⁶ Распад шамхальства происходит в XVII в., к этому же времени относятся и отделение северных даргинцев³⁷ и оформление Акушинского суперсоюза. До этого даргинцы известны под названием акушинцы (не считая Кайтаг и Кубачи). С выделением суперсоюза происходит некоторая трансформация термина «дарга». Из слова, обозначающего географическое размежевание вначале между двумя половинами одного народа, а затем между кумыками и даргинцами, он трансформируется в политический или географо-административно-политический термин, обозначающий политическое объединение, сложившееся на базе географической, этнической

³⁵ Рукописный фонд Института ИЯЛ (РФ ИИЯЛ), Рукопись А 1732. Сообщение А. Исаева.

³⁶ У Д. Тихонова. (Описание Северного Дагестана, ИГЭД, стр. 131) этот термин еще не получил политического или этнонимического значения — автор говорит об акушинцах, цудахарцах и др., которые по его словам из-за недоступности мест их проживания называются «Дарго». Правда, имеется упоминание о Дарга при описании событий, относящихся к более раннему времени (к 1733 году), у П. Буткова — (Материалы для истории Кавказа, 1, стр. 121), но тут скорее всего произошло некоторое смещение — автор был в Дагестане в 1796 г. и свое знание и толкование терминологии этого времени перенес на описание более ранних событий. Впрочем, принципиального значения эта разница в несколько десятков лет не имеет, тем более, что могут быть обнаружены и еще источники этого времени с упоминанием о «Дарга».

³⁷ История Дагестана, 1, М., 1967, стр. 247—249.

и отчасти политической и экономической общности, т. е. Акушинский суперсоюз. Сюргинский союз, в большей части своей расположенный за хребтом «Лес» и находившийся в значительной зависимости от уцмийства, в суперсоюз не вошел³⁸. Позже других вошел в суперсоюз и Цудахарский союз, сохранивший первое время некоторую связь с Казикумухским ханством в форме взаимнообусловленного военно-политического союза³⁹.

Еще в XIX в., перечисляя даргинские общества, А. Комаров после поименования Цудахарского и Сюргинского союзов добавляет: «К названиям этих двух обществ слово «Дарга» никогда не прибавляется, хотя Сирга в 1852 г. присоединилась к Даргинскому союзу»⁴⁰. П. Услар видел одно из доказательств нелингвистического характера термина «Дарга» в том, «что Сирха никогда не причислялась ни к одному из Дарга»⁴¹, хотя очевидно, что оно не в меньшей мере является даргинским, нежели любой из других союзов.

Небесполезно вспомнить и такое обстоятельство. Еще в XX веке в обиходе этноним «дарган» применялся именно по отношению к жителям бывшего суперсоюза, причем по отношению к представителям пяти первоначальных союзов (без Цудахарского и Сюргинского) предпочтительнее и в первую очередь, чем по отношению к другим. Известны случаи, когда губденец, сюргинец или цудахарец называли жителя суперсоюза «даргинцем» как бы со стороны, считая, что сами они даргинцами не являются⁴². Немаловажным является и тот факт, что в источниках (и тем чаще, чем он дальше от нас), наряду с Акушинским союзом при упоминании суперсоюза упоминается и Цудахарский (Гюльденштедт, Эллис, С. Бронеvский, Клапрот и др.).

Делалось это, видимо, не только потому, что он занимал «второе место в союзе после Акуши» и «успел составить себе более самостоятельное положение»⁴³, а еще и потому, что он поздно вошел в союз, и поэтому в представлении современников еще не успел полностью слиться с остальными союзами суперсоюза.

В пользу распространения термина «Дарга» сверху вниз, от названия союза союзов—к союзу—и от него к отдельным жителям союза, свидетельствует и такой факт—ни один из союзов (или магалов) уцмийства

---

³⁸ В период образования в Акуша-Дарго вошли те союзы, которые в тот период входили в сферу подчинения или влияния шамхальства. Между тем нам известно, что даргинские союзы обществ временами входили и в сферу влияния уцмийства (Ср. например, у Гюльденштедта, который говорит о Акуша (суперсоюзе, вместе с Сюргинским союзом, судя по очерченным им границам), что он «принадлежит частью уцмию, частью шамхалу—1. *Güldenstädt. Reisen durch Russland, SPv., 1787, 492*) и нередко даже получали название кайтаков (например, у А. Никитина—*Хождение за три моря, М., 1956, стр. 28*, где он говорит, что под Тарки «кайтаки пришел людей поймали, а товар их разграбили», под каковыми несомненно следует подразумевать собственно даргинцев суперсоюза). Следует полагать, что сюргинцы, географически и экономически наиболее близкие и тесно связанные с уцмийством, были под большим влиянием уцмий и поэтому не смогли или не захотели войти в суперсоюз.

³⁹ Ср. у Гюльденштедта, который приводит Цудахар отдельно от остальных союзов, включенных им в Акуша, и утверждает далее, что «по некоторым признакам Цудахар подчиняется казикумухскому хану» (*Reisen..., S. 493*). Это добавление его приобретает тем большую значимость, что немного раньше (s. 492) он говорит, что Акуша принадлежит частью уцмию, частью шамхалу, но ни словом не упоминает о казикумухском хане. Отдельно от Акуша (суперсоюза) Цудахар приводится и в других источниках (Эллис, Клапрот, Ф. Ртищев, Д. Тихонов, С. Бронеvский и др.).

⁴⁰ А. Комаров. Народонаселение..., стр. 16.

⁴¹ П. Услар. Хюркилинский язык, стр. 103.

⁴² Полевой материал. Инф. К. Муртузалев (с. Цудахар), И. Карабудагов (с. Губден).

⁴³ А. Нисченков. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871, стр. 29.

ва не определялся термином «Дарга». Между тем, в целом все даргинское население уцмийства (исключая, разумеется, кайтаков) называлось Уцуми-Дарга (уцмийское Дарга, уцмийские даргинцы). Надо думать, что и здесь происходила эволюция термина — от географического размежевания к политическому и этнонимическому, причем последнее, надо полагать, произошло в период феодального раздробления, усиления местных центров и ослабления власти уцмиев, с постепенным перемещением центра уцмийства на плоскость. Определение «Уцуми-Дарга» могло возникнуть одновременно с термином «Акуша-Дарго», что должно было подчеркнуть политическое размежевание между южными и северными даргинцами. То, что в уцмийстве не возникло такого крупного объединения как Акуша-Дарго можно объяснить отсутствием крупного союза обществ и такой крупной фигуры как Акушинский кадий, который мог бы выступить инициатором объединения. Немалую роль сыграло и то, что уцмийские даргинцы привыкли рассматривать себя как основное население уцмийства, были, так сказать, «однонациональны» с правящей властью. Не случайно, когда уцмий ушли совсем на плоскость и оторвались от кайтаго-даргинской среды, в горных обществах стали сильны децентралистские тенденции, что выразилось, в частности, в отделении от уцмийства Каба-Дарго, Буркун-Дарго, Сюргинского союза, ослаблении влияния уцмий в горных союзах обществ вообще.

Так подучилось, что процесс политической и этнической консолидации южных даргинцев задержался, отстал от такого процесса у северных даргинцев.

После присоединения Дагестана к России это различие в темпах развития этнических и политических процессов у разных групп даргинцев не уменьшилось.

С одной стороны, включение в состав России, государства с высокой культурой и быстро прогрессирующей капиталистической экономикой, с его сильно централизованной властью не могло не ускорить этих процессов, благодаря устранению смут, междоусобиц, налаживанию мирной жизни, усилению общения и экономических и культурных связей как между собой, так и с другими народами, общему развитию производительных сил, относительному росту народонаселения и т. д.

С другой стороны, колониальная политика, сознательное препятствование развитию национальной культуры, насаждение русской администрации, отсутствие всякого учета местной специфики, раздробление по разным округам и т. д. служили известным тормозом в этно-политическом и культурном развитии.

Даргинское население было сосредоточено, в основном, в двух округах — Даргинском и Кайтаго-Табасаранском. В первый вошел бывший суперсоюз Акуша-Дарго, во второй — кайтаги и Уцуми-Дарго. Помимо них, в Темирханшуринском округе были селения Губден и Кадар, в Казикумухском — Буркун-Дарго, в Гунибском — Миамуги (Мегеб).

Даргинский округ подразделялся на наибства (впоследствии участки): Акушинское, Цудахарское, Кутишинское, Мекегинское, Урахинское, Сюргинское. Впоследствии Кутишинский и Урахинский участки были упразднены.

В Кайтаго-Табасаранском даргинскими были участки: Кара-Кайтагский, Уркарахский, Нижне-Кайтагский. Тут тоже были сделаны некоторые перемещения и упразднен (в 1899 г.) Кара-Кайтагский участок, с передачей его селений в Уркарахский.

Буркун-Дарго входило в Ашти-Кункинское наибство Казикумухского округа, в 1899 г. также передано в Уркарахский участок.

Селение Губден входило в Карабудахкентское наибство, Кадар —

Дженгутаевское Темирханшуринского округа. И, наконец, селение Миамуги было в Андалалском участке Гунибского округа (подробнее об этом ниже — в разделе «Численность»).

Таким образом, присоединение к России в масштабе всего даргинского населения не ускорило процессы этнической консолидации. В какой-то степени оно даже законсервировало имевшуюся до присоединения раздробленность, разделив даргинское население на пять разных округов. В большинстве из них даргинцы были оторваны от основной массы своей народности и, следовательно, помимо того, что не участвовали в едином процессе этнического развития, подвергались еще иноэтническому влиянию, в ряде случаев довольно сильному (Губден, Кадар, Миамуги).

Наиболее крупными группами даргинцев были кайтаги и даргинцы суперсоюза, расселенные компактно и имевшие длительные традиции всех видов общения, ранее других оформившиеся политически и поэтому еще более сплотившиеся и поднявшие на более высокую ступень этнического развития. Еще до присоединения к России они были двумя центрами, которые претендовали на главенство среди даргинцев. На ранних этапах истории, в средневековье, инициатива и сила были на стороне уцмийства. В то время даргинцы суперсоюза, видимо, временами подпадали в разные формы зависимости от уцмиев. Не случайно А. Никитин называет напавших на них под Тарки горцев кайтаками⁴⁴, а И. Барбаро (XV в.) называет их — «народ, занимающий все пространство между Мингрелией и Черным морем»⁴⁵, что по меньшей мере свидетельствует о включении остальных даргинцев в состав кайтагов. Прямые указания на то, что даргинцы суперсоюза входили в состав уцмийства, или подчинялись ему, имеются у Гюльденштедта, Эллиса, И. Гербера, А. Неверовского и др.⁴⁶

С ослаблением уцмийства и выделением суперсоюза из шамхальства, последний берет на себя роль политического лидера даргинцев, что выражается, в частности, в отобрании у уцмийства Каба-Дарго и включении в сферу своего влияния сюргинцев. С этого времени (с XVII в.) можно говорить о процессе этнической консолидации внутри Акуша-Дарго. Однако процесс этот не получил завершения ввиду слабости экономических связей внутри суперсоюза, политической неустойчивости, конфедеративности его, отсутствия ярко выраженной преобладающей этнической группы, которая могла бы стать объединяющим центром. Большую роль сыграло отсутствие общего, доступного всем языка (подобного аварскому болмацу) и доступной для широких слоев письменности на общем родном языке. Показателем незавершенности этнического развития даргинцев является и отсутствие фольклорных произведений на одном языке (даже поэтических), и то, что поэты слагали свои творения только на своем диалекте, будь это урахинский О. Батырай, цудахарский Сукур Курбан или кубачинский Мунги Ахмед.

В этом отношении собственно Кайтаг прошел большую степень этнической консолидации. Для этого достаточно привести такой пример: любовью кайтагец, будь он из Маджалис-кадта, Ирчамула, Каттагана и пр.,

⁴⁴ А. Никитин. Хождение за три моря, стр. 28.

⁴⁵ Путешествие в Тану И. Барбаро, венецианского дворянина. Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое, т. 1, СПб, 1836, стр. 45.

⁴⁶ I. Güldenstädt. Reisen., s. 492; Ellis G. Memoir of a map of the countrees comprprehend between the Black sea and the Caspian, London, 1788, p. 40; И. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. ИГЭД, стр. 83; А. Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб, 1848, стр. 14.

в ответ на вопрос об этнической принадлежности скажет, что он кайтагец; в суперсоюзе же еще в XX в. на такой вопрос называли принадлежность к своему союзу — акушинец, цудахарец, урахинец и т. д., т. е. консолидация наблюдается только в пределах одного союза.

Однако северные даргинцы, суперсоюз, преуспели в другом. С ослаблением уцмийства и постепенным усилением Акуша-Дарго, возрастает его влияние (политическое, этническое, культурное) на сюргинцев и весь Уцуми-Дарго. В частности, даргинцы уцмийства в XIX в. стали причислять и называть себя даргинцами, отделяя себя, таким образом, от Кайтага, уцмийства.

Дело было, видимо, не только в ослаблении уцмийства, но и в том, что уцмии, уйдя на плоскость, подвергшись кумыкскому влиянию, переняв от них некоторые обычаи, научившись их языку, оказавшись экономически и политически владельцами и сюзеренами земель кумыкских и теркеменских, стали в определенной степени чуждыми горному Кайтагу и особенно Уцуми-Дарга. Разумеется, в основе этих явлений лежали процессы более глубинного характера — экономическое и феодальное раздробление некогда обширного разноплеменного государственного образования, но во внешнем оформлении этих процессов несомненную роль сыграл и этнический фактор, ставший отчасти и основополагающим, причинным.

В целом все-таки надо признать, что с присоединением к России процесс этнической консолидации у северных даргинцев значительно усилился. Как ни странно, но этому способствовало даже то, что русская администрация твердо усвоила и приняла для практического применения термин «даргинцы» в полном объеме. Русские ученые и вслед за ними администрация довольно скоро установили, что даргва суперсоюза «далеко не составляют всей территории даргинских наречий; они распространены и за пределами даргва»⁴⁷. Признание этого факта и его претворение в жизнь, даже в незначительной степени, означало, что даргинцы в силу жизненной необходимости часто будут сталкиваться с фактом осознания вседаргинского этно-национального единства. И тем не менее, процесс консолидации как таковой происходил только в рамках Даргинского округа (северные даргинцы) и Кайтаго-Табасаранского (кайтаги). Даргинцы Уцуми-Дарга, Буркун-Дарга, Губден, Кадар, Миамуги оказались оторванными от этих процессов.

Наиболее интенсивным был процесс этнической консолидации в Даргинском округе. В нем была сосредоточена основная масса даргинцев (примерно 60 процентов), он был первым как по населению, так и политической активности, своему весу и влиянию. Кроме того, если все другие правители, обладавшие раньше административной властью, были устранены царскими властями, акушинский кадий остался как лицо духовное. А это означало, даже при отсутствии у него всякой политической власти, что в Даргинском округе имелся своеобразный глава даргинцев, их духовный повелитель. Естественно, что и это способствовало превращению суперсоюза в политический и национальный центр даргинцев.

Тем не менее, до победы революции и построения социализма процесс этнической консолидации даргинцев не завершился. Незавершенным остался не только процесс консолидации в целом, но даже процесс внутри отдельных этнических регионов, таких как Акуша-Дарга, Уцуми-Дарга и др. Предпосылки экономического, политического, культурного характера для такого объединения возникли лишь в советское время.

⁴⁷ А. М. Дпрр. Современные названия..., стр. 16.

2. ЧИСЛЕННОСТЬ.

Изучение вопроса о численности даргинцев в исследуемое время сильно затрудняется отсутствием местных источников, в которых можно было бы найти сведения о численности населения, хотя бы отдельных населенных пунктов, не говоря уже о данных, характеризующих численность отдельных племен и союзов обществ даргинцев. Между тем, данные о населении даже отдельных аулов могли бы стать подспорьем для сравнительных подсчетов, вычислений, сопоставления с данными более поздних источников, для воссоздания приблизительной картины численности народа, отдельной его группы, союза обществ и т. п.

По этой причине изучение вопроса о численности даргинцев в XVIII—XIX вв. всецело зависит от тех немногих сведений, которые содержатся в описаниях русских и западных путешественников по Кавказу, ученых и чиновников; в военных донесениях и отчетах русских военных деятелей.

Поскольку для военных наблюдателей и разведчиков вопрос о величине войска, которое могло выставить то или иное племя, народ, политическое объединение, имел живострепещущее значение, они неизбежно должны были прямо или косвенно заинтересоваться и численностью населения вообще того или иного этноса, или политического образования. Причем, если даже прямых данных о количестве населения они не приводят, изучение данных о выставляемом войске позволяет составить приблизительную картину численности населения.

Такая зависимость от источников военного происхождения имеет свои отрицательные стороны, так как в период затишья активной наступательной политики русского государства на Кавказе наблюдается резкое сокращение источников, что делает практически невозможным не только проследивание эволюции в составе населения, но и получение данных (прямых или косвенных) о количестве населения в тот или иной исторический период. Тем не менее, имеющиеся русские источники дают известное представление как о численности даргинцев в отдельные исторические периоды, так и о движении, изменении в численности и отчасти составе населения.

Правда, данные источников очень неточны, противоречивы, порой даже фантастичны, но известная критическая разработка путем сравнительного метода позволяет, в определенной степени, приблизить их к реальному положению вещей. Особенно плодотворна такая работа, когда имеется несколько данных различного происхождения, из которых хотя бы одни являются в определенной мере бесспорными, или близкими к действительности. Хорошо сказано об этом у известного военного историка Г. Дельбрюка: «Хотя во всемирной истории цифры очень часто бывают весьма ненадежны, зато они обладают тем преимуществом, что поддаются взаимной проверке. Фантастические цифры, часто проникающие в историю контрабандным путем, тотчас же теряют свою силу и исчезают, как только удастся обнаружить хотя бы одну единственную действительно надежную цифру, которая дает возможность сравнения»⁴⁸.

Первые письменные сведения о численности дагестанцев мы встречаем в русских источниках второй половины XVI века, периода, когда

---

⁴⁸ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937, т. II, стр. 241.

завязываются активные сношения России с Кавказом, усиливаются их взаимные политические, обменные и культурные связи. Наиболее часто встречающаяся форма источников этого времени—дипломатическая переписка, донесения послов и военных наблюдателей, прошения, жалобы отдельных феодалов и правителей друг на друга и пр. Хотя мы не ставим своей целью исследование земельных отношений в XVI в., для сравнительного анализа и выяснения достоверности данных отдельных источников полезно будет ознакомиться с численностью населения того времени.

Довольно правдоподобную картину численности некоторых этнических групп и значительного числа отдельных населенных пунктов Дагестана приводит по донесению Ф. Лобанова-Ростовского некто Аллаги, местный житель, участник похода князя Хворостинина в 1593—1594 гг. против Шамхала. Он приводит данные о том, «сколько, где и в которых местах кумыцких конных людей собирается»⁴⁹. По его словам, «в Когдени шевкалов племянник, у него 200 человек конных..., кабак Аркуша, а в нем шевкалов уздень Бурунчи, у него 30 человек конных..., кабак Апшима, а в нем шевкалов уздень Казый—у него 20 человек конных.... кабак Калдар, а в нем Мирза, у него 50 человек конных..., кабак Калакура, а в нем Усмый князь, у него с 500 человек конных, с 700 человек пеших»⁵⁰.

Для сравнения приведем некоторые цифры источника по другим народам: сс. Эндери—200 человек конных, Кафыр-Кумух—150, Тарки—50, Казанищи—200, Карабудахкент—100, Бойнак—20, Охли—50, Дургели—100, Дженгутай—100, Гели—50, Ерпели («с братиею»)—400, Кази-Кумух («Алибек князь с братиею»)—500, Цахур—200, Утемиш—300, Табасаран—500⁵¹. Правда, источник, как мы видим, говорит только о «конных людях», но отсутствие других данных вынуждает нас попытаться путем сравнительных подсчетов, вывести из этих данных приблизительные цифры численности населения.

По данным посемейных списков и источникам конца XIX—начала XX вв., в горах в среднем на 3—4 двора приходилась одна лошадь, в предгорье и на плоскости на 2—3 двора⁵². Однако, используя эти данные для сравнительных подсчетов, надо сделать поправку, исходя из особенностей этих обеих исторических эпох. В XVI—XVII вв., в период феодальных междоусобиц, когда всадник имел ряд неоспоримых преимуществ в силу специфики военных действий и особенностей вооружения, социальной окрашенности тактических действий (набеги, карательные экспедиции и т. п.), состав военных ополчений и феодальных войск был более «всадническим», и, следовательно, разведение лошадей было развито сильнее. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно полагать, что в предгорье в XVI—XVII вв. приходилась в среднем одна лошадь на каждые 2 двора, а в нагорье—на каждые 3 двора. Помимо этого следует учитывать то обстоятельство, что, как бы ни было развито конное, кавалерийское войско, какое бы внимание ему не уделялось, само количество лошадей еще не определяет его величины. Во-первых, хотя в Дагестане лошадь как рабочий скот использовалась в незначительной степени, но все-таки совершенно не учитывать возможности

⁴⁹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. М., 1889, стр. 292.

⁵⁰ Там же, стр. 293.

⁵¹ Там же, стр. 293.

⁵² Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 78—81; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, 1, стр. 32, 84.

использования лошадей в хозяйстве в качестве рабочего и транспортного скота нельзя. Во-вторых, кавалерист должен иметь не только коня, к нему нужна соответствующая экипировка и оружие, которые далеко не всегда были под силу рядовому узденю⁵³. Исходя из опыта вербовки рекрутов в феодальное войско, норм выставления категорий воинов сельскими обществами⁵⁴, можно полагать, что конный воин выставлялся от 4—10 дворов (примерно, каждая вторая лошадь), в зависимости от обстановки, экономического благосостояния общества, развитости коневодства, характера военных действий и пр. Следовательно, нормой выставления одного конника для плоскости и предгорья можно взять 4 двора, а для горной части 7 дворов в среднем⁵⁵.

При таком положении, согласно источнику, в Губдене было 800 дворов (возможно, несколько меньше), в Акуша—210, Гапшима—140, Кадаре—350.

Несколько сложнее обстоит дело с войском уцмийства. Во-первых, в уцмийстве кайтаго-даргинцы составляли приблизительно 50—55 процентов населения. Остальную часть составляли кумыки, теркеменцы, таты, евреи и др.⁵⁶ Даже принимая во внимание то обстоятельство, что теркеменцы, таты и пр. почти не выставляли воинов, а кумыки составляли только чуть больше одной пятой населения уцмийства, из числа кайтаго-даргинцев нужно исключить около трети войска, так как богатые предгорно-плоскостные селения кумыков, к тому же более зависимые от уцмий, должны были выставлять сравнительно больший процент конников. Следовательно, на даргинскую часть уцмийства остается примерно 60—70 процентов войска, т. е. примерно 300 конников и около 500 пеших воинов.

Во-вторых, поскольку центр уцмийства находится в Кала-Корейше, речь идет о том периоде, когда в уцмийство номинально или фактически входили и так называемые общества Уцуми-Дарга, т. е. общества горных даргинцев и частично кайтагцев, граничащие в сургинцами и Акушинским союзом (Муйре, Гапш, Ганк, Ицари), составляющие около тридцати процентов населения уцмийства. Следовательно, население уцмийства

---

⁵³ Ср. об этом у С. М. Броневского, который, говоря об уцмийстве, отмечает, что уцмий «не может с каждого двора требовать одного воина, но должен соображаться с раскладкой самими обществами между собою, располагаемого по числу деревень, дворов, достатка жителей и пр.». С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия..., стр. 314.

⁵⁴ С. Г. Дельбрюк. История военного искусства..., т. II, стр. 317, 323; Н. Ф. Колесницкий. Феодальное государство, М., 1967, стр. 58—60; П. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. Изд. МГУ, 1952, стр. 83.

⁵⁵ Преобладание конного войска в предгорье и на плоскости косвенно подтверждается и данными цитируемого источника. В предгорных и плоскостных селениях, которые по всем известным нам данным не могли быть во много раз крупнее таких селений как Акуша и Кадар, количество конного войска намного больше того, которое выставляют названные селения (например, Эндери—200 всадников, Кафыр-Кумух—150, Казанище—200, Карабудахкент—100, Ерпели—400—С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 293), из чего следует, что здесь больше было развито коневодство, в среднем был выше уровень благосостояния, а также, что местное войско по характеру было более феодальным по своему содержанию и назначению. В этом плане, по-видимому, следует принять во внимание и разную степень феодальной зависимости горных и плоскостных сельских обществ от феодального владельца—шамхала. На плоскости, где его власть была почти неограниченной, норма выставления конника должна была быть большей, в то время как в горной части, где зависимость проявлялась в гораздо меньшей степени, эта норма могла быть ниже, независимо от экономических возможностей населения отдельных сельских обществ.

⁵⁶ Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. «Свод населения по городам и округам».

нельзя считать однородным ни в экономическом, ни в социально-политическом отношении. Нижнепредгорные и предгорные общества Кара-Кайтага или Маджалис-Кадта нельзя сравнивать с обществами Ганк или Ицари ни по их жизненному уровню, ни по степени их зависимости от уцмий. В-третьих, после вычета кумыкских, теркеменских селений и нижнепредгорных кайтагских, остальные кайтагские общества, расположенные в лесистом верхнем предгорье, приближаются по своим условиям, и в первую очередь по экономическому положению, к горным обществам. Следовательно, из оставшихся 300 конников и 500 пеших воинов примерно 150 конников и 200 пеших падают на равнинную часть, 200 конников и 300 пеших на горную часть (для пеших воинов, исходя из норм для конных, можно принять: 1-го на два двора на плоскости и 1-го на 3 двора—в горах)⁵⁷. Исходя из этих цифр, мы получаем при подсчете 3300 дворов даргинцев уцмийства.

По статистическим данным конца XIX—начала XX вв., которые выведены на основании более или менее правильно организованного учета (посемейные списки, камеральные описания, данные Главного штаба Кавказской армии и т. п.), в среднем на один двор у даргинцев приходится от 3,7 до 4,4 человека (по отдельным обществам и округам)⁵⁸. Приняв в качестве среднего арифметического количество душ на один двор за 4, мы сможем подсчитать приблизительное (весьма) число даргинцев в конце XVI в. В Губдене— $800 \times 4 = 3200$, Акуша—840, Гапшима—560, Кадаре—1400, в уцмийстве—13200. Для выведения общего числа даргинцев определим процент населения в указанных обществах относительно общей численности по данным А. Комарова и посемейных списков 1886 г. (как сравнительно наиболее достоверным и точным)⁵⁹, а затем на основании полученного процента определим общее количество населения (в Губдене в 1886 г. было 5,7% общего числа даргинцев, приняв, что и в 1598 г. их было 5,7%, находим, что всего даргинцев было 56100). Соответственно по цифрам с. Акуша получается 52500, с. Кадара—53800, уцмийства—памятуя о том, что даргинцы уцмийства составляют чуть более четверти всех даргинцев—51000. Как видим, цифры довольно близки между собой⁶⁰, и это должно служить косвенным доказа-

⁵⁷ Несколько иные пропорции приводятся у русских офицеров П. Буткова (впоследствии известный историк) и И. Дренякина, составивших в конце XVIII в. описание Южного Дагестана с приведением данных о выставляемом войске (эти данные приводятся для всего Дагестана) — П. Г. Бутков. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. ИГЭД, стр. 209—212; И. Дренякин. Описание Ширвана. ИГЭД, стр. 157—172. И. Дренякин полагает, что войско дагестанских владений (оба имеют в виду преимущественно пешее войско) достигает половины численности дворов (1 воин с каждых двух дворов) и даже принимает это за правило (таблица на стр. 170). Бутков же увеличивает и эту пропорцию: с двух дворов получается больше чем воин (стр. 210). Нереальность таких пропорций доказывается даже простым суммированием всех этих войск: шамхал, акушинцы, уцмий, кадий и майсум табасаранский, ханы мектулинский, аварский и казикумухский выставляют: у Дренякина—65416, у Буткова и того больше—82500 человек воинства (при 464 тыс. населения).

⁵⁸ А. В. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области. СССК, Тифлис, 1869; Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник. 1, (Административное устройство и населенные места Дагестанской области); М. Зайкин. Населенные места Дагестана Т.-Х. Шура, 1917; См. также «Приложения» нашей работы. «Таблица изменения численности даргинцев».

⁵⁹ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 47; Дагестанская область. Свод статистических данных о населении..., «Города и округа» №№ 34, 46, 445, 459. «Свод населению по городам и округам». Кайтагцы. Кубачинцы. Даргинцы; См. также Приложения. «Таблица процентного соотношения даргинцев по округам».

⁶⁰ Лишь по данным с. Гапшима получается резко отличающаяся и неверная фак-

тельством сравнительной правильности наших вычислений. Таким образом, численность даргинцев в самом конце XVI в. находится в пределах 50—60 тысяч человек.

Теперь, когда нам известна приблизительная цифра общей численности даргинцев, мы могли бы на основании таблицы коэффициентов процентного соотношения численности отдельных этносов и союзов по отношению друг к другу определить численность отдельных союзов обществ, владений, некоторых аулов, входящих в политические объединения соседей даргинцев. Однако такие подсчеты вряд ли практически целесообразны.

На основании численности населения отдельных аулов и этносов путем многочисленных расчетов выводить общую численность, а потом из этой общей численности выводить по процентам численность остальных аулов и этносов — слишком громоздкая и искусственная картина, реальность и достоверность которой весьма относительна в силу многоэтажности расчетов и перерасчетов. Тем не менее это не исключает такого положения, когда в интересах сравнения или выяснения каких-либо вопросов, связанных с численностью населения, мы вынуждены будем в отдельных случаях на основании этой общей цифры и подобных ей определять численность той или иной этнической или политической единицы.

При изложении же самого вопроса о движении численности, мы ограничимся приведением только тех цифр, которые приводятся в самом источнике или же легко выводимы путем сравнения с первичной, данной в источнике цифрой с помощью несложного подсчета. В данном случае (источнике) это численность населения сс. Губден—3200 чел., Акуша—840, Кадара—1400 и уцмйства—13200 человек.

Затем в сведениях о численности даргинцев в источниках наступает большой перерыв. Объясняется это временным ослаблением активной кавказской политики России. Лишь в XVIII в., со времени Петра и Екатерины, наблюдается оживление этой политики и соответственно сношений. К середине XVIII в. относятся путешествия по Кавказу ряда ученых (Гюльденштедт, Гмелин, Паллас и др.), описания и заметки чиновников и офицеров русской службы (Ф. Биберштейн, Рейнегс и др.). Данные о численности даргинцев имеются у Гюльденштедта, Эллиса (который заимствовал их у первого) Рейнегса и др.

Сведения Гюльденштедта неправдоподобны и резко расходятся с цифрами, приводимыми в источниках до и после него. По его подсчетам, в Акушинском суперсоюзе (при перечислении он называет Акуша, Микха, Усиша, Урахи, Муги) было всего 1000 семей, в то время как в одном Цудахарском союзе он насчитывает 2000 семей.

Если даже для вычисления общей численности даргинцев отвлечься от прямого смысла данных источника и принять цифру в 3000 семей (1000—Акушинцев и 2000—Цудахарцев) за численность всего Акушинского суперсоюза (без Сюргинского), получается довольно незначительное число—12000 чел., что означает, что всех даргинцев (вместе с кайтагцами) должно было быть около 22000 чел. В данном случае

тически цифра—96600. Следует полагать, что в этом селении было больше всадников и соотношение их к числу дворов приближается к соотношению в предгорных и плоскостных селениях, т. е. 1 всадник на 4 двора. В этом случае и по данным с. Гапшима получается общее число даргинцев в 53300. Это соображение подтверждается и данными посемейных списков. В Акушинском наибстве на 4756 домов было 1095 лошадей, т. е. одна лошадь на 4,34 двора, в то время как в с. Гапшима этого же наибства на 191 дым приходилось 130 лошадей, т. е. одна лошадь на 1,46 двора. («Даргинский округ Дагестанской области», стр. 6—7,44).

остаётся предположить, что Гюльденштедт в перечислении указал все общества суперсоюза, а численность привел лишь Цудахарского и Акушинского. Это вполне возможно, так как, во-первых, перечисление у него идет по диалектам, и в этом случае он должен был перечислить все даргинские общества (или диалектные группы—«ветви», как он их называет); при указании же численности, понятие Акуша лингвистическое (все даргинцы) и политическое (Акушинский суперсоюз) разъединилось, т. к. политическое наименование взято скорее всего в его узком значении (союза, а не суперсоюза). Во-вторых, он мог не знать данных по другим союзам и поэтому привел только численность обоих союзов, которые были более известны в Дагестане. Если исходить из этого предположения, то можно вывести более правдоподобную цифру численности даргинцев в конце XVIII в. По позднейшим, более точным подсчетам (как и в случае с донесением Ф. Лобанова-Ростовского мы возьмем «Свод статистических данных», составленный по семейным спискам 1886 г.), Акушинский и Цудахарский союзы обществ составляли 23% от общего числа даргинцев⁶¹. Перенеся это соотношение на конец XVIII в., получим, что всех даргинцев, по данным Гюльденштедта, было около 13050 дворов (или семей), что составляет при средней численности одного двора (семьи) в 4 человека—52200. При сравнении с предыдущим источником эта цифра представляется не очень достоверной, так как получается, что за 170 лет (1598—1768) в численности населения не произошло никаких изменений.

Следует полагать, что в этой нереальности или несоответствии отразилось то обстоятельство, что с самого начала XVIII в., и особенно в период нашествия шаха Надира, население Дагестана (и в том числе даргинцы) претерпело огромный урон (павшие в битвах, угнанные в неволю, погибшие от невзгод, лишений, голода, особенно дети и женщины)⁶².

«Кровью потекли реки, алой кровью окрасились горы, черные ущелья стелились трупами. Славные города и аулы превратились в развалины, в которых вили себе гнезда вороны. Цветущий край опустошен»⁶³,—так характеризует состояние Дагестана в период нашествий Надира лакский эпос.

В свете этих фактов становится ясным, что некоторый естественный прирост населения, имевший место в XVII в., должен был быть сведен на нет войнами и нашествиями XVIII в.

Правильность этого предположения подтверждается и тем обстоятельством, что данные Гюльденштедта при сопоставлении с последующими источниками, в частности со сведениями А. Комарова (в 1865—1867 гг.—89159 чел.)⁶⁴, выглядят более достоверными. Следовательно, данные Гюльденштедта можно считать близкими к действительным в отношении общей численности даргинцев. Что касается численности отдельных этнических групп, то тут сведения более сомнительны: 8000 населения у цудахарцев и 4000—у акушинцев. У Эллиса⁶⁵, как мы уже говорили, данные полностью совпадают со сведениями Гюльденштедта, поэтому мы на них останавливаться не будем.

Следующий источник, на который следует обратить внимание, это—«Описание» Рейнегса (1796 г.). Оно лишний раз иллюстрирует противо-

⁶¹ Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края: См. также. Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев по союзам обществ».

⁶² История Дагестана. т. 1, стр. 363—364, 370.

⁶³ Там же, стр. 363.

⁶⁴ А. Комаров. Списки населенных мест, стр. 10—26, 58, 74, 84—94.

⁶⁵ G. Ellis. Memoir of a tar..., pp. 40—42.

речивость и даже взаимоисключаемость источников о численности населения — у Рейнегса, например, цифры явно завышенные. Об этом свидетельствуют цифры численности с. Губден, приводимые им—3000 семей. В Акушинском суперсоюзе он указывает 18000 семей⁶⁶, что составит в среднем 72 тыс. человек. В 1886 г. в Акушинском суперсоюзе (вместе с Сюргинским) был 17391 дым, и они составляли 61,7% всех даргинцев⁶⁷. Исходя из этого мы получим, что по Рейнегсу всех даргинцев было около 29000 дымов (116000 населения). Поэтому сведения Рейнегса следует принимать с оговоркой на значительное преувеличение (примерно чуть менее чем в 2 раза).

Еще более преувеличенные данные приводятся И. Дренякиным, русским офицером, участником военных действий на Кавказе. По его данным, акушинцев (этим термином в XVIII—XIX вв. часто обозначали жителей Акушинского суперсоюза, а иногда и всех даргинцев, исключая кайтагцев) было 30 тыс. семей, в уцмийстве Кайтагском—25 тыс.⁶⁸.

Это означает, что в Акушинском суперсоюзе при средней численности семьи в 4 человека (правда, сам он полагает, что средняя численность семьи должна быть 3 человека) было 120 тыс. населения. В уцмийстве, как мы уже подсчитывали, было 50—55 процентов кайтагдаргинцев, т. е. приблизительно 13750 дворов из 25 тыс.), что составит 55 тыс. человек. Итого—175 тыс. Правда, нами не учтены еще даргинцы шамхальства, Буркун-Дарга и Мегеб.

Что касается Буркун-Дарга, то они скорее всего включены источником в уцмийство, ибо их присоединение к Казикумухскому ханству произошло чуть позднее, в период ослабления уцмийства. До этого же традиция относит их к уцмийству, так же как и Уцуми-Дарга в целом. Не исключено, что в более ранний период в той или иной форме в состав уцмийства входил и Сюргинский союз (естественной границей сфер влияния и воздействия шамхала и уцмий был хребет «Лес», разделявший земли сюргинцев с одной стороны, акушинцев — с другой).

Относительно даргинцев шамхальства можно предполагать, что они включены в число акушинцев. Источники XVIII—XIX вв. часто указывают акушинцев совместно с населением шамхальства, иногда выделяют их в составе шамхальства, а позднее уже указывают их отдельно, но как зависимых от шамхала, т. е. всегда связывают их с шамхальством. А поскольку Губден и Кадар являются ветвями Акушинского племени, что в частности отмечается и в ряде самих источников⁶⁹, наблюдателю незачем их выделять, раз в источнике указаны Акушинцы, находящиеся в какой-то связи с шамхальством.

Точно такие же, как у И. Дренякина, сведения мы находим у другого русского офицера — П. Г. Буткова, на которого нам уже приходилось ссылаться—30 тыс. семей Акушинцев и 25 тыс. в уцмийстве⁷⁰.

У известного путешественника И. Потоцкого, на которого мы уже ссылались, численность (дворов) указана только по Кубачи. Согласно его данным, в Кубачи было 500 дворов. Применяя для расчетов нашу

⁶⁶ I. Reineggs. Allgemeine..., ss. 100—101.

⁶⁷ Дагестанская область. Свод статистических данных. См. также. Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев по союзам обществ».

⁶⁸ И. Дренякин. Описание Ширвана. ИГЭД, стр. 170 (Таблица).

⁶⁹ I. Reineggs. Allgemeine historische—topographische..., s. 101. И. Потоцкий. Путешествие в Астрахань и на Кавказ. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 57, л. 15; и др.

⁷⁰ П. Г. Бутков. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. ИГЭД, стр. 210.

таблицу, мы получим, что даргинцев в конце XVIII в. было примерно 110 тыс. человек ⁷¹.

С конца XVIII в. количество источников, в которых можно найти сведения о численности дагестанцев, существенно увеличивается. Главная причина этого — активизация кавказской политики России, увеличение военных экспедиций и мероприятий, разведывательных операций, дипломатических миссий и т. п. В какой-то степени эти сведения объединены в большой работе С. Броневского ⁷². Однако и его данные следует считать преувеличенными: в уцмийстве и он указывает 25000 дворов, а Акушинцев вместе с Дженгутайцами насчитывает 35000 дворов ⁷³. Если взять среднюю цифру численности дворов Мехтулинского (Дженгутайского) владения по Дренякину и Клапроту (у Дренякина— 3750 ⁷⁴, у Клапрота—6500 ⁷⁵), то дженгутайцев получится 5125 дворов, и таким образом акушинцев и по этому источнику оказывается около 30000 дворов, а всего даргинцев, следовательно, тоже около 175 тыс.

Сравнительно большего доверия заслуживают данные Клапрота, который приводит сведения по Акуша, Цудахару, Кубачи и уцмийству. Если отвлечься от некоторых неточностей, то цифры численности дворов даргинцев по Клапроту представляются более близкими к истине— 21200 дворов (Акуша—18200, Цудахар—2000, Кубачи—1000). Менее реальна цифра, которую он приводит в отношении численности населения уцмийства—25000 дворов ⁷⁶. Вообще эта цифра, характеризующая численность дворов уцмийства, встречается слишком часто, что свидетельствует о заимствованиях в источниках. Исключив из них, как мы делали это выше, кумыкские, теркеменские и пр. недаргинские селения, мы получим уже известные нам цифры, характеризующие население уцмийства—13750 дворов, 55 тыс. человек, а всех даргинцев—34950 дворов, что составляет из расчета 4 человека на двор—139800 человек. Не исключена возможность, что цифры численности цудахарцев и кубачинцев, хотя они и приведены отдельно, входят соответственно в цифры акушинцев и уцмийства. В этом случае общая цифра станет более достоверной — около 32 тыс. дворов и 128 тыс. населения. Правда, во многих источниках конца XVIII—начала XIX вв. средняя численность жителей одного двора указывается или просто принимается в 3 человека ⁷⁷, но это никак нельзя считать правильным. Семья в Дагестане на протяжении всего средневековья вплоть до XIX в. имела тенденцию не к увеличению, а уменьшению.

Правда, по статистическим данным, в которых нередко условны или число дворов, или численность населения, которые определяются приблизительно, часто по изустным сообщениям информаторов, или по соотношению других показателей, или сведений и от которых, следовательно, нельзя ожидать большой или даже приблизительной точности — это трудно доказать или проиллюстрировать. Для сравнения укажем, что у А. Комарова, например, средняя численность даргинцев на 1000 дворов принята условно, по полной аналогии с Темир-Хан-Шуриным окру-

⁷¹ И. Потоцкий. Указ. раб., лл. 11—12; Приложения. «Таблица коэффициентов».

⁷² С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, М., 1823, 2 ч. ч.

⁷³ С. Броневский. Указ. раб., ч. 1, стр. 58—59.

⁷⁴ И. Дренякин. Описание Ширвана, ИГЭД, стр. 170.

⁷⁵ Klaproth. *Tableau Historique géographique, ethnographique et politique du Caucase*. Рукоп. перевод РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 76, лл. 19—20.

⁷⁶ Указ. раб., лл. 19—20.

⁷⁷ Ср. П. Г. Бутков. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях, ИГЭД, стр. 210; И. Дренякин. Описание Ширвана, ИГЭД, стр. 170.

гом⁷⁸ (средняя численность населения на 1000 дворов Темир-Хан-Шурина округа принята и для Даргинского округа, о численности населения которого у автора сведений не было). Полевые этнографические материалы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что развитие семьи и семейных отношений характеризовалось неуклонным процессом дробления и уменьшения семьи⁷⁹.

К данным Клапрота близки сведения о численности дагестанцев, приводимые офицерами М. Ковалевским и И. Бларамбергом (1831). Их сведения приводятся с чисто военными целями, с указанием числа дворов, душ и выставляемого войска. Как и в предыдущем источнике, здесь преувеличены сведения по ущмийству (опять та же кочующая цифра — 25000 дворов), численность же акушинцев и кубачинцев более достоверна (20000 и 500 дворов)⁸⁰. Не исключено, что и в данном источнике шамхальские даргинцы включены в число акушинцев, а Буркун-Дарга — в ущмийство. С учетом этого число дворов всех даргинцев по источнику составит около 33750, с населением примерно 135000 человек.

В отношении к данным, приводимым военными, тем более такими, которые служили в Дагестане, непосредственно по службе сталкивались с проблемами учета населения и войска, следует, по нашему мнению, относиться с большей степенью доверия. Сведения военных могут быть подвергнуты сомнению разве лишь в том единственном случае, когда они определяют численность непосредственного их противника — тут субъективизм почти неизбежен. Во всех остальных случаях точность является для них обязательной, ибо от этого зависят их успехи как непосредственно в исполнении своего главного занятия — войны, военной службы, так и в собственной служебной карьере.

В обобщающей работе другого военного — П. Зубова — эта служебная заостренность отсутствует, поскольку его книга не является плодом усилий чисто военного назначения, поэтому и сведения у него не очень удовлетворительные. Во всем Дагестане он насчитывает всего 210 тыс. населения, а в Акушинском и Дженгутаевском только 45 тыс., в ущмийстве — 65 тыс., в Табасаране — 50 тыс.⁸¹ Правда, следует оговориться, что под Дагестаном в конце XVIII — начале XIX вв. часто подразумевалась только его приморская и предгорная часть, с частью горного Дагестана, заселенного даргинцами — до Казикумухского Койсу. Остальная часть Дагестана называлась Лезгистаном. Иногда это деление приводило к парадоксальным явлениям: например, у С. Броневского Акушинцы отнесены к Дагестану, а Цудахарцы — к лезгинам и Лезгистану⁸². Однако, если даже исключить Цудахарский союз обществ, 45 тыс. населения на всех остальных даргинцев Акушинского суперсоюза и мехтулинцев (дженгутайцев) — очень мало. Если отнять из этой цифры число, отражающее численность мехтулинцев (примерно шестая часть — 8000), то акушинцев оказывается 37000, примерно по 7500 на каждый из пяти союзов. Приплюсуем к ним численность еще двух вольных обществ (приблизительно 6—7 тыс.), приведенных в источнике в числе четырех «зависящих несколько от хана Казикумыцкого»⁸³ — это общества Ахты, Рутул, Сергинское и Дарчинское (в названии последнего возможна опечатка — вероятнее — Даргинское). Общая их численность

⁷⁸ А. Комаров. Населенные места Дагестанской области, стр. 14.

⁷⁹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 252—253.

⁸⁰ М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана. ИГЭД, стр. 309.

⁸¹ П. Зубов. Картина Кавказского края..., ч. III, стр. 240.

⁸² С. Броневский. Новейшие..., ч. II, стр. 308.

⁸³ П. Зубов. Картина..., стр. 198.

оценивается источником в 12000 человек⁸⁴. Идентификация Сергинского не вызывает сомнений — это Сюргинский союз, который в XVIII и начале XIX в. не входил в Акушинский суперсоюз⁸⁵. Другим союзом, надо полагать, был Цудахарский, также не входивший первоначально в Акушинский союз и включавший, по-видимому, часть нецудахарских селений даргинцев, а также аварцев и лакцев. Косвенным подтверждением этого служит и замечание автора, что Даргинское общество «есть важнейшее»⁸⁶. Итого получается около 45 тыс. акушинцев. Что касается данных относительно населения уцмийства, то, как ни странно, здесь они даже более достоверны, чем остальные. 55 процентов от указанных Zubовым 65 тыс. составляют 35750 человек. С учетом численности населения Буркун-Дарга и Мегеба (Губден и Кадар скорее всего включены в число акушинцев) — около 3 тыс. — число всех даргинцев достигает 80 тыс. человек — цифра одна из наиболее достоверных, если брать ее в целом. Однако эта достоверность достигнута за счет преуменьшения численности одной группы населения и увеличения другой.

Для сравнения возьмем данные того же П. Зубова по отдельным аулам. Так, например, в Акуша он насчитывает 1800 душ⁸⁷. Если сравнить это количество с процентным соотношением в 1886 г. (Акуша и число всех даргинцев)⁸⁸, то численность даргинцев определяется примерно в 112000 человек. Если же взять его данные по Кубачи (500 дворов)⁸⁹, то численность всех даргинцев будет примерно 111000 чел. Таким образом, у автора в общих цифрах наблюдается уменьшение данных и разницей, в то время как в цифрах отдельных аулов, наоборот, преувеличение. Возможно, это происходило за счет отнесения к сс. Акуша и Кубачи некоторых их отселков, которые впоследствии, превратившись в крупные населенные пункты, стали учитываться в различных статистических источниках отдельно от них.

Чем ближе к середине века, тем больше возрастают количество и достоверность источников. Это объясняется уменьшением театра военных действий и увеличением «умиротворенной», охваченной колониальным управлением территории, ростом источников информации и улучшением ее качества. В военных отчетах сороковых годов мы уже встречаем данные о численности отдельных союзов даргинских обществ. В частности, в сводке военного деятеля Окольного даны сведения о населении почти всех даргинских союзов: Акуши—22 селения, 2435 дворов (при средней численности двора в 4 человека—9740 чел.), Урахи—10 сел., 2764 дворов, соответственно 11056 чел., Меге—200 дворов (800 чел.), Мекеги—3 сел., 580 дворов (2320 чел.), Усиши—5 сел., 985 дворов, 3940 чел., Цудахара—5 сел., 1500 дворов (6000 чел.), Сюрга и Кубачи 3200 дворов, 16300 человек, Губден—1200 дворов⁹⁰. В Акушинском су-

⁸⁴ П. Зубов. Указ. раб., стр. 210.

⁸⁵ Тем не менее в процессе исследования мы часто рассматриваем Сюргинский союз в составе Акушинского суперсоюза. Это вызвано двумя обстоятельствами: 1. После присоединения к России даргинцев, Сюргинский союз был включен в Акушинский суперсоюз и, следовательно, во всех статистических источниках фигурирует в его составе. 2. И до присоединения в условиях жизни, исторических судьбах, занятиях и пр. у них было много общего с даргинцами Акушинского суперсоюза.

⁸⁶ П. Зубов. Указ. раб., стр. 198.

⁸⁷ П. Зубов. Указ. раб., стр. 253.

⁸⁸ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Города и округа» № 445. «Свод населению по городам и округам». Кайтагцы. Кубачинцы. Даргинцы. См. также Приложения. «Таблица коэффициентов».

⁸⁹ П. Зубов. Указ. раб., стр. 254.

⁹⁰ Окольный. Перечень последних военных событий в Дагестане. «Военный сборник», 1859, № 1, стр. 148, 155. (Данные по отчетам 1840—1841 гг.).

персоюзе он указывает 40000 человек⁹¹, в Губдене, исходя из 4-х человек на двор,—4800. Таким образом, без Кайтага (с даргинцами удмийства). Кадара, Буркун-Дарга и Мегеба даргинцев получается 61000 чел. В четырех названных обществах население составляет 75% населения Акушинского суперсоюза⁹², следовательно, по источнику численность даргинцев можно принять за 90 тысяч чел. В свете последующих источников, основанных на более точных методах описания и подсчета, эта цифра выглядит наиболее убедительной из всех, перечисленных нами. Любопытно отметить, что и путешественники, которые обычно бывают не очень точны в своих сведениях о численности, стали приводить более достоверные данные. Так, например, И. Березин, несмотря даже на то, что он приводит в своем описании весьма преувеличенные данные о численности населения Кайтага — С. Броневского—25000 дворов, из «Обозрения Российских владений за Кавказом»—10430 домов, из какого-то отчета 1825 года, названия которого он не приводит,—9825 домов; несмотря на этот внушительный ряд, сам он утверждает, что в Кайтаге (причем он подчеркивает: в Верхнем и Нижнем) имеется (он был в 1842 году) 15000 душ⁹³.

По устной и письменной традиции русских и иных источников XVIII—XIX вв. даргинские общества Гапш, Ганк, Муйре, Хемур-Дарга, исторически входившие в состав Кайтагского удмийства, редко выделялись из кайтагцев и поэтому, когда в источнике мы встречаем слово «Кайтаг» (не «удмийство»), оно почти всегда означает — кайтагцы и даргинцы названных обществ. Совершенно несомненным является это смешение в тех случаях, когда источник подчеркивает, что речь идет о Верхнем и Нижнем Кайтаге или Кара-Кайтаге. В XVIII в. в составе удмийства подразумевался и Сургинский союз. Так и в данном случае, под Кайтагом следует понимать кайтагцев и даргинцев удмийства. Поскольку они составляют около трети всех даргинцев (28%), общее число даргинцев должно было быть порядка 50—55 тысяч⁹⁴, цифра, конечно, заниженная.

Правда, в Кайтаг он мог включить и кайтагских кумыков, теркеменцев, евреев и др., и тогда кайтагцы составят не 15 тыс. чел., а вдвое меньше. Однако одно обстоятельство позволяет нам считать, что это не так. Автор говорит о Верхнем и Нижнем Кара-Кайтаге, а приставка «Кара» употреблялась только в отношении даргино-кайтагских селений лесистого предгорья Кайтага.

Более реальную цифру численности даргинцев (в 1843 году) приводит капитан русской службы Вранкен. Правда, у него имеются сведения лишь о количестве дворов даргинцев, число которых он указывает в 20 тыс.⁹⁵, что по принятому нами условному числу жителей на один двор составляет 80000 чел. Скорее всего Кайтаг здесь не учтен. В этом случае общая цифра должна быть значительно больше (110 тыс. населения)⁹⁶.

Следующие несколько источников продолжают тенденцию преувеличения численности даргинцев. Так, в довольно серьезной работе А. Не-

⁹¹ Указ. раб., стр. 155

⁹² Дагестанская область. Свод статистических данных. «Свод населению по городам и округам»; Приложения. «Таблица коэффициентов».

⁹³ И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, ч. II, стр. 48.

⁹⁴ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Свод населению по городам и округам. Кайтаги»; Приложения. «Таблица коэффициентов».

⁹⁵ Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 16.

⁹⁶ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Свод населению по городам и округам»; Приложения. «Таблица изменения численности», «Таблица коэффициентов».

веровского говорится, что во владениях уцмий, Верхнем и Нижнем Кайтаге «народонаселения считалось 20 тыс. дворов»⁹⁷. Характерна эта его оговорка — «считалось». Автор как бы подчеркивает, что он не отвечает за достоверность приводимой им цифры. Правда, если отнести эту цифру целиком к уцмийству, то даргинцев и кайтагцев здесь окажется примерно 10—11 тыс. дворов. Остальных даргинцев (Акушинский суперсоюз, Буркун-Дарга, Губден, Кадар, Мегеб) должно быть примерно в 2 раза больше (Сюргинский союз скорее всего отнесен автором к уцмийству). Таким образом, численность дворов даргинцев доходит до 27 тыс. дворов, или до 108 тыс. населения.

Заслуживают внимания сведения из трудов немецкого ученого Боденштедта, путешествовавшего по Кавказу в начале сороковых годов XIX века. По его данным в «союзе Дарго из шести племен» (т. е. в Акушинском суперсоюзе) было 20—24 тыс. населения, в Сюрхия—8 тыс., Верхнем и Нижнем Кара-Кайтахе—15000, итого, следовательно,—47 тыс.⁹⁸. Даже прибавив за счет неучтенных им Буркун-Дарга, Губдена, Кадара, Мегеба 6—7 тыс.⁹⁹, мы получаем цифру около 54 тыс. Намного занижена в этих данных численность Акушинского суперсоюза и несколько завышена Сюргинского. На самом деле в Акушинском объединении лишь два союза—Усишинский и Мугинский—малочисленнее Сюргинского, остальные же значительно больше. И в среднем численность каждого из 6 союзов объединения равна численности сюргинцев¹⁰⁰ (в источнике же она в два раза меньше). С другой стороны, Акушинский суперсоюз более чем в два раза многочисленнее всех даргинцев уцмийства¹⁰¹. Допустив, что при исчислении численности Акушинского суперсоюза автор ошибся или же пользовался неверными источниками, мы можем принять его численность за 40—50 тыс. человек и соответственно всех даргинцев—80—85 тыс. Правда, у автора имеется примечание, что цифры численности племен подразумевают только мужчин, без женщин и детей, и что вообще, если в русских источниках речь идет о душах, то нужно, якобы, иметь в виду только мужчин¹⁰². Это, конечно, неверно, в таком случае цифра численности населения в Дагестане в 40-е годы поднялась бы до невероятных размеров — только «лезгинских» племен свыше одного миллиона (в источнике до примечания общая цифра указана в 400 тыс.)¹⁰³.

Такие же завышенные цифры численности даргинцев мы встречаем в отчете Дербентского генерал-губернатора за 1850 год. В Даргинском округе по отчету числится 134097¹⁰⁴ человек. Процент даргинцев в округе составляет обычно 90—92% всего населения округа¹⁰⁵, следовательно, в округе должно было быть примерно 120 тыс. даргинцев. Далее, в источнике приводится отдельно Сургинское общество—15859 чел.¹⁰⁶, и кроме того нужно учесть кайтагцев, которые приведены в составе Дербентского уезда. Учитывая, что в уезд входят теркеменцы, азербайджанцы, табасаранцы, кайтагцы и численность собственно кайтагцев в уезде по дру-

97 А. А. Неверовский. Краткий исторический взгляд..., стр. 14.

98 F. Bodenstädt. Die Völker, ss. 316, 317, 318.

99 Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев», «Таблица коэффициентов».

100 Там же

101 Там же.

102 F. Bodenstädt. Die Völker, s. 313.

103 Ibid. s. 332.

104 Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана, стр. 17.

105 Приложения. «Таблица процентного соотношения».

106 Х. О. Хашаев. Указ. раб., стр. 17.

гим источникам ¹⁰⁷, можно принять численность кайтагцев в уезде по источнику примерно за 10000. Таким образом, по отчету число даргинцев в 1850 г. поднимается до 145 тыс., причем следует учесть, что сюда скорее всего не вошли Буркун-Дарга, Губден, Кадар, Мегеб (даргинцы уцмийства — Гапш, Ганк, Муйре и Хемур-Дарга скорее всего учтены в составе кайтагцев и сюргинцев), что тоже должно составить 10—12 тыс. (итого, в таком случае, 150—160 тыс.).

С начала шестидесятых годов сведения о численности дагестанских народов становятся более регулярными и достоверными. Это было связано с окончанием военных действий и общим умиротворением края. Победа после столь длительной и упорной войны заставляла царские власти со всей возможной быстротой и обстоятельностью взяться за наведение порядка в стране, организацию местного управления, создание крепкой колониальной администрации, различных государственных и полугосударственных учреждений и организаций, главная цель которых — управлять; управлять так, чтобы крепко держать только что покоренные народы в узде, организовать колониальную эксплуатацию, фискальную политику с максимальным налоговоподатным прессом. Отсюда и обилие различных организаций вроде обществ сельского хозяйства, статистических комитетов и пр., которые имели задачей освоить природные богатства края, подсчитать его экономические возможности, людские ресурсы и т. д. Другая сторона улучшения информации заключалась в том, что умиротворение позволяло теперь собирателям сведений, представителям колониальной администрации, военным, ученым проникнуть в самые отдаленные уголки гор, непосредственно увидеть и услышать о численности населения аула, общества от местных знающих людей, а не жителей приморской равнины и предгорья.

Разумеется, учет людских ресурсов народов Дагестана всегда ставился предмет особой заботы русских политиков и военных, и он осуществлялся по мере возможности. Но лишь с прекращением военных действий стало возможным организовать повсеместно колониальную администрацию, более или менее правильный систематический учет и контроль, использовать некоторые статистические методы учета, не ограничиваясь изустными свидетельствами информаторов. Все это не могло не сказаться как на периодичности информации о населении, так и ее качестве. С шестидесятых годов стали доступнее и отдельные военные отчеты и донесения, что сделало эффективнее, точнее и достовернее данные обобщающих работ, различных гражданских статистических сборников, отчетов; сделало возможным кооперацию усилий военных и ученых в изучении края во всех отношениях.

Одним из таких энтузиастов, много сделавшим для изучения этнографии северо-восточного Кавказа, и в частности Дагестана, был А. Берже. В одной из своих статей он приводит данные о численности даргинцев. Следует, впрочем, оговориться, что сведения его опираются на материалы, собранные в 1846 и отчасти 1852 гг., и поэтому особой точностью не отличаются.

Для обозначения даргинцев А. Берже применяет термин «Дарго», численность которого он оценивает в 37000 человек ¹⁰⁹. При дальнейшем перечислении племен и союзов он называет Акуша, но добавляет, что это часть общества Дарго и численности его не приводит. Относительно

¹⁰⁷ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Свод населению по городам и округам. Кайтагцы»; Приложения. «Таблица изменения численности».

¹⁰⁸ А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. КК на 1858 г., стр. 270—271.

Сюргинского союза он, констатируя, что оно тоже даргинское, подчеркивает, что это отдельное от Дарго общество, и, следовательно, в указанных 37 тысячах его численность не учтена. В Кара-Кайтаге по его данным 14312 чел.¹⁰⁹

Таким образом, основная масса даргинцев, без Сюргинского союза, даргинцев шамхальства, Буркун-Дарга и Мегеба достигает 51312 чел. Названные четыре общества составляют чуть более 20%¹¹⁰ по отношению к остальным даргинцам, т. е. около 10300 чел., а общая численность составит тогда приблизительно 62 тыс. человек.

Совершенно новое явление в статистике населения шестидесятых годов — это введение в практику составления статистических таблиц. Много старания в этом отношении проявил И. Стебницкий, который регулярно составлял такие таблицы, используя для этого данные Главного штаба Кавказской армии. В таблице, опубликованной им в 1862 г. (по данным на 1860 г.), приведена совершенно невероятная цифра численности населения Даргинского округа—158069 чел. и более достоверная—Кайтаго-Табасаранского—51641¹¹¹. Собственно даргинцы составят в этих округах соответственно 145420 и 23230, а всего 168650. С учетом населения других округов, в которых даргинцы составляют около 13%¹¹² по отношению к населению этих двух округов (т. е. около 20 тыс. человек), эта цифра дойдет до 190 тыс., что, безусловно, невероятно.

Однако, уже в 1864 г. И. Стебницкий публикует новую таблицу, причем со специальной оговоркой о том, что она является уточненной по сравнению с таблицей 1862 г. В самом деле, в этой таблице цифры уже более достоверны. В частности, значительно более реальны цифры численности населения даргинского округа—67209¹¹³. Даргинцы составляют в округе 90—92% населения¹¹⁴, следовательно, их численность составит 60—62 тыс. чел. В Кайтаго-Табасаранском округе указано 41493 чел.¹¹⁵. Даргинцев в округе было всегда в пределах 40—45%¹¹⁶, что составляет примерно 16000 чел. Даргинцы в остальных округах составляют обычно 12—13% по отношению к даргинцам этих обоих округов¹¹⁷, т. е. примерно 9 тыс. чел. Итого, таким образом, по данным И. Стебницкого, даргинцев было в 1862 г. приблизительно 85 тыс. чел.

В 1867 г. И. Стебницкий опубликовал новую таблицу. Численность населения Даргинского округа изменилась совсем незначительно—69625 чел., но население Кайтаго-Табасаранского округа почти удвоилось—80365¹¹⁸. Цифра эта явно завышенная,— во всех предыдущих и последующих источниках численность населения в этом округе указы-

---

¹⁰⁹ Мы уже указывали выше, что под Кара-Кайтагом историческая традиция подразумевала обычно кайтагцев и даргинцев уцмийства.

¹¹⁰ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Свод населению по городам»; Приложения. «Таблица изменения численности». «Таблица коэффициентов».

¹¹¹ И. И. Стебницкий. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения. Записки КОРГО, V, 1862, стр. 142, 143.

¹¹² Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹¹³ И. Стебницкий. Статистическая таблица Дагестанской области. Записки КОРГО, VI, 1864, стр. 231—232.

¹¹⁴ Даргинский округ Дагестанской области, стр. 10—11; Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹¹⁵ И. Стебницкий. Статистическая таблица Дагестанской области, стр. 231, 232.

¹¹⁶ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Свод населению по городам и округам»; Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹¹⁷ Указ. раб.

¹¹⁸ И. Стебницкий. Статистическая таблица Кавказского края. КК на 1867 г., стр. 311.

вается в пределах 40—50 тыс. В итоге мы получаем, что даргинцев по источнику в 1865 г. было 105—110 тыс. чел.

Несколько более точными можно считать сведения, составленные по камеральным описаниям, подымным переписям и податным ведомостям. Так, например, в таблице, составленной в 1868 г. по камеральным описаниям последних лет, указано количество населения уже по отдельным наибствам. В Даргинском округе насчитывается 14532 дыма с населением в 63591 чел. По наибствам они распределяются следующим образом: Кутишинское—1403 дыма и 5955 чел.; Цудахарское — соответственно—2374 и 10372; Акушинское—4165 и 18789; Урахинское—2674 и 11318; Мекегинское—2060 и 8839; Сюргинское—1916 и 8378¹¹⁹.

Если попытаться выделить здесь собственно даргинское население и определить численность отдельных этнических групп и ссyzов обществ, то мы окажемся в большом затруднении. Лишь Сюргинский союз, ввиду географического единства территории сюргинцев и в силу этнической и в какой-то степени национальной обособленности, с самого начала административного деления и на протяжении всего дореволюционного времени составлял одно отдельное наибство — Сюргинское — без всяких вкраплений в собственное наибство, равно как без отщепления каких-либо аулов в другие наибства. Поэтому можно определенно считать, что сюргинцев по данным 1868 года было 1916 дымов и 8378 чел.

Из остальных наиболее внутризтнически однородным является Цудахарское наибство. В него в это время (конец 60-х гг.) входили лакские селения Цуликана и Балхар — около 400 дымов, но с другой стороны цудахарские селения Хаджалмахи и Каркала-Куби (Ташкопур) — около 500 дымов — входили в Кутишинское наибство¹²⁰. Прибавив эту разницу в 100 дымов к Цудахарскому наибству, мы получим цифру количества дымов цудахарцев—2474 и населения — около 10800. С помощью нашей таблицы мы получим примерно ту же цифру: 9103 чел. даргинского населения наибства плюс цудахарцы Кутишинского наибства (около 1900)¹²¹ составит приблизительно 11 тыс. чел.

Если иметь в виду однородность собственно даргинского населения, то Урахинское наибство также является одним из самых однородных, в нем имеется только одно недаргинское селение — небольшой лакский аул Шадни (примерно 20 дымов). Однако даргинцы наибства включают в себя аулы разных этнических групп и ссyzов обществ (Урахинского, Каба-Дарго, Мугинского, Мекегинского и др.) и поэтому выделить численность отдельных этнических единиц здесь невозможно.

Тем не менее бесполезно определить общее количество собственно даргинцев в наибстве. Оно будет составлять приблизительно 99,4%¹²² населения наибства, т. е. около 11250. Разница настолько незначительна, что учитывать ее есть смысл только в тех случаях, когда нам нужны просто цифры численности даргинцев. Во всех других случаях, в частности при рассмотрении вопроса о распределении земельных угодий, Урахинское наибство можно рассматривать как чисто даргинское.

Точно так же обстоит дело в отношении Мекегинского наибства. До присоединения к нему Урахинского наибства (в 1874 г.) оно было однородным как даргинское, но этнически пестрым, — в него входили, в основном, селения Акушинского и Мекегинского ссyzов. После присоеди-

¹¹⁹ Статистические сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении. ССКГ, 1, 1868, стр. 9—10.

¹²⁰ А. Комаров. Списки населенных мест, стр. 13, 16.

¹²¹ Приложения. «Таблица процентного соотношения»; А. Комаров. Указ. раб., стр. 13.

¹²² Приложения. «Таблица процентного соотношения».

ния Урахинского наибства, от Мекегинского были отделены часть селений Акушинцев, само селение Шадни к этому времени выросло по сравнению с окружающими даргинскими аулами, и поэтому процент лакского населения в Мекегинском наибстве приблизительно такой же как в Урахинском (0,7%)¹²³. Как и в случае с Урахинским наибством, практического значения для темы нашего исследования эта незначительная масса населения не имеет. Но поскольку мы ставим перед собой частную задачу прослеживания движения даргинского населения, некоторое значение приобретает и определение чисто количественной характеристики населения округа. Численность его составит приблизительно 8780 чел. (99,3% населения округа)¹²⁴.

Население Акушинского наибства также не было однородным. Не говоря уже о том, что в нем до 1874 г. было пять процентов аварского и лакского населения, само даргинское население также было пестрым: сюда входили селения Акушинского, Усишинского, Мугинского и Мекегинского обществ. Собственно даргинское население составляло около 17900 чел. (95,4% населения округа)¹²⁵. И, наконец, население Кутишинского наибства, в котором до 1874 г. было около половины аварцев (48%), остальное население составляли даргинцы Акушинского и Цудархарского союзов, общей численностью около 3100 чел. (52% населения округа)¹²⁶.

Таким образом, по данным таблицы 1868 г., общая численность даргинцев в округе достигает 60 тыс. человек.

В Кайтаго-Табасаранском округе по таблице указано 9368 дымов с 42080 чел., со следующим распределением по наибствам: Уркарахское—2750 дымов с 12374 чел.; Кара-Кайтагское—соответственно 1133 и 5345; Нижне-Кайтагское—3287 и 14855, Северо-Табасаранское—2138 и 9516¹²⁷. В последнем — Северо-Табасаранском наибстве до реформы 1899 г. даргинцев не было. В Уркарахском наибстве было около трех процентов евреев¹²⁸, следовательно, собственно даргинцев остается примерно 12 тыс. чел. В Кара-Кайтагском все население—даргинское. В Нижне-Кайтагском даргинцы составляют 23 процента населения¹²⁹, что составит приблизительно 3400 чел. Всего в Кайтаго-Табасаранском округе оказывается около 20750 чел. даргинцев.

Что касается внутриэтнических единиц, их численности, то все этнические группы в этом округе основательно перемешаны и составить хотя бы приблизительное представление о численности каждой из них в отдельности не представляется возможным.

Таким образом, в обоих округах—Даргинском и Кайтаго-Табасаранском насчитывается 80750 чел. С учетом даргинцев, проживающих в других округах (Губден, Кадар, Мегеб, Буржун-Дарга), которые составят свыше 10200 чел.¹³⁰, общая цифра численности даргинцев в 1868 г. превысит 90 тыс. чел.

Такие же как в таблице 1868 года цифры (63951 чел. в Даргинском и 42080 в Кайтаго-Табасаранском) приводятся и в другом источнике,

¹²³ Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹²⁴ Статистические сведения о кавказских горцах, стр. 9—10; Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Статистические сведения о кавказских горцах, стр. 9—10.

¹²⁸ Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Приложения. «Таблица коэффициентов». «Таблица процентного соотношения».

несколько более позднем ¹³¹. В таком случае и по этому источнику общая цифра численности даргинцев должна быть порядка 90 тыс. чел.

На основе подымной переписи 1864—1865 гг. и податных ведомостей сельских властей составлена таблица 1871 года. В Даргинском округе по источнику имеется 257 населенных мест, 16949 дымов и 76270 чел. населения ¹³² (с исключением аварцев и лакцев остается приблизительно 70 тыс.); в Кайтаго-Табасаранском соответственно 188 селений, 12377 дыма и 55690 чел. населения ¹³³ (без недаргинского населения — около 23 тыс.). Приплюсовав к ним численность даргинцев других округов, полученную на основе данных нашей таблицы ¹³⁴, получаем в общей сложности 103—105 тыс. человек.

Одним из наиболее авторитетных авторов, который занимался статистикой населения Дагестана, был А. Комаров, сведения которого отличаются обстоятельностью и достоверностью. Его данные используются часто в других источниках, причем нередко без всяких ссылок на первоисточники. Еще одна отличительная особенность данных А. Комарова, это наличие у него довольно полных сведений о этническом составе населения Дагестана, численности отдельных этнических единиц. До него сведения о численности и составе этнических групп можно встретить лишь в качестве редкого исключения, и то только о некоторых отдельных этнических единицах.

В 1869 г. А. Комаров опубликовал список населенных мест Дагестанской области, с указанием численности дворов и жителей (правда, в отдельных случаях количество населения не приводится). В качестве исходных материалов он использовал камеральные описания, податные списки, данные главного штаба Кавказской армии и др. Всего он насчитывает 19630 дымов ¹³⁵ даргинцев. Численность населения, за отсутствием всех данных, он вычислил путем сравнительных подсчетов на основе средней численности населения двора в селениях Темир-Хан-Шуринского округа (2251 мужчина и 2118 женщин на 1000 дымов), «близких. — по его мнению, — по племенным, хозяйственным и другим условиям к селениям Даргинского округа» ¹³⁶.

Следует указать, что у Комарова сведения даны по округам, однако, в примечаниях по ходу изложения он приводит данные и о принадлежности селения к тому или иному союзу обществ. За исключением некоторых неточностей, эти данные отличаются обстоятельностью и достоверностью — в русских источниках с такой исчерпывающей полнотой они даются впервые, и это оказалось причиной того, что все последующие источники и литература использовали и принимали за основу при исчислении населения список Комарова. Поэтому будет небесполезным более подробно остановиться на этом источнике. Правда, по большей части селений даргинцев в источнике даны сведения только о количестве дымов, и поэтому мы вынуждены оперировать условными, приближенными цифрами источника, вычисленными, как уже говорилось, на основе данных населения Темир-Хан-Шуринского округа. При таком допущении (довольно близком к истинному положению, о чем свидетельствуют

¹³¹ Пространство, население и заселенность Кавказского края в 1870 г. СССК, II. Тифлис, 1872, стр. 350.

¹³² Количество населения определено в источнике условно, из расчета 4,5 чел. на один дым.

¹³³ Статистические сведения о кавказских горах, стр. 56

¹³⁴ Приложения. «Таблица процентного соотношения», «Таблица коэффициентов».

¹³⁵ А. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области, стр. 10—26, 58, 74, 84—94; Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев».

¹³⁶ А. Комаров. Указ. раб., стр. 14.

его же данные 1873 года), общая численность даргинцев составит 85365 чел. населения. По округам и наибствам они разделяются следующим образом: Даргинский округ—13380 дымов с 58456 чел. (Акушинское наибство—4185 и 18284, Кутишинское—698 и 3049, Цудахарское—1990 и 8694, Мекегинское—1946 и 8502, Урахинское—2645 и 11556, Сюргинское—1916 и 8389); Кайтаго-Табасаранский округ—3849 дымов и 16890 чел. населения (Нижне-Кайтагское наибство—514 и 2599, Кара-Кайтагское—1243 и 5431, Уркарахское 2092 и 8860); Казикумухский округ (Ашти-Кункинское наибство)—401 и 1996; Темир-Хан-Шуриинский округ—1853 и 7986 (Карабудахкентское наибство—1279 и 5478, Дженгутайское—574 и 2508), Гунибский округ (Андалалское наибство)—147 и 637¹³⁷.

Остановимся также на численности населения по союзам обществ, которую можно вывести по каждому обществу руководствуясь его примечаниями (с исправлением некоторых явных ошибок): Акушинский суперсоюз по административному делению 60-х гг. XIX в. полностью соответствует Даргинскому округу — в нем тоже 58456 чел. даргинцев. По союзам обществ они распределяются так: Акушинский—3045 дымов и 13304 чел. населения, Усишинский соответственно 938 и 4098, Мугинский—989 и 4321, Урахинский 2092 и 9122, Мекегинский—1922 и 8397, Цудахарский 2478 и 10825, Сюргинский—1916 и 8388¹³⁸.

В Кайтаго-Табасаранский округ в это время входили все даргинцы и кайтагцы бывшего уцмийства, поэтому и после упразднения уцмийства все даргинцы, входившие в него, объединялись под общим наименованием Кайтаг, кайтагцы, хотя существовало и специальное определение для даргинцев (некайтагцев) уцмийства — Уцуми-дарга (буквально — уцмийские даргинцы). По отдельным союзам обществ численность даргинцев в Кайтаге выглядит следующим образом: Гапш—381 дым и 1439 чел. населения, Ганк соответственно—1009 и 4328, Хемур-Дарга—446 и 2302, Муйре—391 и 1648, В. Теркеме—68 и 297 и даргинская часть Кайтагского магала Маджалис-Кадта—38 и 137, итого 2233 дыма и 10151 чел. В кайтагских обществах насчитывалось: Маджалис-кадта—162 и 742 (собственно кайтагцев). Ицари—111 и 566, Шуркант—249 и 1088, Ирчамул—417 и 1822, Каттаган—89 и 389, Каракайтаг—488 и 2132, итого—1516 дымов 6739 человек¹³⁹.

В обществе Буркун-Дарга, входившем раньше в Казикумухское ханство, число жителей достигает 1996 чел. (401 дым), а в бывших шамхальских селениях Губден и Кадар—1853 д. и 7986 чел. Остается добавить к этому перечню общество с. Мегеб из Андалалского союза—147 и 637, и в общей сложности по этому перечню всех даргинцев окажется 85965 чел. (19630 дымов)¹⁴⁰.

Подсчеты и выкладки А. Комарова, несмотря на отдельные пробелы в исчислении количества населения, отличаются добросовестностью и значительной достоверностью, и в этом смысле его работы можно считать началом правильной статистики даргинцев (и всех дагестанцев).

С этого времени в источниках мы уже не встречаем явно недостоверных, надуманных цифр, резко выделяющихся от данных других источников и противоречащих здравому смыслу и элементарной логике.

В 1873 г. А. Комаров публикует новую развернутую статью — таблицу, с приложением этнической карты, в которой приводятся данные

¹³⁷ А. Комаров. Указ. раб., стр. 10—26, 58, 74, 84—94.

¹³⁸ А. Комаров. Указ. раб.; Приложения. «Таблица изменения численности».

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

о всех народах и этнических группах Дагестана, с указанием численности каждой из них ¹⁴¹. Ценность статьи, по сравнению, например, с его же вышеупомянутым списком, заключается в том, что здесь дается раскладка численности населения и по административным единицам, и по отдельным этносам.

А. Комаров является первым исследователем, занявшимся непосредственно союзами обществ, их составом, численностью, отчасти происхождением. Первое исчерпывающее перечисление всех обществ даргинцев, их союзы и взаимное отношение мы встречаем именно у него. Вместо неопределенных терминов «акушинцы», «кайтагцы» и др., он вводит в оборот понятие о существовавших прежде союзах обществ. У него мы находим и первое упоминание о Акушинском суперсоюзе и перечисление его состава: Акушинский, Усишинский, Мугинский, Мекегинский, Урахинский союзы обществ ¹⁴². Интересно отметить, что он не включает сюда Сюргинского и Цудахарского союзов, отмечая, что «к названиям этих двух обществ слово «Даргуа» никогда не прибавляется» ¹⁴³. В отношении Сюргинского особых сомнений не возникает, он не входил в Акушинский суперсоюз даже во времена Кавказской войны и был просто присоединен к Даргинскому округу в 1856 году. Что касается Цудахарского союза, он входил в XIX в. в Акушинский суперсоюз, но, судя по всему, в XVIII в. он стоял несколько обособленно. Нам уже приходилось убеждаться при подсчете численности отдельных групп даргинцев, что в русских источниках XVIII в. цудахарцы (наравне с сюргинцами) часто отделяются от акушинцев и указываются отдельно от них, в то время как пять вышеперечисленных союзов (Акуша, Усиша, Муги, Мекеги, Урахи) фигурируют под общим наименованием Акуша ¹⁴⁴. В некоторых источниках это разделение доходит до того, что цудахарцев совсем отделяют от даргинцев и включают в Лезгистан ¹⁴⁵ («лезгинская республика Зудахара»), в то время как акушинцы включены в Дагестан. Показательно в этом отношении замечание С. Броневского: «Акушинцы говорят одним наречием с жителями лезгинского общества Зудахара» ¹⁴⁶.

А. Комаров вводит в этой статье в литературу и понятие Уцуми-Дарга («это общее название всех даргинских обществ, входивших в состав владений уцмия»: Гапш, Ганк, Муйре, Хемур, Маджалис-кадта) ¹⁴⁷. Последнее, как уже говорилось, в большей своей части являлось собственно кайтагским. Здесь перечислены все кайтагские союзы обществ: Уцари, Шурканти, Каттаган, Ирчамул — Верхний Кайтаг; Кара-Кайтаг, В. Теркеме — Нижний Кайтаг. Отдельно указывается им Кубачи, Буркун-Дарга, Мегеб, даргинцы шамхальства ¹⁴⁸.

По округам даргинское население распределяется следующим образом: Даргинский округ — 249 селений и отселков, 13470 дворов и 58921 чел. (Кутишинское наибство — 4 сел., 698 дворов и 3046 чел.; Цудахарское — соответственно — 60, 280 и 9103; Акушинское — 76, 4185 и 18338; Урахинское — 26, 2645 и 11552; Мекегинское наибство — 27, 1946 и 8494;

¹⁴¹ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Записки КОРГО, VIII, Тифлис, 1873.

¹⁴² А. Комаров. Указ. раб., стр. 16.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ I. G ü l d e n s t ä d t. Reisen..., ss. 492, 493; Ellis G. Memoir of a map..., pp. 40—42. С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия, ч. I, стр. 40; П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. III, стр. 198; и др.

¹⁴⁵ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия, ч. I, стр. 40.

¹⁴⁶ С. Броневский. Указ. раб., ч. III, стр. 308.

¹⁴⁷ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 16—17.

¹⁴⁸ Указ. раб., стр. 17, 47.

Сюргинское—56, 1916 и 8388); Кайтаго-Табасаранский округ—87 селений, 4548 дворов и 19983 чел. населения (Уркарахское наибство—32, 2422, и 10714; Кара-Кайтагское—48, 1564 и 6532; Нижне-Кайтагское—7, 562 и 2467); Темир-Хан-Шуринский округ—2 сел., 1853 двора и 7986 чел., Казикумухский округ—8 сел., 427 дворов и 1632 чел.; Гунибский округ—1 сел., 147 дворов и 637 чел., а всего у даргинцев по источнику—347 селений, 20445 дворов и 89159 человек¹⁴⁹.

Некоторые расхождения между данными обеих работ А. Комарова (по данным 1873 г. дворов больше на 815, населения на 3194¹⁵⁰), хотя документальная база у них одна, объясняется, по-видимому, тем, что автор сумел в промежутке между выходом первой и второй статей (1869 г. и 1873 г.) несколько упорядочить и уточнить свои материалы. Это тем более вероятно, поскольку большая часть разницы (699 дворов из 815)¹⁵¹ падает на Кайтаг, цифры численности населения которого в данных 1869 г. по непонятной причине оказались основательно заниженными по сравнению с цифрами остальных этнических групп¹⁵².

Однако в одном отношении таблица 1873 г. уступает списку 1869 г. «По «Списку селений» мы смогли установить численность отдельных этнических групп и союзов обществ путем простого сложения¹⁵³, в то время как в таблице таких данных мы не найдем. Как уже указывалось, границы округа и союза обществ совпадают только в одном случае — в Сюргинском наибстве, во всех остальных выяснение численности союзов при отсутствии данных по отдельным селениям — задача трудная и малополезная. Правда, в таблице в отдельных случаях делаются попытки указать какие общества входили в округ, наибство (например, в отношении Уркарахского и Кара-Кайтагского наибств)¹⁵⁴, но эти выкладки автора особой точностью не отличаются и не могут быть нами приняты. Точные цифры (в смысле их определенности, возможности использования для идентификации) в таблице приводятся лишь в отношении собственно даргинцев (18365 дворов и 80270 чел.), кубачинцев (400 дворов и 1839 чел.), всего 18765 дворов и 82109 чел.— и кайтагцев (1680 дворов и 7050 чел.)¹⁵⁵.

В это же время известный кавказовед П. Услар опубликовал свою большую работу «Хюркилинский язык», в которой приводятся данные и о численности отдельных даргинских союзов обществ. Сведения его, почерпнутые из различных источников (в частности, и в основном у того же А. Комаров), особого самостоятельного значения не имеют, однако в части, касающейся этнической стороны вопроса, классификации и выделения отдельных групп этносов, они достаточно подробны и заслуживают доверия и соответствующего рассмотрения. В источнике приводятся данные по союзам обществ. Акуша—3045 дворов, что, считая по его данным относительно общей численности даргинцев—4,5 человека на двор—даст 13702 чел. даргинцев (без 568 аварских и 209 лакских дворов), Цудахар—2378 дворов, 10701 чел. (без 100 лакских), Усиша—938 (4221 чел.), Муги—989 (4450 чел.), Мекеги—1922 (8649 чел.) (без 191 аварских), Каба-Дарго—2092 (9414 чел.) (без 15 лакских). В поня-

¹⁴⁹ Указ. раб., стр. 31—35, 42—43.

¹⁵⁰ А. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области, стр. 10—26, 58, 74, 84—94; Его же. Народонаселение Дагестанской области, стр. 47.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² А. Комаров. Списки населенных мест, стр. 84—94; Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев».

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 42—43.

¹⁵⁵ Указ. раб., стр. 47.

тие «Уцуми-Дарга» он включает: «Муира—420 дворов (1890 чел.), 2) Гапш—385 (1732 чел.), 3) Ганк—1685 (7582 чел.), 4) Верхний Кайтаг—Шурканти—259 (1165 чел.), Ирчамул—417 (1876 чел.) и Каттаган—89 (400 чел.), 5) Нижний Кайтаг—488 дворов (2196 чел.), 6) Уцари—259 (1165 чел.), 7) Маджалис—128 (576 чел.), 8) Таркамт—95 (427 чел.). Кроме того, он выделяет Хемур-Дарга—416 дворов (1872 чел.), Буркун-Дарга—392 (1764 чел.), Сирха—1916 (8622 чел.), Губден—1279 (5755 чел.), Кадар—574 (2588 чел.), Миамуги (Мегеб)—149 дворов (670 чел.)¹⁵⁶. Итого, он насчитывает «в совокупности 18891 двор¹⁵⁷, на которые народонаселения обоого пола можно получить до 85000 душ»¹⁵⁸. Однако он считает эту цифру не совсем точной и полагает, что с учетом возможных ошибок (неучтенные отселки, хутора и т. п.) можно считать до 20 тыс. дворов, с примерным народонаселением 90 тыс. человек¹⁵⁹.

Характерно, что даже в семидесятые—девяностые годы многие источники оперируют цифрами, характеризующими только количество дворов, а численность населения чаще всего подсчитывают простым умножением на среднее число жителей одного двора. Объясняется это характером используемых материалов (камеральные описания, податные списки и т. п.), в которых главной податной единицей являлся один двор и поэтому нередко исчисление велось только дворам.

Составу населения Дагестанской области посвящена и специальная статья Н. Воронова¹⁶⁰, но все ее данные — по округам и по племенам, и итоговые цифры—347 селений, 20445 дворов и 89159 чел. населения (и даже методика подачи материала) заимствованы у А. Комарова¹⁶¹, на работах которого мы уже подробно останавливались.

В 1880 г. в одной из сводных таблиц численность даргинцев указывается в 88045 человек, из них 60307 чел. в Даргинском округе, 17483—в Кайтаго-Табасаранском, 7986—в Темирхан-Шурином, 1632—Казикумухском и 637—в Гунибском¹⁶². В сводке же, отражающей численность в 1882 г., дана численность только по округам (в Даргинском—70145)¹⁶³. Учитывая, что по наиболее достоверным источникам даргинцы в Даргинском округе составляют обычно 90—92 процента (следовательно, по цитируемому источнику около 63000 чел.), а сами они составляют от 60 до 65 процентов общей численности даргинцев¹⁶⁴, находим, что в 1882 г. всех даргинцев было по данному источнику приблизительно 100 тыс. человек.

Одним из наиболее важных источников по численности даргинцев, их экономическому положению, социальному составу являются посемейные списки 1886 года. Своды статистических данных, извлеченных из этих списков, изданные в Тифлисе в 1887—1893 гг.¹⁶⁵, на которые мы

¹⁵⁶ П. Услар. Хюркилинский язык, стр. 101—103.

¹⁵⁷ На самом деле, если суммировать все его данные по отдельным союзам обществ, получается не 18991 двор, а 20315.

¹⁵⁸ П. Услар. Указ. раб., стр. 104.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Н. В. Воронов. Состав населения Дагестанской области. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875, стр. 15—16.

¹⁶¹ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 47.

¹⁶² Таблица о народонаселении Кавказского края по народностям. ССК, VII, Тифлис, 1880, стр. XXVIII—XXIX.

¹⁶³ Численность народонаселения в Дагестанской области в 1882 г. Известия КОРГО, т. VIII, Тифлис, 1884—1885, стр. 92.

¹⁶⁴ Приложения. «Таблица процентного соотношения численности даргинцев».

¹⁶⁵ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа; Тифлис, 1887; Дагестанская область.

уже не раз ссылались при сравнительных подсчетах, представляют собой наиболее полные справочники о народонаселении Дагестана во всех его аспектах (социальный, религиозный, возрастной, половой состав, имущественный, образовательный и пр. цензы). Правда, данные посемейных списков имеют, по нашему мнению, тенденцию к завышению численности отдельных этносов и округов, но поскольку у нас нет пока что более достоверных данных, мы должны считаться (и обходиться) теми, которыми мы располагаем. Всего даргинцев по названному источнику насчитывается 123587 человек при 28187 дворах (дымах) ¹⁶⁶.

По округам это население распределяется следующим образом: Даргинский округ—17391 дым и 73994 чел. населения (Акушинское наибство—4756 дымов и 20120 чел., Кутишинское—1962 и 8246, Цудахарское—2880 и 12193, Мекегинское—5243 и 22650, Сюргинское—2550 и 10785); Кайтаго-Табасаранский округ—7515 дымов и 34862 чел. (Кара-Кайтагское наибство—2528 и 11818, Уркарахское—3864 и 17600, Нижне-Кайтагское—1123 и 5444); Казикумухский округ (Ашти-Кункинское наибство)—700 и 3643; Темирхан-Шуриинский округ—2435 дымов и 10361 чел. (Карабудахкентское наибство—1699 и 7100, Дженгутайское наибство—736 и 3261), Гунибский округ (Андалалское наибство)—146 и 727 ¹⁶⁷.

Данные по отдельным этническим единицам внутри даргинцев характеризуют численность собственно даргинцев (24670 дымов и 107158 чел.), кайтагцев (3040 и 14356), кубачинцев (507 и 2232) ¹⁶⁸.

Цифры эти не совсем точны, т. к. составители отнесли селения общества Маджалис-Кадта (525 дымов и 2470 чел.) к даргинцам ¹⁶⁹. В действительности, даргинскими являются только три самых маленьких селения общества — Дарша, Иричи и Чиадикна (всего 87 дымов и 381 чел.), остальные — Маджалис, Ахмедкент и Санчи (438 дымов и 2089 чел.) — кайтагские ¹⁷⁰. С исправлением этой неточности, выявленной путем изучения списка селений, цифры отдельных этнических групп примут такой вид: даргинцев—24232 дыма и 104910 чел., кайтагцев—3478 д. и 16445 чел., кубачинцев—507 д. и 2232 чел. ¹⁷¹

С помощью списка селений мы подсчитали и численность даргинцев по отдельным союзам обществ. Это вызывалось как непосредственной необходимостью (возможность использования данных «Свода» при анализе структуры земельных угодий этого времени в различных союзах обществ), так и возникающей часто потребностью сравнительно-сопоставительных подсчетов при анализе других, менее детализированных источников (в частности, не имеющих описки селений, что сильно затрудняет более или менее конкретный анализ данных источника).

Численность союзов обществ составляет: Акушинский союз—3625 дворов и 15280 чел. населения, Усишинский—1203 и 5094, Мугинский—1568 и 6637, Урахинский—3031 и 13059, Мекегинский—2534 и 10946, Цудахарский—2880 и 12193, Сюргинский—2550 и 10785—итого в Аку-

---

Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

¹⁶⁶ Дагестанская область. «Свод статистических данных. «Свод населению по городам и округам»; Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев».

¹⁶⁷ Дагестанская область. Свод статистических данных. Города и округа.

¹⁶⁸ Дагестанская область. Свод статистических данных «Свод населению по городам и округам».

¹⁶⁹ Указ. раб. «Города и округа». Кайтаго-Табасаранский округ, Уркарахское наибство».

¹⁷⁰ Указ. раб. Там же; Полевой материал. Инф. М. Абакаров, 80 лет.

¹⁷¹ Там же.

шинском суперсоюзе вместе с Сюргинским союзом ¹⁷² 17391 дым и 73994 чел. даргинцев ¹⁷³.

В Кайтаге—Гапш—661 дым и 3136 чел., Ганк—1671 и 6772, Муyre—794 и 4086, Маджалис-кадта—525 и 2470, Ицари—213 и 1136, Шурканг—457 и 2225, Ирчамул—750 и 3686, Каттаган—224 и 1073, Кара-Кайтаг—1097 и 4834, Верхн. Терекеме—299 и 1402, Хемур-Дарга—824 и 4042—итого в Кайтаге—7515 дым. и 34862 человека, из них 3478 дым и 16445 чел. собственно кайтагцев. В селениях Буркун-Дарга по источнику насчитывается 700 дым. и 3643 чел.; в селениях входящих в шамхальство—2435 дым. и 10361 чел. (Губден—1701 д. и 7100 чел., Кадар—736 д. и 3261 чел.), и, наконец, в сел. Мегеб, входившем в Андалалский союз обществ—146 дым. и 727 чел.— всего даргинцев 28187 дымов и 123587 человек ¹⁷⁴.

Одним из достоверных источников по самым различным вопросам статистики и учета являются «Обзоры Дагестанской области», являющиеся приложениями к годовым отчетам губернатора области (с 1892 по 1915 год). Данные этих обзоров нередко повторяются из года в год и отличия между ними невелики, поэтому для изучения статистики населения мы остановимся лишь на некоторых из них, относящихся к изучаемому нами хронологическому периоду. В обзоре 1892 г. приводятся данные по округам: Даргинский округ—78970 чел., Кайтаго-Табасаранский—75925, Темир-Хан-Шуринский—75901, Казикумухский—51554, Гунибский—60322 ¹⁷⁵. Сведений о отдельных народах в обзоре не имеется. Можно вычислить численность даргинцев, применив нашу таблицу процентного соотношения ¹⁷⁶.

В результате получится, что в Даргинском округе было 72810 даргинцев, в Кайтаго-Табасаранском—32623, в Темир-Хан-Шуринском—10018, в Казикумухском—3041, в Гунибском—784, а всего даргинцев—119276 чел. В обзоре 1896 г. мы находим приблизительно те же цифры: Даргинский округ—79886 чел., Кайтаго-Табасаранский—77428, Т-Х-Шуринский—76351, Казикумухский—52853, Гунибский—61181 ¹⁷⁷. После соответствующих вычислений по таблице получается: в Даргинском—73654 чел. даргинцев, в Кайтаго-Табасаранском—33371, Т-Х-Шуринском—10078, Казикумухском—3118, Гунибском—795,—итого 121016 человек. Интересно отметить, что в самом обзоре численность даргинцев оценивается суммарно в 125 тыс. человек ¹⁷⁸. В обзоре 1897 г. численность даргинцев указывается в 125700 чел. ¹⁷⁹, а наши вычисления на основе данных по округам дают цифру 121484 чел. И, наконец, в обзоре 1899 года приводятся следующие цифры по округам: Даргинский—79575, Кайтаго-Табасаранский—80873, Т-Х-Шуринский—76657, Казикумухский—52851, Гунибский—62595 ¹⁸⁰. При пересчете по таблице получается: в Даргинском—73368 чел. даргинцев, Кайтаго-Табасаранском—34856, Т-Х-Шу-

¹⁷² Нам уже приходилось указывать на целесообразность рассмотрения Сюргинского союза в рамках Анушинского суперсоюза: 1) ввиду того, что он был включен в него после присоединения к России и соответственно входит в него во всех статистических источниках, 2) ввиду однородности, схожести их условий проживания, занятий, исторических судеб, общественной структуры.

¹⁷³ Дагестанская область. Свод статистических данных. «Города и округа; Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев».

¹⁷⁴ Указ. работы. Там же.

¹⁷⁵ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 г. Т.-Х.-Шура, 1893, стр. 40.

¹⁷⁶ Приложения. «Таблица процентного соотношения».

¹⁷⁷ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 г. Т.-Х.-Шура, 1897, стр. 3.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 г. Т.-Х.-Шура, 1898, стр. 19.

¹⁸⁰ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1899 г. Т.-Х.-Шура, 1900, стр. 34.

ринском—10118, Казикумухском—3118, Гунибском—813, —всего 122273 чел. В самом источнике общая численность даргинцев указывается до 130000 чел.¹⁸¹. Нетрудно заметить, что в течение десятилетия численность даргинцев мало изменяется и рост населения очень небольшой. Одной из причин такого положения явились эпидемии холеры, повторявшиеся с перерывами еще с 80-х гг. XIX в.

Другим свойством данных обзоров можно считать относительно большую достоверность сведений, ибо они складывались из официальных данных местных властей и могли быть проверены и перепроверены на протяжении десятилетия. То что они остаются в одних границах, с небольшими колебаниями в ту или иную сторону, с одной стороны, свидетельствует о высокой смертности среди населения, отчасти объясняемой эпидемиями, с другой—служит доказательством того, что цифры эти достоверны и в них нет чего-либо фантастического и нереального¹⁸².

Довольно интересным и полезным источником могли бы стать для нас материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи». Однако в них нет данных по этническому составу и поэтому приходится выводить приблизительные цифры, как и с данными более ранних и менее надежных источников. По переписи в 1897 г. в Даргинском округе было 80943 человека, в Кайтаго-Табасаранском—91021¹⁸³. Исходя из того, что даргинцы составляют в Даргинском округе 90—92 процента (следовательно, около 74 тыс.), а по отношению ко всем даргинцам 60—65 процентов, мы получим приблизительную цифру в 118 тыс. человек. Если же такие же подсчеты провести, взяв за исходные данные Кайтаго-Табасаранского округа, то получается цифра примерно в 145 тыс. человек. Не стоит доказывать, что первая цифра реальнее и достовернее. В подсчете населения Кайтаго-Табасаранского округа часто бывают такие несоответствия. Вызывались они пестротой этнического состава населения округа при сравнительной обширности его территории. В данном случае возможно, некоторое несоответствие процентного соотношения сравнительно с другими, более ранними источниками, вызваны определенными перемещениями в населении отдельных округов.

Таким же достоверным источником являются труды известного краеведа и ученого, сделавшего очень много по изучению Дагестана, его истории, природы, экономики, народонаселения—Е. И. Козубского. В 1902 г. он указывает на проживание в Даргинском округе 80081 человека, в Кайтаго-Табасаранском—80483¹⁸⁴ постоянного населения (численность временного населения в обоих округах ничтожна). Всего же даргинцев в 1902 г. он насчитывает до 130 тыс. человек¹⁸⁵. Более точными следует считать цифры, которые получаются при подсчете населения по его «Списку населенных мест Дагестанской области»—123003 человек при 29248 дворах¹⁸⁶.

Поскольку им приводится полный список населенных мест Дагестана, мы имеем возможность более подробно остановиться на населении отдельных административных и этнических единиц даргинцев. Последнее облегчается тем, что в источнике имеются указания и на принадлежность селений в прошлом к тому или иному союзу обществ. По округам

¹⁸¹ Там же, стр. 41.

¹⁸² Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892—1899 гг. Т.-Х.-Шура, 1893—1900 гг.

¹⁸³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., XII, Дагестанская область, СПб, 1905, стр. I—II.

¹⁸⁴ Е. Козубский. Дагестанский сборник, I, стр. 34.

¹⁸⁵ Е. Козубский. Указ. раб. стр. 43.

¹⁸⁶ Е. Козубский. Указ. раб. стр. 40, 60—70, 78—94, 120, 122.

население распределяется следующим образом: Даргинский округ—19119 дымов и 74479 чел. (Акушинский участок 6837 дымов и 27334 чел., Цудахарский—3601 и 13519, Мекегинский—5660 и 22861, Сюргинский 3021 и 10765); Кайтаго-Табасаранский округ—7727 дымов и 38291 чел. (Северо-Табасаранский участок—1153 дыма и 5411 чел., Уркарахский—5539 и 27233, Нижне-Кайтагский—1035 и 5647); Темирхан-Шуринский округ—2232 дыма и 9478 чел. (Карабудахкентский участок—1515 и 6334, Дженгутайский—717 и 3144); и наконец, Гунибский округ (Андалалский участок)—170 дымов и 755 чел.—всего даргинцев 29248 дымов и 123003 человека¹⁸⁷.

Сведений о численности населения отдельных союзов обществ нег и в этом источнике. Однако, как и в списке А. Комарова, такие сведения можно получить путем подсчета данных по селениям с учетом указаний А. Комарова и Е. Козубского на принадлежность селений к союзам обществ. Результаты подсчетов таковы: Акушинский союз сельских обществ—3578 дымов и 14879 чел. населения, Усишинский—1457 и 5320, Мугинский—1556 и 6212, Урахинский—3291 и 12348, Мекегинский—2747 и 11767, Цудахарский—3469 и 13100, Сюргинский—3021 и 10765—итого в семи союзах (Акушинский суперсоюз с Сюргинским союзом)—19119 дымов и 74479 чел. населения. В Кайтаге — общество Гапш—628 дымов и 2902 чел. населения, Ганк—1627 и 7300, Муйре—721 и 4064, Маджалис—кадта—503 и 1998, Ицари—208 и 1531, Шуркант—419 и 2079, Ирчамул—696 и 3810, Каттаган—181 и 987, Кара-Кайтаг—913 и 4032, В. Терекеме—249 и 1459, Хемур—Дарга—786 и 4188—всего в Кайтаге 6931 дым и 34350 чел. даргинцев. Из обществ, входящих в не-даргинские объединения — Буркун—Дарга—796 дымов и 3941 чел., даргинцы Шамхальства—2232 и 9478 (Губден—1515 и 6334, Кадар—717 и 3144), даргинцы с. Мегеб, входящего в Андалалский союз—170 и 755, — всего даргинцев—29248 дымов и 123003 человека¹⁸⁸.

Сводных данных с этнических группах внутри отдельных народностей у Е. Козубского нет. Их также можно получить, суммировав данные, по списку селений, в котором имеются указания и на принадлежность к тому или иному племени. Таким способом мы находим, что собственно даргинцев было 25617 дымов с населением 105457 человек, кайтагцев—3096 дым. и 15600 чел., кубачинцев—535 дым, и 1946 чел.¹⁸⁹. Из остальных групп можно указать сюргинцев, у которых, как мы уже указывали, совпадали административные и этнические границы (сюргинцы как этническая группа, как союз обществ и как участок округа представляли одно и то же). Их было—3021 дым и 10765 чел. населения¹⁹⁰. Вторым по однородности собственно даргинского населения является Цудахарский участок—исключив лакское и аварское население мы получаем указанную выше цифру (3601 д. и 13519 чел. даргинцев); если отнять отсюда население акушинского селения Цухта-м (132 д. и 419 чел.) остается чисто цудахарское население—3469 д. и 13100 чел.¹⁹¹

В других участках (и союзах обществ) этническая номенклатура не совпадает с границами ни союзов обществ, ни, тем более, участков. Исключение составляют даргинцы, входящие в недаргинские округа. Например, даргинцев сс. Губден (1515 д. и 6334 чел.) и Кадар (717 д.

¹⁸⁷ Е. И. Козубский. Указ. раб. Там же.

¹⁸⁸ Е. И. Козубский. Указ. раб. Там же; Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев».

¹⁸⁹ Е. И. Козубский. Указ. раб. Там же; Приложения. «Таблица изменения численности даргинцев». «Таблица процентного соотношения численности даргинцев».

¹⁹⁰ Е. И. Козубский. Указ. раб., стр. 68.

¹⁹¹ Е. И. Козубский. Указ. раб., стр. 68—70; Приложения.

и 3144 чел.)¹⁹² вполне можно считать обособившимися самостоятельными этническими группами, хотя в языковом отношении они таковыми не являются. Особо стоит и Буркун-Дарга, (796 д. и 3941 чел.)¹⁹³ хотя она и был включен к этому времени в Уркарахский участок.

В Кайтаге (области и округе) можно выделить собственно даргинцев (вместе с кубачинцами), которые составляют 4096 д. и 20745 чел. Условно их можно разделить на верхних даргинцев—Гапш, Ганк, Муьре (с частью муиринских селений общества Маджалис-кадта) — этнически близких между собой и имеющих сходные природно-географические, хозяйственные и общественные условия—3310 д. и 16557 чел., и Хемур-Дарга, (786 д. и 4188 чел.)¹⁹¹ имеющих условия, сходные с предгорьем Кайтага и отличающихся от остальных даргинцев Кайтага во всех отношениях (с этой точки зрения они ближе к даргинцам Губдена и Урахинского союза).

И, наконец, приведем для сравнения цифры численности народонаселения даргинцев в 1917 г.—32505 дворов при 136387 чел.¹⁹⁵. Остановиваться на этом источнике более подробно мы не будем, так как земельные отношения в XX веке не входят в хронологические рамки нашего исследования¹⁹⁶.

В заключение остановимся на некоторых отдельных сторонах движения народонаселения, касающихся динамики изменений численности, причин общественно-политического, социального, хозяйственного характера, обуславливающих это движение, взяв для рассмотрения отдельные наиболее крупные или же часто упоминаемые этно-политические единицы даргинцев: Акушинский суперсоюз, Кайтаг, Цудахарский союз, Сюргинский союз, Губден и др.

Задача эта чрезвычайно трудна по причине ненадежности источников, отсутствия единых критериев подсчета, твердо сложившейся этнической классификации, которая численно фиксировалась бы от источника к источнику: объективной трудности подсчета для авторов источников ввиду своеобразных местных условий (недоступность и языковое многообразие) и т. д. и т. п.

При первом же взгляде на общую картину движения численности отдельных этнических групп или союзов обществ¹⁹⁷ бросается в глаза исключительная отрывочность, фрагментарность сведений, их бьющая в глаза противоречивость. Поэтому сформулированные по этим данным выводы или предположения не могут быть вполне определенными или исчерпывающими.

Как видно из таблицы, чаще всего в источниках указывается численность Акушинского суперсоюза и Кайтага (или уцмийства). Из отдельных союзов обществ чаще встречаются данные о Цудахарском и Сюргинском союзах, по причине того, что они не входили первоначально в Акушинский суперсоюз и вообще часто выступали как самостоятельные этно-политические единицы.

¹⁹² Е. И. Козубский. Указ. раб. стр. 120, 122.

¹⁹³ Е. И. Козубский. Указ. раб. стр. 88; Приложения. «Таблица изменения численности по союзам обществ».

¹⁹⁴ Е. И. Козубский. Указ. раб; Приложения. «Таблица изменения численности по союзам обществ».

¹⁹⁵ М. Занкин. Населенные места Дагестана, стр. 24, 42—57, 66—70, 75—81, 108, 110.

¹⁹⁶ Для интересующихся, более детальные данные по этому источнику имеются в «Приложениях» нашей работы.

¹⁹⁷ Приложения. «Сводная таблица эволюции численности даргинцев в XVIII—XIX вв.».

Общей чертой всех сведений, относящихся к XVIII—началу XIX в. является преувеличенность цифр численности. Например, по данным Рейнгса и Буткова даргинцев было от 116 до 175 тыс. человек¹⁹⁸. Такое преувеличение продолжается до середины XIX в. Немалую роль в этом сыграли политические события той эпохи. Вторая половина XVIII века и первая—XIX, были временем усиления политической и военной мощи Акушинского суперсоюза. Именно к этому времени относится их активное участие в междоусобных войнах дагестанских феодальных владельцев с Фатали-ханом (на стороне последнего), отторжение от Кайтагского уцмийства общества Каба Дарго, учащение крупных набегов на Грузию и т. п.¹⁹⁹. В этих условиях в оценках военных наблюдателей, составляющих подавляющее число авторов наших источников, такие преувеличения были неизбежны²⁰⁰. Созданию такого гиперболизированного представления способствовали и некоторые моменты экономического и общественного порядка. К XVIII—XIX вв. относится окончательное завершение хозяйственной специализации отдельных зон Дагестана, начавшееся в XIII—XIV вв.²⁰¹. На большей части территории Акушинского суперсоюза основным занятием стало скотоводство. При переходе хозяйства от земледельческо-скотоводческого к скотоводческо-земледельческому направлению происходит процесс высвобождения рабочих рук. Часть высвободившихся людей становится в смутное время войн, набегов и междоусобиц своеобразной платной вооруженной силой. Это подтверждают и примеры из истории Швейцарии, Шотландии, горных областей Индии, Афганистана и др. А это значит, что в ополчении, войске оказывается больше мужичья, чем бывает в условиях нормального хозяйственного развития. Эта ненормальность усиливалась еще тем немаловажным обстоятельством, что даргинцы суперсоюза были расселены в чрезвычайной тесноте и постоянно испытывали недостаток в пастбищных и иных угодиях²⁰², что также вынуждало их созывать крупные ополчения по зову

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ История Дагестана, т. I, стр. 376 и др.; А. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области, стр. 21; П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. стр. 178, 275 и др.

²⁰⁰ Сравним, например, сведения о численности Акушинцев, относящиеся к этому времени и приводимые у таких военных специалистов как П. Бутков, И. Дренякин с данными конца XIX—начала XX вв. У П. Буткова Акушинцы (суперсоюз) составляют 19,4 процента населения всего Дагестана, а у И. Дренякина даже 23,4%. У А. Комарова же, впервые давшего полный список селений Дагестана, Акушинцы составляют 13,2% населения Дагестана, по посемейным спискам 1886 г.—12,4%, и по Е. Козубскому—12,5 процента. Нет особой нужды доказывать, что последние цифры являются более достоверными (См. П. Г. Бутков. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях, «История, география, и этнография Дагестана», стр. 210; И. Т. Дренякин. Описание Ширвана. «История, география и этнография Дагестана», стр. 170 (таблица); А. Комаров. Список населенных мест, стр. 123; Дагестанская область. Свод статистических данных». Свод населению по городам и округам; Е. Козубский. Дагестанский сборник, т. I, стр. 34; Приложения).

²⁰¹ М. О. Османов. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана, Ученые записки ИИЯЛ, т. XX, Махачкала, 1970, стр. 283—302.

²⁰² По данным И. Стебницкого, Е. Козубского и др. плотность населения в Даргинском округе была в 2—3 раза выше чем в целом по Дагестану. Приведем для сравнения данные по округам: на 1 кв. км. приходилось человек — в Аварском—20,7, Андийском—15,3, Гунибском—15,8, Кази-кумухском—21,1, Кайтаг-Табасаранском—28,1, Кюринском—21,6, Самурском—16. Т.-Х.-Шурином—13,4, в целом по Дагестану—19,5, а в Даргинском—46,3 человека. При этом относительно высокая плотность в Кайтаг-Табасаранском округе создавалась в основном за счет горной собственно даргинской части округа. И. Стебницкий. Статистические таблицы 1862 и 1864 гг. (Записки КОРГО, V, 1862, стр. 142, 143; VI, 1864 г., стр. 231—232); Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, I, стр. 35; Обзор о состоянии Дагестанской области за 1899. г. Т.-Х.-Шура, 1900, стр. 36; и др.

предгорных и плоскостных феодальных владетелей (особенно шамхала и мехтулинского хана) ²⁰³, пастбищами которых они постоянно пользовались.

К середине XIX в. тенденция преувеличения численности отдельных групп населения становится менее ощутимой, и цифры становятся более правдоподобными.

Эта большая степень приближенности к действительному положению вещей приходится, как мы уже указывали, на начало активных действий России по присоединению Дагестана. Уже в 20-х гг. численность суперсоюза спускается до 70—80 тыс. (со 120 тыс.), а у П. Зубова (1835 г.) она указана всего в 37 тыс. Начиная с этого времени, в источниках уже не наблюдается особых скачков в определении численности суперсоюза, исключая совершенно фантастические цифры отчета Дербентского генерал-губернатора 1850 г. Несколько выделяются и данные Боденштедта, однако в противоположную сторону. Если принять оговорку о том, что его цифры учитывают только мужчин (без женщин и детей), то цифры намного поднимутся и превысят даже цифры названного выше отчета. Однако, заявление Боденштедта о том, что в русских источниках при указании народонаселения подразумеваются только мужчины, без женщин и детей, никакими ссылками не подтверждается; так же как оно не находит подтверждения и в изученных нами источниках.

Возможно, автор ознакомился с отчетом генерал-губернатора и решил скорректировать свои данные, которые как он по-видимому полагал, не должны противоречить другим, более точным источникам. Тем не менее более правильным будет считать его цифры, отражающими общую численность, т. к. они согласуются с данными последующих источников.

В целом для периода Кавказской войны характерно некоторое преуменьшение населения суперсоюза. Еще в 1858 г. А. Берже насчитывает только 37 тыс. акушинцев, а уже в 1862 г. в таблице И. Стебницкого их становится свыше 60 тыс. Естественно, что в период военных действий точный учет населения был затруднен. Неясно, однако, почему именно на период войны за независимость падает преуменьшение источниками числовых данных о суперсоюзе. Суперсоюз, как известно, в целом в войне участия не принимал. Были, правда, удалцы, которые уходили в мюриды (об этом свидетельствуют, к примеру, предания о наибе-губденце, сопернике Хаджи-Мурата; о столкновении у родника последнего с мюридом-акушинцем и др.), но в целом суперсоюз, как политическое объединение союзов обществ, оставался нейтральным, «крепко охраняя свою самостоятельность», хотя и «признал над собою власть России» ²⁰⁴. Показателем его позиции являются события 1842 г., когда он не пустил в свои земли мюридов Шамиля, вторгшихся в Казикумух, но и не выставил милиции против мюридов в ответ на требование русских военных властей ²⁰⁵.

И все-таки суперсоюз в целом, принимая во внимание его численность, военную силу, авторитет в Дагестане, не сыграл в период войны подобающей ему роли, и это, надо сказать, явилось скорее всего причиной его замалчивания, преуменьшения его численности и силы.

---

²⁰³ И. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, «ИГЭД», стр. 83; Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. ИГЭД, стр. 131; П. Зубов. Картина кавказского края..., ч. III, стр. 252; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия..., ч. II, стр. 302—308; М. Я. Ольшевский. Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 г., ч. I, СПб, 1894, стр. 291.

²⁰⁴ А. Нисченков. Путеводитель по Дагестану, стр. 29.

²⁰⁵ Там же.

Военные наблюдатели, составляющие представление о численности народа или области по его войску и военным делам, невольно могли ставить в зависимость от численности и мощи суперсоюза его политическую и военную активность (пассивность), правильнее будет сказать — по сравнительной пассивности военной и политической деятельности суперсоюза судили о его численности и силе, явно преуменьшая их.

С окончанием военных действий, когда повсеместно была посажена русская военная администрация, созданы округа и наместничества, появилась возможность регулярного статистического учета. Хотя на первых порах он оставляет желать много лучшего (например, таблица Стебницкого 1860 г. с очень завышенными данными), однако на протяжении десятилетий данные уточняются, стабилизируются и за редкими исключениями их можно уже принимать в качестве относительно достоверных цифр.

Бросающаяся в глаза особенность этих данных почти до конца века — постоянная цифр. На протяжении 40 лет все данные остаются в пределах 60 тыс., с небольшими отклонениями в сторону увеличения или уменьшения (исключение составляет только «Свод статистических данных», в котором, как мы уже говорили, допущены ошибки в сторону завышения численности).

Это завышение создало и то положение, что в росте населения после 1886 г. не видно эволюции, постепенности. В целом следует считать, что население суперсоюза в последней трети века росло очень медленно. Объяснений этому может быть несколько: участвовавшие к концу века эпидемии, разгром учиненный даргинским аулам в 1877 г., рост всех форм отходничества за пределы даргинской территории, связанный с ростом товарно-денежных и капиталистических отношений, обезземеливанием и разорением крестьян.

Несколько иное положение мы наблюдаем в таблице относительно численности даргинского населения уцмийства. Прежде всего следует отметить, что большинство источников приводит данные о населении всего уцмийства, т. е. включая помимо даргинцев, кумыков, терекмейцев и др. Поэтому выделить собственно даргинское население бывает в ряде случаев довольно затруднительно. Далее, в отношении уцмийства и кайтагов в источниках наблюдаются еще большие противоречия и скачки, как преувеличивающие, так и занижающие их численность. Как и в случае с Акушинским суперсоюзом, в последовательном ряду цифр численности уцмийства можно выделить 3 этапа. Первый из них охватывает конец XVIII—начало XIX века, примерно до начала кавказской войны.

Данные этого периода характеризуются сравнительной постоянностью и большим преувеличением. В период же войны, как и в случае с суперсоюзом, в цифрах наблюдается резкий скачок вниз. Отличие от суперсоюза в данном случае заключается в том, что эти цифры сравнительно достоверны (результат ликвидации уцмийства и насаждения русского управления) и поэтому послевоенный период не выделяется здесь так резко как в случае с акушинцами. Однако с 80-х гг. численность даргинцев уцмийства растет быстрее, чем численность остальных даргинцев. Если по таблице 1880 г. они составляли 19,8 процента от общего числа даргинцев, то по данным 1886, 1896, 1902 гг. они составляют уже 27—30 процентов²⁰⁶; в абсолютном же исчислении их количество увеличивается в два раза, в то время как численность суперсоюза, например,

---

²⁰⁶ Приложения. «Сводная таблица эволюции».

увеличивается лишь на четверть²⁰⁷. Объяснение этому может быть двойное: с одной стороны — неточности в подсчете даргинцев уцмийства, частичное преуменьшение их численности в данных 70—80 гг., с другой — действительно более быстрый рост населения в предгорных районах Кайтага в эти годы. Такой прирост мог быть за счет притока населения из горных аулов, вызванный усилением расслоения и обезземеливанием, который в предгорье сопровождался укрупнением хозяйств и расширением запашки. Укажем, к примеру, что в В. Терекеме население увеличивается в 1886 г. по сравнению с 1873 г. почти в 4 раза, в Маджалискадта — почти в 5 раз, в то время как в горных союзах обществ увеличение намного меньше, а в некоторых из них прирост совсем незначителен, не говоря уже о том, что в части из них наблюдается даже уменьшение (например, в союзе обществ Ганк)²⁰⁸. Помимо этого надо учесть, что горные даргинцы, особенно входящие в суперсоюз, сильно пострадали в 1877 г. и население в них значительно сократилось. После 1886 г. источники не показывают увеличения и в численности населения уцмийства. Впрочем, это характерно для показателей численности всех групп даргинцев, да и всего населения Дагестана²⁰⁹. Следует полагать, что главной причиной этого явились частые эпидемии. Например, в 1892 г. движение населения области имеет отрицательный баланс — оно уменьшилось на 12917 чел.; из них на Даргинский округ приходится—1923 (около 15 процентов) и Кайтаго-Табасаранский—1760 (около 14 процентов)²¹⁰.

В качестве причины этого явления источник называет эпидемию холеры²¹¹. И в другие годы прирост населения очень невелик. В 1896 году он составил по Даргинскому округу 757 чел. (т. е. меньше одного процента—0,9), а по Кайтаго-Табасаранскому и того меньше—55 чел. (0,07 процента)²¹². В 1897 г. прирост по Даргинскому округу составил 291 чел. (0,3 процента населения), а по Кайтаго-Табасаранскому — убыль на 75 чел.²¹³ В 1898 г. по области отмечено очень незначительное увеличение населения (прирост на 1916 чел.), а в 1899 г. вновь наблюдается убыль: по Даргинскому — на 815 чел. (24 процента всей убыли по области, больше чем в любом другом округе) и по Кайтаго-Табасаранскому — 540 чел. (16 процентов убыли области)²¹⁴. Несомненно, такое положение создавалось и за счет увеличения отходничества за пределы округов и области (в 1892 г. отход составил 70366 чел., из них в Даргинском — 10068; в 1896 г. соответственно—41556 и 6216; в 1897 г.—54996 и 7494; в 1899 г.—59077 и 8181)²¹⁵, что вызывалось в свою очередь ускорением процесса разорения крестьян, вообще тяжелыми хозяйственно-экономическими условиями в горах Дагестана. Об этом говорится и в источнике: «Такой невероятной малый естественный прирост, наблюдавшийся и за предшествовавшие годы, в отчетах начальников округов объясняется крайне стесненными экономическими условиями жизни горцев»²¹⁶.

В целом и в населении уцмийства можно констатировать застой в приросте населения в последние два десятилетия XIX века. Правда, он

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же; Е. Козубский. Дагестанский сборник, стр. 31—36.

²¹⁰ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 г. стр. 13 и Ведомость № 3.

²¹¹ Там же, стр. 13.

²¹² Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 г. стр. 24 и Ведомость № 3.

²¹³ Обзор за 1897 г., стр. 41 и Ведомость № 3.

²¹⁴ Обзор за 1899 г., стр. 25—36, 94 и Ведомость № 10.

²¹⁵ Обзор за 1892 г., стр. 43; Обзор за 1896 г., стр. 19; Обзор за 1897 г., стр. 35; Обзор за 1899 г., стр. 76—77.

²¹⁶ Обзор за 1897 г., стр. 41.

начинается несколько позднее, чем у даргинцев суперсоюза, что объясняется особенностями хозяйственно-экономического развития горной и предгорной областей.

Из отдельных союзов обществ, судя по нашей таблице, наиболее часто в источниках упоминаются Цудахарский и Сюргинский союзы, а также сел. Губден.

Цудахарский союз обществ приводится отдельно уже у Гюльденштедта, причем автор определяет его численность в 2000 семей, в то время как весь Акушинский суперсоюз насчитывает по его данным лишь 1000 семей²¹⁷.

Преувеличение численности Цудахарского союза в такой степени, что его численность превышает даже численность населения Акушинского суперсоюза, (что само по себе скорее всего является ошибкой) может быть объяснено отчасти и несколько особым положением Цудахарского союза. Находясь на стыке земель аварцев, лакцев и даргинцев, союз этот сумел приобрести более самостоятельное положение в суперсоюзе. Отчасти это объяснялось тем, что он являлся форпостом в отношениях даргинцев с лакскими и аварскими правителями и не только сумел установить с ними отношения равного соседа и партнера, но даже принял в союз ряд аварских и лакских сел, которые по своим традиционным культурно-экономическим, общественным и военно-оборонительным связям оказались близки к цудахарским. Цудахарский союз, таким образом, являлся вторым по численности и своему весу союзом обществ даргинцев. Нередко источники показывают его как отдельное от суперсоюза политическое объединение (Д. Тихонов, И. Гюльденштедт, Г. Клапрот, П. Зубов, Н. Окольников, А. Комаров и др.)²¹⁸, иногда просто называют его наравне с Акушинским при упоминании всех даргинцев (например, «общества Акушинское, Зюдахаралинское и весь называемый даргинский народ»)²¹⁹. Интересно отметить, что некоторые авторы (А. Комаров, П. Услар и др.), отмечая этот факт и напоминая, что к названиям обществ Цудахара (и Сюрги) «слово «Даргуа» никогда не прибавляется», считают указанные обстоятельства доказательством того, что термин «дарга» не является этническим или лингвистическим понятием²²⁰.

Уже в следующем источнике, относящемся к началу XIX в. (Клапрот), в котором имеются данные о цудахарцах, соотношение цифр численности Цудахарского союза и Акушинского суперсоюза следует считать более приемлемым—8 тыс. в Цудахарском и 72 тыс. в суперсоюзе. Здесь уже преуменьшение падает на цудахарцев, что скорее всего отражает факт ослабления цудахарского союза и перехода части его сел к обществам Акуша и Андалала. Следующую ступень ослабления Цудахара отражают данные П. Зубова, хотя он и называет его сильнейшим союзом. Характерно, что и в его данных сохранилась та же пропорция—суперсоюз в девять раз превышает численность цудахарцев. В сведениях Н. Окольного (1840 г.) цудахарцы уже включены в суперсоюз и после этого все время находятся в нем.

Эти тенденции сближения, консолидации были вызваны, с одной сто-

²¹⁷ Приложения. «Сводная таблица эволюции численности».

²¹⁸ Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана, ИГЭД, стр. 131; I. G ü l d e n s t ä d t. Reisen, s. 492; П. Зубов. Картина кавказского края... ч. III, стр. 198; Н. Окольников. Перечень последних военных событий в Дагестане. «Военный сборник», 1859 № 1, стр. 155; А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 16.

²¹⁹ Ф. Н. Ртищев. Сведения о Дагестане, ИГЭД, стр. 248.

²²⁰ А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области, стр. 16; П. Услар, Хюркилинский язык, стр. 103.

роны, активизацией действий русских войск в Дагестане, с другой—противоречиями и даже отдельными столкновениями с мюридистским движением (например, поход Гамзаг-бека против цудахарцев в 1834 г. и его разгром объединенными силами цудахарцев и акушинцев)²²¹. В последующий период данные о Цудахарском союзе отдельно не приводятся и он окончательно становится частью Акушинского суперсоюза. Правда, в источниках, где приводятся списки селений, можно восстановить его численность, суммировав численность населения аулов, входивших раньше в союз. Отчасти это облегчается тем обстоятельством, что большинство этих аулов входило в Цудахарское наибство (участок) Даргинского округа.

В движении населения Цудахарского общества в последующем (в конце XIX в.) прослеживаются некоторые специфические закономерности. Если у большей части даргинцев, в связи с ростом специализации по скотоводству наблюдается определенный застой в росте населения, объясняемый избытком рабочей силы и уходом на заработки, то у цудахарцев сильное развитие садоводства поглощало в некоторой степени этот избыток, и отход был развит меньше (в целом по союзу). Отсюда и больший процент прироста в селениях Цудахарского союза. Так, например, с 1886 г. по 1916 г. население Акушинского союза выросло на 10,1 процента, Урахинского — на 5, Мекегинского—на 21,6, Сюргинского — на 16,1, Усишинского — убавилось на 2,5 процента, Мугинского — на 1,9, в то время как Цудахарского увеличилось на 28,1 процента²²². Характерно, что наибольшее прибавление населения после Цудахарского наблюдается в Мекегинском союзе, где сильно развитое земледелие (даже с излишками зерна) сочеталось с интенсивным скотоводством, причем разводилось много как крупного рогатого скота, так и овец и лошадей. Именно это обстоятельство послужило основой для удержания и роста населения в Мекегинском участке (союзе).

Из остальных союзов обществ, нередко фигурируют отдельно с указанием численности, сюргинцы. Сведения о Сюргинском союзе отдельно от остальных даргинцев впервые приводятся (имея в виду поднятый нами круг источников) у П. Зубова. В общем-то данные о нем приводятся не очень часто, и это объясняется как труднодоступностью мест обитания сюргинцев, так и тем, что, будучи расположенным на стыке двух крупнейших даргинских политических объединений—Акушинского суперсоюза и уцмийства, Сюргинский союз попеременно попадал под влияние и зависимость одного из них и поэтому наблюдателями отдельно не учитывался.

В некоторых источниках прямо указывается, что сюргинцы слушаются акушинского кадия²²³. Именно такая пограничная расположенность Сюргинского союза и наличие у него достаточной военной силы, в сочетании с воинственностью его населения, способствовали тому, что союз окончательно не вошел ни в одно из этих политических образований.

Численность сюргинцев, по П. Зубову, составляет приблизительно 3 тыс. человек. Если сравнивать с численностью акушинского суперсоюза, то, как и в случае с цудахарцами, можно сказать, что цифра занижена. В числе даргинских союзов обществ, входящих в Акушинский

---

²²¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. III, ч. 1, Махачкала, 1940, стр. 335.

²²² Приложения. «Сводная таблица эволюции численности».

²²³ Так, например, в описании Ф. Гене (Сведения о горном Дагестане), указывается, что «Акушинский кадий имеет также некоторое влияние на сюргинцев, которые в делах своих приезжают к нему советоваться». ИГЭД, стр. 346.

суперсоюз, Сюргинский стоит по численности на четвертом — пятом месте ²²⁴, и численность его населения не меньше средней численности союзов, входящих в суперсоюз, а даже несколько больше ²²⁵. Это значит, что при численности суперсоюза без Цудахарского и Сюргинского в 37 тыс. человек, численность обоих названных союзов должна была быть не меньше 7 тысяч. Следует предположить, что в данном случае допущено преувеличение численности суперсоюза, с одной стороны, и преуменьшение народонаселения Сюргинского (и Цудахарского) союзов — с другой. Думается, преувеличения допущено больше и численность даргинцев суперсоюза с включением всех семи союзов должна быть порядка 30—35 тыс., и численность всех даргинцев — приблизительно 50—60 тыс. человек.

Зыбкость данных источников о численности сюргинцев (да и не только их) подтверждается сведениями уже следующего автора, причем промежуток между ними составляет меньше 10 лет. У Н. Окольниченко мы находим цифру численности, достигающую 13—14 тыс. человек ²²⁶. При этом цифра общего количества даргинцев лишь незначительно превышает данные предыдущего источника, не говоря уже о том, что на весь Акушинский союз приходится только 40 тыс. Однако именно эта цифра в 40 тыс. представляется наиболее реальной и достоверной из приводимых в этом источнике. Преувеличение численности сюргинцев скорее всего связано с ослаблением уцмийства. В этих условиях большая часть даргинцев кубачино-даргинского нагорья, непосредственно примыкающих к сюргинцам, могли сказаться в сфере их влияния и на этой основе могли быть причислены к сюргинцам.

В данных Ф. Боденштедта, как мы видим, число сюргинцев снова уменьшается (8 тыс.), а в отчете дербентского генерал-губернатора за 1850 г. опять стремительно идет вверх (15859 чел.). Цифра отчета близка к данным Окольниченко, это позволяет предполагать, что источник у них был один и тот же и что в этом источнике была допущена одна и та же ошибка-причисление к сюргинцам части даргинцев кубачино-даргинского нагорья. Впрочем, сведения приводимые в отчете, настолько фантастичны и в отношении других этнических подразделений даргинцев, что их нельзя принимать всерьез.

Более реальны цифры Ф. Боденштедта. Правда, и у него численность сюргинцев преувеличена, если сравнивать ее с численностью акушинского суперсоюза (20—24 тыс.). Для сравнения укажем, что если по данным Боденштедта мы станем выводить с помощью нашей таблицы коэффициентов цифру численности всех даргинцев по отдельным этническим подразделениям, то получим: по цифре суперсоюза—47 тыс. всех даргинцев, уцмийства—54 тыс., а по сюргинцам и все 92 тыс. Цифра Ф. Боденштедта по сюргинцам приближается, правда, к последующим, более точным данным И. Стебницкого и А. Комарова, но в этом случае явно нереальными оказываются остальные данные этого автора.

В источниках более позднего времени, начиная с таблиц Стебницкого, особых отклонений в численности сюргинцев мы не видим. С конца 60-х годов до 1917 г. их численность возрастает от 8 тыс. до 12 тыс. Правда, имеется одна ненормальность — с 1886 г. до 1901 г. численность их не только не увеличилась, а даже уменьшилась. Но эта особенность

²²⁴ Приложение. «Таблица изменения численности даргинцев».

²²⁵ Там же.

²²⁶ Приложение. «Сводная таблица эволюции». «Приводимые далее цифры уже рассматривались нами и они имеются в названной сводной таблице — поэтому, чтобы не перегружать справочный аппарат мы не будем делать повторных ссылок.

характеризует числовые данные и других этнических подразделений и, следовательно, причиной ее, помимо высокой смертности, вызванной эпидемиями холеры мог быть общий недостаток какого-то одного, а может быть, и обоих источников («Свода» и Е. Козубского). В этой связи следует отметить, что в «Своде», судя по всему, цифры численности населения в определенной степени преувеличены и поэтому в последующих источниках получается картина видимого сокращения населения.

Из отдельных селений в источниках упоминаются только Губден и Кубачи. Первое упоминание о Губдене и численности его населения мы находим у Я. Рейнеггса. Сведения его относительно Губдена (как, впрочем, и все его цифры) сильно преувеличены (примерно 12 тыс. человек). Следует заметить, что в конце XVIII в. такая тенденция наблюдается и у других авторов (Потоцкий и др.)²²⁷. Следует полагать, что и в данном случае большую роль сыграли военные факторы. Рейнеггс сообщает о Губдене, что «этот храбрый народ в течение 5 лет противостоял устрашающему племени Акуша»²²⁸. Вряд ли смог бы Губден выстоять против объединенных сил суперсоюза. Скорее всего Акушинский суперсоюз выступал не единым фронтом. Судя по полевым материалам, Губден имел традиционные торгово-экономические и дружественные связи с крупными обществами Мекеги и Кадара. Поэтому не исключено, что Кадар, тоже входивший в шамхальство, был союзником Губдена. Могли помочь Губдену и правители кумыкских селений, тем более, что сами губденские правители были тесно связаны с остальными феодальными владельцами кумыков и в определенной степени составляли, по-видимому, кумыкскую или тюркизованную прослойку.

В самом деле, например, в перечне горских владельцев, относящемся к 1732 году, имена губденских владельцев свидетельствуют по меньшей мере о их сильной тюркизованности. Это имена: Гирей, Эльдар, Алкас, Мамат, Усмей, Бадыш²²⁹. В другом источнике, еще более раннем, (1718 г.) указывается, что «владелец губденской именов Маамет Бек Кутушев» «родственник самого шамхала»²³⁰. Этим объясняется и довольно упорная традиция, время от времени проявляющаяся в источниках и литературе и заключающаяся в отнесении Губдена к кумыкским селениям (Д. Тихонов, Гюльденштедт, Зиссерман, Бакиханов, Алкадари и др.)²³¹. Об этом можно сказать, что в заблуждение могли быть введены те, которые общались только с верхушкой селения, или судили по именам ее представителей, или отождествляли политическую принадлежность Губдена к шамхальству, являющемуся кумыкским владением, с этнической.

Что касается отношений Губдена с отдельными союзами даргинских обществ, в этой связи следует вспомнить об утверждении Рейнеггса, что жительство губденцев «достигает высоких гор южнее Казикумуха»²³². Это следует понимать в том смысле, что земли Губдена простирались далеко в горы, и они использовались другими даргинскими обществами по договоренности (об этом ниже), в частности, такая договоренность

²²⁷ И. Потоцкий. Путешествие в Астрахань и на Кавказ, РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 57, л. 15; и др.

²²⁸ I. Reineggs, Allgemeine..., s. 101.

²²⁹ Д. Ф. Еропкин. Реестр горским владельцам, ИГЭД, стр. 121.

²³⁰ А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан, ИГЭД, стр. 52.

²³¹ Д. Тихонов. Описание Северного Дагестана. ИГЭД, стр. 129; I. Güldenstädt. Reisen... s. 492; А. З. (Зиссерман) 10 лет на Кавказе. «Современник», 1854, т. 48, № 11, стр. 35; А. Бакиханов. Гулистан Ирам, стр. 65; Г. Алкадари. Асари Дагестан, Махачкала, 1929, стр. 30; и др.

²³² I. Reineggs, Allgemeine..., s. 101.

была с обществами Мекеги, Кадара, Акуша, Цудахара. В свете этого можно допустить, что не все из входящих в Акушинский суперсоюз объединения участвовали в этой борьбе против Губдена, напротив часть из них (возможно, Мекеги, Урахи и др.), а также Кадар, Мюрего и др. приняли участие в столкновении на стороне Губдена. Так, например, известно, что во время на шумевшего конфликта между акушинцами (суперсоюзом) и губденцами в 1867 г., несмотря на созыв акушинским кадем всех обществ суперсоюза, участие в экспедиции приняли далеко не все²³³.

И еще один факт. Потоцкий указывает, что у губденцев было 4 деревни²³⁴. Не является ли это отголоском имевшего место хотя бы временного союза между Губденом, Мекеги, Кадаром и Мюрего? В этом случае объяснимо было бы и завышение численности губденцев в отдельных источниках.

В более поздних источниках, основанных на сравнительно конкретных статистических данных, цифра о численности населения Губдена приобретает более реальные пропорции. Уже в 1840 г., в данных офицера Околяничего, как мы видим, число губденцев указывается в 8400 чел. В последнюю четверть XIX в. население Губдена продолжает расти быстрыми темпами, гораздо быстрее, чем население других даргинских селений. Например, за период с 1866 г. по 1886 г. население Губдена выросло на одну треть²³⁵. В то же время процент роста с 1886 г. по 1916 г. составил лишь 10 процентов. Объяснение этому следует искать в интенсификации земледелия и скотоводства в Губдене с проникновением в хозяйство капиталистических элементов, развитием кулацкого хозяйства, обезземеливанием и развивающимся отходом. С открытием железной дороги и регулярного рыболовства значительная часть губденской бедноты идет в отход. Другая сторона — с ростом товарного хозяйства, в Губдене, который раньше не знал системы отселков, стали возникать хутора-отселки, превратившиеся со временем в значительные селения.

Сведения о Кубачи впервые появляются у Клапрота. И у этого автора наблюдается тенденция завышения численности называемых им этнических групп. Эта тенденция проявилась также и в отношении Кубачи — 1000 дворов в нем никогда не было.

Однако можно принять во внимание, что такое завышение допущено автором в отношении всех этнических групп, названных им, и, во-вторых, что оно может означать: включение в число кубачинцев и населения ближайших селений, связанных с ним экономически, а отчасти и политически. В исторической литературе считается признанным, что в более раннее время часть селений Кубачино-Даргинского нагорья входила в политическое объединение, возглавляемое Кубачи²³⁶. Это тем более вероятно, что И. Потоцкий, говоря о Кубачи, упоминает 8 деревень, в которых говорят на кубачинском языке. Правда, сам он их численности не приводит, так как его данные о населении Кубачи вполне определены и касаются только Кубачи. Он пишет, что Кубачи состоит из 500 домов, построенных террасами²³⁷. Конечно, их было меньше, чем 500, но эту цифру, учитывая особенности проживания кубачинцев, можно принять за количество семей. В последующих источниках на протяжении

²³³ Из горской криминалистики, ССКГ, III, Тифл., 1870, стр. 19—25.

²³⁴ И. Потоцкий. Указ. раб. л. 15.

²³⁵ П. Услар. Хюркилинский яз., стр. 103; Дагестанская область. Свод статистических данных. Города и округа. № 34.

²³⁶ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и культура. М.—Л., 1949, стр. 185.

²³⁷ И. Потоцкий. Указ. раб. лл. 11—12.

всего века количество кубачинцев указывается в пределах 2 тыс. чел. Лишь в разгар освободительной войны горцев эта цифра слегка увеличивается, что можно объяснить как сократившимся отходом кубачинцев, так и притоком сюда горцев из близлежащих селений, пострадавших от военных действий или находящихся под такой угрозой. Известно, что кубачинцы всегда держали нейтралитет, и этот нейтралитет по давней традиции одинаково уважался обеими воюющими сторонами. Естественно, что при таком положении был возможен некоторый прирост населения за счет ищущих здесь убежища (родичи, кунаки и пр.). В последней четверти века население Кубачи почти не растет. Это годы бурного роста кубачинского товарного производства, сопровождавшегося усилением социального расслоения, появлением богатых мастеров-нанимателей, с одной стороны, и обедневших кустарей — с другой. В этих условиях резко увеличивается отход из Кубачи в города Сев. Кавказа и Закавказья, причем богатые мастера практикуют групповой наем кубачинцев для работы в городах²³⁸. Естественно, что в этих условиях прирост населения несколько задерживался.

На этом мы заканчиваем наш обзор движения численности населения даргинцев в XVIII—XIX вв. Обзор этот носит в общем-то фрагментарный характер и ни в коей мере не претендует на полноту или исчерпывание темы. Такой цели мы перед собой не ставили, ибо проблема численности населения интересовала нас постольку, поскольку она может служить подспорьем в изучении земельных отношений. Дальнейшее, более детализированное и конкретизированное изучение этого вопроса, с привлечением и архивных материалов, может быть проведено и имеет смысл его проводить лишь в процессе и ходе исследования самих аграрных отношений.

---

²³⁸ История Дагестана, т. II, М., 1968, стр. 191—193.

Приложения

ТАБЛИЦА

процентного соотношения численности даргинцев по округам (наибствам) относительно к населению округа (наибства) и относительно к общей численности даргинцев в XIX в., по русским источникам

Округ, наибство	Всего населения в округе		Из них даргинцев		Процент даргинцев в округе (наибстве) относительно численности населения ок- руга (наибства)			Процент даргинцев в округе (наибстве) относительно к общей численности дар- гинцев		
	А. Комаров. «Списки насе- ленных мест Дагестанской области». СССК, I, Тифл, 1869 (Данные 1865—67 гг.)	«Дагестанская область. Свод статистических дан- ных о населении Закав- казского края, извлечен- ных из посемейных спис- ков 1886 г.» Тифл., 1893	А. Комаров	Свод ста- тистических данных	А. Комаров	Свод статистических данных	Средний арифмети- ческий	А. Комаров	Свод статистических данных	Средний арифмети- ческий
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Темир-Хан-Шуринский округ	61852	76470	7986	10361	12,9	13,5	13,2	8,9	8,4	8,7
2. Даргинский округ	64064	80279	58456	73994	91,2	92,4	91,8	68,0	60,0	64,0
1) Акушинское наибство	19174	20959	18284	20120	95,3	96,0*	—	21,2	17,0**	—
2) Кутушинское наибство	6041	11309	3049	8246	50,4	73,0	—	3,5	6,7	—
3) Цудахарское наибство	10378	14417	8694	12193	84,0	84,5	—	10,1	9,9	—
4) Мекегинское наибство	8561	22809	8561	22650	100	99,3	—	9,9	18,3	—
5) Урахинское наибство	11522	—	11480	—	99,6	—	—	13,3	—	—
6) Сюргинское наибство	8388	10785	8388	10785	100	100	—	9,7	8,7	—
3. Казикумухский округ	35828	51453	1996	3643	5,6	7,0	6,3	2,3	2,9	2,6

* После реформы 1899 г.—89,3%.

** После реформы 1899 г.—22,2%.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
4. Гунибский округ	46596	58900	637	727	1,3	1,2	1,2	0,7	0,6	0,6
5. Кайтаго-Табасаранский округ	41197	76657	16890	34862	41,0	45,5	43,2	19,7	28,2	24,0
			6739*	15043*	16,3	19,6	18,0	7,8	12,2	10,0
			1550**	2232**	3,7	2,9	3,3	1,8	1,8	1,8
1) Нижне-Кайтагское наибство	16258	23595	2599	5444	16,0	23,0	—	3,0	4,4	—
2) Кара-Кайтагское наибство	1243	5431	2528	11818	100,0	100,0	—	6,3	9,5	—
3) Уркарахское наибство	9201	18209	8860	17600	96,3***	96,7	—	12,0***	14,2	—
4) Северо-Табасаранское наибство ****	—	—	85965	123587	—	19,2****	—	—	4,4****	—

* В т. ч. Кайтаги. В источнике приведена неправильная цифра—14356—ввиду того, что три кайтагских селения (Ахмедкент, Маджалис и Санчи—2089 чел.) отнесены к собственно даргинцам, а даргинские селения магала Верх. Теркеме (1402 чел.) отнесены к кайтагам.

** В т. ч. Кубачинцы.

*** После 1899 г.—98,8 и 22,1 процента; после 1913 г.—88,6 и 26,8 (вместе с Буркун-Дарга).

**** В Северо-Табасаранское наибство (участок) была включена часть селений упраздненного в 1889 г. Кара-Кайтагского наибства (после 1913 г. они отошли к Уркарахскому участку). Проценты выведены по данным Е. И. Козубского — Дагесганский сборник. I.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

движения населения в даргинских обществах в XIX—начале XX вв.,
по русским источникам

№ п/п	Наименование общества, группы	1840 г. (Окольников)	1869 г. (Комаров)		1873 г. (Услар)		1886 г. (Свод)		1902 г. (Козубский)		1917 г. (Занкин)	
		Численность	Численность	Проц. прироста или убыли (±) по сравнению с предыд. источниками	Численность	Процент прироста или убыли (±)	Численность	Процент прироста или убыли (±)	Численность	Процент прироста или убыли (±)	Численность	Процент прироста или убыли (±)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1.	Даргинцы	90000	85965	— 4,4	85000	— 1,1	123587	+ 45,3	123003	— 0,5	136387	+ 10,8
2.	Акушинский союз	9740	13304	+ 37,6	13702	+ 2,9	15280	+ 11,4	14879	— 2,6	16831	+ 13,1
3.	Усшинский	3940	4098	+ 4,0	4221	+ 3,0	5094	+ 20,6	5320	+ 4,4	4944	— 7,0
4.	Мугинский	800	4321	+ 440	4450	+ 2,9	6637	+ 49,1	6212	— 6,4	6515	+ 4,8
5.	Урахинский	11056	9122	— 17,3	9414	+ 0,8	13050	+ 38,7	12348	— 5,4	13722	+ 11,1
6.	Мекегинский	2320	8397	+ 262	8649	+ 3,0	10946	+ 26,5	11767	+ 7,5	13318	+ 13,2
7.	Цудахарский	6000	10825	+ 84,1	10701	— 1,1	12193	+ 13,9	13100	+ 7,4	15621	+ 19,2
8.	Сюртинский	13750	8388	— 39,1	8622	+ 3,0	10785	+ 25,0	10765	— 0,1	12524	+ 16,3
9.	Акушинский суверенсоюз	40000	58456	+ 46,1	59759	+ 2,2	73994	+ 23,8	74479	+ 0,6	83475	+ 12,0
10.	Ганш		1439		1732	+ 20,3	3136	+ 81,0	2902	+ 7,4	3125	+ 7,6

1	2	3	4	5	6
11. Ганк			4328		7582
12. Муфра			1648		1890
13. Маджалис-Кадта			879		576
14. Ицари			566		1165
15. Шуркант			1088		1165
16. Ирчамул			1822		1876
17. Каттаган			389		400
18. Кара-Кайтаг			2132		2196
19. В. Терекеме			297		427
20. Хемур-Дарго			2302		1872
21. Кайтаг			16890		20881
22. Буркун Дарго			1996		1764
23. Губден		4800	5478	+ 14,1	5755
24. Кадар			2508		2583
25. Мегеб			637		670
26. Кубачи		2550	1550	-- 39,2	4747

7	8	9	10	11	12	13
+ 75,1	6772	- 10,7	7300	+ 7,8	8587	+17,6
+ 14,6	4086	+116,1	4064	- 0,5	3828	- 5,8
- 34,4	2470	+328	1998	-19,1	2053	+ 2,7
+105,8	1136	- 2,5	1531	+34,7	1931	+26,1
+ 7,0	2225	+ 91,0	2079	- 6,5	2589	+24,5
+ 2,9	3686	+ 96,4	3810	+ 3,3	3780	- 0,8
+ 3,0	1073	+168	987	- 8,0	1045	+ 5,8
+ 3,0	4834	+120	4032	-16,5	4300	+ 6,6
+ 43,7	1402	+228	1459	+ 4,0	1360	- 6,7
- 18,6	4042	+115	4188	+ 3,6	3354	-19,9
+ 23,6	34862	+ 66,9	34350	- 1,4	35982	+ 4,7
- 11,6	3643	+106	3941	+ 8,1	4617	+17,1
+ 5,0	7100	+ 23,3	6334	-10,7	7508	+18,3
+ 2,9	3261	+ 26,2	3144	- 3,6	4015	+27,7
+ 5,1	727	+ 8,5	755	+ 3,9	790	+ 4,6
+206	2232	- 52,9	1946	-12,8	2760	+41,8

Т а б л и ц а

изменения численности даргинцев по союзам обществ во II половине XIX—начале XX вв. по русским источникам (количество дымов и населения).

Названия союзов обществ	А. В. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области. СССК, Тифл. 1869.		Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893		Е. И. Козубский. Административное устройство и населенные места Дагестанской области. «Дагестанский сборник», I, Т-Х-Шура, 1902		М. Заикин. Населенные места Дагестана. Т-Х-Шура, 1917	
1 Акушинский	3045	(13304)*	3625	15280	3578	14879	3743	16831
2 Усишинский	938	(4098)	1203	5094	1457	5320	1262	4944
3 Мугинский	989	(4321)	1568	6637	1556	6212	1805	6515
4 Урахинский	2092	(9122)	3031	13059	3291	12348	3838	13722
5 Мекегинский	1922	(8397)	2534	10946	2747	11767	3217	13318
6 Цудахарский	2478	(10826)	2880	12193	3469	13100	4018	15621
7 Сюргинский	1916	(8388)	2550	10785	3021	10765	3491	12524
Итого в семи союзах	13380	(58456)	17391	73994	19119	74479	21374	83475
К а й т а г								
1 Гапш	381	1439	661	3136	628	2902	804	3125
2 Ганк	1009	4328	1671	6772	1627	7300	1753	8587
3 Муйре	391	1648	794	4086	721	4064	783	3828
4 Маджалис-Кадта	200	879	525	2470	503	1998	547	2053
5 Ицари	111	566	213	1136	208	1531	225	1931
6 Шуркант	249	(1088)	457	2225	419	2079	492	2589
7 Ирчамул	417	(1822)	750	3686	696	3810	766	3780
8 Каттаган	89	(389)	224	1073	181	987	175	1045
9 Каракайтга	488	(2132)	1097	4834	913	4032	1018	4300
10 В. Терекеме	68	297	299	1402	249	1459	273	1360
11 Хемур-Дарга	446	2302	824	4042	786	4188	828	3354
Итого в Кайтаге	3849	(16890)	7515	34862	6931	34350	7664	35982
12 Буркун-Дарга	401	1996	700	3643	796	3941	913	4617
13 Шамхальство (Губден, Кадар)	1853	7986	2435	10361	2232	9478	2376	11523
14 Андалалское общество (с. Мегеб)	147	637	146	727	170	755	178	790
Итого в Буркундарга, Шамхальстве и Андалалском обществе	2401	10619	3281	14731	3198	14174	3467	16930
Всего даргинцев	19630	(85965)	28187	123587	29248	123003	32505	136387

* В скобки заключены цифры обществ, по которым в источнике нет данных по селениям и для выявления численности которых по округам автор использовал средние цифры населения Темир-Хан-Шурина округа (2251 мужчина и 2118 женщин на 1000 дымов).

ОЧЕРК ЭТНОГРАФИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Ландшафт Южного Дагестана характеризуется Прикаспийской равниной и предгорьями, которые в районе Самурского хребта круто переходят в горы, увенчанные высочайшими в Дагестане вершинами (4485 м). Соответственно здесь представлены все основные природно-географические зоны, свойственные Восточному Кавказу. Проживают в Южном Дагестане лезгины, табасараны, агулы, рутульцы, цахуры — народности близкие между собой территориально, по языкам, культуре и историческим судьбам.

Значительную часть Южного Дагестана занимает высокогорная или альпийская зона, где расселены цахуры, часть лезгин и рутулов. Основным занятием цахуров этой зоны является земледелие и скотоводство, характерное для альпийской зоны Дагестана в целом.

Цахуры (самоназвание «йыхъы»), численностью около пятнадцати тысяч человек, расселены по Верхнему Самуру, в аулах: Гельмец, Курдул, Микик, Хиях, Цахур, Сюгут, Муслах, Мишлеш, Корш, Джиних, Аттал, Калял, Беш-Калял, Беш-Муках. На территории Азербайджанской ССР они проживают в селах Сапунчи, Мамрух, (частично), Калял Верхний Сувагитль, Нижний Сувагитль, Чинраг, Кас, Карквай, Калалу, Аласкар, Лякит-Кетулу, Гезбарах, Зарна (частично), Кум, Лякит (частично), Закатальского и Кахского районов.

Район Верхнего Самура, населенный цахурами, их соседи — рутульцы называют «Горным Магалом», от старинного «Герги Магал».

Характерной особенностью расселения цахуров Горного Магала является то, что их аулы расположены цепью вдоль левого берега верхнего течения Самура и реже в долинах правобережных притоков. Помимо того аулы относительно прижаты к реке и не забираются высоко на гребни, что наблюдается у лезгин Нижнего и Среднего Самура. И только несколько аулов (Гельмец, Курдул, Аттал, Калял, расположены по правому берегу. Здесь использованы те случаи микрорельефа, когда на северной экспозиции Главного Кавказского хребта имеются ровные площадки или крутые выступы с южной обогреваемой солнцем стороной (Гельмец). Рельеф здесь слабо пересечен, не скалист, но окружающие горы чрезвычайно круты и высоки. Редкие кустарники и небольшие лесные покровы на правобережном склоне в целом не меняют высокогорно-долинный, «каньонный» пейзаж.

Цахуры имели свои летние пастбища по обоим склонам Самурского ущелья, но большей частью эти превосходные альпы из-за продолжительной зимы использовались лишь короткое время. Для земледелия рельеф здесь менее пригоден. Долина Самура, широкая в среднем и нижнем течении, с обширными илистыми плодородными участками для земледелия, в районе расселения цахур сильно сужается и практически не может быть использована под посевы.

Район занимаемый цахурами—характерный вариант хозяйственного освоения гор лишь в комплексе с южными экспозициями Главного Кавказского хребта. Поэтому, так сложилось, что цахуры расселились по южным склонам Главного Кавказского хребта в перечисленных селах Закатальского и Кахского районов. Эти районы обеспечивали цахуров зимними пастбищами для скота и служили зерновой базой.

Урожая, который цахуры Горного Магала снимали с пашен, расположенных поблизости своих аулов, хватало от 2 до 4-х месяцев в году¹ и, поэтому, почти целый год они жили на привозном из Закаталов зерне. Скот также мог находиться в горах лишь летние 2—3 месяца: а остальное время они вынуждены были держать скот в Закатальской зоне. О жизненно важной связи цахуров с Закататами свидетельствуют данные из прошения цахуров начальнику Самурского округа в 1900 году: «На водораздельном перевале из Закатальского округа в Самурский, посреди почти непрерывных балок, ущелий, оврагов и пропостей есть безопасное место для стоянки, для проходящих путников под названием «Валдугай-Дега». Этот караван-сарай построен одним цахурцем почти 270 лет тому назад, как гласит надпись...». До самого последнего времени этим единственным пунктом «между небом и землей в горах» свободно пользовались единственно тут проходившие путники — цахуры. Далее по поводу захвата этого караван-сарая Сарыбишским старшиной сказано: «без свободного пользования проходным пунктом Балдуган нам в селении Цахуре невозможно будет далее жить»². И, действительно, невозможно себе представить цахуров, отрезанными от южных склонов Главного Кавказского хребта. Вопрос, с какого времени цахуры располагали Закатальскими и Кахскими районами по сей день остается открытым. Согласно сведениям М. М. Кавалевского, цахуры подчинили себе Елису в XV в.³, что подтверждает также А. Н. Генко, ссылаясь на исторические данные⁴. Но надо думать, что завоевание Елису было одним из поздних эпизодов освоения южной стороны Главного Кавказского хребта, начавшееся, может быть, даже в раннем средневековье, в албанское время. Данное предположение базируется на косвенных, но достаточно веских основаниях. По данным Казвини, еще в XI в. в Цахуре Низам Ал-Мулк ал-Хасан ибн Исхак основал медресе университетского типа. Недавно получено неоспоримое доказательство существования в Цахуре медресе в XIII в., созданного в XI в., как о том сообщает Казвини⁵.

Стало быть, Цахур был в то время густонаселенным, высоко развитым в аграрном и хозяйственном отношениях еще ко второму тысячелетию нашей эры и политически значительным местом, каковым его, впрочем, рисуют как местные исторические предания, так и сообщения средневековых авторов. Это возможно только при хозяйственном освоении цахурами Закатальских областей. Ведь даже современные немногочисленные цахуры Горного Магала (всего около 800 дворов) могут

¹ «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, стр. 548.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 4-а и б. л. 5-а. Документ опубликован. См. Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 83.

³ М. М. Кавалевский. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, стр. 225.

⁴ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. «Труды II сессии ассоциации арабистов» М.—Л., 1941 г. стр. 97.

⁵ Рукописный фонд ИИЯЛ располагает двумя томами толкового словаря Ал-Гарибайн, переписанными в цахурском медресе, цахурем Мухаммедом б. Абуль Хзсаном в 1290 г. н. э. См. подробно: М. Нурмагомедов. По следам древней рукописи «Советский Дагестан», № 3, 1968.

жить лишь благодаря хозяйственных связей с Закавказскими областями.

Таким образом скотоводство, являющееся издавна ведущей отраслью хозяйства цахур, целиком и полностью зависело от Закавказских районов. Цахуры Горного Магала, в отличие от рутулов и большей части лезгин были не в состоянии вести стационарное скотоводство. Альпы и субальпы, расположенные на южных обильно обогреваемых склонах долины Самура, с превосходным травяным покровом, служащие летом для выпаса мелкого и крупного рогатого скота, на зиму закрывались более чем на 6—7 месяцев. Подобные ситуации складывались и в других частях горного Дагестана, но повсюду имелись возможности для заготовки кормов для стойлового содержания. В Цахурской же долине о заготовке достаточного количества кормов на зиму не могло быть и речи. Там, за летний период приаульные пастбища, скудные сами по себе, оголяются еще до периода летнего выпаса. Ограждение отсюда каких-либо участков от выпасов и потравы под сенокосы практически было невозможно из-за их малого числа. Субальпы, не использовались под сенокосы по причинам бездорожья для вывоза сена. В итоге стационарное содержание скота в Цахуре зимой было невозможно. Весь скот, в том числе и лошадей — единственный вид транспорта в условиях Главного Кавказского хребта — перегоняли на зимовье в Закавказье. Вместе со скотом уходила почти вся мужская часть населения Горного Магала. На этой основе сложился особый род отходничества, свойственный целиком Цахуру, Рутулу и части аварцев Тляртинского и Дидойского районов, которое не отделялось от скотоводства. Так, еще в 30-х годах прошлого столетия отмечено, что «Рутул более зависит от провинции Шекинской, так же как и Шиназ, который еще в теснейших сношениях с жителями владений Елисуйского»⁶, и по более определенному наблюдению другого путешественника, посетившего Борч в 1863 году: «стада этого населения пасутся зимой на равнинах Нухинского уезда. В это время сторожившие их пастухи вместе со своими земляками доставляют этому краю сильных и самых дешевых работников»⁷. По наблюдениям Л. Б. Панек, «Рутульское селение Хнов не имело пастбищ и почти все его население, за исключением 30—40 хозяйств откочевывало в Азербайджан, в Магарамкентский район или временно в бывший Закавказский округ»⁸.

Жители аула Цахур истари перегоняли скот на зимовье в местность Агъези, расположенную за рекой Игро-чай, впадающей в Алазань. Все это способствовало возникновению поселений за Водораздельным хребтом, таких как Свагир и др. Мишлешцы основали с. Мамрух и частью поселились в том же Свагире. В окрестностях этих поселений имелись пастбища и пашни, эксплуатируемые цахурами. Эта форма ведения хозяйства обусловила такое исключительное явление в семейном быту, как функционирование имущественно неразделенных семей, но проживающих частью в Горном Магале, частью за водораздельным хребтом.

Распространенным явлением было поселение части родственников за хребтом с имущественным разделом, но с обязательным обеспечением скота на зиму кормами и посевом зерновых летом за Главным хребтом. Взамен часть родственников семей, живущих в Горном Магале,

⁶ Обозрение Российских владений за Кавказом, ч. IV, СПб, 1836, стр. 147.

⁷ Военно-ахтынская дорога и Самурский округ. Газета «Кавказ» 1864, № 2.

⁸ Л. Б. Панек. Материалы по этнографии рутульцев. Рук. фонд, ИИЯЛ, Дагфилнала АН СССР, д. 1722.

целиком содержала и обеспечивала скот на летних пастбищах. К осени продукты овцеводства — шерсть, овечью брынзу на лошадях возили в Закаталы, а оттуда возвращались с тюками зерна. Если кто-либо из цахурцев не имел подобную натуральную базу, сложившуюся исторически на основе родственных отношений, то укреплялись куначеские отношения. Вследствие этого продуктообмена и сложилась торговля этими продуктами. Торговля осуществлялась на «большом базаре», о котором нам сообщает Эвлия Челаби⁹.

Итак, формы осуществления двусторонних хозяйственных взаимоотношений цахурским населением по обеим экспозициям Главного Кавказского хребта были таковы:

1. Имущественно неразделенные семьи разделены формально и проживают врозь по зонам. К примеру: старший брат с женой и детьми в селении Мамрух за хребтом, тогда когда глава семьи и младший брат с семьей проживают в Горном Магале в селении Мишлеш. Такое поселение одной семьи обеспечивает полный цикл хозяйственного года на обеих экспозициях Главного хребта;

2. Семьи имущественно разделены, но сохраняют взаимные обязательства — выполнение работ или присмотр за хозяйством по ту и другую сторону хребта, в зависимости от сезона. Например, летом родственник из селения Мамрух отгоняет свой скот на альпы к Мишлешу, где скот присматривается мишлешским родственником, а получаемые от него продукты отправляются в Мамрух. В то же время мишлешцы сеют злаки в Мамрухе, где в течение всего лета они и ухаживают за ними. Урожай осенью возится в Мишлеш, а скот целиком перегоняется в Мамрух и вместе со скотом уходит вся трудоспособная мужская часть семьи. Здесь даже сложился обычай приглашения чужих мужчин в аул на зиму за известную плату, так как в селе оставались лишь женщины, старики и дети. Приглашенные мужчины несли всевозможные обязанности, связанные с мужскими работами вплоть до защиты аула и семей от врагов и т. д.);

3. Такие же отношения складываются и поддерживаются с дальними родственниками, с одноаульцами или с кунаками;

4. Торговые сношения: закупка зерна за хребтом, а в Магале продуктов овцеводства¹⁰.

Само альпийское хозяйство может быть характеризовано следующими особенностями: а) отгонное скотоводство, при котором скот почти круглый год содержится на подножном корме, с перекочевкой значительной части мужского населения на зимовья; б) слабая развитость хуторской системы. Для зоны характерен также большой процент в стаде овец и лошадей (лошади разводились здесь местной породы, приспособленной к особенно сложным условиям передвижения, связанным с бездорожьем, трудным рельефом) единственным видом вьючного

⁹ «Отрывки из «Путешествия Евлия Челаби». Рук. фонд. ИИЯЛ, Дагфилиал АН СССР, л. 1157, л. 26.

¹⁰ В Мишлеше рассказывают легенду. Отправились однажды несколько мишлешцев за покупкой зерна в грузинский аул. Одна сгорбленная старушка расспросила о цели их приезда и, узнав, что они из Мишлеша, спросила, знают ли они такое место и большой продолговатый камень, который лежит так-то. Мишлешцы ответили, что знают и место и камень. Старушка предложила принести его и пообещала дать зерно, равное его весу. Мишлешцы приволокли камень и когда они раскололи его по просьбе старушки, то в ядре камня оказалось очень много золота. Мишлешцы хотя и получили обещанное зерно, но удрученные вернулись назад. Легенда любопытна не только с точки зрения ранней этнической истории, но и подчеркнутым мотивом готовности мишлешцев приволочь каменную глыбу — если речь идет о зерне.

и верхового транспорта; (этот тип скотоводства близок к transhumans и имеет аналогии у тушин, у части азербайджан¹¹, у аджар¹²); в) общая незначительность и чисто потребительский характер земледелия, нетеррасированность пашен; неорошаемость, случайность удобрений. двух, трехполье, своеобразие в земледельческом цикле (ранний подвоз урожая для молотбы и т. д.).

Основная территория, занимаемая рутульцами¹³, это долина среднего течения Самура, нижнего течения Кара-Самура и их притоков. а также, частично, долина реки Ахты-Чай. Эта область представляет из себя естественное продолжение долины, занимаемой цахурами вниз по течению Самура. Этот район отличается более мягким, но уже чуть более сухим климатом. Поймы рек здесь более расширены. Местность относительно открытая и склоны окрестных гор более пологи. В целом район среднего течения Самура более доступный для хозяйственного освоения. И как прямое следствие, мы видим здесь свободное расположение рутульских поселений. Села рутульцев Кича, Рутул (Мегьед), Хунюк (Гьныкъ), Куфа, Кала (Калидэ), Шиназ (Сыназра), Уна, Амсар (Амшур), Пилек, Лучек, Кина (Къына), Фчех, Вруш, Намца, Фартма, Джилихур (Джилъгьур), Михрек (Мегьрек) и Ихрек (Ерек) группируются вокруг крупных сел, занимающих наиболее выгодные районы в хозяйственном отношении. Отсюда жители каждой группы имеют свое название: шиназцы, рутульцы, ихрекцы. Между ними были диалектные и этнографические различия.

Рутулу был характерен высокий потенциал земледелия и меньшая, чем Цахуру, хозяйственная зависимость от Закатальских районов. Как уже выше говорилось, поймы рек на территории рутулов более расширены, чем в верховьях и заняты орошаемыми террасными полями. Топография сельскохозяйственной округи по отношению к аулам самая характерная для всего горного Дагестана: в центре аул с кучевым планом без приусадебных огородов, затем следуют приаульные и дальние пашни, которые граничат с зимними и летними пастбищами. У рутулов (как и у агулов) имеются возможности зимнего стойлового содержания скота, вследствие большей здесь открытости пейзажа и наличия зимних пастбищ на южных экспозициях. Кроме того, у рутульцев, как и у агулов, имелись и сейчас сохранились зимние и летние чисто скотоводческие хутора на границах пашен и пастбищ.

О поголовье скота у рутульцев имеются такие данные для середины XIX века (1856): овец—18842, крупного рогатого скота—680, лошадей—400¹⁴. В 1913 г. овец—15318, коз—16068, крупного рогатого скота—9818 гол., лошадей—1403, ослов—1362, мулов—132, буйволов—24. Так как с 1856 года в Рутульский магал вошли и цахуры (Лучекский участок), то, как полагает Л. И. Лавров, увеличение поголовья овец трехкратное, а крупного рогатого скота шестикратное, нужно считать как прямое следствие роста товарности в связи с вовлечением хозяйств во всероссийский капиталистический рынок¹⁵. Любопытно увеличение чис-

¹¹ Ю. Н. Мкртумян. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья: «Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971, стр. 124.

¹² В. М. Шамиладзе. Скотоводство в западной Грузии. (автореферат). Тбилиси, 1965, стр. 10—11.

¹³ Наиболее обстоятельно изучены в работе: Л. И. Лавров. Рутульцы в прошлом и в настоящем. «Кавказский этнографический сборник», III. М.—Л., 1962, стр. 110—157.

¹⁴ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. XII, Тифлис, 1904, стр. 456—467.

¹⁵ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 127.

ла лошадей, спрос на которых, вероятно, увеличился в связи с участвовавшими торговыми поездками рутульцев.

В общем обзоре упоминалось, что земледелие здесь большей частью богарное и сеют больше озимые. По архивным данным, в 1913 году в Лучеком участке (куда входил и Горный Магал) сеяли:

озимой пшеницы	— 3150	четвертей
яровой пшеницы	— 360	—«—
ржи	— 2450	—«—
ячменя	— 2140	—«—
проса	— 1500	—«—
картофеля	—	—«— ¹⁶

Далее Л. И. Лавров пишет, что эти данные можно целиком отнести к рутульцам, так как цахуры мало занимались земледелием¹⁷.

Агулы занимают район более напоминающий по своему природно-географическому положению ближайшие Лакский и Чародинский районы со значительными возможностями для скотоводства. Б. А. Калоев приводит любопытные данные второй половины XIX века, рисующие состояние агулов по семейным спискам 1886 года. Так в 20-ти агульских селениях насчитывалось 1062 хозяйства, из которых 118 совершенно не имели земли, 117 имели менее одной десятины, 122—от 1 до 3, 69—от 3 до 4 и 61—от 4 до 5-ти десятин¹⁸. «Показательно, пишет Б. А. Калоев, что в 1886 г. из 1062 хозяйств агулов 924—не имели овец и коз»¹⁹, т. е. крупные скотоводы владели лучшими сенокосными, пастбищными и пахотными землями. Из-за влажности климата и характера ландшафта у агулов сложилось богарное земледелие, сосредоточенное на террасированных склонах гор. Все сказанное относится и клезгинам живущим по речным долинам высокогорий, за исключением Ахтынской долины и Касумкентских предгорий, специализированных по садоводству. Притом, Ахтынская долина дает один из характерных для многих аулов Внутреннего Дагестана пример интенсивного земледелия²⁰ в сочетании с развитым садоводством, продукты которого производились на вывоз. Здесь на небольшой территории у подножья Главного Кавказского хребта сложились все известные в Дагестане виды хозяйства: террасное орошаемое и удобряемое, садоводство специализированного характера в сочетании с незначительным, интенсивным земледелием (Ахты, Усучай, Луткун и т. д.).

Лезгины, заселявшие предгорья и равнины, имели земледельческо-садоводческое и бахчево-огородническое направление хозяйства с разведением рогатого скота. Основными зерновыми районами считались

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 100, л. 179. Приведенные данные опубликованы Л. И. Лавровым. Ук. соч., стр. 128.

¹⁷ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 128.

¹⁸ Б. А. Калоев. Агулы. «Кавказский этнографический сборник», Ш. М.—Л., 1962, стр. 78.

¹⁹ Там же. Извлечения из ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 87, лл. 561—581.

²⁰ Понятие интенсивности или экстенсивности земледелия и скотоводства особенно в докапиталистических формациях не есть экономическая оценочная категория эффективности и результатности производства, как часто о том думают. При этом ставят под сомнение правомерность применения этого понятия к явлениям доиндустриального производства. Интенсивность или экстенсивность — это свойство производственного процесса, которое может прогрессировать или убывать. Это, по образному выражению Ференса Эрдей, нечто вроде «силы или напряжения тока». Erdei Ferenc. A. belterjességi fogalom közgazdasági — agrárgazdasági értelmezése. «Ethnographia», LXXXI. 2—4. Budapest, 1970, стр. 185. Горское земледелие при больших затратах труда не было рентабельным в современном понимании этой категории, но это как раз и есть показатель того как интенсивность не зависит от «рентабельного результата», хотя последнее очень часто является следствием интенсификации труда.

Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа в Дагестане, Кубинский и Кусарский районы в Азербайджане. Еще в XVIII в. И. Г. Гербер свидетельствует о том, что «половина Табасарана, к Дербенту лежащая (южный Табасаран—М. А.), имеет хорошие поля и хлебородную землю, а живущие к горам имеют пашни скудные»²¹. Валовый сбор пшеницы в провинции составлял в 1830 г. 239250 пудов, а в 1845 г.—190000²². Поэтому, по сведениям С. С. Агашириновой, самурские лезгин называли кубинских «фуан чуваллар» (хлебные мешки)²³. Упомянем еще данные, приводимые Х. О. Хашаевым иллюстрирующие земельные отношения и классовое расслоение лезгин и табасаран.

Ссылаясь на данные посемейных списков 1886 г. Х. О. Хашаев подсчитывает: «Самурский округ имел 11392 хозяйств, а пахотной земли 6940 десятин, т. е. на одно хозяйство приходилось только 0,6 десятины. В частном владении отдельных дворов находилось поливных пахотных земель 1820 десятин, неполивных—5120 десятин, сенокосов—4100 десятин, зимних пастбищ 5283 десятины, садов 136 десятин, всего около 17 тысяч десятин»²⁴. В 30-х годах XX столетия поливные земли в бывшем Самурском округе характеризуются следующими данными:

Рутульский район	1109 га (высота 1700—1200 н/м)
Ахтынский	1527 га (высота 1500—1100 н/м)
Докузпаринский	1097 га (высота 1350—600 н/м)
Агульский	53 га (высота 2280—1660 н/м)
Курахский	644 га (высота 2280—990 н/м) ²⁵

Из них значительная часть в Рутульском, Курахском и Ахтынском районах, помимо садов и виноградников, отводится под озимые и яровые и значительная часть под поливные сенокосы²⁶.

Табасаран же, особенно его южная часть, был и является земледельческим районом, сближаясь по своим природным данным с Кайтагом, а Верхний Табасаран, более скотоводческий, близок по всем показателям к районам, занимаемым агулами.

* * *

Из общего обзора видна неравномерность сосредоточения разных отраслей хозяйств в Южном Дагестане. Вместе с тем, в той или иной мере по всей области имеются все культуры, за исключением садовых и бахчевых, выращиваемых в ближайших к предгорьям долинах рек, в предгорьях и на плоскости. Распространенными по всей области являются культивируемые с древнейших времен и известные в XIX веке злаки: пшеница, ячмень, рожь, полба, просо.

По поводу злаков, культивируемых в Южном Дагестане имеются очень ранние сведения. Так, в XIII в., персидский автор Хамдаллах ал-Казвини писал о цахурах, что «пища их состоит из злака, называемого ас-сульт, он похож на ячмень по виду, а по качеству имеет природу пшеницы... Каждый сеет от этого злака удовлетворяющее его

²¹ История, география и этнография Дагестана. М., 1958 г., стр. 104.

²² А. С. Сумбат-Задэ. Сельское хозяйство Азербайджана. Баку, 1958, стр. 68.

²³ С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин.

²⁴ Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., М., 1961, стр. 189.

²⁵ Г. Л. Магакян, Г. В. Василенко. Горное орошение в Дагестане. Махачкала, 1938, стр. 11.

²⁶ Там же, См. таблицы.

количество и питается им и молоком своих овец»²⁷. Он же говорит, что «им же питаются в Шиназе»²⁸. На этой культуре немного следует остановиться, ибо еще не установлено какой именно злак имеет в виду Казвини. В местных источниках (Шабан-Кади Ободинский XVII в.)²⁹ арабским «ас-сульт» обозначен «бугла», — голозерный ячмень, распространенный у аварцев, лакцев и даргинцев. Но в Южном Дагестане культивировали разновидность полбы, похожую точно на описанную Казвини, а не голозерный ячмень. Вероятно, Казвини характерную культуру Южного Дагестана обозначает арабским «ас-сульт», также как Шабан-кади Ободинский эндомичную, но уже для Внутреннего Дагестана культуру, голозерный ячмень, называет тем же «ас-сульт». Добавим, что только в Шиназе ею питаются как обычным злаком, т. е. пекут хлеб и т. д., тогда как в других районах Южного Дагестана из нее готовят блюдо в виде плова. Притом полба распространённая в Южном Дагестане соответствует описанию Казвини. Впрочем данная разновидность полбы (по предварительному определению) встречается в составе злаков, разводимых жителями Тад-Шоба (III тыс. до н. э.)³⁰, что свидетельствует о знакомстве с полбой древнего населения Дагестана.

У агулов, рутульцев и большей части лезгин земледелие террасное. Господствующий вид террас это так называемые террасы с межевыми откосами, т. е. наклонными полосками, в виде ступенек, к следующей террасе. Откос — в то же время межевое ограждение поля. Высота откоса по вертикали доходит до двух и более метров, на крутом склоне, где сама пашня весьма узка, и до 1 метра на пологих склонах с обширной пашней. Этот вид террас является господствующим в Нагорном Дагестане (за исключением альпийской полосы, предгорных районов Казбековского района и Табасарана). В горах Чечено-Ингушетии, в альпийской полосе Дагестана данный вид террас постепенно переходит в «полуфабрикатный» тип и уступает место нетеррасированным пашням. Этот способ террасирования полей распространен лишь в Дагестане и в горной части Чечено-Ингушетии. Генезис и датировка террасных систем Дагестана, предложенная в специальной работе³¹ не встретила возражений, напротив, подтвердилась (эпоха бронзы) археологическими данными³².

Формирование террас с межевыми откосами было вызвано целями борьбы с эрозией почв, путем специальной пахоты и определенных методов и обработки горных склонов. Они заключались в вспашке или обработке кривого склона, поперек с обязательным отваливанием пласта. Притом, будущий край террасы должен быть намечен хотя бы очень узкой, но вполне горизонтальной полосой. Вспашка этой горизонтальной полоски всегда завершалась захватом конца (место упора горизонтальной полоски в склон), что формировало террасу в ширину.

²⁷ Cazwinis. Kosmographie II, стр. 405. (цитирую по А. Р. Шихсаидову А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, стр. 126.

²⁸ Там же.

²⁹ Рук. фонд ИИЯЛ д. 1439. «Ас-сульт» в значении голозерного ячменя встречается в списке податей аварскому хану (XVIII в.). Очерки Истории Дагестана. т. I. Махачкала, 1957, стр. 150.

³⁰ М. Г. Гаджиев. Чиркеевское поселение раннебронзовой эпохи. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 48.

³¹ М. А. Агларов. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) УЗ ИИЯЛ. XIII. Махачкала, 1964, стр. 184.

³² В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965 г., стр. 216.

Затем поле продолжали вспахивать по кривому склону, как оно расположено, до того места, где была намечена следующая линия будущей террасы. Почвы при каждой вспашке имеют тенденцию к перемещению в сторону отвала и наиболее мощному накоплению у края террасы. Со временем (значительным, вероятно исчисляемым десятками столетий) при такой вспашке пологие пашни как бы ложились горизонтально. Таким образом деформировался облик холмов и горок, сносились их вершины³³. Размах, масштаб и глубина подобных разработок (поля порою достигают 2-х га, с шириной почти равной длине) столь велики, что иногда, даже современные исследователи этот вид террас принимают за естественные³⁴.

Формирование террасной системы земледелия это крупное агротехническое достижение горцев, практически, один из специфических и ведущих методов перехода к интенсивным формам ведения земледелия. Террасирование не только препятствует эрозии почв, но и способствует их механическому обновлению за счет элементов лиманности и намывов на террасу почв во время дождей или ирригации. Почвы на террасах антропогенны, крайне разработаны, что позволяет применение легких подошвенных орудий. С. В. Зонн, тщательно изучивший почвы Дагестана, пишет, что «все они (почвы—М. А.) распределены на искусственных террасах, благодаря чему мощность их увеличивается вниз по склону, а в пределах одной плоскости террасы — от начала к окончанию ее»³⁵. Это следствие того, что мы только что назвали лиманностью и намывами. На террасах, продолжает он, «создаются особые почвы,— культурно поливные (антропогенные), резко отличающиеся от зональных почв»³⁶. О методе создания антропогенных почв: «...они созданы руками человека: то переносом мелкоземистой массы на террасированные участки, то кальмотажем отдельных площадок, то, наконец, длительным окультуриванием бывших на таких местах естественных почв путем постоянного перемешивания с навозом, золой, алювиальными наносами и выборкой камней»³⁷, им характерна хрящеватость, они более каменисты, менее глинисты. И наконец: «Культурные почвы более карбонатны, более гумусированы, чем светлокаштановые (окультуренные). Последние только в условиях неорошаемого земледелия по содержанию гумуса приближаются к культурным»³⁸. Здесь приведено почти все, что специально о почвах террас сказано Зонном. Любопытно, что им различаются почвы окультуренные, более распространяемые на неорошаемых террасах и культурные—в долинах орошаемого земледелия, где уже бытует другой тип террас на подпорных стенах. Формирование террасного земледелия повлияло и на древние формы коллективного владения, сменив частным землевладением малых семей, т. е. самым непосредственным образом ускорило процесс сложения качественно новых форм в аграрных отношениях³⁹.

---

³³ А. И. Робакидзе, известный кавказовед также считает этот вид террас образовавшимся в результате длительной обработки почвы. А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей. Кавказский этнографический сборник. Тбилиси 1968, стр. 97.

³⁴ По нашей типологии — естественные террасы выделены в отдельный вид, к формированию которого земледелец не имел отношения. (М. А. Агларов. Ук. соч., стр. 179).

³⁵ С. В. Зонн. Почвы Дагестана. «Сельское хозяйство горного Дагестана» 1940 г., стр. 144.

³⁶ Там же, стр. 116.

³⁷ Там же, стр. 144.

³⁸ С. В. Зонн. Ук. соч., стр. 145.

³⁹ М. А. Агларов. Ук. соч., стр. 184—188.

К удобрению в горах Южного Дагестана прибегают двумя способами. Первый из них заключался в том, что отары после дневного выпаса по очередной договоренности перегонялись на ночную пастьбу на тот или иной пахотный участок. Достаточным при ежегодной или плотной цикличности считался загон 500 голов на 0,2 га. Те, у кого не было собственных овец в стаде, но они нуждались в удобрениях полей, просили за всевозможные услуги загнать на ночь на поля отару. Постой овец на ночь — порядок вызвавший сложные отношения аренд, оплат, взаимных услуг. Богатые овцеводы отдавали свои стада на бесплатное содержание бедным общинникам, за вознаграждение — постой овец на полях. Если стадо большое, то время, продолжительность постоя соответствовали числу овец хозяина в общем стаде. Во всех случаях — хорошо и без затрат своего труда уножались поля обеспеченных скотоводов, у них, соответственно, были и лучшие урожаи. Метод уножания полей постоем овец довольно распространен в Южном Дагестане, за исключением цахуров, у которых поля крутые, нетеррасированные, не пригодные для постоя овец. Этот метод удобрений, вероятно, древнейший и простейший.

Второй способ, распространенный по всему Кавказу — вывоз органических удобрений на поля из хлевов. Там, где крутизна склонов не позволяла использовать вьючный транспорт, мешки с удобрениями на поля женщинам приходилось носить на спинах. В Табасаране, у лезгин в предгорьях и на равнине получили распространение сани-волокуши и арбы, используемые в разных целях, в т. ч. и для перевозки удобрений. Это простое приспособление в виде двух полозьев, соединенных на расстоянии друг от друга несколькими жердями и снабженное двойным дышлом. Наверху вмонтирована плетенная из прутьев корзина

Рис. 1. Сани волокуши.

(рис. 1). Для южнодагестанских саней-волокуш характерна неплетенная поверхность и малый размер саней, в отличие от западно-аварских. Этот вид саней распространен широко от Азербайджана до Осетии⁴⁰. В селах Гарах (лезгины) и Хустиль (Табасаран) зафиксированы ярма для впряжки в них одного быка.

⁴⁰ Чертежи А. Миллер и Бонч-Осмоловского. Хранятся в отделе Кавказа ГМЭ в Ленинграде у Е. Н. Студенецкой. Очень точны аналогии с санями, бытовавшими в Армении. Я. Н. Петросян. Армянские народные сухопутные средства передвижения. «Кавказский этнографический сборник», V, 1972, стр. 107.

Как правило, сезон удобрений сопровождался кампаниями трудовой взаимопомощи и празднеств. У цахуров, например, объявляли «нади» сбор родственников и соседей для доставки удобрений на участок объявившего его. Хозяин должен был участникам «нади» приготовить обильное угощение.

Удобрение полей у Главного Кавказского хребта было делом трудоемким — в условиях крутых нетеррасированных пашен удобрения большей частью смывались дождями вместе с почвами. Поэтому цахуры вспахивали поля сразу же по внесении удобрений. В зонах, где возделывались террасные поля внесение удобрений на поля практиковалось задолго до пахоты с тем, чтобы оно перемешивалось с почвами и перегноями. На местах орошаемого земледелия, удобрениями пропитывал почву с помощью воды (Касумкент, Ахты, Нижний Табасаран).

Одной из мер борьбы против истощения почв в Южном Дагестане было соблюдение двух или трехполья. Так, если мишлешцы под паром оставляли пашни в местности Ака, то пашни в местностях Зьярк или Абсаран в этот год возделывались. В практике двух или трехполья возникал здесь ряд затруднений. Дело в том, что крайняя ограниченность зимних пастбищ для стационарного содержания скота на летних приаульных пастбищах требовала рационального использования всех угодий. В частности, все поля после уборки урожая превращались в пастбища. При двух или трехполье освобождавшаяся треть полей должна была быть превращена в летние пастбища. Но это было невозможно при индивидуальном трехполье, когда каждый владелец земли самолично решал, что оставлять ему под пар. В этом случае под паром оказывалась не обособленная местность, а отдельные островки, разбросанные по всем пахотным угодьям, что создавало невозможность их эксплуатации под пастбища из-за угрозы потравы соседних посевов. Трудно определить, когда и как общины добились того, что вне зависимости от желания землевладельцев земли под залеж отсекали компактными массивами и если кто возделывал в этом районе участок, общество не гарантировало его от потравы. Но все нуждались в ежегодных урожаях и если участок оказывался в районе, отводимом под пар, то случалось, что владелец лишался посева на год. Поэтому, каждый из владельцев земли старался иметь несколько участков, расположенных по всем районам сельхозокруги, чтобы в случае отведения его участка под пар, быть застрахованным от потери урожая года. На этой основе возникали торговые обменные и арендные операции. Так в лезгинском селении Кучхюр в один сезон засеваются не все земли. Когда засевают пашни в местности Гуле, под пар оставляют пашни в местностях Вегьре, Къанзел, Яргъа. Причем, если кто-либо не имел участка в местности Гуле, он старался арендовать здесь землю. Ему уступали те, кто в следующем году при оставлении под пар района Гуле нуждался в помощи, располагающих землями в остальных урочищах. В Цахуре каждый отведенный под залеж участок, который общество гарантировало от потравы, превращался в сенкосос. Это объяснялось тем, что проблема кормов на зиму в Цахуре была особенно остра, а многочисленность летних пастбищ позволяла сохранять отведенные под залеж районы пашен и эксплуатировать их как сенкососы.

Отсюда следует вывод, характерный для всего Дагестана, о высокой рациональности правотворчества сельских общин и их широких полномочиях в управлении норм хозяйственной жизни. В исторической литературе такого рода явления принято рассматривать как пережитки былого хозяйственного единства этих коллективов. Такое толкование

уводит нас от вероятных и конкретных причин, заключающихся в том, что общины на основе всего предыдущего исторического опыта деятельно отыскивали формы рационального использования своей сельхозо-круги. Если даже эти порядки, и на самом деле, остаточны от таких производственных отношений, как хозяйственный коллективизм, то жизнью своей при новой системе они обязаны усилиям общины в целях рационального ведения хозяйства. Но как бы не решался этот вопрос главным здесь для нас вступает борьба общины за предельно рациональное использование сельскохозяйственной округи. Этим объясняются и своеобразные нормы распоряжения землей при двух и трехполье в Южном Дагестане.

Весенние аграрные обряды в Южном Дагестане, по случаю начала земледельческих работ значительно беднее бытовавших во Внутреннем Дагестане. Ритуальные и праздничные действия здесь заключались в том, что выход плуга сопровождался молебнами и совместной трапезой в день запряжки быка. После проведения первой борозды быков распрягали и ватага мальчишек и молодых людей гоняли их по полям (цахуры). Такой обряд почти в точности встречается у дидоев. Существовал так же обряд привязывания в этот день на рога быка красной тряпки, (еще сохранившийся у рутулов в Лучеке⁴¹) магическое значение которого — призыв к божеству солнца о даровании благоприятного сельскохозяйственного года. Дело в том, что в Ахтах при обряде вызывания солнца фигурирует изображение божества солнца в виде человеческой фигуры, носящей диковинную безукоризненно округлую «голову», обернутую в красную материю⁴² (фигура называется «Алапехъ», значение которого пока не ясно). О том, что речь идет именно о божестве солнца, а может быть и о названии божества свидетельствуют строки заклинания, приносимые во время церемонии солнцепрошения: «пехъ-пехъ, пехъ пришло — выйди теплое солнце». И в другом варианте — прямое обращение к божеству:

«Эй, пехъ, эй, пехъ,
пехъ село — выйди теплое солнце»,

но здесь для нас важен красный цвет изображения божества солнца, чтобы в цвете платка и обряде привязывания его на рога быка смело усмотреть элементы астрального культа, столь распространенного в языческих верованиях доисламского Дагестана. Надо отметить и то, что рога быка во время этих церемоний становились своего рода «транспортирующим» средством изображения солнца. Имеется в виду обычай собственно аварцев и андийцев вешать на рога быка круглые хлеба-калачи, несомненно символизирующие солнце⁴³. Мотив, когда рога быка «подпирают» и «транспортируют» изображение солнечного диска широко известен на Древнем Востоке, в частности, головка статуэтки Исиды увенчана убором, изображающим бычьи рога, которые подпирают солнечный диск⁴⁴.

Несколько пышнее этот праздник отмечали агулы в селении Буркихан⁴⁵.

⁴¹ Информация в Лучеке, 1969 г.

⁴² Изображение, о котором идет речь, хранится в краеведческом музее сел. Ахты. Об обряде этом и ритуальной песне, сопровождающей церемонию, см. Ф. Вагабова «К вопросу об особенностях лезгинской народной песни», Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIII (серия филологич.). Махачкала, 1964, стр. 151, см. также А. Ф. Назаревич. «Лезгинский фольклор». Махачкала, 1941, 243.

⁴³ «Материальная культура аварцев». Махачкала, 1969.

⁴⁴ Древний мир в иллюстрациях. М., 1961, т. IX, стр. 45.

⁴⁵ Абдулла Омар-оглы. Воспоминания муталлима. «Сб. сведений о Кавказск. горцах», вып. I, Тифлис, 1871, стр. 61.

Существует описание этого праздника лакским этнографом Абдулла Омар-оглы, посетившим это селение в 70-х годах XIX века. «В деревне ходил говор о предстоящем празднике — пишет он — вывоза плуга в поле. Подготавливали лошадей на предстоящую скачку, скороходы также упражнялись в бегании на гору, пробуя кто кого перегонит». Старейшины выбирали человека кому доверилось выводить первый плуг в поле. «Нужно было выбрать честного и доброго человека, чтобы хлеб уродился лучше. Многие выбранные отказывались в виду того, что в случае неурожая жители будут роптать на них»⁴⁶.

Празднество начиналось со скачек и бега, затем победителей одаривали почетными призами, специальным хлебом — «барта», обвешивали кинжалами. По окончании скачек к ближайшему пахотному полю направлялся пахарь с быками и сохой одетый в овчинный полушубок навыворот. Вслед за ним шла толпа сельчан «бросая в него комками

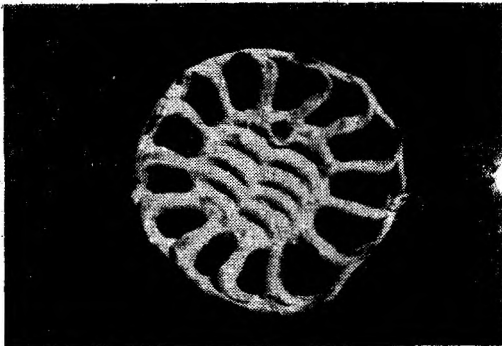

Рис. 2. Агульский хлеб.

снега, грязью и камешками и не переставая бросать в него до тех пор, пока пахарь не обошел вокруг пашни три раза. При этом каждый читал молитву подняв руки кнебу прося убога хорошего урожая в этом году»⁴⁷. По сведениям Ш. Ахмедова на рога быков повязывали разноцветные куски материи и осыпали быков мукой⁴⁸. Тому, кто первый пахал землю, дети пели шуточные песни в роде:

«Пахарь — продавец сита,
Пусть голова твоя будет плешивой.
Мне досыта новый сыр
Тебе досыта старый сыр» — (пер. Ш. Ахмедова)⁴⁹.

Праздник этот достаточно описан в этнографической литературе, в первую очередь Г. Ф. Чурсиным⁵⁰. Одним из важных, имевших магическое значение обряд одевания пахаря шубу наизнанку, забрасывание его комьями земли. Г. Ф. Чурсин, один из первых, анализировавший этот обряд, пишет, что причина одевания шубу на изнанку есть магия «чтобы поля были косматые» как шуба пахаря (Мачада), «чтобы поле было косматое, пушистое (Орода). Косматое одение пахаря по закону подражательной магии «подобное вызывает подобное» должно заставить и нивы сделаться косматыми, покрыться высокими, густыми хлебами. Далее он пишет — «не успевае пахарь приступить к проведению

⁴⁶ Абдулла Омар-оглы. Воспоминания муталлима. «ССКГ», вып. 1, Тифлис, 11871 г., стр. 61.

⁴⁷ Абдулла Омар-оглы. Воспоминания муталлима, стр. 61.

⁴⁸ Ш. Ахмедов. История кушандаринского сельского общества. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. ф. 3, оп. 1, 4482, л. 63.

⁴⁹ Ш. М. Ахмедов. Ук. соч., л. 63.

⁵⁰ Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк «Авары» РФ ИИЯЛ, д. 1570: Его же. Очерки по этнологии Кавказа Тифлис, 1913; М. М. Ихилов. Хозяйство аварцев. «Материальная культура аварцев в XIX—начале XX вв». Махачкала, 1967 г., стр. 41—45.

борозды, как толпа ребятишек начинает осыпать его комьями земли и забрасывать снежками и продолжает это обсыпание пока пахарь не закончит работы и не выпряжет быков. После этого толпа мальчиков начинает бросать на пахаря свои папахы (Мачада) или золу (Орода), которую заранее приносят на место обрядовой запашки в кувшинах. Быки ошеломленные бомбардировкой убегают. Это обсыпание пахаря или быков по первоначальному своему смыслу — магический обряд, который должен содействовать обилию урожая»⁵¹. Однако, на наш взгляд, здесь содержание конкретнее и богаче. На самом деле, сквозь весь обряд красной нитью проходят действия направленные «наказать», «унизить» пахаря. Меняют ему внешность (выворачивание, шубы) отчуждая его тем самым от остальных. В Хамантле (дидои), например, пахаря одевают в разные одежды поверх натягивают вывернутую шубу и скатывают его по крутому склону вниз в ущелье. Мальчики бегут за ним, всячески издеваются, не давая встать. Иногда пахарь получает ушибы⁵². Только что приведенная агульская песенка так же дразнит пахаря: «новый сыр мне, старый сыр тебе», «пусть твоя голова станет плешивой» и т. д. Нетрудно здесь увидеть смысл, который вкладывают, скажем, охотники севера, в свои заверения убитой дичи, что не они её убили⁵³. То есть обрядом создается версия несоучастия. Забрасывая пахаря комками грязи, земли, золой, папахами, сочиняя в его адрес унижающие песенки, сельчане имитируют свое «противодействие» деянию пахаря. Это должно бы было «задобрить» землю или нечто олицетворяющее землю, т. е. обряд призван умиловить землю или дух земли. Вывернутая шуба, впрочем может иметь функцию иррациональную функции магии — «пусть косматое будет поле», но это не меняет суть «отчуждения» пахаря и быков, на которых производится «нападение».

Отметим еще то, что новогодний праздник в Южном Дагестане проводится отдельно — в день весеннего равноденствия, а праздник выхода плуга перед началом сезона пахоты. Во Внутреннем Дагестане эти праздники совмещены, чаще всего праздник выхода плуга переносится на новогодний, определяемый повсюду по солнечному микрокалендарю.

Как было сказано выше, сеяли в Южном Дагестане самые разнообразные злаковые, но главным образом озимые.

Как правило, под озимые посевы отводили северные склоны горной зоны, которые местами считались житницами (селение Гельхен, Курахский район). В высокогорных районах, например, у цахур, солнечная обогреваемость склонов летом важнее зимней влаги, поэтому в высокогорьях капризная осень и короткое лето не благоприятствовали культивированию яровых. Как уже говорилось, Южному Дагестану характерен большой процент озимых посевов. Впрочем местами встречались и яровые и озимые культуры. Например, в Гелхене (Курахский район) пшеница, рожь — озимые, а ячмень яровая. Любопытно, что в окрестностях Мишлеша существует урочище, возделанное под пашни, которое называется «цѣбра». Термин «цѣбра» этимологизируется как «семена». Имея в виду еще и семантическую сторону, напрашивается вывод

---

⁵¹ Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк. «Авары», л. 95—98.

⁵² Информация в Хамантле в 1973 году.

⁵³ Лапландцы «маскируют» свое участие в убийстве медведя тем, что охотников снаряжают иностранцами, а женщины, которые принимают у них медвежье мясо, делают вид, что верят этому. Джемс Фрэйзер. Золотая ветвь. Москва 1928, стр. 65.

об отведении в древности специальных участков и урочищ для семенных посевов — один из важнейших моментов народной селекции. Подтверждения этому имеются в аварской и лакской терминологии. Так, аварцы северные (нескальные) склоны от южных различают названием «хьонльи», вероятнее всего от «хьон» — «семена». На лакском «гъан» — семена, «гъанна» — те же северные экспозиции. Если это так, то перед нами открывается перспектива выяснения отдельных сторон селекционной деятельности древних земледельцев. Можно себе представить практику культивирования специальных участков под семена на северных склонах, где период созревания еще более короток, чем на южных и получении здесь известных скороспелых сортов — необходимо для горного земледелия. Но так или иначе связь терминов обозначающих отдельные пахотные места с понятием «семена», также названия северных склонов у аварцев и лакцев не кажутся случайными и историческая действительность, просматриваемая под этими терминами рисует древнюю эмпирическую, не осознанную, конечно, селекционную деятельность во времена древнейшего земледельческого освоения высокогорий.

В Южном Дагестане прежде чем засеять поле вспахивали несколько раз. В Верхнем Табасаране (с. Кандик) наиболее глубокой была первая вспашка. Вторую вспашку — «уъхав» проводят позже (в мае) поперек первой. Это значит, если первую запашку проводили бороздами с востока на запад, то во второй вспашке борозды будут проложены с севера на юг. Третья вспашка — «кIуру дуруц йивуй» — имеет в виду запашку семян. Сев озимых должен был быть проведен с сентября до середины октября. Но если с посевами опаздывали, то прибегали к боронованию, чтобы семена залегали неглубоко. После сева, как правило, бороновали. Южнодагестанские бороны зафиксированы в трех разновидностях: вязанные и придавленные тяжестью прутья, массивный треугольник с зубьями (предгорья) и просто доска — «эхед», зацепленная за ярмо обеими концами (с. Хрюг). Последний вид бороны наиболее самобытен (рис. 3). Цахуры не боронуют поля после посева, так как пашни их не террасированные и участки расположенные на крутых склонах гор, бороновать практически невозможно. Но цахуры знают

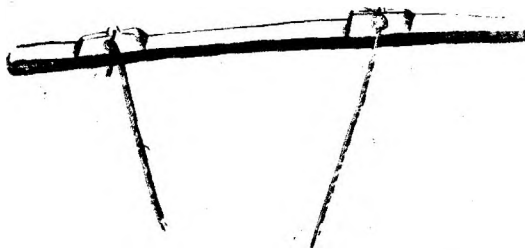

Рис. 3. Эхед — старинное орудие для боронования.

борону (небольшой, но массивный кусок бревна с деревянными зубьями, нанизанными вдоль рабочей поверхности), которой они пользуются для боронования пашен в пойме Самура. Южнодагестанская традиция боронования смыкается в целом с общими и распространенными традициями земледелия во Внутреннем Дагестане: после посева,

семена большей частью запахивают новой вспашкой. Запахивание семян sporadически встречается в Южном Дагестане есть остаточные архаические формы земледелия. Дело в том, что запашка яровых пахотным орудием дает возможность раннего сева. Рано весной согревается лишь небольшой слой поверхности, куда и попадают семена. Вспашка опускает эту поверхность на необходимую глубину вместе с семенами, а нижние неотогретые еще слои выворачиваются на дневную поверхность. Создается удовлетворительный температурный

режим. То, что земледельцы гор учитывали эти обстоятельства подтверждается еще тем, что в некоторых районах Южного Дагестана к боронованию полей прибегали «опоздавшие с пахотой» (Юхаристаль). То есть «опоздавшие» не нуждались в глубокой запашке семян. Глубокой запашкой семян ранней весной одновременно достигалась и другая цель: они в глубине предохранялись от возможных весенних коротковременных заморозков. Земледельцы гор Северного Кавказа, где под тонким слоем чернозема были глинистые слои, вообще опасались как глубокой вспашки самой земли, так глубокой запашки семян, а при раннем севе семена вообще оставляли на поверхности, защитив ветками от птиц, или погружали семена на незначительную глубину волочением связанных кустарниковых веток. В. К. Гарданов тщательно проанализировав литературные свидетельства и полевые данные по адыгским народам приходит к выводу, что «...адыги, руководствуясь многолетним опытом, не считали нужным глубоко запахивать семена в землю, а при посевах некоторых культур предпочитали оставлять не запаханнами, чтобы они согревались и произрастали»⁵⁴. В данном сравнении традиционных методов сева на Северном Кавказе и в Дагестане нет противоречия по существу, тут и там при ранних посевах земледельцы стремились к одному и тому же. Различие методов были обусловлены конкретными почвенными, агроклиматическими условиями и культурными традициями в земледелии.

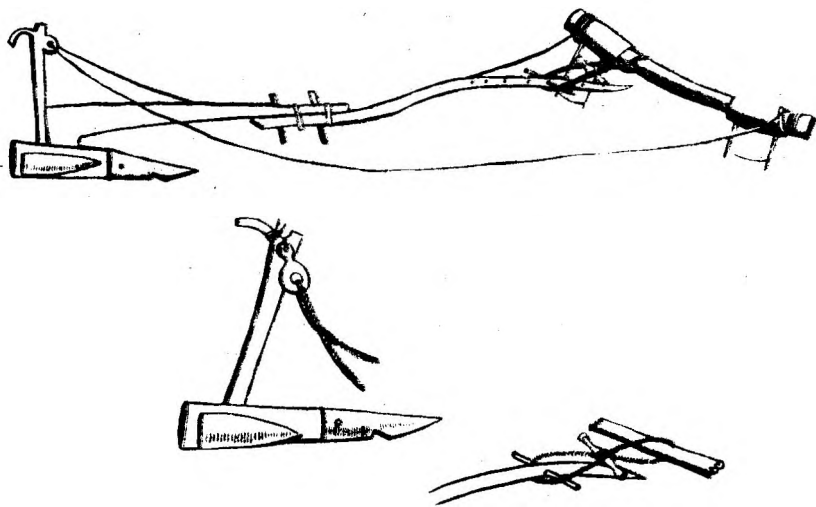

Рис. 4. Турез — южнодагестанское пахотное орудие террасных полей (с. Хрюг).

Пахотным орудием в Южном Дагестане служит деревянный легкий плуг—«турез» типа общедагестанского, в частности аварского «пурец», который отличается от него отсутствием так называемых «ушек», т. е. специальной вставки в пяту для двухстороннего отвала (рис. 4). У цахурского плуга—«веца» имеется тенденция к раздвоению пяты более выраженная у орудий, распространенных у рутульцев и агулов. Конструкция туреза — четырехэлементная, состоит из полоза—«кбил», стойки — «мерф», лемеха — «магъ» и грядиля — «хтов», кото-

⁵⁴ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. стр. 74.

рый укрепляется к одинарному круглому в сечении и без выема для шеи быков ярму⁵⁵.

Пахотное орудие у агулов⁵⁶ обыкновенно состоит из палоза — подошвы — «таб» с железным наконечником — «магъ». Длина подошвы с лемехом 66 см, ширина 21 см. В подошву вставляли согнутый, колесобразный сук — «макк» (в переводе с агульского — нога), удлиненный специальной надвязкой для ярма. Высота «колена» (от наконечника лемеха) 55 см. Длина грядиля (по буршагскому экземпляру) 2,65 м. Длина до ближайшего отверстия для ярма (рабочая длина) 1,95 м. В пятку же вставлен прямой держак — «мирар» и ручка для захвата пахарем — «хил». Измерения орудий взятых из разных, мест далеко лежащих друг от друга дают сходные показатели, т. е. известную стандартность общей конструкции, свойственную впрочем, всем пахотным орудиям горного Дагестана. Речь идет о стандартности принципиального конструктивного решения, а именно это несравненно малый угол образуемый линией горизонтально расположенного палоза и почти параллельно к нему устроенным грядилем. Величина этого угла имеет принципиальное значение для глубины вспашки. Закавказские⁵⁷ преднеазиатские⁵⁸ и северокавказские⁵⁹ орудия обладают, за редким исключением, 2—3 раза большим углом захвата.

Там угол захвата уменьшается у тяжелых передковых или близких к ним плугов, т. к. необходимое погружение в землю обеспечивается массивной конструкцией пахотных частей или «отрицательным» углом.

Стандартное решение (с малым углом захвата) основной конструкции дагестанских легких пахотных орудий является естественным следствием разработанности, легкости и маломощности культурных и окультуренных почв террасного земледелия. Малая величина угла захвата может так же считаться в историко-культурном плане типичным свойством дагестанских горных пахотных орудий. У агульских орудий нет чего-либо принципиально указывающего на их локальную особенность. В с. Рича встречены орудия с расширяющейся к концу пятой. На колоде ричинского экземпляра прибиты своего рода «прижатые ушки», для расширения борозды. Эта деталь редко встречается в Дагестане, но имеет распространение на Северном Кавказе, во всяком случае, на четырех из пяти опубликованных Б. А. Калоевым типах осетинских орудий она имеется⁶⁰. По термину, «мирар» как агулы называют держак, сделана попытка генетической реконструкции прототипа дагестанских пахотных орудий. Вкратце она сводится к тому, что «мирар» — на андийском (мияр) — значит «голова». «Головой», «голо-

---

⁵⁵ В горах Осетии зафиксировано длинное ярмо для запашки нетеррасированных склонов гор. На этом ярме имеются приспособления для переноски места стыка налево или направо, так, чтобы плуг был все время два раза ближе расположен к волю, идущему сверху. При повороте обратно — плуг перемещали ближе ко второму волю, занимающему место первого. А. А. Миллер, Бонч-Осмоловский, ук. табл.

⁵⁶ Сведения даются по экземплярам обследованным в 1968—69 г.г. в агульском селении Рича. Сравнения — по экземплярам, обследованным в с.с. Буршаг и Буркихан (полевой дневник 1968 г. РФ ИИЯЛ, № 120, ф. 5, оп. 1, инв. 4023 л. 112, 127). Полевая тетрадь 1969 г. (хранится у автора).

⁵⁷ Народы Кавказа, т. II, М., 1962, стр. 235.

⁵⁸ Н. И. Вавилов. Земледельческий Афганистан. Избр. труды, т. I, М.—Л., 1959.

⁵⁹ Б. А. Калоев. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973, стр. 46—47.

⁶⁰ Б. А. Калоев. Материальная культура..., стр. 46—47.

вой пахотного орудия» горцы очень часто называют полоз—подошву⁶¹. Это понятно т. к.— полоз это основная, главная рабочая часть орудия.

Если только указанный термин — мирар⁶² имеет в виду конструкцию, где основная головная часть (полоз) еще не дифференцирована от ручки, то значит речь идет о бесподошвенном орудии, аналогичном зафиксированному в горных районах Грузии⁶³. Там держак и пашущая часть составляют единое целое. Значит прототип дагестанских орудий был бесподошвенным, о чём информирует название ручки-держака⁶⁴.

В связи с исследованием развития пахотных орудий в Дагестане необходимо сделать несколько пояснений: в первую очередь надо указать, что близкое знакомство с дагестанскими материалами показывает на ошибочность теории, о том что пахотные орудия не несут никаких следов историко-культурной детерминации, так как конструкции целиком зависят от условий и их технического применения⁶⁵. Материалы по классификации и районированию пахотных орудий Дагестана дали результаты, свидетельствующие о крайней цепкости «этнического» в пахотных орудиях, если случалось, что эти элементы не нарушали общего принципа требований к конструкции⁶⁶. Более того, пахотные орудия сохраняют в качестве «этнического» древние черты конструкции, сформировавшиеся еще в период, когда адаптация орудия к почвам еще не была завершена. Потому во многих случаях прибегают к плагам, как к источнику для решения вопросов раннего этногенеза. При том положении, когда в горах Дагестана для III-го тыс. до н. э. уверено предполагают пашенное земледелие⁶⁷ и с тех пор, применяясь постоянно и совершенствуясь орудия адаптировались к разнообразнейшим условиям, казалось бы трудно найти «этническое». Но это не так. Все дело в том, что один и тот же функциональный эффект достигается при разных конструктивных решениях. Эти найденные решения и закрепляются в качестве этнотрадиций. При этом пахотные орудия «реагируют» на этновариации не всегда нам привычными, а «своими» законами. Они больше отражают не частности, а какие-то ранние и генеральные перемены или членения. Такая реакция тем и ценна, что, как правило, носит надежную информацию о ранних этнических изменениях. Наши орудия подсказывают, что народности Южного Дагестана не только испытали больше влияние Закавказья, но и раньше, и глубже отчленились от общедагестанской проосновы нежели аварцы, лакцы и даргинцы между собой. Для последних характерны орудия с ушками, отражающие их еще достаточно цельную хозяйственную модель.

Вернемся к хозяйственному циклу. Посевы после всходов в засушливых районах и в доступных местах орошали порою несколько раз за лето. Любопытно, что в с. Кирка была установлена очередь на воду.

---

⁶¹ Полоз на аварском — «пурцил бетлер», что значит «голова пуруца», на лезгинском «квил» — «голова» и т. д.

⁶² То, что «мирар» — шифруется на прямо с агульского вполне характерно для остаточных языковых явлений с древнего иласта. (Этимология с агульского противоречила бы семантике термина в ситуации, когда им обозначена ручка).

⁶³ Народы Кавказа, т. II. М., 1962, стр. 236 (рис. 1, 2).

⁶⁴ В Южной Чехии русским термином «соха» обозначают рукоять подошвенного рала. (Я. Крамаржик. Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии. «Сов. этнография», 1974, № 3, стр. 76). Здесь тот же случай, когда термин, сбозначавший основную часть или даже целиком орудие, переместился к ручке, вследствие конструктивных перемен в орудии.

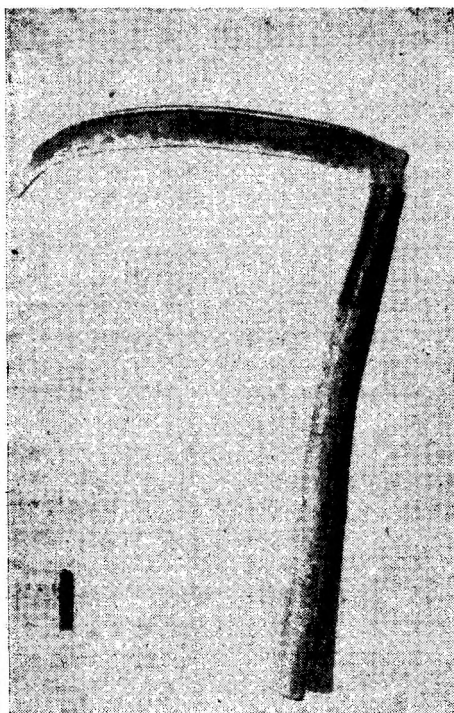
⁶⁵ Ю. Новиков. «Генезис плуга и этнография». «Сов. этнография», 1963, № 1.

⁶⁶ М. Агларов. Этнографические очерки земледелия аварцев, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 260, л. 47.

⁶⁷ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 10.

Те, у кого не было надобности в орошении, свою очередь за воду про-
давали нуждающимся за один «рипе» (30 кг) зерна. Двух-трехразовая

прополка за лето была обяза-
тельна. Но в засушливые годы
её не проводили, т. к. на пропо-
лотом поле влага испарялась
быстрее. По созреванию хлебов
наступал период жатвы, который
был столь-же напряженным, как
и пахота. Урожай убирали серпа-
ми. У агулов убирали короткими
косами, типа аварского — «хъан-
деро», но чуть больших разме-
ром, с деревянной ручкой
(рис. 5). В селении Рича
обнаружен экземпляр с несколь-
ко удленным лезвием за счет
дуги у места крепления ручки.
Эти короткие косы, используе-
мые в основном для сенокосения
в горах, были широко распро-
странены. Короткими косами ре-
жут «на себя», лезвием служит
изгиб под прямым углом к ручке.
До XV века они встречались на
юге России, в Венгрии. Лайош
Такач считает, что их родина
Средняя Азия и в Европу они
были перенесены прорвавшими-

Рис. 5. Короткая коса агулов.

ся кочевниками⁶⁸. Короткие косы
отличаются от распространенных
по Внутреннему и Высокогорному
Дагестану не только деревянной
ручкой, но и чуть большими раз-
мерами.

У лезгин были распростра-
нены зазубренные серпы. Судя
по конструкции серпов, сначала
они не имели серповидную изог-
нутую рабочую поверхность
и большей частью были Г-образ-
ными, где в качестве режущего
элемента употреблялся не из-
гиб, а непосредственное продол-
жение ручки, а изгиб служил для
захвата пучка (рис. 6). Позднее
произошла дифференциация сер-
пов для жатвы и коротких кос
для кошения травы на склонах.

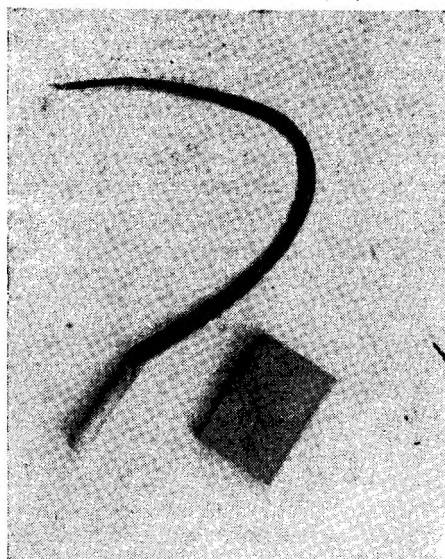

Рис. 6. Мукал — лезгинский поже-
видный серп с изгибом для захвата.

⁶⁸ Takacs Lajos. A magyarországi
LXXX1.2—4. Budapest. 1970 г., стр. 218.

rövid kaszák történetéhez. «Ethnographia»

Сжатый урожай сначала складывали снопами на полях, затем вывозили на всех имеющихся видах транспорта на гумна. Но сроки подвоза и начала молотбы различались по зонам. Цахуры уже к октябрю должны были закончить все работы связанные с урожаем: во-первых, чтобы скорее открыть пастбища на пашнях, а во-вторых — чтобы успеть закончить молотбу: к ранней зиме. Жали урожай как женщины, так и мужчины, но существует предание (в Рутуле), что урожай в прошлом убирали женщины. Вначале снопы (рутулы) укладывали в полужоко. Строили его из снопов, сложенных по три «хъри». Особо уложенные 13 хъри составляли — «бар» (вьюк). Считалось, что при нормальной урожае, с каждого бара можно получить два пуда зерна. Эта мера была одной из определяющих качество поля при торговых сделках. Определение урожайности того или иного поля было важнейшим явлением ценообразования в горском земледелии, вытекающее не только из-за разности естественного плодородия террасных полей, но и из разности окультивирования почв, связанного с интенсивным террасным земледелием⁶⁹.

Подвезенные к токам снопы укладывали в крупные скирды — «гатли» из 10—12 бара так, чтобы скирда не превышала норму, необходимую для разовой молотбы. Для молотбы использовали известные на Кавказе молотильные доски.

По информации, в селении Шмихюр рожь очищали путем равномерных ударов снопа по ребру каменной плиты. В этом случае отделялись наиболее крупные и спелые зерна, используемые, в основном, как семенной фонд. Также поступали и в агульских селах. Во время и после молотбы выполняются несколько операций: обработка вилами — «хлегъен», которая заключалась в удалении крупной соломы; веяние лопатой полуочищенного зерна — «йырф»; обработка с помощью специального сита — «сафуплай авун»; окончательное очищение зерна с помощью круглого подноса — «кIусадлай авун». Молотба в Южном Дагестане любопытна специфическими операциями: в Рутуле, например, снопы ломают пополам перед расстилкой их на токе — «эдучун» — обмолот ведут по кругу в одном, а затем в противоположном направлении, веяние вилами, а лишь затем лопатами («йыглейын»). Затем, зерно перебрасывают с места на место до полного очищения. Особенности орудий молотбы

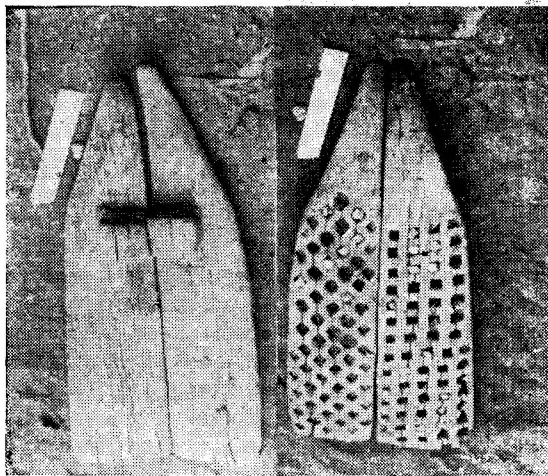

Рис. 7. Ругунар — молотильные доски.

⁶⁹ На Древнем Востоке, в Ассирии, например, при купле—продаже земли исходили не из площади участка, а из его урожайности. Ричард Фрай. Наследие Ирана. М., 1972 г., стр. 158.

и обработки зерна в Южном Дагестане незначительны, но существуют. Так, например, молотильные доски (рис. 7) меньше обычных дагестанских. Кроме того, они имеют специальный выступ на наружной поверхности с отверстием для продевания соединяющей оси.

Рис. 8. Динг — приспособление для обрушивания полбы. С. Чантаркент.

Существует еще и другой вид орудия молотбы в лезгинских районах — «динг». Это приспособление для обрушивания полбы. К концу массивного деревянного рычага привязывают каменный валун, его поднимают нажатием ноги на другой конец деревянного рычага и затем под собственной тяжестью он опускается в ступу с полбой или просом (рис. 8).

В 1968 г. около с. Лучек (рутулы) была обследована просорушка, которая приводится в действие с помощью вертикального мельничного колеса, на вале которого укреплены специальные выступы, поднимающие и опускающие в ступы специальные обрушивающие деревянные балки-столбы (рис. 9). Но это интересное изобретение кроме как в Рутульской долине не получило широкого распространения.

Широко бытовали в Южном Дагестане зернохранилища — «klatl». У лезгин — это большей частью четырехугольные или конусообразные плетеные из прутьев сундуки, обмазанные изнутри и снаружи плотным составом из глины и каких-то смесей, с большим отверстием внизу для выбирания зерна. Такого рода устройства для хранения зерна (без смазки) встречены по обширной полосе предгорий, — у табасаранцев, кайтагцев, у аварцев Казбековского района, кумыков, чеченцев, осетин, но они выносные и большей частью служат для хранения кукурузы в початках. Лезгинские же klatl являются деталью интерьера, установлены в жилых помещениях и могут служить не только как зернохранилища, но и для хранения муки. Зернохранилища такого рода известны в Закавказье, в Армении, где их смазывали навозом⁷⁰. В Дагестане единственно у лезгин встречаются хранилища, сделанные из навоза — «кунду», обмазанные снаружи и сверху глиной⁷¹ (рис. 10). Навоз придает сооружению большую прочность. Дощатые лари известные по все-

⁷⁰ Народы Кавказа, стр. 468.

⁷¹ Это сооружение по материалу, конструкции, назначению и названию своему повторяет распространенные в Древней и Средневековой Персии. И. П. Петришевский цитирует Шамс-и Фахри Исфাহани: «Конур — сосуд (кондулэ), и это пространная посуда, куда кладут зерно, делают его из глины и навоза». И. П. Петришевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960 г., стр. 157.

му Дагестану здесь особого распространения не получили. Однако у малых народностей лезгинской группы деревянные лари — единственный вид зернохранилищ. Правда, лари не так богато украшены резьбой и не столь декоративны и вместительны, как во Внутреннем Дагестане. У лезгин существовали в прошлом и глубокие, до 2-х м, ямы для хране-

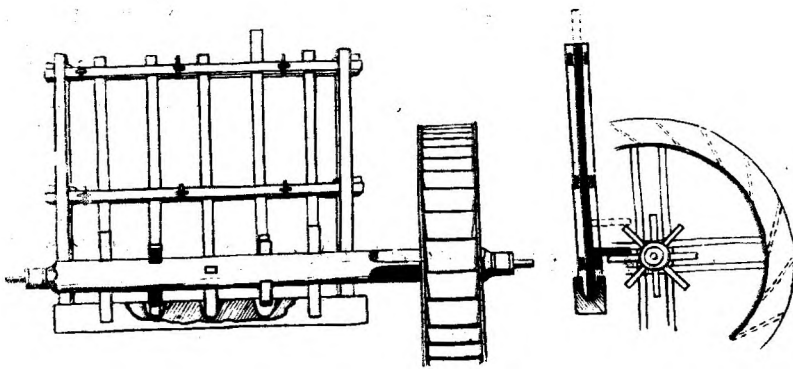
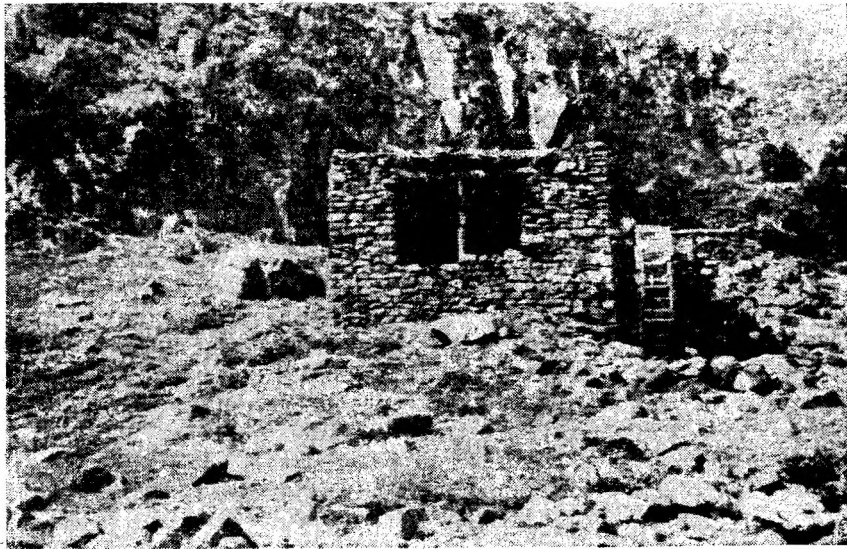

Рис. 9 а, б. Просо-полборушка приводимая в действие водяным колесом.
с. Лучек.

ния зерна (селение Кабир), которые имели яйцевидную форму и вмещали до 1,5 тонны зерна. Изнутри, чтобы зерно не сгнило, стенки обкладывали листьями деревьев. Такая яма обследована и измерена в с. Чире (Табасаран) и в с. Усуг, она напоминает крупный сосуд со вздутым туловом. Эти зерновые ямы имеют прямые аналогии в Закавказье⁷², в местных археологических памятниках⁷³ и вероятно они сменили сосуды — зернохранилища эпохи бронзы.

⁷² Народы Кавказа, стр. 469.

⁷³ М. Г. Гаджиев. Черкеевское поселение, стр. 48.

Мукомольные мельницы в Южном Дагестане были общекавказской конструкции, с горизонтальной турбиной и полуавтоматическим устройством регулирования подачи зерна. Вода на колесо подается по деревянному желобу, турбинные колеса обшивают железным обручем.

Средняя мощность их—20 пудов в сутки. Для помола крупы повсеместно применяли ручные жернова. Жарение зерна перед помолотом для получения специальной жареной муки типа толокна в Южном Дагестане мало практикуется, но вполне возможно, в древности, как и всюду в горах прибегали к этому способу.

Любопытны лезгинские и табасаранские очаги — «хьар» и «тендыр» типа азербайджанских. Встречаются очаги врытые в землю, наземные, приспособленные не только для печения хлебов, но и для сушки зерна и варки пищи. Примечательно, что в высокогорных аулах, в частности сел. Куруш, очажная яма сооружалась в середине комнаты на втором этаже по типу «врытых» в землю (рис. 12). Для этого на первом этаже строили объемистые колонны, подпирющие место устройства очага, таким образом, получалось, что очаги были как бы смонтированы

Рис. 10. Кунду — хранилище для зерна или муки.

в колонну. Ими же обогревали зимой комнату. Очаги эти особо интересны тем, что наиболее близко перекликаются с очагами в помещениях Тадшабского поселения эпохи бронзы, являющегося памятником куро-аракской культуры в Дагестане⁷⁴.

У лезгин и у табасаранцев (с. Чире) сохранились надочажные плиты именуемые так же, как и всякие наземные печные и очажные сооружения — «хьар». Эти плиты изготовлялись из навоза, глины, мякины и обжигались. Иногда для большей прочности замешивали в тесто козью шерсть. Формы хьар были разные, в зависимости от конструкции очага, для которого ни предназначались, но очень часто имели борт и слив, вероятно, для засыпки и сушки зерна. Хьар входили в конструкцию сложных, двух-трехъярусных сооружений, составляя их рабочую поверхность и выполняли ту же роль в простейших наземных очагах, установленных на специальных подставках. Видимо, они и дают названия очагам и печным сооружениям, именуемым «хьар» и аварскому — «хьаг» (котел), т. к. только те печи и очаги, где присутствует указанная плита и называются «хьар». Ямные же очаги называются «тоныр», «тендыр» и т. д. Кстати, для сушки зерна или фруктов в ямных очагах существует набор продолговатых блюдцеобразных плиточек — «калар», из того материала, что и хьар. Их наполняли зерном и клали на дно

⁷⁴ Там же.

раскаленного тонура. Точно такого же типа и из того же материала подочажные плиты как хьар обнаружены на поселении куро-аракской культуры близ с. Гагаль Воглихского района (III тыс. до н. э.)⁷⁵.

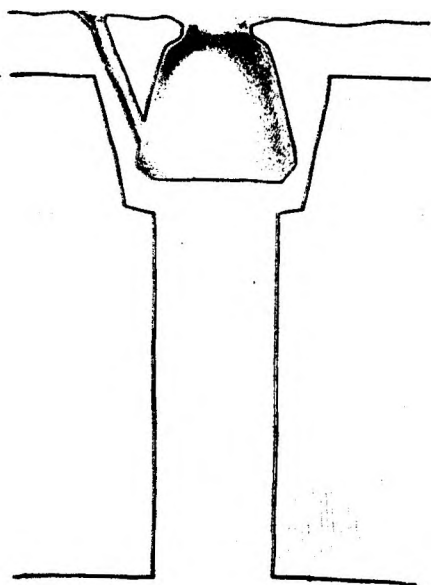

Рис. 11 а, б. Очажная яма в полу второго этажа. с. Куруш.

в то время, как на равнине и в предгорьях все основные трудоемкие процессы механизированы. Характерно для районов Южного Дагестана увеличение поливных земель, расширение садоводства и огородно-бахчевых культур. Благодаря интенсификации земледелия и садоводства, широкой механизации, применения современных достижений агротехники, они стали специализированными аграрными районами. Продукты садоводства (винодельческие совхозы на базе обширных виноградных плантаций, консервные заводы) обслуживают нужды не только нашей республики, но и вывозятся на широкий международный рынок. Сады Ахтов, Мискинджи, Гильяра, Касумкента, Ашага-стала, Куркента, Орта-

Наблюдения над формами и функциями различных видов очага приводят к заключению, что его детали чувствительны к этническим вариациям, хотя не в такой степени, как элементы женской одежды и украшения. Они, как будто, обозначают наиболее глубокие и более давние этночленения и потому должны стать предметом специальных исследований, наряду с пахотными орудиями. Упомянем еще о том, что формы хлебов, выпекаемых в этих печах и очагах у каждой народности лезгинской группы различны. Но¹ излюбленным и распространенным является кавказский лаваш, не распространенный дальше Южного Дагестана и приморских районов вглубь Дагестана. (рис. 12).

У лезгин горное земледелие не пришло в упадок, как это случилось в горах Внутреннего Дагестана. Здесь оно все еще играет большую роль, хотя его механизация затруднена, а местами, за исключением обмола и очищения зерна, вовсе невозможна. Даже пахотное орудие турез здесь функционирует по сей день,

⁷⁵ М. Г. Гаджиев. Отчет о работе Горного отряда археологической экспедиции 1968 г., Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3.

стала, Магарамжента, Кабира, дают стране ежегодно десятки тысяч центнеров яблок, груш, слив, абрикосов, винограда.

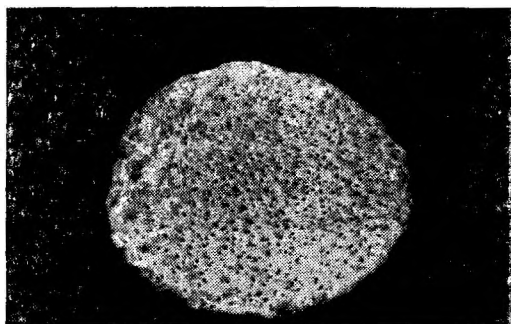

Рис. 12. Лезгинский хлеб.

Расширяется и горное садоводство благодаря капиталовложениям и техническим средствам для сооружений в горах ирригационных систем. Многие колхозы и совхозы приобрели в свою собственность тракторы, комбайны, сеялки, уборочные машины и т. д. Аграрная перенаселенность значительно уменьшилась в связи с частичным переселением горцев на плоскость и вследствие демографических процессов, связанных с притоком населения в города.

Большие мероприятия по переселению на равнину были проведены в послевоенный период, особенно в 50-е годы. В 1952 году было организовано переселение из Ахтынского, Агульского и Курахского районов в Хасавюртовский, Магарамкентский и Дербентский районы.

Частичное переселение горцев отвечает основному принципу современного хозяйственного освоения Дагестана — специализации гор по животноводству, равнин по земледелию на началах современного товарного процесса и интенсификации сельского хозяйства.

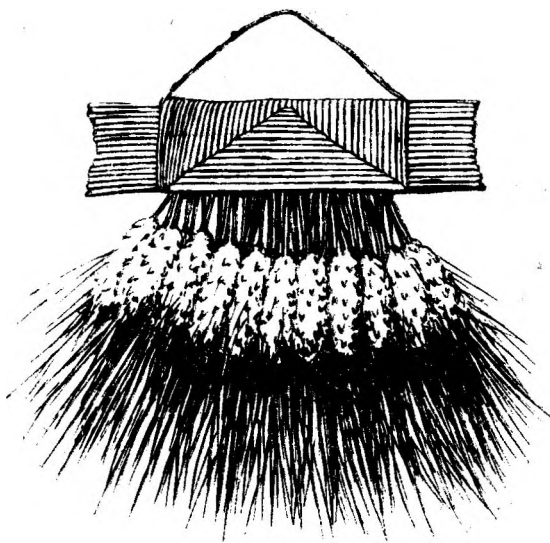

Рис. 13. Табасаранский оберег из пшеничных колосьев.

КУЛЬТУРА И БЫТ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СУЛАКСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Глубокими корнями в историю уходят экономические и культурные связи горцев и населения плоскостной части Дагестана. На плоскость жители гор спускались в поисках заработка, на учебу, для сбыта продуктов животноводства, садоводства и изделий своих ремесел; более состоятельные — для покупки и аренды земельных участков и пастбищ.

Большую роль в установлении и развитии связей населения гор и Прикаспийской низменности сыграл отгонный характер животноводства Нагорного Дагестана, который, кстати, имеет место и в настоящее время.

До Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти шло главным образом индивидуальное и неорганизованное переселение горцев на плоскость, что отмечалось в постановлении пленума обкома партии от 26/1-22 г., где сказано: «Признать дальнейшее переселение... в Хасавюртовский округ недопустимым и прекратить».

... Предложить Наркомзему принять срочные меры к планомерному переселению дагестанской бедноты из нагорных округов»¹. В результате переселения горцев на равнину, преимущественно в Хасавюртовский и Махачкалинский округ, в 1920—1922 гг. здесь возникло 18 небольших поселков², — сообщали газета «Красный Дагестан» и А. С. Кириллов.

После установления Советской власти в Дагестане перед молодой республикой встала задача исключительной важности — восстановить и быстрыми темпами развивать народное хозяйство и его главную отрасль сельское хозяйство. В числе мер, призванных поднять уровень сельского хозяйства, стояло переселение горцев, живущих на бесплодных каменистых горах, на малозаселенную равнину.

Впервые вопрос о переселении горцев на плоскость был поставлен на обсуждение пленума обкома партии 26/1-1922 года. В последующем в постановлениях партийных конференций и пленумов подчеркивалась необходимость ликвидации аграрной перенаселенности гор путем переселения части горцев на равнину. В результате проведения в жизнь этих решений на равнине к 1929 году образовалось 26 новых поселений, населенных аварцами, даргинцами, лакцами и другими народами Дагестана, в которых проживало 2199 семей³.

Однако в годы первых пятилеток переселение не приняло широкого размаха и не имело особого успеха, кроме того... «на равнине дагестанцы-жители гор сталкивались с целым рядом трудностей, в том числе

¹ Архив Дагобкома КПСС, фонд 1, оп. 3, ед. хр. 6, стр. 1.

² Газ. «Красный Дагестан», 1925, № 84; А. С. Кириллов. Земельная реформа в Дагестане. М., 1928, стр. 60, 62.

³ Материалы к отчету VIII Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1929, стр. 48.

с совершенно иными климатическими условиями; у них отсутствовали навыки в использовании новой сельскохозяйственной техники и т. п. Но самым страшным бичом была малярия, из-за которой многие возвращались в горы»⁴.

В последующем успешная борьба с малярией, создание необходимых условий, в том числе повсеместное бурение артезианских скважин, резкое улучшение медицинского обслуживания населения, рост оплаты труда рабочих и колхозников и т. п. позволили решить проблему оседания переселенцев.

Тем временем у хозяйств, ведущих отгонное животноводство на равнине, нередко появлялась необходимость сохранения там определенного количества семей не только в целях усиления обслуживания животных в зимне-весенний период, но и для ухода за разводимыми на этих землях культурами, а также заготовки кормов для скота. Так возникли хутора отгонного животноводства: Алибек-отар, Кирпич-кутан, Качалай-кутан, Берю-кутан, Чувал-кутан, Бутуш-кутан, Аркаесген, Караузек. Борлааул, Ахай-отар, «Красное знамя», «Победа» и др. ...Таких населенных пунктов на Терско-Сулакской низменности насчитывается пятьдесят⁵.

С большой остротой проблема переселения горцев встала перед республикой в пятидесятые годы, в связи с малоземельем и бесперспективностью дальнейшего развития хозяйств в высокогорных аулах и задачами по подъему сельского хозяйства. Совет Министров СССР для быстрого подъема сельского хозяйства края, наряду с другими мерами, предусмотрел переселение на равнину за 5 лет 10.000 хозяйств горцев. В соответствии с этим был утвержден 5-летний план внутриреспубликанского переселения 10.000 хозяйств горцев, в том числе в Хасавюртовский район 3500 семей, в Бабаюртовский—2500 семей.

Начало организованному переселению на Терско-Сулакскую низменность в 1952 году положили жители самого высокогорного в Европе аула Куруш бывшего Докузпаринского района. Некоторое число семей переселилось в 1954 году и образовали селения Новое Каре и Советское (Бабаюртовский район); прибытие переселенцев в эти поселения продолжалось до 1957 года. Но периодом наиболее активного переселения стала вторая половина 1957 года, когда переселилось на указанную низменность около 5700 семей. Всего к началу 1972 года на Терско-Сулакской низменности проживало около 14000 семей переселенцев, в том числе из аварских районов около 10000, даргинских более 2000, лезгинских более 1000, лакских более 500 семей⁶.

Переселились в основном из высокогорных: Цумадинского, Ахвахского, Цунтинского, Ботлихокого, Дахадаевского, Чародинского, Гумбетовского, Хунзахского, Лакского районов и из малообеспеченных пахотной землей населенных пунктов невысокогорных районов Левашинского, Казбековского и др. Для хозяйственного устройства переселенцев были выделены земельные угодья бывших совхозов, госфонда, отдельных горных колхозов и часть земель местных колхозов.

«За годы Советской власти за счет переселенцев из горных районов

---

⁴ Н. Г. Волкова. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв., «Сов. этнография», 1971, № 2, стр. 39.

⁵ Р. М. Магомедов. Дагестан (исторические этюды), Махачкала, Дагкиноиздат, 1971, стр. 228.

⁶ По данным Хасавюртовского, Бабаюртовского и Кизилюртовского исполкомов райсоветов, Хасавюртовского и Кизилюртовского горсоветов депутатов трудящихся на 1/1-72 г.

на плоскости выросло 73 населенных пункта»⁷, в том числе в пределах Терско-Сулакской низменности 23 (не считая хуторов отгонного животноводства). Из них на территории Хасавюртовского района переселенцами основаны поселения Шагада, Сулевкент, Дзержинское, Октябрьское, Теречное, Советское, Первомайское, Казбековское, Кокрек, Тукита, Кушбар I, Новый Куруш, Кушбар II, Сиух, 3-е отделение совхоза «Дагестан», Новый Зубутль (ныне переданное в административное подчинение Казбековскому району), Новый Костек; на территории Бабаюртовского района — Уцмиурт, Новое Каре и Советское; на территории Кизилюртовского района — Кормосовхоз, Новые Миатли и Акнада⁸.

Кроме того, переселенцы поселились в существовавших селениях: Аксай, Новосельское, совхоз «Аксай», Муцалаул, Ботаюрт, Андреяул, Садовое (Хасавюртовский район), Хамаматюрт (Бабаюртовский район), Чонтаул (Кизилюртовский район), в гор. Хасавюрте, пос. Сулак (последний относится к гор. Кизилюрту). Переселенцами организовано 12 самостоятельных колхозов и 4 совхоза. Кроме того, они совместно с местными жителями составляют 11 совхозов и 4 колхоза.

«Таким образом, систематическое переселение горцев на плоскость привело не только к образованию отдельных пунктов, населенных горцами, но и к росту существующих издавна кумыкских селений. Все это способствовало ослаблению национальной ограниченности, развитию чувства единства народов Дагестана и взаимному обмену материальными и духовными ценностями»⁹.

Возникновение поселений переселенцев, как явление весьма существенное, потребовало исследования процесса переселения, вопросов селообразования, жилища, состояния экономики, культуры и быта переселенцев.

В данной статье речь будет идти об аварцах и даргинцах-переселенцах пятидесятых годов.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселения

Возникновение поселений переселенцев представляет собой новый этап селообразования в Дагестане.

Подчеркивая актуальность исследований в этой области, С. Ш. Гаджиева пишет: «Пристального внимания исследователя требует решение вопроса о возникновении и продолжающемся сейчас процессе развития поселений горцев на кумыкской равнине. Этот вопрос имеет большое значение для изучения исторических и экономических связей, а также культурной общности народов Дагестана»¹⁰.

Большие социально-экономические перемены, происшедшие в результате Великой Октябрьской социалистической революции, и переселение вызвали у переселенцев скачок в развитии элементов материальной культуры. В первую очередь это касается типов и форм поселений, а также характера их расположения.

⁷ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 227.

⁸ Кроме этих переселенцами основаны несколько селений и в Правобережной части района.

⁹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 197.

¹⁰ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 196.

Равнинный рельеф низменности позволяет свободный выбор планировки и формы поселений горцев-переселенцев, которые совершенно отличаются от планировки и формы старых поселений горцев, а иногда и поселений коренных жителей¹¹. Вместо бессистемной планировки, тесноты, скученности, замкнутого комплекса жилых и хозяйственных помещений, размещенных вертикально по склонам гор, новые поселения на равнине имеют свободную, геометрически правильную горизонтальную планировку, исключающую всякую замкнутость, скученность и другие неудобства, вытекавшие из вертикальной планировки.

В планировке и формах поселений горизонтального расположения прослеживается взаимовлияние культур. «Селения, основанные горцами на территории Кумыкии по своей планировке и внешнему облику, — пишет С. Ш. Гаджиева, — очень похожи на кумыкские селения»¹².

В свою очередь кумыки, имевшие сравнительно ранние экономические и культурные связи с русскими, уже были знакомы с планировкой и типами построек в их поселениях. Говоря об этом С. Ш. Гаджиева пишет: «...кумыки-купцы воспринимали русскую городскую культуру, в частности строили свои жилые дома и торговые заведения на русский городской лад»¹³.

Характерной особенностью этих поселений является двухсторонняя застройка улиц. Дома располагаются на расстоянии друг от друга, свободно и доступно; каждый дом представляет собой самостоятельную ячейку¹⁴ и связан с улицей. Дома тянутся вдоль улицы ровными рядами, не нарушая ее правильной линии, формы; они довольно просторные, светлые, с большими окнами и дверями, крытые шифером, черепицей или железом. Особенностью нынешней планировки поселения является выход дома своим фасадом или торцовой стороной со световыми окнами на улицу, тогда как дома в горных селениях преимущественно обращены на улицу своими глухими стенами¹⁵.

Планировка селений на плоскости проводится по плану, который предусматривает превращение их в поселки городского типа, в «зеленые города»¹⁶. В них будет сочетаться (а в отдельных из них уже сочетается) «все лучшее, что имеет современный город,—благоустроенные жилые дома, транспортные магистрали, коммунально-бытовые, детские, культурные и спортивные учреждения, со всем лучшим, что имеют сельские местности, — богатые зеленью, водоемами, чистым воздухом»¹⁷.

Примером такого поселения является село Кокрек. В селении построен большой современный дворец культуры оригинальной архитектуры, столовая, гостиница, баня, двух-трех этажные благоустроенные дома для специалистов и рабочих, двухэтажный детский комбинат, стадион, магазины, водопровод, функционируют средняя школа, библиотека, больница, стационарный пункт районного комбината бытового обслуживания; разбиты парки, цветники. Главные улицы села асфальтированы, остальные покрыты гравием. Село электрифицировано, радиофицировано. Дома утопают в зелени. Через село проходит крупный оросительный канал. На окраине села возник целый комплекс строений

¹¹ А. И. Исламмагомедов. Поселение. В сб. «Современная культура и быт народов Дагестана». М., Изд. «Наука», 1971, стр. 76.

¹² С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 198.

¹³ Там же, стр. 201.

¹⁴ А. И. Исламмагомедов. Указ. соч., стр. 75.

¹⁵ А. И. Исламмагомедов. Указ. соч., стр. 76.

¹⁶ А. И. Исламмагомедов. Поселения. В сб. «Материальная культура аварцев». ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, Махачкала, 1967, стр. 141.

¹⁷ Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1962, стр. 172—173.

ремонтно-механической базы совхоза. Кокрек связан с гор. Хасавюртом широкой асфальтированной магистралью.

Подобную структуру приобретают селения: Сиух, Советское (Хасавюртовский район), Новогагатлинское, Кушбар I, Новосельское, Сулевкент и другие.

Переселенцы преимущественно живут в более или менее крупных населенных пунктах, в условиях, приближенных к городским. В них имеются дома или дворцы культуры, стационарные киноустановки, библиотеки. Каждое такое поселение имеет больницу, или крупный медицинский пункт и родильный дом; среднюю или восьмилетнюю школу; детские сады и ясли или детский комбинат; магазины, стационарные пункты бытового обслуживания населения; отделение связи и т. п.

Все селения электрифицированы, радиофицированы, до каждого дома проведен водопровод. Многие улицы покрыты гравием или асфальтом. Крупные селения (Аксай, Новый Куруш, Новогагатлинское, Муцалаул, Кокрек Хасавюртовского, Бабаюрт Бабаюртовского, Чонтаул Кизилюртовского районов и др.) превращены в агропромышленные комплексы.

От городов и районных центров до таких поселений протянулись благоустроенные автомобильные дороги. Между ними и городами установлено регулярное автобусное сообщение. Благоустройство самих поселений улучшается из года в год.

Отмечая происходящие в типах и формах поселений коренные преобразования, необходимо указать на наличие стремления у переселенцев сохранить некоторые особенности национальной строительной культуры. На Терско-Сулакской низменности до Октябрьской революции и после нее, кроме как в городах и в селениях Аксай, Костек (бывшие купеческие села), многоэтажные дома не строились. Однако, начиная с начала шестидесятых годов, в отдельных селениях, как Сулевкент, Кокрек и других переселенцы по традиции строят двухэтажные дома. При этом первый этаж используется ныне не для содержания скота и птицы, хранения сена и топлива¹⁸, как у горцев, а служат кухней, столовой, кладовой и т. п., на втором этаже размещаются спальня, гостиная, детская и т. п. Обязательным элементом дома в большинстве случаев продолжает оставаться открытая веранда или застекленная галерея. И сейчас некоторые из переселенцев стараются по-прежнему отгородиться от улицы цепью хозяйственных построек (Сиух) или высоким каменным забором (Муцалаул). Сохранен во многих случаях и национальный орнамент на зданиях, заборах, воротах, но это явление уже не характерно для новых поселений.

Серьезное внимание уделяется в поселениях санитарной культуре. Перед домами сооружают беседки, обвитые виноградными лозами. Развитию зеленых насаждений опосредует система орошения и наличие артезианских скважин. За соблюдением санитарного режима и порядка в селениях следят специальные комиссии сельских советов по благоустройству.

Большое место отводится внешнему эстетическому оформлению жилищ, заборов, ворот, хозяйственных построек, общественных зданий, улиц. Перед административными зданиями, дворцами или домами культуры, во дворе школ установлены памятники или бюсты В. И. Ленину, обелиски в честь односельчан, погибших в годы Великой Отечественной войны. По обочинам главной улицы и при въезде в селение расставлены

¹⁸ См. А. И. Алиев и З. А. Никольская. Даргинцы, Сб. «Народы Дагестана». М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 90—91.

транспаранты, отражающие обязательства колхозов, совхозов, предприятий; призывы к их выполнению, а также лозунги, призывающие к борьбе за мир, дружбу между народами и т. п.

Обязательным элементом современного плоскостного селения стали парки культуры и отдыха, скверы, стадионы.

Поселения складывались, не придерживаясь прежних этнических принципов. Наряду с разнонациональными поселениями, на территории низменности возникли селения, жители которых хотя и являются представителями одной народности, но относятся к различным этническим группам (Ботаюрт, Акнада, Новогагатлинское, Муцалаул, Кокрек и др.).

Таким образом, принцип образования поселений на низменности ломает традиционные порядки селообразования и углубляет дружбу, единство и братство между народами.

Жилище

Рассматривая вопрос возникновения и развития жилища переселенцев, мы ставим цель показать, главным образом, процессы, происходящие в характере и типах построек, в материалах и технике строительства, в интерьере жилья.

Природно-географические условия низменности; уровень производства строительных материалов; материальное обеспечение строительства государством; техническое руководство, организованное правительством Дагестана; пример городов и окружения, их строительные традиции, а также традиции самих переселенцев определили характер и типы жилища.

Первые дома, построенные для переселенцев хотя и по типовым проектам, не всегда учитывали состав семьи и вкусы будущих жильцов и страдали рядом недостатков. Дома возводились во многих случаях однотипные, жилой площадью 25 м² (с. Новогагатлинское), 33 м² (с. Советское Бабаюртовского района) и т. д. Они, в основном, состояли из двух комнат с передней или верандой и редко из трех комнат. Говоря о них З. Д. Баглиев пишет: «Существенные изменения произошли в жилище и бытовой культуре горцев. Вместо прежней сакли с плоской земляной крышей и земляным полом в новых населенных пунктах построены современные двух-трехкомнатные дома с деревянными полами, покрытые шифером»¹⁹. Возводились эти дома на низком фундаменте, состоящем из гравия и бетонного раствора без учета характера грунта. Но в последующий период указанные недостатки стали устраняться, хотя некоторые из них полностью не были ликвидированы.

Дома, построенные самими переселенцами, деревенскими или городскими строителями-профессионалами, строились по традиции в основном городских жителей и генетически связаны с жилищем кумыков и жителей предгорной зоны Дагестана.

Для более позднего периода характерны строения, о которых пишет А. И. Исламмагомедов — что это одноэтажное здание является типичной для предгорных районов Аварии²⁰. Это четырехугольный квадратной формы дом, где комнаты расположены в два ряда. Количество

¹⁹ З. Д. Баглиев. Деятельность Дагпарторганизации по переселению горцев в равнинные районы. ДГУ, Диссертация, 1967 г.

²⁰ А. И. Исламмагомедов. Жилища. В сб. «Материальная культура аварцев», Махачкала, ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1967, стр. 147.

комнат от 3 до 6 с верандой спереди, или в углу дома²¹. Иногда веранда или галерея вписывается в общий абрис дома, сохраняя серединное расположение. Предпочтение двухрядному дому перед однорядным, по-видимому, отдается в силу того, что он имеет ряд преимуществ: компактность камер, связь их друг с другом, которая облегчает проблему отопления. Зимой используется, главным образом, солнечная, летом — защищенная от солнца половина.

«Своеобразным явлением для некоторых одноэтажных домов,— пишет А. И. Исламмагомедов, — является высокий фундамент, который получает все большее распространение. Пол жилища приподнят над поверхностью земли на 70—80 см, так, что подниматься на веранду нужно по ступенькам... Наметилась тенденция к созданию «приподнятого» дома, широко распространенного у даргинцев и кумыков»²². Заслуженное признание у жителей низменности получает ныне высокий каменный фундамент дома²³. Это связано с характером грунта, переувлажненного подпочвенными водами и частыми поливами приусадебных участков, в результате которых здания дают большую осадку. Кроме того высокий фундамент служит препятствием к появлению сырости в помещениях, и, следовательно, к преждевременному их разрушению. «Приподнятый дом, как наиболее отвечающий потребности современного быта и более экономичный, — пишет М.-З. О. Османов, — уже доказал свое превосходство и стал типовой основой для строительства»²⁴.

Изменившиеся природные условия потребовали нового подхода к решению вопроса о типах и формах жилища. Существенное изменение претерпело перекрытие домов. Чердачное перекрытие дома, характерное жилищу переселенцев, по сравнению с земляной крышей, имеет ряд преимуществ. Обрешетка чердака, покрытая шифером и редко черепицей, не пропускает на потолочное перекрытие атмосферных осадков. Чердак используется для временного хранения различных продуктов питания и материалов, не имеющих повседневного пользования. Следует отметить также, что у жителей равнинной части Дагестана в качестве материала покрытия обрешетки жилища большое предпочтение отдается шиферу и листовому железу. Это, по-видимому, обусловлено природно-географическими особенностями равнины, где свирепствуют сильные ветры, доходящие иногда до ураганной силы и сравнительно меньшим давлением такого покрытия на стены. Крыши имеют двух или четырехскатную форму со световыми окошками на одном из фронтонов и редко со светелками.

Характеризуя жилище переселенцев, мы должны отметить, что оно имеет ряд преимуществ перед жилищем подавляющего большинства жителей гор. Отличительной особенностью жилища на низменности следует считать светлость всех его камер: большие окна с форточками, обращенные непосредственно в окружающее пространство, наполняют все камеры жилья солнечным светом и теплом, в свою очередь способствуют образованию в помещениях здорового микроклимата, исключаящего сырость, полумрак, слабую проветриваемость и т. п., характерные для

²¹ См. В. П. Кобычев, Жилище, сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа» (1917—1967), М., 1968, стр. 140.

²² А. И. Исламмагомедов, Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв., стр. 185.

²³ Отметим, что высокий каменный фундамент известен и другим народам Северного Кавказа. См. А. Х. Магомедов, Культура и быт осетинского народа, М., «Наука», 1970, стр. 270; В. П. Кобычев, Указ. Соч., стр. 140.

²⁴ М.-З. О. Османов, Жилище цехахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки Махачкала, ИИЯЛ Даг. Фан СССР, т. IX, 1961, стр. 252.

Большинства домов в горах. Световые окна жилища размещаются с таким расчетом, чтобы они одновременно выполняли и другую важную роль — обозрение из жилища двора, приусадебного участка и улицы. Современный дом переселенца освещается световыми окнами обычно с трех сторон, тогда как большинство домов горцев имеют «окна на одной фасадной стороне дома»²⁵. Другой отличительной чертой жилища переселенца является наличие в нем необходимых бытовых удобств: достаточных размеров жилой площади, непосредственной связи между помещениями, водопровода, капитальных кирпичных печей, выполняющих одновременно несколько функций, установка во многих домах ванных отделений и т. п. Указанные факторы и влияние быта окружающих переселенцев жителей способствовали улучшению санитарного состояния жилища.

Следующей особенностью жилища нужно считать открытый, легкодоступный характер его и непосредственную связь с улицей.

Указанные изменения типов и форм жилища непосредственно связаны с развитием производительных сил, растущими культурно-бытовыми запросами жителей, ростом их зажиточности и расширением их культурных связей. Как пишет М.-З. О. Османов, они определяются совокупностью трех факторов: природно-географических, социально-экономических и этнических²⁶.

Существенные изменения претерпела и система отопления. В домах, построенных трестом «Дагестанстрой» и колхозами, повсеместно были установлены кирпичные печи, приспособленные одновременно для обогрева помещений и приготовления пищи. А в домах, построенных инициативным способом, переселенцы, по традиции, устанавливали в основном железные печи.

Однако, впоследствии, убедившись в преимуществах капитальной кирпичной печи перед железной, переселенцы стали их строить почти повсеместно, так как железные печи не способны поддерживать необходимую температуру в помещениях²⁷: быстро остывают и небезопасны в пожарном отношении.

Изменение типов и форм жилища, природно-географические условия низменности и характер топлива вызвали эволюцию отопительной системы. Ныне стали строить печь с таким расчетом, чтобы она обогревала как минимум две комнаты, а иногда и больше. Строят в основном печи кухонные. Но иногда предпочтение отдается комбинированной кухонно-стенной печи.

В летние месяцы во многих случаях по-прежнему для приготовления пищи используется камин. Но теперь он, как прежде не является элементом жилья, а расположен в летней кухне.

Коренным изменениям подверглись и остальные элементы жилища. В первые два-три года в домах переселенцев устанавливались одностворчатые двери фабричного производства, являющиеся элементом (деталью) сборно-шитового дома. Однако, впоследствии, убедившись в преимуществах двухстворчатых дверей, они стали строить филенчатые двухстворчатые двери, вращающиеся на петлях. Высота двери достигает двух метров и более, ширина около метра и больше. Особое внимание придается оформлению парадных дверей, проемы которых иногда принимают вид портала.

²⁵ См. Г. А. Сергеева, Арчинцы, М., «Наука», 1967, стр. 90.

²⁶ М.-З. О. Османов К вопросу о принципах классификации жилища. Махачкала, Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. XIX, книга 2, 1969, стр. 127

²⁷ См. Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969, стр. 185.

Следующим элементом жилища, прошедшим такой же путь, является световое окно. В жилищах раннего происхождения (1954—1957 годы) были установлены окна небольших размеров (1 м×70 см). Затем в качестве деталей сборно-щитовых домов стали поступать оконные рамы более крупных размеров (1,4 м×80 см). И, наконец, ныне отдельные из переселенцев в домах более позднего строительства устанавливают окна еще больших размеров. Во многих случаях световое окно состоит из двойных рам.

Что касается эволюции интерьера, то следует подчеркнуть, что в данном случае, как и во всех других, прослеживается большое стремление к улучшению убранства жилья, которое свидетельствует о растущей урбанизации сельского быта.

В интерьере дома преобладают современная городская мебель, новые ковровые изделия, предметы утвари и многое другое, характерное для жилищ местных жителей, а также многих народов страны.

Наряду с этим прослеживается некоторая неприспособленность и недостаточность навыков в устройстве интерьера. Например, женщина-домохозяйка не всегда еще умеет ориентироваться в наиболее целесообразной расстановке предметов интерьера. Об этом же говорит М.-З. О. Османов, когда пишет: «Существует некоторая бессистемность в убранстве жилища»²⁸. Встречается сочетание городского интерьера с манерами традиционного убранства комнат: складывание стопками постельных принадлежностей—матрацев, теплых одеял, подушек на сундуках и нарах. Иногда, например, холодильник может быть установлен в спальне или парадной комнате. На полках и в стеновых шкафах можно встретить традиционную парадную посуду; а на стенах—медные тазы, цветную ткань. Кое-где в интерьер входят изделия кустарного производства: низкие треногие табуретки, паласы, кувшины, поставец и др. Кухня в отдельных случаях не используется по назначению: она выполняет роль столовой или даже спальни.

Однако в убранстве жилищ полностью или в основном исчезли традиционные элементы и предметы интерьера. Почти повсеместно отсутствуют ниши. Вместо стеновых шкафов и полок²⁹ появился сервант, вместо ларя для продуктов питания—кухонный шкаф, вместо горизонтально подвешенной жерди, предназначенной для хранения одежды—шифоньер и платяной шкаф, вместо глиняной и деревянной посуды появилась фаянсовая, фарфоровая и другая фабричная посуда и т. п.

Таким образом, жилище переселенца резко отличается не только от жилища дореволюционного времени, но и от современного жилища большинства жителей гор. В нем произошли огромные изменения, вызванные социалистическими преобразованиями быта и культуры, улучшением материального благосостояния, влиянием города и т. п.

Электричество резко изменило всю систему освещения жилища. Многие жители установили в домах неоновые светильники и лампы дневного света.

Постель служит ныне не только местом для отдыха, она стала значительным декоративным элементом³⁰.

У переселенцев, как и повсюду, прослеживается стремление к расширению жилья. Жилищная площадь ныне используется гораздо лучше

²⁸ М. О. Османов. Жилище. Сб. «Материальная культура даргинцев», Махачкала, ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1967, стр. 169.

²⁹ Подобные изменения произошли в жилище черкесских крестьян. См. И. Х. Калмыков, Культура и быт черкесского колхозного аула. Черкесск, Караево-Черкесский НИИИЯЛ, 1957, стр. 63.

³⁰ См. Л. А. Чибиров. Осетинское народное жилище, Цхинвали, Изд. «Ирыстон». 1970, стр. 206.

прежнего, с учетом возрастающих культурно-бытовых запросов членов семьи, особенно молодежи. Жилище теперь стало более четко выполнять свои полоразделительные функции, чем прежде. Каждая камера — гостиная, или парадная, детская, спальня родителей, комната для холостяков — используются по назначению.

Дети подросткового и юношеского возрастов, мужского и женского пола опять в разных камерах.

Кроме всего этого прослеживается постепенное исчезновение нежелательного единообразия в типах и формах жилища, имевшее место в начале переселения.

Одежда

Одежда народов Дагестана рядом этнографических экспедиций изучена в достаточной степени. Наша задача заключается в том, чтобы исследовать изменения, происшедшие в одежде горцев после переселения на низменность.

Рассматривая вопрос об одежде кумыков в прошлом, С. Ш. Гаджиева отмечает, что «мужской и женский костюмы одинаковы у народов Дагестана, хотя у каждого имеются своеобразные особенности»³¹.

За первые десятилетия Советской власти национальный костюм горцев, так же как и других народов СССР, значительно обогатился и подвергся изменениям. Причем эти изменения вплоть до переселения носили фрагментарный характер. Говоря об этом А. И. Алиев пишет: «Одежда даргинских колхозников и колхозниц состояла большей частью из своеобразного сочетания элементов местного происхождения и фабричных»³². Как пишет З. А. Никольская: «Появилась одежда городского типа. Однако женщины носят одежду в основном национального покроя (особенно в высокогорных районах)»³³.

Отход от традиционных форм одежды у горцев особенно усилился после переселения. Безусловно решающую роль тут сыграл всеобщий процесс, связанный с небывалым ростом производства фабричных изделий и улучшением благосостояния народа. Время переселения совпало с периодом массового перехода населения страны к новым формам одежды: «Пятидесятые годы, — пишет Е. Н. Студенецкая, — характеризуются решительным переходом к формам одежды, общим для всех народов Советского Союза»³⁴.

Несмотря на происходящие интенсивные процессы замены традиционной одежды в Дагестане новой, в отношении женской одежды он проходит сравнительно медленнее. Усилению темпов отмирания традиционной мужской одежды, по-видимому, повлияли более раннее, чем женщины, приобщение мужчин к промышленности, к механизмам в сельском хозяйстве, а также сравнительно высокая способность их к переездам, контактам.

Однако приближение к городу и интернациональное окружение не могли не повлиять на трансформацию и женской национальной одежды.

На одежду переселенцев, и в частности женщин, оказали свое воздействие также природно-климатические условия и характер труда на низменности. Одежда, целесообразная и адаптированная к климату

³¹ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 241

³² А. И. Алиев и З. А. Никольская. Указ. соч., стр. 94.

³³ З. А. Никольская. Аварцы. В сб. «Народы Кавказа», стр. 458.

³⁴ Е. Н. Студенецкая. Одежда. Сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)», М., 1968, стр. 178.

и образу жизни людей в горах, на равнине оказалась неразумной и устаревшей. Поэтому подавляющее большинство женщин приспособили свой костюм к новым условиям труда и быта. Ныне некоторыми элементами традиционной одежды пользуются только часть женщин старшего и отдельные среднего возраста. Что касается мужчин, то даже пожилые из них теперь не носят традиционного костюма.

Многие аварки и даргинки заимствовали типы и формы костюма городских и местных женщин. Платья, например, шьются преимущественно современных фасонов (за исключением части пожилых женщин).

В зависимости от сезона молодые женщины носят трикотажные фуфайки, джемпера, панталоны, спортивные брюки. Верхней одеждой в весенне-осенний периоды служат плащи, а для женской молодежи и куртки. Кроме стеганой безрукавки и платья, которые в готовом виде приобретаются редко (иногда и пальто, халаты, блузки, юбки), все остальные атрибуты женской одежды покупаются в магазине в готовом виде.

В холодное время года женщины носят пальто, полупальто, модные шубы, куртки, ватные стеганые куртки (на производстве), на голове носят пуховые, шерстяные платки, а пожилые покрываются пледами. В тех случаях, когда пальто у женщины демисезонное, она носит еще и стеганую безрукавку. Стеганые безрукавки — ватники и плюшевое полупальто больше в ходу у даргинки, чем у аварки. Овчинные шубы ни женщины, ни мужчины не носят.

Одежда женской молодежи отличается как своим покроем, так и расцветкой. Если женщины средних лет и старшего возраста предпочитают носить сравнительно длинные платья свободного, полусвободного покроя с длинными рукавами, темных одноцветных тонов, то женская молодежь сплошь и рядом носит короткие или длинные модные платья, спортивные костюмы, свитера, джемпера, водолазки и т. п. Причем расцветка одежды довольно пестрая и разнообразная. Следует подчеркнуть, что стремление закрывать тело из соображения стыда явно ослабляется. Короткая и прилегающая одежда выполняет функции «полового привлечения; путем украшения, выделения, выставления»³⁵ отдельных частей тела.

Пожилые женщины носят платья из тех же материалов, что и среднего возраста. Одежда отдельных пожилых женщин продолжает еще сохранять некоторые национальные особенности (платья туникообразного покроя, нижняя рубаха прямого покроя, длинные штаны, чохты, чухты и покрывала мучу, дикла, во многом потерявшие свои традиционные признаки).

В отношении чухты, например, Р. М. Магомедов пишет: «... ее упростили, приспособили к новому времени и от старого оставили только то, что не мешает труду и практически удобно»³⁶. Очень много пожилых женщин вовсе перестали носить традиционную одежду. По нашему мнению, исчезновению традиционных длинных и широких штанов, а также платья у подавляющего большинства женщин среднего возраста и части пожилых, кроме всего, способствовал природный фактор — грязь и слякоть во время дождей и таяния снега. Кроме того, общественное производство, оснащенное машинами, механизмами, станками и т. п., не позволяет ношения длинной и широкой одежды.

Указанный выше процесс на изучаемой территории в отношении мужской одежды уже завершился. Одежда мужчины и в городах и в селениях стала общегородской.

³⁵ См. С. А. Токарев. К методике этнографического изучения материальной культуры, журн. «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 8.

³⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 241.

Сейчас мужская молодежь и мужчины-переселенцы среднего возраста носят костюмы городского покроя покупные или сшитые на заказ. Небольшая часть мужчин средних лет шьют брюки-галифе на заказ. Рассматривая одежду переселенцев, следует прийти к некоторым выводам.

Национальные костюмы, как и повсюду, используются лишь в художественной самодеятельности и редко на свадьбах.

Детская одежда повсеместно стала единой общесоюзной. Лишь в отдельных случаях (больше у детей-даргинцев, нежели аварцев) встречаются традиционные стеганые курточки-безрукавки.

Наблюдается обилие разнообразных типов и форм одежды, а также богатство ее выбора; у большинства жителей имеется несколько пар костюмов и нижнего белья. Вместе с тем в силу чрезмерной изменчивости моды во многих случаях не удается более конкретно определить типы современной одежды. Зато летняя и зимняя, выходная и рабочая одежда более отчетливо различаются между собою, нежели прежде. Многие жители имеют еще и домашнюю одежду, что связано с возможностями социалистического образа жизни и быта. Ныне трудно различать по выходной одежде представителей различных социальных групп населения.

Прослеживается нивелировка возрастных различий в одежде.

Национальные особенности в одежде также сглаживаются и исчезают. Нелегко отличить по одежде представителей различных национальностей, проживающих на изучаемой территории.

Исчезла обрядовая и культовая роль одежды, кроме траурной, которая также ослабляется в силу ослабления веры в религию. На соборноздание и похороны отдельные жители (чаще молодежь) теперь приходят без головного убора и в костюмах самого различного цвета.

Ныне одежда по своим типам и формам во многом отвечает практической целесообразности и законам красоты.

Пища

Исследователи быта дагестанских горцев до Советской власти утверждали, что пища горца чрезвычайно скудная и однообразная. «О горцах, питающих свой неприхотливый желудок чем попало,—писал И. Березин,—не место говорить в гастрономическом трактате...». О скудности рациона питания горца писали также Н. Дубровин, М. Плисецкий и другие³⁷. Пища горцев — бедняков (да и не только горцев) до Октябрьской революции на самом деле была бедной и однообразной. Пищевой рацион горцев обогатился лишь после победы колхозного строя.

Особенно это характерно для жителей плоскости и переселившихся сюда горцев. Прежде в рационе аварцев и даргинцев мясные блюда занимали значительно большее место, чем теперь. Из мясных блюд предпочиталась баранина, а затем говядина и мясо домашней птицы. У переселенцев ныне мясо домашней птицы начинает вытеснять все большее место и признание в общем ассортименте мясных блюд. Это связано с резким увеличением на равнине производства этого вида мяса в общественных и личных хозяйствах.

Несравненно больше, нежели в горах, они употребляют овощи: огурцы, помидоры, редиска, морковь, редька и др., крайне редко

³⁷ «Путешествие по Дагестану и Закавказью И. Березина», Казань, 1850, стр. 112; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб., 1871, стр. 539; М. Плисецкий. Горцы Дагестана, М., 1929, стр. 16.

употреблявшиеся и употребляемые в пище горцев, является неотъемлемыми компонентами многих блюд.

Наряду с вкусными национальными блюдами переселенцы часто готовят популярное блюдо каурма (известное кумыкам и многим другим народам Кавказа), а также блюда русской и городской кухни — котлеты, шницель, рагу, гуляш, голубцы и другие.

Прежде аварцы и даргинцы почти не употребляли рыбную пищу. Ныне рыба в свежем, мороженом, соленом, копченом виде или в виде консервов употребляется всеми жителями.

В пищевом рационе многих горцев фрукты занимали значительное место. Если учесть то обстоятельство, что переселенцы в основном были в прошлом жителями высокогорных аулов, где ни садоводством, ни виноградарством люди не занимались, то на низменности они пополнили ассортимент блюд разнообразными фруктами, виноградом, бахчевыми. Широкое распространение приобрела заготовка на зиму впрок различных компотов, варенья, повидла путем собственного приготовления в домашних условиях.

Ассортимент блюд пищевого рациона зависит от сезонности. В зависимости от времени года в рационе могут преобладать те или иные продукты питания. Летняя пища состоит главным образом из мучных, молочных продуктов, яиц, овощей, бахчевых, фруктов, растительного масла и т. п. Зимой употребляются мучные изделия, мясо (в том числе частично сушеное и колбаса сушеная)³⁸, фасоль, тыква, картофель, сушеный сыр, топленое масло, компоты, варенье, повидла, сушеные фрукты, соленья и т. п.

Нет строгого разделения блюд на завтрак, обед и ужин. Но следует подчеркнуть, что по утрам предпочитают употреблять больше всего чай, молоко, яйца, сыр и другие продукты, которые можно сравнительно быстро подать на стол.

Следует подчеркнуть, что наряду с бесспорным прогрессом в диетическом, санитарном и эстетическом оформлении обеденного стола и блюд, прослеживается некоторая неприспособленность отдельных домохозяек к новым условиям быта. Например, кое-где первые блюда (супы, щи) подают в крупных пиалах, предназначенных для приема зеленого чая и других жидких продуктов. После приема трудноусвояемой пищи во многих случаях вместо чая, киселя, компота и др. подается вода. Супы, щи в отдельных семьях подают и на завтрак. Принцип «что с чем» в подаче пищи на стол нередко не соблюдается.

Итак, говоря о пище переселенцев, следует подчеркнуть, что современная их кухня сохранила большинство своих национальных черт и способы приготовления традиционных блюд. Не прослеживается исчезновение тех или иных национальных блюд, а скорее всего заметно сокращение их приготовления, а также пополнение общего ассортимента новыми блюдами поварской кулинарии и кулинарии коренных жителей низменности. Если прежде многие высококалорийные блюда являлись скорее праздничными или приготавливаемыми по особому случаю, то теперь такая пища, благодаря росту зажиточности народа, становится повседневной.

Более заметной стала сезонность в рационе питания.

Во многих случаях (главным образом у пожилых людей) прослеживается приверженность к традиционной национальной пище. К новым блюдам быстрее привыкает молодежь.

---

³⁸ Отметим, что жители гор зимой преимущественно употребляют сушеное мясо.

У жителей низменности, как и повсюду, прослеживается тенденция к экономии времени, растрчиваемого на приготовление пищи.

В поселениях с разнонациональным составом жителей наблюдается заимствование некоторых традиционных блюд переселенцев местным народом. Таким образом, происходит взаимообогащение национальной кухни аварцев, даргинцев, кумыков, русских и других народностей.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.	5
С. Ш. Гаджиева. Кумыкская женская одежда и украшения (XIX—нач. XX в.).	7
С. Ш. Гаджиева, А. Ф. Гольштейн. Жилище дагестанских теркеменцев XIX—нач. XX веков	45
А. И. Исламмагомедов. Поселение и жилища цахуров в XIX—XX вв.	69
А. Г. Булатова. Национальная одежда дагестанских цахуров	110
М.-З. Османов. Расселение и численность даргинцев в XVIII—XIX вв.	144
М. Агларов. Очерк этнографии земледелия южного Дагестана.	204
А. Кочаев. Культура и быт переселенцев Сулакской низменности	229

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ВЫП. I

Редактор **Е. И. Чернигова.**

Тех. редактор **В. А. Махулъва.**

Сдано в набор 5/IV-1974 г. Подписано в печать 11/IX-1974 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 15,25. Усл. печ. л. 21,35. Уч.-изд. л. 19,8.
С 03351. Тираж 500. Цена 1 руб. 49 коп. Бумага № 1. Зак. 115.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-ый жилгородок, корпус 10.

Цена 1 руб. 49 коп.